

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXXVI ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

**XXXVI
2024**

Москва, 4-5 апреля 2024 года

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт

Исторический факультет
Кафедра вспомогательных
исторических дисциплин и
археографии

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт всеобщей истории

Отдел специальных
исторических дисциплин

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXVI Всероссийской научной конференции
с международным участием

Москва, 4–5 апреля 2024 года

Москва
2024

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*М.Ю. Борисов (отв. секретарь), С.В. Зверев, Н.А. Комочев,
И.Г. Коновалова (отв. ред.), Е.В. Пчелов (отв. ред.),
А.А. Фадеев (отв. секретарь), А.А. Фролов,
К.С. Худин (отв. секретарь), А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

Рецензенты:

*д.и.н., проф., зав. каф. ИАИ РГГУ Т.И. Хорхордина
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН М.В. Бибилов*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Исторический ф-т, Каф. вспомогат. ист. дисциплин и археографии; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 2024. – 398 с.

В материалах сборника рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география и картография, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественнонаучного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

ISBN 978-5-94067-557-0

- © Институт всеобщей истории РАН, 2024
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2024
- © Редколлегия, составление, 2024
- © Коновалова И.Г., Пчелов Е.В., общая редакция, 2024
- © Коллектив авторов, 2024
- © Худин К.С., оригинал-макет, 2024

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередная XXXVI Всероссийская научная конференция с международным участием «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» традиционно проводится совместно Кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археологии Историко-архивного института РГГУ и Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН.

В 2024 году исполняется 85 лет со времени создания в Московском историко-архивном институте кафедры вспомогательных исторических дисциплин, которая начала свою работу перед началом нового учебного 1939/40 года под руководством её основателя профессора Александра Николаевича Сперанского (1891–1943). Вспомогательные исторические дисциплины с первых лет основания института занимали одно из важнейших мест в учебном процессе и оставались таковыми в течение многих десятилетий в рамках профессиональной подготовки историков-архивистов.

В истории института и кафедры эти фундаментальные для гуманитарного знания науки были представлены именами таких выдающихся учёных, как Н.В. Устюгов, А.И. Андреев, С.Б. Веселовский, В.К. Лукомский, Л.В. Черепнин, В.К. Яцунский, А.А. Зимин, О.М. Медушевская, А.Л. Станиславский, В.Б. Кобрин и др. Огромный вклад в сохранение и развитие этого научного направления внесла Е.И. Каменцева, ставшая автором классических учебников по хронологии, исторической метрологии, русской сфрагистике и геральдике (двух последних совместно с Н.В. Устюговым).

Состав преподававшихся в разные годы на кафедре наук включал палеографию, дипломатику, историческую географию, хронологию, историческую метрологию, сфрагистику, геральдику, генеалогию, ономастику, но, к сожалению, он не был стабильным. Периодически учебные курсы урезались, вовсе прекращали своё существование, и сегодня, как и в прежние времена, приходится, к сожалению, вновь доказывать значимость этих наук для полноценного гуманитарного образования.

В 2011 году на базе кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин были образованы самостоятельные кафедры по двум этим направлениям, сохранившие, однако, концептуальное и тематическое единство. Нашей общей истории и посвящается проводимая ныне конференция.

В начале сборника мы отдаём дань памяти одному из крупнейших специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин профессору Рэму Александровичу Симонову (1929–2023), близко связанному с кафедрой и в течение нескольких лет преподававшему на ней.

Как всегда, конференция охватывает весь широкий круг вспомогательных исторических дисциплин, продолжая традицию их сохранения и развития.

ПАМЯТИ Р.А. СИМОНОВА

А.Ю. Самарин
д.и.н., доц., зам. ген. дир. РГБ,
г.н.с. ИИЕТ РАН

Рэм Александрович Симонов (1929–2023): штрихи к творческой биографии

7 декабря 2023 года ушел из жизни Рэм Александрович Симонов — известный историк древнерусской математики и естествознания, признанный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин (хронологии, метрологии, геральдики, эпиграфики и др.), книговед и историк книги, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор (*Самарин А.Ю.* Историк науки и книговед. К 80-летию Р.А. Симонова // Библиотековедение. 2010. № 1. С. 86–88; *Он же.* Замечательный исследователь древнерусской естественнонаучной книжности // Библиография и книговедение. 2015. № 1. С. 132–134). Многие годы его связывали самые тесные контакты с кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, в 2011–2014 гг. он работал здесь в должности профессора.

Вехи биографии. Р.А. Симонов родился 29 декабря 1929 г. в городе Кзыл-Орда (Казакская АССР в составе РСФСР, ныне – Казахстан) в семье, связанной с кинематографией и культурой. Детство Р.А. Симонов провел в городе Петропавловске (Казахстан), затем жил в Оренбурге. В 1947 г. он закончил среднюю школу и стал студентом физико-математического факультета Пятигорского педагогического института, поскольку вместе с матерью переехал в этот период в Кисловодск.

В 1952 году Рэм Александрович поступил в аспирантуру при кафедре истории математики Московского государственного университета им М.В. Ломоносова. Здесь началась исследовательская работа Р.А. Симонов в области изучения истории математики и математического образования в России и славянских странах. В 1954 году увидела свет его первая публикация в журнале «Математика в школе». В 1958 году Р.А. Симонов защитил в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР кандидатскую диссертацию, посвященную педагогическому наследию выдающе-

гося русского математика XIX в. А.Ю. Давидова (1823–1886), автора популярных учебников по алгебре и геометрии для гимназий.

Следующий период жизни Р.А. Симонова (1954–1972 гг.) связан с преподаванием высшей математики в различных вузах Москвы (Московском инженерно-физическом институте, Всесоюзном заочном институте пищевой промышленности, Московском высшем пограничном командном училище, Московском автомобильно-дорожном институте, Заочном институте советской торговли). В 1962–1963 гг. Р.А. Симонов прошел научную стажировку при Софийском университете в Болгарии. Здесь он занимался изучением русско-болгарских связей в области изучения и преподавания математики.

В 1972–1978 гг. Р.А. Симонов работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела. Он возглавлял лабораторию математического обеспечения автоматизированных систем управления в архивах, позднее был сотрудником сектора прогнозирования архивной деятельности. Работы Р.А. Симонова и его коллег, написанные в этот период, предопределили последующий интерес к изучению информационных потребностей архивистов, всестороннему анализу обращений ученых к архивным фондам.

Важной вехой стала защита докторской диссертации «Древнерусские математические знания и их значение для исторической науки», состоявшаяся в 1973 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Ее одобрили официальные оппоненты, выдающиеся ученые – член-корреспондент АН СССР (впоследствии – академик) В.Л. Янин, доктор физико-математических наук, профессор А.П. Юшкевич, доктор исторических наук И.Г. Спасский.

Более 40 лет Р.А. Симонов проработал в Московском полиграфическом институте (позднее — Московский государственный университет печати, ныне — Московский политехнический университет). Он пришел в этот вуз в 1978 г. и первое время он преподавал здесь высшую математику, а с 1982 г. работал на кафедрах книжного дела и пропаганды книги, управления и экономики книжной торговли, букинистической торговли и истории книги (книжной торговли и истории книги), книжного бизнеса и др. В 1982 г. Р.А. Симонову было присвоено ученое звание профессора.

Помимо преподавательской деятельности Р.А. Симонов в последние десятилетия своей жизни работал и в научных организациях. В 2000–2003 годах он — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения Российской государственной библиотеки. С 2003 г. и до конца жизни Рэм Александрович был

ведущим, а затем главным научным сотрудником Научного центра исследований истории книжной культуры Научного и издательского центра «Наука» РАН (*Васильев В.И., Самарин А.Ю.* Научный центр исследований истории книжной культуры: основные направления деятельности // Проблемы современной книжной культуры: материалы «Круглого стола», 14 марта 2003 г. М., 2003. С. 17–21).

Долгие годы Р.А. Симонов был членом кандидатских и докторских советов в Московском полиграфическом институте (Московском государственном университете печати), Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела, Краснодарском государственном университете культуры и искусств, Российской государственной библиотеке.

Р.А. Симонов сумел проявить себя в качестве организатора научных исследований, объединяющего неформальные научные коллективы. В 1970–1980-х гг. он возглавлял проблемную группу по изучению естественнонаучных представлений Древней Руси при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР. Итогом этой деятельности стали вышедшие под редакцией учёного сборники «Естественнонаучные представления Древней Руси» (М., 1978), «Естественнонаучные знания в Древней Руси» (М., 1980), «Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. “Отреченные книги”. Астрология. Минералогия» (М., 1988). В 2006 г. он стал основателем и председателем Комиссии «Естественнонаучная книжность в культуре Руси» Научного совета «История мировой культуры» РАН. Он был членом научно-редакционных советов и редколлегии ряда изданий — «Нумизматический альманах», журнал «Номизма», журнал «Вестник РГГУ. Серия “Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований”». В качестве главного редактора им был подготовлен целый ряд выпусков научных сборников «Букинистическая торговля и история книги», «Проблемы источниковедения истории книги», «Книговедение: Новые имена» и др.

Научное наследие. Ученый оставил большое научное наследие — около 800 публикаций, увидевших свет в России и бывших союзных республиках (ныне — странах ближнего зарубежья): Белоруссии, Латвии, Молдове, Казахстане, Украине, а также в Болгарии, Мексике, Румынии, США, ФРГ. Среди них монографии, учебники, учебные пособия, программы учебных курсов, статьи, тезисы докладов, рецензии (См.: Симонов Рэм Александрович. Материалы к биобиблиографии / Автор-сост. А.Ю. Самарин. М., 2009; сер. «Российские историки науки и техники», вып. 6); *Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И.* Основные работы Р.А. Симонова, 2009–2014 гг. // Библио-

графия и книговедение. 2015. № 1. С. 134–139; *Бакун Д.Н., Самарин А.Ю. Р.А. Симонов: материалы к библиографии (2014–2019) // Библиография. 2020. № 1. С. 52–59).*

На раннем этапе творческой деятельности Р.А. Симонов изучал историю создания русской учебной книги по математике, ее влияние на учебную литературу в Болгарии и других восточнославянских странах. В частности, объектом его исследования были переводы русской учебной литературы в Болгарии.

Научные интересы Р.А. Симонова в 1960-х – начале 1970-х гг. сдвигаются в сторону изучения истории математики и математического образования в Древней Руси. Тогда был написан цикл работ ученого, посвященных числовой нумерации в кириллице и развитию математических знаний в древнерусской культуре. Затем защищена докторская диссертация. Позднее появились две монографии: «Математическая мысль Древней Руси» (М., 1977) и «Кирик Новгородец – ученый XII века» (М., 1980). Они получили высокую оценку специалистов по истории и математики и смежных дисциплин. Известный историк математики С.С. Демидов писал, что работами Р.А. Симонова «открывается совершенно новый этап в изучении древнерусской математической культуры. Большинство крупных ученых, работавших в этой области до него, были, в первую очередь, историками математики в своих подходах, методах и оценках, исходивших из современных представлений о предмете и методах математики и генеральной линии ее развития — от истоков до наших дней. Р.А. Симонов подошел к ней как историк древнерусской культуры, что позволило по-новому взглянуть на источники, казалось бы, хорошо изученные, а также существенно расширить сам их круг, введя в оборот памятники, ранее игнорировавшиеся специалистами по причине кажущейся бедности их собственно математического содержания. Однако, рассмотренные в историческом контексте вкупе с уже известными, памятники эти позволяли придти к заключениям, меняющим установившиеся представления» (*Демидов С.С. Об историко-математических работах Р.А. Симонова // Гербовед. 2000. № 2. С. 99–100).*

Любимый герой Р.А. Симонова — Кирик Новгородец, автор оригинального трактата «Учение им же ведати человеку числа всех лет», датируемого 1136 годом. Он посвятил новгородскому учёному десятки работ, изучал его влияние на древнерусских книжников последующих столетий, откликался на все новые работы о его творчестве. В 2006 г. Р.А. Симонов выступил организатором научной конференции «Календарно-хронологическая культура и проблемы её изучения: к 870-летию “Учения” Кирика Новгородца». В 2011 г. вы-

шла, во многом итоговая, книга «Кирик Новгородец: ученый и мыслитель» (в соавторстве с В.В. Мильковым). В 2013 г. в академической серии «Научно-биографическая литература» увидела свет фундаментальная монография «Кирик Новгородец — русский ученый XII века в отечественной книжной культуре».

Постоянно происходило расширение научных интересов Р.А. Симонова. Кроме истории математической мысли и связанных с ней календарных расчетов, в их орбиту попадает астрономия и медицина, а также околонуучное (сокровенное) знание, представленное астрологией, алхимией, магией и т.д. Рациональное естествознание и сокровенные знания в период средневековья не только не были изолированы друг от друга, но часто развивались в тесном взаимодействии. Отдельные попытки их изучения были у Р.А. Симонова и ранее. А.В. Чернецов замечал, что «уже в своих работах 60-х гг. Р.А. Симонов порой как бы балансирует на грани изучения рациональных и иррациональных феноменов (так, средневековую числовую тайнопись трудно отнести к области рациональных математических знаний)» (*Чернецов А.В. Работы Р.А. Симонова по истории сокровенных знаний // Гербовед. 2000. № 2. С. 106.*). В какой-то мере итоговой в этой области можно считать монографию Р.А. Симонова «Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века)» (М., 1998), которая была переиздана в 2019 году. В 2001 г. вышел том избранных работ Р.А. Симонова, получивший название «Естественнонаучная мысль Древней Руси». В нём собраны наиболее важные статьи учёного, опубликованные в предшествующие десятилетия.

Вклад в изучение вспомогательных исторических дисциплин. Большое место в творчестве Р.А. Симонова занимали проблемы разработки различных аспектов вспомогательных исторических дисциплин (*Пчелов Е.В. Р.А. Симонов и его вклад в развитие вспомогательных исторических дисциплин // Номизма. 2010. № 1. С. 9–12.*). Им написано множество работ по хронологии, метрологии, палеографии, нумизматике, геральдике. Он был непререкаемым участником ежегодных конференций по вспомогательным историческим дисциплинам, проводимых РГГУ и Институтом всеобщей истории РАН.

Важные результаты получены ученым в области изучения эволюции системы цифровых знаков в славяно-русской рукописной традиции. Р.А. Симонов изучил практически все известные средневековые славянские и русские математические рукописи и берестяные грамоты. Высокую оценку его работам в этой области давали многие отечественные и зарубежные специалисты, в том числе ака-

демик Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, Л.П. Жуковская. Неудивительно, что именно Рэм Александрович составил широко используемые специалистами по рукописной книге методические рекомендации по описанию математических текстов, встречающихся в славянорусских рукописях XI–XVII вв.

Сквозной для многих исследований Р.А. Симонова является идея об оригинальности, неподражаемости и высоком уровне развития древнерусской календарно-вычислительной культуры, включающей в себя как расчетно-вычислительную практику, так и теоретические обобщения в этой области. Последние представлены многочисленными памятниками древнерусской календарно-вычислительной книжности, которые долгое время не привлекали должного внимания ученых. Заслугой Р.А. Симонова является широкомасштабное изучение данной традиции в историко-научном, книговедческом и общекультурном планах.

Крупнейший специалист по исторической хронологии Е.И. Каменцева высоко оценивала исследования Р.А. Симонова о «календарных системах России, о первом русском компутисте Кирике Новгородце (XII в.), об истории сложения практической хронологии в связи с пасхалистикой, о счете времени в пределах суток и суточном счете времени» (*Каменцева Е.И.* Работы Р.А. Симонова по истории календаря // *Гербовед.* 2000. № 2. С. 99).

Р.А. Симонов много занимался вопросами геральдики. Е.В. Пчелов отмечал: «Целая серия статей Р.А. Симонова была опубликована в журнале “Гербовед”, что сразу же выдвинуло автора в число ведущих специалистов по символике и эмблематике в России» (*Пчелов Е.В.* Указ. соч. С. 11). Ученый был постоянным участником семинара по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам Историко-архивного института РГГУ. На его заседаниях он сделал 15 докладов (См.: *Зверев С.В., Пчелов Е.В.* Научные доклады и мероприятия Геральдического семинара: 1992–2019 гг. // Елена Ивановна Каменцева: материалы к биографии. М., 2020. С. 84–104).

Как уже было сказано, в 2011–2014 гг. Р.А. Симонов читал лекции по хронологии, метрологии, информационной эвристике для студентов Историко-архивного института РГГУ.

Немного о личном. Рэм Александрович был добрым человеком, создававшим вокруг себя прекрасный рабочий и человеческий микроклимат. Он умел генерировать новые идеи и вовлекать в творчество учеников и коллег. Список соавторов Рэма Александровича включает около 80 имен. Среди них такие маститые ученые как член-корреспондент РАН В.П. Козлов, доктор филологических наук Л.П. Жуковская, доктор исторических наук Е.И. Каменцева, доктор

философских наук В.В. Мильков, кандидат исторических наук Б.Н. Морозов и многие другие.

Ученики Р.А. Симонова защитили 4 докторские и 12 кандидатских диссертации. Среди них был и автор этих строк. Научным руководителем Рэм Александрович был уникальным. Он не навязывал свои представления, а тонко ориентировал и направлял в правильном направлении.

Наше знакомство состоялось в далеком уже январе 1995 г., во время Вторых Зиминских чтений, в здании Историко-архивного института на Никольской улице. Я, тогда студент пятого курса Московского педагогического университета им. В.И. Ленина, впервые принимал участие в научной конференции. Думая о самостоятельной научной работе, занимался поисками научного руководителя для будущей диссертации. Мне порекомендовали обратиться к Рэму Александровичу. Тогда я впервые увидел этого скромного на вид человека с простой хозяйственной сумкой в руках. Выслушав меня, он сразу сказал: «Вам нужен научный руководитель, я согласен». Как это ценно, когда в важный момент жизни получаешь положительный ответ. Спасибо Вам, дорогой Рэм Александрович, за то, что Вы были в моей жизни...

*Р.М. Абрамян
к.пед.н., Армянское
историко-родословное общество*

О родовой геральдике в Грузии XVIII в. (гербовые дипломы, пожалованные царем Карталино-Кахетии Ираклием II)

В настоящее время автору известно о семи случаях пожалования гербов царем Карталино-Кахетии (т.е. Восточной Грузии) Ираклием II:

— епископу (впоследствии католикосу) Иосифу (Овсепу) Аргутинскому-Долгорукому (из старинного дворянского рода потомственных епископов Санаина) (28.08.1783, копия, груз. текст, русск. и арм. переводы, рисунок);

— Карапету и Георгию, сыновьям Саркис-аги Аматауни (тифлисские жители, выходцы из Нуноса в Нахичеване) (1.01.1784, копия, русск. перевод);

— Оганезу Амброзиану (астраханский купец, выходец из Ирана) (15.07.1785, оригинал, рисунок);

— Шаамиру Шаамиряну (армянский купец из Мадраса, известный просветитель и общественно-политический деятель, состоял в переписке с царем) (22.03.1786, публикация на русск. и англ. языках);

— Шмавону (Симеону) Абамелеку (Тер-Шмавоняну) (из тифлисского священнического рода, выехал в России) (29.06.1788, копия, русск. перевод);

— Аветику и Семену Сергеевичам и Авраму и Ивану Хачатуровичам Ивановым (астраханские купцы, выходцы из Шемахи) (10.07.1788, копия, русск. перевод);

— Оганджану и Арютину, сыновьям Папы Мишвелова (кизлярские жители, уроженцы Тифлиса) (23.12.1788, копия, груз. текст и русск. перевод, рисунок).

Все пожалования хронологически укладываются в период с 1783 (год подписания Георгиевского трактата) по 1788 г. Обращает на себя внимание тот факт, что получателями гербовых дипломов выступали этнические армяне, как из Грузии, так и других стран.

Судя по прямым указаниям в текстах дипломов, они выдавались для представления в российскую Герольдию.

Терминология, применявшаяся при описании гербов в дипломах, была недостаточно разработанной и вызывала затруднения как у переводчиков, так и у современных исследователей. Получить лучшее представление о реальном виде гербов позволяет комплексный анализ всех текстов и сохранившихся изображений.

Насколько можно судить, щиты были преимущественно круглой формы (в трех случаях это прямо указано в тексте). Короны помещались непосредственно над щитом (в описаниях оговаривается ранг короны — дворянская/княжеская). Щитодержатели присутствуют в гербе Амагуни и, возможно, Аргутинского. Оригинальным элементом гербов являлись обрамляющие щит древесные ветви (у Мишвеловых, Амагуни, Амброзианов, возможно, Абамелеков).

Большинство гербов были одночастными. Только у Абамелеков и Амагуни щит разделен на четыре поля с малым щитком посередине. В описаниях указываются только цвета полей щита (золотое, красное, синее). Цвета фигур почти никогда не оговариваются.

По всей видимости, выбор эмблем в гербах не был случайным. В большинстве описаний присутствуют краткие обоснования выбора соответствующей фигуры и ее символическое значение. Например, изображение Богородицы в гербе Аргутинских связано со священническим происхождением, корабль в гербе Шаамиряна как и пшеничный колос у Ивановых — с изобилием и торговлей, различные виды оружия (копье, лук и колчан со стрелами, щит, булава) знаменовали «воинскую доблесть» и т.п.

Некоторые эмблемы тяготеют к значимым сюжетам истории рода или легендам, с ними связанным. Так рука с мечом в гербе Аргутинских по всей видимости намекает на прозвище их легендарного предка — персидского царя царей Артаксеркса Долгорукого (грузинское Мхаргдзели). В центральной щитке герба Абамелеков изображен «образ всех святых», указывающий, согласно описанию, на семь церквей, основанных членами этого рода. А фигура «низверженного льва с разодранной пастью» (так в источнике. — *Р. А.*) у Амагуни отсылает к летописному сюжету о происхождении от иудея «Мануе, у которого был сын огромного роста и силы, нареченный Самсоном», то есть от библейского героя Самсона, сына Маноя из колена Данова. Можно предположить, что в составлении этих гербов участвовали представители соответствующих семей, либо лица знакомые с армянской историей и генеалогией.

Как известно, геральдика была для Грузии XVIII в. новым и заимствованным явлением. Но каким образом и по каким каналам поступала геральдическая информация?

Очевидно, что, составители гербов должны были ориентироваться на какие-либо образцы, в первую очередь изобразительные. Анализ сохранившихся рисунков и описаний родовых гербов, пожалованных Ираклием II, позволяет, на мой взгляд, предположить их связь с изображениями на печатях иностранных корреспондентов царского двора.

На это могут указывать: круглая форма щитов; отсутствие внимания к цветам фигур; такие особенности композиции, как размещение нескольких наделенных самостоятельным смысловым значением фигур в единственном поле щита; парные фигуры, сопровождающие центральную (ложно понятые щитодержатели?).

Исследователями уже отмечался большой вклад царя Ираклия II в развитие геральдики в Грузии. Им был составлен проект большого герба Карталино-Кахетинского царства, включающего в себя гербы вассальных владений и приложенный к Георгиевскому трактату, модернизирован герб Багратионов, при нем геральдические элементы впервые начинают использоваться в национальной нумизматике. Как видим, вопросы родовой геральдики также находились в кругу интересов царя.

*А.Г. Авдеев
д.и.н, проф. ПСТГУ
А.В. Зубатенко,
с.н.с. ЯГИАХМЗ*

Настенный синодик Андрея Ивановича Чирикова из церкви Троицы в селе Аристово-Чириково Ярославского уезда (СІR4116)

Доклад подготовлен в рамках научного проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum» (CIR) при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и ПСТГУ (<https://www.cir.rssda.su>)

Настенный синодик окольного Андрея Ивановича Чирикова, вырезанный на белокаменной плите-вставке, находился в Троицком соборе села Аристово-Чириково Тверицкой волости Ярославской губернии (совр. Ярославский р-н Ярославской обл.) и был утрачен в XX в. В фондах ЯГИАХМЗ сохранилась его фотография (инв. № 4197), вероятно, сделанная А.А. Бобринским для планировавше-

гося тома по истории русской белокаменной резьбы. На фото плита показана извлечённой из стены. До настоящего времени фотография плиты не публиковалась.

Двухэтажный Троицкий храм был построен в 1681 г. на средства А.И. Чирикова. Плита находилась в одном из алтарей двухэтажной церкви (верхняя летняя церковь — Живоначальной Троицы с приделом во имя Апостола Иоанна Евангелиста, нижняя церковь — Казанской иконы Божьей Матери с приделом во имя Николая Чудотворца).

Настенные синодики или поминальные таблицы, относящиеся к особому типу старорусских эпитафических памятников, являются важным источником по истории поминальной культуры в Московской Руси. Правом их установки обладали ктиторы и донаторы храмов и монастырей. Первые упоминания настенных синодиков относятся ко второй половине 60-х гг. XVI в., а следующем столетии традиция их установки достигает расцвета. Настенные синодики занимали стабильное место в храме — на стене жертвенника напротив алтаря и читались во время проскомидии.

Настенный синодик Чириковых относится к разновидности ктиторских поминальных таблиц. Надпись, выполненная в технике трёхгранно-выемчатой резьбы по графье, состоит из 8 строк. В упрощённой транскрипции она читается: «Род окол(ь)ничего Андрея Ивановича Чирикова: Власия, Симеона 2ж(ды), Гаврила, сх(и)мн(и)цы Анисии, Анания, Пелагеи, Петра, Ул(ь)янеи, мон(ахини) Стефаниды, Евдокеи д(е)в(и)цы, Михаила, Терентия, Иоанна, Феодосии, Ксении, Марии, Василия, ц(а)р(е)в(и)ча Василия, боярина Ильи, боярони Екатерины, боярони Екатерины, боярина Ильи, боярыни Анны, Феодота, Анны, Андрея убиенного, схимн(и)цы Марфы, Андрея, Марфы, Дмитрия 2ж(ды), Парасковии».

Имена людей, внесённые в настенный синодик, распределяются на три группы — 1) прямые родственники Андрея Ивановича Чирикова; 2) люди из окружения Андрея Ивановича Чирикова; 3) люди, не являющиеся родственниками Андрея Ивановича Чирикова. В первой группе лица распределены по следующей схеме: муж — жена — дети, начиная с Власия Фёдоровича Чирикова, прапрадеда Андрея Ивановича Чирикова и заканчивая Василием Петровичем Чириковым, двоюродным братом храмоздателя. Основой для отождествления имён представителей рода Чириковых, внесённых в настенный синодик, является поколенная роспись, поданная храмоздателем, Андреем Ивановичем Чириковым, в Палату родословных дел во второй половине 80-х гг. XVII в. Во второй группе названы

царевич Василий Михайлович и представители рода Милославских, с которым А.И. Чириков был тесно связан, — Илья Данилович, его жена Екатерина и дочь Анна. Имена, включённые в третью группу, точному отождествлению пока не поддаются.

Расцвет деятельности А.И. Чирикова пришёлся на время правления Фёдора Алексеевича, когда Иван Михайлович Милославский, ставший всесильной фигурой при молодом царе, в 1676–1677 гг. получил под управление ключевые приказы, которые ведали финансами страны, и занялся реформами налогового обложения. В «команду реформаторов» наряду с А.И. Чириковым вошли думный дьяк Аверкий Кириллов, его сын Яков, а также родной брат А.И. Чирикова Иван, назначенные вторыми судьями приказов, управлявшихся И.М. Милославским. После падения последнего карьера А.И. Чирикова пошла на убыль. Умер 23 апреля 1689 г.

А.Г. Авдеев
д.и.н., проф. ПСТГУ
А.В. Энговатова
к.и.н., зам. директора ИА РАН

К вопросу о мастерах серебряного дела в Троице-Сергиевом монастыре в 40-е гг. XVI века

Доклад подготовлен в рамках научного проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum» (CIR) при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и ПСТГУ (<https://www.cir.rssda.su>)

Вопрос о существовании в Троице-Сергиевом монастыре серебряных мастерских в XVI в. за недостатком источников не привлекал внимания исследователей. Из Жития архимандрита Дионисия (Зобниновского), бывшего настоятелем этой обители в 1610–1633 гг. известно, что наряду с другими профессиональным мастерами он нанимал искусных сребросечцев, которые получали от него заказы по ремонту обветшавших кадил, крестов и богослужебных сосудов, а также по «строительству» новых, которые «вмѣсто мѣдного и оловяного» направлялись в «по всѣмъ троицкимъ предѣльнымъ церквамъ <...> и в приписные монастыри», разорённые во время Смуты или отстроены заново. Мастера не входили в число насельников Троице-Сергиевой обители, так как получали вознаграждение из келейной казны прп. Дионисия, излишек же изделий пополнял монастырскую казну (Житие архимандрита Троице-

Сергиева монастыря // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI — начало XVII в. СПб., 2006. С. 372, 374).

Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 г. сообщает о кельях, в которых жили «серебряники для монастырского серебряного дела», очевидно, насельники обители. Их жилище располагалось на втором этаже гостиных келий у восточной стены. Опись сообщает также о закупках ртути и меди, необходимых для обработки серебра, а также о мастерах-мирянах, живших в окрестных монастырских вотчинах (Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года / Изд. подг. Л.А. Кириченко, С.В. Николаева. М., 2020. С. 505, 506, 568, 597, 635).

Сведения эти, однако, относятся к царствованию Михаила Фёдоровича и могут быть оценены двояко — либо как свидетельство об отсутствии в Троице-Сергиевом монастыре мастеров-серебренников как следствие Смутного времени и о мерах, принятых прп. Дионисием для возобновления серебряного дела в Троице-Сергиевом монастыре, либо как его организация «с нуля».

Независимым свидетельством о существовании в обители производства серебряных изделий является верхняя часть белокаменной надгробной плиты, найденная во время раскопок Института археологии РАН в 2022 г. Плита обнаружена к востоку от алтаря церкви прп. Сергия Радонежского с трапезной. Раскоп 67, уровень -583/-612, над погребением 170 (?). Номер по полевой описи 93. Эпитафия, вырезанная на плите, гласила: «Лета 7053 [1545] апреля 21 дн(я) преставис(ь) инок Б(о)голец, серебряной мастер».

Таким образом, данный эпиграфический памятник свидетельствует о проживании и работе в монастыре во второй трети XVI в. иноков, являвшихся мастерами по изготовлению серебряных изделий. Можно предполагать, что серебряные мастерские Троице-Сергиева монастыря по вполне естественным причинам прекратили деятельность в Смутное время, и их работа была возобновлена при прп. Дионисии Зобниновском, который нанимал мастеров-ювелиров со стороны. Уже при его преемниках основную рабочую силу в этих мастерских составляли специалисты — насельники монастыря, проживавшие в отдельных кельях, и миряне, проживавшие в монастырских вотчинах.

Вопрос об ассортименте изделий и их вероятном количестве, видимо, может быть решён путём анализа серебряных предметов, происходящих из Троице-Сергиева монастыря и хранящихся в музейных коллекциях России.

Товарищество товаро-пассажирского пароходства по реке Оке И.И. Фанталова в городе Муроме

Объединение капиталов и укрупнение пароходств в начале XX в. показали необходимость перехода к новым гражданско-правовым формам частных предприятий. Прежде единоличное (или семейное) небольшое «Пароходство И.И. Фанталова» (известна грузовая «Росписка» от 31 июля 1901 г.) было преобразовано в паевое товарищество. Устав его был утвержден 14 декабря 1901 г.: «Для продолжения и развития принадлежащего крестьянину села Карачарова, Муромского уезда, Владимирской губернии Илье Ивановичу Фанталову товаро-пассажирского пароходства по реке Оке, а также для приобретения других пассажирских, товарных, буксирных и судоспасательных пароходов и судов учреждается в городе Муроме Товарищество на паях под наименованием: «Товарищество товаро-пассажирского пароходства по реке Оке И.И. Фанталова». Основной капитал должен был составить 200 000 рублей, разделенных на 800 паев, по 250 рублей каждый с купонами на 10 лет (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отд. 1. № 20.834).

Отец учредителя пароходства, потомственный почетный гражданин города Мурома, купец 2-й гильдии Иван Васильевич Фанталов происходил из семьи разбогатевших крестьян села Карачарово и был известен как хлебный судопромышленник. Сам Илья Иванович Фанталов в дальнейшем тоже числился муромским купцом.

Компания, зарегистрированная в конце 1901 г., действия открыла 1 сентября 1902 г., осуществляя грузопассажирские перевозки по реке Оке на линии Нижний Новгород – Муром. Основным грузом являлись хлеб и зерно.

Состав правления: директор-распорядитель Илья Иванович Фанталов, директора Николай Макарович Емельянов и Александр Диомидович Голубев.

В состав предприятия товарищества входили пароходы «Михаил» и «Муром» (первоначально значились за пароходством Сухарева-Фанталова), «Проворный» и «Быстрый» (ранее принадлежавшие А.Д. Голубеву), «Михаил II», «Внук Михаил», «Дмитрий», «Леонид», собственные баржи, коломенки и пристани, в том числе «фанталовская» пристань в Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы на реке Ока.

Контора пароходства располагалась в городе Муром.

Баланс предприятия на 1 декабря 1903 г. составлял 252 500 рублей. В активе значились пароходы и суда стоимостью 110 300 рублей, движимое и недвижимое имущество – 22 500 рублей, запасы материалов – 8 000 рублей. Доход от работы пароходов в 1902 году составил 130 100 рублей, однако дивиденд за 1902/1903 операционный год выплачен не был (Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. Под ред. В.М. Дмитриева-Мамонова СПб., 1905. С. 1386–1387).

Для формирования 200-тысячного уставного капитала товарищество получило разрешение выпустить 800 именных паев номиналом в 250 рублей. Паи распределялись между учредителем товарищества И.И. Фанталовым и приглашенными им к участию лицами. Владельцы судового имущества, передаваемого товариществу, вместо денег могли оплатить паи упомянутым имуществом. Каждые 20 паев давали право одного голоса при голосовании на общем собрании пайщиков. Владельцами паев не могли быть лица иудейского вероисповедания. Условие это должно было быть обозначено на самих паях (напечатано на обороте временных свидетельств в качестве примечания).

В течение шести месяцев после опубликования устава участники обязаны были внести по 100 рублей (40 % стоимости пая) и получить временные свидетельства. Сроки и размер следующих взносов назначались общим собранием пайщиков, но не позже двух лет. Первый взнос был назначен на 2 сентября 1902 г., второй (также в размере 40 %) на 25 января 1903 г. Взносы по паям отмечались на временных свидетельствах, которые при последнем взносе должны были быть заменены паями, отпечатанными в Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Почти через два с половиной года, а именно 7 апреля 1904 г. правительство разрешило продлить срок взноса оставшихся 20 % стоимости паев, что составляло всего по 50 рублей за пай (Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1904 г., № 22, ст. 367). Допустимо предположение, что деньги полностью так и не были внесены. По этой причине паи оказались не выпущенными. Сведениями об их наличии в музейных или частных коллекциях автор не обладает.

Известно о существовании только нескольких временных свидетельств «Товарищества товаро-пассажирского пароходства по реке Оке И.И. Фанталова», подлежащих замене на паи после полной оплаты.

В 1905 г. предприятие Ильи Ивановича Фанталова было ликвидировано и перешло в руки двух пайщиков – представителей известной купеческой муромской семьи Зворыкиных – Константина Николаевича (временное свидетельство на его имя представлено в фотоархиве московского коллекционера Ф.Ф. Иванкина) и его жены Елизаветы Александровны (свидетельство на ее имя хранится в собрании акционерного коммерческого банка «Центрокредит»).

*И.С. Агафонов
независимый исследователь, н.с. ГПИБ*

Городские пожары в памятниках местного летописания XVI века

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-18-00218

В период Позднего Средневековья и Раннего Нового времени в России отношение к «бедам» находило отражение в письменной традиции, фиксирующей различные стихийные бедствия, неблагоприятные инциденты или знамения, которые должны были указать на то или иное направление Божьей воли. Одной из категорий, отложившихся в малых формах летописания XVI в. стали городские пожары. Их описания стали показателем заинтересованности местных книжников в общерусских событиях, внимание к которым часто обуславливалось замыслом автора.

События одного из крупнейших городских пожаров первой половины XVI в. – московского пожара 1547 г. – отразились в двух памятниках летописания эпохи, написанных лицами, работавших без прямого контроля со стороны светских или церковных властей – Постниковском летописце и Летописце Игнатия Зайцева. Сведения двух произведений уточняют разные детали распространения пожара. Разрядный дьяк Постник Губин пишет о пожаре «в Новом городе... в Молотильном ряду меж Ильинского хресца и меж Варварского», дополняя рассказ слухами о «зажигальниках» и «сердечниках», убивающих горожан (*Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 227). Детальное описание сожженных мест завершается освещением бегства князя, митрополита и бояр из города. В то же время волоколамский книжник Игнатий Зайцев сообщает сведения о пожаре на Китай-городе, где посады прогорели вплоть до Яузы, и пожаре в Чудовом монастыре, комментируя свидетельства фразой: «старые люди за многие лета не помнят таково пожару» (*Зимин А.А.* Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950.

Т. 5. С. 16). Помимо этого, о пожаре 1547 г. сохранилось несколько кратких свидетельств в Соловецком летописце конца XVI в. и Летописных записках эпохи опричнины.

Нашел отражение в памятниках местного летописания XVI в. также и московский пожар 1571 г. Поздние приписки неизвестного книжника к Летописцу Игнатия Зайцева уточняют маршрут его распространения и последствия: «новый монастырь выжег, посады пожгли и от посадов; и в Китае и в Старом городе дворы выгорели и людей безчислено множество погорело и лошадей, смрад был велик» (Там же. С. 21–22). Ему вторит и автор Опричного летописца — памятника, введенного в оборот В.И. Корецким в связи с особым подходом книжника к описанию событий опричной эпохи, сообщая, что «по грехом наших Москва в три часа все сторела... и Москва река мертвых не пронесла; в три часа Москва згорела вся; город, церкви и люди» (*Корецкий В.И.* К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники. М., 1984. С. 111–112). Событие, подобное московскому пожару 1571 г., оказалось куда более разрушительным и значимым, чтобы фиксировать его обычным кратким сообщением. Кроме того, ввиду особых подробностей пожара, оба автора вероятно могли наблюдать это явление или присутствовать в Москве вскоре после пожара или во время бедствия.

Помимо крупных столичных пожаров, в местном летописании XVI в. нашли отражение также и куда более локальные события. Так, Соловецкий летописец конца XVI в., отмечал московский пожар 1560 г. и пожар в Угличе 19 июня 1569 г. (*Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 235–236). Схожие свидетельства о московских пожарах, но уже первой трети XVI в. можно обнаружить и во Владимирском летописце (ПСРЛ в 43 т. Владимирский летописец. Новгородская II летопись. Т. 30. М., 2009. С. 142, 144–145). В одном из летописчиков Михаила Медоварцева упоминается также крупный пожар в Новгороде, в ходе которого выгорела вся торговая сторона города, а также «людей згорело 2700» (*Сиренов А.В.* Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 330). Уникальное известие о городском пожаре присутствует в тексте Летописца Извольских, где автор упоминает о взрыве бочки с порохом на Пятницких воротах Тулы в 1568 г. (*Белов Н.В.* Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 184).

Больше всего по материалам местных памятников летописания XVI в. с пожарами пришлось столкнуться Соли Вычегодской. В го-

родском летописце фиксируется пять пожаров, произошедших в период с 1540-х по 1570-е гг.:

1) городской пожар 1544 г. с локализацией места пожара: от «Гаикова церкви на площади» до Борисоглебского монастыря;

2) пожар в Чернигове «у Соли» 1546 г., из-за чего город сгорел без остатка;

3) городской пожар в 1553 г.

4) городской «пожар бабин» в 1565 г.

5) крупный городской «пожар Строгонов» в 1579 г., когда сгорело 500 дворов и 10 церквей (*Овсянников О.В., Рождественская М.В.* Сольвыгодский летописец как историко-архитектурный и географический источник // ВИД. 1991. Т. 22. С. 228–229).

В сравнении с иными бедствиями, городские пожары оставались наиболее актуальной проблемой для жителей России эпохи Позднего Средневековья и Раннего Нового времени. Поэтому свидетельства о городских пожарах отразились в местных памятниках летописания XVI в. гораздо в большем количестве, нежели описания эпидемий, «гладов» или различных чудес, которые обнаруживали себя несколько реже. Заметно, что региональные книжники были заинтересованы в освещении наиболее крупных бедствий, сведения о которых были им доступны. Одни авторы оказывались свидетелями происшествий, другие — излагали дошедшие до них слухи. В отдельных случаях, когда у книжника были свои источники информации, его записи становились более пространными, добавлялись новые сведения, позволяющие локализовать время и место начала пожара.

Л.И. Акимова

доктор искусств., вед. науч. сотр.

ГМИИ им. А.С. Пушкина

Мяч в ритуальной системе расписных ваз Южной Италии IV в. до н.э.

Одним из наиболее ярких проявлений позднеклассического искусства Великой Греции стали расписные вазы погребального назначения. Особое место среди них занимали сосуды (кратеры, амфоры, гидрии, пелики) с изображением умерших в героонах-наисках, в окружении адорантов с подношениями. При стандартизации человеческих фигур и все возраставшем к концу IV в. до н.э. количестве изображенных предметов (фиал, лутериев, ларцов, зеркал, вееров,

гирлянд, теней и т.п.) «язык вещей» стал вытеснять «язык людей»: изобразительная система ваз чрезвычайно усложнилась и приобрела символический смысл.

Мяч получил в ней особое место. В большинстве античных свидетельств он связан с девушками брачного возраста. Исследования фессалийских монет из Ларисы и Трикки, кон. V – нач. IV вв. до н.э. (серебряные оболы), показали, что изображенные на их реверсах девы с мячом отражают обряд инициации, представляя эти города как «богатые невестами», способными рожать здоровых, полноценных детей (*Griesbach J. Ballspielerinnen auf thessalischen Münzen. Ein Zeitvertreib als öffentliche Angelegenheit? S. 23–25; <https://doi.org/10.4000/pallas.25139>*).

Контекстуальные связи мяча на вазах раскрываются в его коммуникациях с такими ритуальными вещами, как *фиала, зеркало, вепер, открытый ларец, тения, алабастр*. Адорант или умерший часто держат его под большой фиалой (*Trendall A.D., Cambitoglou A. The Red-Figured Vases of Apulia. Vol. II. Oxford, 1982. Pl. 271.4*), или же он лежит на земле, рядом с водными символами (*Ibid. Pl. 270.3*), что говорит о мяче как «вещи Низа», некоем зародыше жизни. Но в то же время он и «вещь Неба», часто помещаемая рядом с головой умершего (*Ibid. Pl. 296.1*), близ связанного с ритуалом перехода «окна» (*Ibid. Pl. 328.1*). Сферическая форма мяча (др.-греч. *sphairos*) ассоциировалась с *головой* человека, отделенность которой намекала на древний ритуал декапитации, лежащий в основе *сотворения мира*; он широко представлен в греческом искусстве на примере хотя бы отчленения головы Медузы. Голова выступает как «созревший плод», снятый с человеческого тела, аналога Мирового дерева.

Связь Низа с Верхом в ритуальной истории мяча объясняет его частое соседство с *открытым ларцом* (*Ibid. Pl. 205.2*) — символом «открытого лона» рождающей Богини-матери, которой в Южной и Италии и Сицилии представлялась Владычица вод, Афродита. Она создавала из хаоса космос, порождала и возрождала все сущее. Для перехода из Нижнего мира в Верхний мяч должен был пройти путь, понимаемый как процесс биологического *зачатия-рождения*. Владычица вод, представляемая некой матрональной «невестой», на вазах встречает прибывшего к ней обнаженного «странника-жениха», и их предстоящий союз отражается в «диалоге» множества ритуальных вещей, в числе которых и мяч. «Невеста» часто держит его *на бедре* (*Ibid. Pl. 189.1*), словно направляя движение в свое «открытое лоно», чтобы он, как семя, зачал в ней новую жизнь. И жизнь зачинается, судя по таким символам пифагорейской реинкарнации, как *цветы, прорастающие кусты и деревья, животные и птицы*.

Близкое соседство мяча с птицей (*Ibid.* Pl. 152.1) наводит на мысль, что он отправлялся в «лоно» как семя, а вылетал из него реинкарнированным, в образе птицы.

В античных обрядах с мячом (*sphairostikē*), превратившихся после Гомера в развлечения с налетом эротики, оказалось утрачено главное – *цель*, в которую должен попасть мяч: то *кольцо*, *круг*, *обруч*, *венчик*, через которые он должен пройти, как сквозь вульву, чтобы попасть в «материнское лоно» [мяч у Гомера в эпизоде с Навсикаей (Одиссея. VI. 115–117) сохраняет архаический смысл: он «в волны шумящие прятнул», и тотчас очам Навсикаи-«невесты» предстал «странник-жених» Одиссей].

Первичный смысл игры в мяч сохранился у индейцев Мезоамерики, древнейшая культура которых, ольмеков, хронологически параллельна культуре микенских и исторических греков: 1200–400 до н.э., а средняя классика майя-киче, от которой дошли наиболее яркие свидетельства (игровые площадки, изображения рельефов и ваз, надписи, эпос «Пополь-Вух», 16 в.), датируется 450–700 гг. н.э. Основной сюжет эпоса связан с двухэтапной игрой-инициацией в мяч двух пар близнецов с богами преисподней в центре мира, в водной пещере Шибальбе (Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. Пер. с языка киче. Изд. подготовил Р.В. Кинжалов. М., 1993). Первые погибают, вторые побеждают. Мяч понимается как отсеченная *голова светила*; победители превращаются в Солнце и Луну). Но мяч это и *плод-семя*, от которого беременеет проходящая под ним девушка (Там же. С. 40).

Первичным воплощением Владычицы вод в Мезоамерике была богиня Луны. Предположительно играли индейцы только на равноденствия, причем весеннее (начало периода засухи) означало смерть Солнца (жертвоприношение его воплощения), а осеннее – его возрождение (через смерть богини Луны, представляемой вождем проигравших) (*Cohodas M. The Symbolism and Ritual Function of the Middle Classic Ball Game in Mesoamerica // American Indian Quarterly*, 1975. Vol. 2. No. 2. P. 109). Мяч игроки всегда прогоняли через *кольцо* (*Бородатова А.А. История и семиотика индейских культур Америки. М., 2022. С. 156*).

Несмотря на хронологическую и географическую разницу культур, на несходство обрядов и искусства, ритуальная сущность мяча у греков и майя-киче родственна. Становится понятной и роль связанных с мячом вещей на греческих вазах: *зеркало* символизирует космическое состояние вод (дают отражение), *веер* расчищает путь для семени-головы-мяча в «лоно Владычицы» (ср. индейские «махалки» из перьев); *алабастр* и изливаемая из него жидкость –

поток «небесного семени»; *ленты-тени* – символ крепости «брачных уз», символ пути, проходимого семенем-плодом, а также символ небесного дождя как оплодотворяющей Низ субстанции (у индейцев это змеи – дождевые струи).

Г.А. Александрійский
магистрант, НИУ ВШЭ

Топонимия Москвы на рубеже XX–XXI вв.: основные тенденции в наименовании новых улиц

Пересмотр советской идеологии, а также возросший интерес к дореволюционной истории, пришедшие на последнюю четверть XX в., нашли отражение в топонимии Москвы. Ярким явлением городской жизни стало возвращение более 100 старомосковских названий, утраченных после 1917 г. Мы же рассмотрим новые топонимы, то есть названия улиц, появившихся после «перестройки» и застроенных в 1980–2000-е гг.

В 1985 г. территория Москвы вышла за пределы Московской кольцевой автомобильной дороги (граница по МКАД была установлена с 1960 г.), началась застройка новых территорий, а также присвоение им названий.

В 1997 г. вступил в силу Закон города Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы». Девятая статья закона закрепила ряд требований для новых топонимов. Например, название улицы должно было «содержать информацию об историко-культурном развитии района, города или Российского государства», «соответствовать особенностям ландшафта города», «органически включаться в существующую городскую топонимическую систему», «быть мотивированным и заключать в себе необходимый объём топонимической и пространственно-ориентированной информации». Мемориальные названия (посвящённые конкретному человеку) могли присваиваться «только новым улицам и по истечении не менее десяти лет со дня смерти указанных лиц». Заметим, что последний пункт статьи неоднократно нарушался. Так, в августе 2004 г. в Москве появилась улица Кадырова, названная в честь президента Чеченской Республики А.А. Кадырова (погибшего в мае того же года), а в августе 2008 г. — улица Солженицына (со смерти А.И. Солженицына прошло менее месяца). В октябре 2008 г. в закон были внесены поправки, фактически отменившие 10-летний срок для мемориальных названий (при

наличии соответствующей «рекомендации» от Президента Российской Федерации или Мэра Москвы).

Рассмотрим районы Куркино, Митино и Северное Бутово — все три района были образованы в 1995 г. на территориях, вошедших в городскую черту в 1985 г. Районы были застроены в 1980–2000-е гг. и, следовательно, могут представлять новую топонимию, отличающуюся от позднесоветской традиции (ранее автор изучил московскую топонимию эпохи «застоя» на примере Кунцевского, Севастопольского и Волгоградского районов). Для сравнения будем использовать категории топонимов, предложенные М.В. Горбаневским в статье «Основные тенденции развития топонимии Москвы в советский период» (1985). Всего на территории районов Куркино, Митино и Северное Бутово расположено 84 улицы.

Итак, ведущей тенденцией топонимии Москвы 1980–2000-х гг. стало **появление названий, основанных на топонимах, существовавших до застройки района**: они составили 61,8% от новых названий (11% в эпоху «застоя»). Например, улица Поляны получила название по деревне Поляны, а Новотушинская улица — по посёлку Новотушино.

С большим отрывом следуют **мемориальные названия** — 16,7% (38% в эпоху «застоя»), при этом чуть менее половины составили герои войн, как и ранее. К таким топонимам отнесём улицу Генерала Белобородова и Бульвар Дмитрия Донского. Учёные составили 4,8% (2,6% в эпоху «застоя»), а деятели культуры — 2,4% (4,6% в эпоху «застоя»). 4,8% топонимов были посвящены группе лиц или организации, а в рассмотренных районах — вооружённым формированиям (4,6% в эпоху «застоя»). Приведём в пример Ратную улицу или улицу Зенитчиков.

География (бывшего) СССР и стран Варшавского договора всё ещё появлялась на карте Москвы, однако в четыре раза реже, чем раньше: топонимы из этой категории составили 9,5% от новых названий (38,5% в эпоху «застоя»).

Также 4,8% названий **отражали индивидуальные особенности местности** (3,7% в эпоху «застоя»). К таким топонимам отнесём улицу Соловьиная Роща и Дубравную улицу.

Появились новые категории, например, **геральдические**, в названии которых обыгран герб района (Ландышева улица), или мемориальные названия **в честь владельцев имений**, ставших частью района (Воротынская улица по владельцу села Куркино князю И.А. Воротынскому).

Любопытно, что в рассматриваемый период топонимия Москвы сохранила и развила советскую традицию **локально-**

тематических и локально-географических групп, описанную М.В. Горбаневским и Г.П. Смолицкой в книге «Топонимия Москвы» (1982). Так, Бульвар Дмитрия Донского, посвящённый московскому князю, который одержал первую победу над татарами, оказался рядом с Куликовской улицей (победа одержана на Куликовом поле). Ратная улица напоминает о том, как на Руси называлось войско (рать). Улица Грина, названная в честь писателя А.С. Грина, соседствует с несколькими «крымскими» названиями: Коктебельская улица, Старокрымская улица, Феодосийская улица (жизнь и творчество Грина, как известно, были тесно связаны с Крымом).

А.И. Алексеев

д.и.н., зав. Отделом рукописей РНБ

Майор А.И. Ушаков — куратор строительства кораблей для Балтийского флота

*Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ
в рамках проекта № 23-18-00420 «Новые люди Новой России:
антропология морской державы в первой половине XVIII в.»*

А.И. Ушаков (1672–1747) являлся ровесником царя и принадлежал к узкому кругу лиц, пользовавшихся исключительным доверием Петра на протяжении всей жизни. Известно несколько десятков адресованных А.И. Ушакову царских писем. В составе Эрмитажного собрания Отдела рукописей РНБ находится сборник писем Петра Великого, адресованных А.И. Ушакову (РНБ. Эрм. № 403). Рукопись по водяным знакам бумаги («Герб Сиверса» графский с литерами «ГКС» малой формы; «Про патриа» с литерами «J Honig & Zoopen») может быть датирована временем не ранее 1765 г. (*Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 46. № 196; С. 85. № 1144) Как явствует из записи на первом листе, рукопись представляет собой сборник копий, изготовленных непосредственно из документов личного архива графа А.И. Ушакова, хранившегося у его дочери. Сборник принадлежал князю М.М. Щербатову и, вероятно, был изготовлен по его заказу (*Афферика Д.* К вопросу об определении русских рукописей М.М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1980. Т. XXXV. С. 390).

К 1710 г. А.И. Ушаков приобрел исключительное доверие Петра I и стал получать важнейшие задания царя. Чрезвычайно харак-

терно, что ему поручался контроль за деятельностью высокопоставленных лиц: фельдмаршала Б.П. Шереметева, генерала И.И. Бутурлина и гетмана Скоропадского, московского губернатора А.П. Салтыкова.

После возвращения из продолжительного заграничного путешествия в октябре 1717 г. в Петербург, царь приказал явиться туда А.И. Ушакову со всем нерешенными делами (РНБ. Эрм. № 403. Л. 47). Как следует из царских писем от января 1718 г. А.И. Ушаков стал курировать кораблестроение в Петербурге, а также комплектование флотских экипажей. В росписи мастеровых, которые были назначены для работ на Партикулярной верфи, содержится определение: «А искать и поставить к смотру господину майору Ушакову» (РНБ. Эрм. № 403. Л. 47 об.). В указе от 17 января 1718 г. именно А.И. Ушакову предписывалось дать займы князю Петру Ивановичу Прозоровскому 150 000 рублей для передачи в Адмиралтейство (РНБ. Эрм. № 403. Л. 49). Указ, данный А.И. Ушакову 27 мая 1719 г., наделял его самыми широкими полномочиями для обеспечения контроля за строительством кораблей. Надлежало привести в полную готовность два линейных корабля к осени 1719 г., а к началу кампании 1720 г. ввести в строй еще 5 линейных кораблей (РНБ. Эрм. № 403. Л. 49 об.). На Ушакова возлагались обязанности обеспечить строительство всеми необходимыми материалами, а также: «Смотреть дабы плотников было по указу довольно и, чтоб оные были довольны». Особый контроль предложено было обращать на деятельность кораблестроителей: «Смотреть, чтоб господа мастера почаще были, и прилежнее работали, а поменьше гуляли». Заключительные строки указа звучали следующим образом: «Сие, ежели исправите, за добрую викторию вам причтено будет, ибо нечем виктории ссыкивать, когда флот не в состоянии» (РНБ. Эрм. № 403. Л. 50).

В письме царя от 2 июля 1719 г. имеем важное свидетельство о, своего рода, конфликтах на производстве. В ответ на письмо Ушакова, в котором он излагал аргументы корабельного мастера Пангалло, царь с позиции собственной компетенции в области кораблестроения, писал: «что «Леферма» вытащить на геленг нельзя, бутто для того, что оной геленг делан для «Полтавы», но сие весьма вранье, ибо геленг делаетца на всякие корабли, какой глубины они б не были» (РНБ. Эрм. № 403. Л. 50 об.). Помимо надзора за строительством кораблей и работами в корабельных лесах, в ведении А.И. Ушакова находилось производство всего комплекса работ по устройству водных путей сообщений, от которых зависела жизнь в новой столице. В письме от 18 июля 1719 г. царь Петр указывал А.И. Ушакову, что московский гарнизонный полк, назначенный

на устройство бечевника, был передан А.И. Ушакову для заготовки корабельных лесов (РНБ. Эрм. № 403. Л. 51). Соглашаясь с приоритетом этих работ, Петр приказывал выделить на устройство бечевника два батальона из финляндских драгунских полков. Он также возлагал на А.И. Ушакова контроль за строительством каналов в адмиралтействе и казарм для мастеровых. В письме от 9 сентября 1719 г. Петр особо предостерегал А.И. Ушакова принять все меры против надвигающегося шторма, дабы исключить разрушение плотины около Адмиралтейства (РНБ. Эрм. № 403. Л. 52).

Надзор над строительством кораблей оставался важной функцией А.И. Ушакова и в период, когда он наряду с П.А. Толстым, активно руководил Тайной канцелярией. Между последними письмами помещена «Роспись собственноручная государева о шафирах и ундер-шафирах». При этом составитель сборника счел необходимым отметить: «а коего года и куда они были употреблены, того не означено». Проанализировав указанные фамилии, можно заключить, что перед нами часть «Росписи» свадьбы герцога Фридриха Вильгельма Курляндского и царевны Анны Иоанновны, состоявшейся 31 октября (11 ноября) 1710 года. А.И. Ушаков фигурирует там в перечне шаферов в паре с капитаном П.И. Сиверсом. Известно, что на этой свадьбе роль шаферов и ундер-шаферов исполняли морские офицеры и офицеры гвардии Преображенского полка (Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XVIII вв. М., 2001. С. 217).

Введение в научный оборот писем Петра Великого А.И. Ушакову, начатое трудами академика А.Ф. Бычкова, является актуальной задачей, способствующей лучшему пониманию Петровской эпохи и ее деятелей.

Н.А. Алексеенко
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н.,
в.н.с. Института археологии Крыма РАН

Пестрота и толерантность крымского денежного рынка в эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени

Особенности и специфика денежного обращения Крымского полуострова в поствизантийский период и Новое время уже не раз были отмечены в научной литературе (библиографию см.: *Алексеенко Н.А.* Вторая жизнь некоторых иноземных монет в средневековом

Крым // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2021 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2021. С. 56–61). Примечательно, что весьма близки по пестроте своего состава и денежные рынки других регионов Северного Причерноморья, например, Тамани (*Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н.* Новые находки средневековых монет на территории Таманского полуострова. Часть III // «ПриПОНТИйский меняля: деньги местного рынка». VIII Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции. Симферополь, 2021. С. 81–84 (с библиографией предшествовавших публикаций); *Чхаидзе В.Н.* Европейские монеты первой половины XVII в. на Таманском полуострове // «ПриПОНТИйский меняля: деньги местного рынка». X Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции. Симферополь, 2023. С. 255–262).

При доминировании монет Крымского ханства в Таврике достаточно существенный сегмент нумизматических находок приходится на привозные западноевропейские монеты. Их география весьма обширна: от эмитентов итальянских королевств и республик, господарей Валахии, Трансильвании и Молдовы до правителей Пруссии, Речи Посполитой и шведской Прибалтики. Особую нишу здесь занимают и монеты Руси (см.: *Алексеевко Н.А., Зверев С.В.* Русские монеты XV – начала XVIII в. на территории Крыма: ретроспектива и перспективы находок // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования» Сборник материалов Шестой Международной научной конференции. СПб. 2023. Вып. VI. С. 265–270).

Очевидно, накопление материала в дальнейшем всё-таки позволит с большей уверенностью говорить об обращении в Крыму в том числе и иностранных денег. В пользу данного тезиса, на наш взгляд, достаточно красноречиво свидетельствуют и факты выявления среди последних фальшивых экземпляров.

Сегодня список иноземных монет можно дополнить ещё несколькими западноевропейскими монетами, найденными на Юго-Западе полуострова.

Первая, самая ранняя в этой группе, относится к выпускам Речи Посполитой.

1. Коронный полторац (AR), Сигизмунд III Ваза (1587–1632), Быдгощ, 1625 г. (аналог типа см.: *Kopicki E.* Monety Zygmunta III Wazy. Szczecin, 2007. S. 76, nr. 384).

D – ок. 19 мм; вес – 0,95 г; соотношение осей – 4 час.

Такие монеты хорошо известны в Крыму по находкам в разных районах полуострова.

Следующие три экземпляра принадлежит Прибалтийским эмиссиям шведского короля Густава II Адольфа (1611–1632).

2. Дрейпёлькер (AR), Густав II Адольф, Элбинг 163(2?) г. (аналог типа см.: Dutkowski J., Suchanek A. *Corpus Numorum Civitatis Elbingensis*. Gdańsk, 2003. S. 162–164. Nr. 657–679).

D – ок. 19,5 мм; вес – 0,92 г; соотношение осей – 2 час.

Данный номинал чеканки Элбинга в Крыму зафиксирован впервые. Значительные следы потёртости монеты и отсутствие каких-либо следов вторичного использования в качестве украшения или нашивки для одежды, с нашей точки зрения, вполне очевидный признак достаточно длительного хождения данного экземпляра на рынке, очевидно, в том числе и в Крыму.

3. Шиллинг (Bill), Густав II Адольф, Рига, 1626 г. (аналог типа см.: *Haljak G. Livonian coins XIII–XVIII century*. Tallinn, 2011. Part II. P. 234. Nr. 1469).

D – 15 мм; вес – 0,57 г; соотношение осей – 1 час.

4. Шиллинг (Bill/AE), Густав II Адольф, Рига, 1627 г. (аналог типа см.: *Haljak G.*, 2011. P. 235, Nr. 1471).

D – 15 мм; вес – 0,46 г; соотношение осей – 12 час.

В Крыму хорошо известны находки рижских шиллингов как короля Густава II Адольфа (1611–1632), так и его дочери Кристины (1632–1654).

Ещё один шиллинг относится к эмиссиям Прусского герцогства.

5. Шиллинг (Bill/AE), Фридрих Вильгельм (1640–1688), Кёнигсберг, 1654 г. (аналог типа см.: *Neumann E. Brandenburg-preußische Münzprägungen unter der Herrschaft der Hohenzollern 1415–1918*. Bd. 1. Köln, 1998. S. 371, Nr. 11.122).

D – ок. 15 мм; вес – 0,34 г; соотношение осей – 1 час.

Данный эмитент впервые обнаружен в Крыму. Ранее было известно лишь пять экземпляров аналогичных шиллингов его предшественника Георга Вильгельма из Феодосийского клада (*Алексеенко Н.А., Староверов Д.А.* Клад европейских монет конца XVI – первой половины XVII в. из Феодосии // ИАКр. Симферополь, 2021. Вып. XIV. С. 356, 357, №№ 168–172.)

Примечательно, что данный экземпляр также не использовался в качестве украшения в костюме местного населения полуострова.

И, наконец, завершающая находка представляет подражания-имитации прибалтийских солидов-шиллингов с путанными датами чеканки, выпускавшихся Молдавским княжеством после 1661 г. Новый экземпляр несёт имя шведской королевы Кристины.

6. Подражание-имитация рижского шиллинга (АЕ) Кристины с датой в виде перевернутой цифры «6» (аналог типа см.: *Haljak G.*, 2011. P. 277, 278, №. 603–606).

Д – ок. 16 мм; вес – 0,48 г; соотношение осей – 12 час.

Пока в Крыму удалось зафиксировать лишь два ливонских и три рижских подражания шиллингам Кристины, а также одну рижскую имитацию шиллингу Карла X Густава (1654–1660) (*Алексеевко Н.А., Староверов Д.А.*, 2021. С. 357. № 173; *Алексеевко Н.А.* Прибалтийские шиллинги шведских правителей из находок в Юго-Западной Таврике // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2023 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2023. С. 141–144. Рис. 1, 14-18).

Новые находки иноземных монет не только подтверждают их присутствие в регионе, но и в известной мере дополняют накопленные данные новыми сведениями. При этом степень их сохранности, разнообразие и география эмитентов в очередной раз подводит нас к вопросу о пестроте крымского денежного рынка XV–XVII вв., толерантность которого, очевидно, не делала существенных различий между монетами мусульманского круга и эмиссиями самых разных европейских стран.

А.С. Алмазов
к.и.н., доц. кафедры источниковедения
и СИД Исторического ф-та ГАУГН

Метафоры и образы, отсылающие к геральдической символике в панегирике П. Баранецкого «Trybut iasnewielmożnemu panu Ianowi Samoyłowiczowi»

Панегирик Павла Баранецкого в честь гетмана Войска Запорожского Ивана Самойловича (1672–1687) был напечатан в виде брошюры в типографии Киево-Печерского монастыря в 1686 г. (*Baraniecki P.* Trybut iasnewielmożnemu panu Ianowi Samoyłowiczowi. [Kijów], 1686). Единственный сохранившийся экземпляр находится в Музее книги РГБ. (Благодарю Я.В. Мартынову за помощь в получении доступа к книге). Он описан в каталоге старопечатных книг, в частности, определён состав издания: гравюра и виршованное посвящение под ней, предисловие от Киево-Могилянского коллегиума, панегирик в прозе на латинском языке и виршованный панегирик на польском (*Запаско Я.П., Ісаєвич Я.Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва: каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1. Львів,

1981. С. 100; виршованный панегирик на польском был опубликован Р. Радышевским: *Radyszewski R. Roksolanski Parnas: polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku // Prace Komisji historycznoliterackiej. № 49. Cz. II. Kraków, 1998. S. 319–325.* Поскольку при публикации был допущен ряд ошибок, в данной работе ссылки даны только на подлинник). Однако авторы каталога не обратили внимания на пагинацию листов издания, выполненную карандашом, с 138 по 145. Она, видимо, свидетельствует о том, что брошюра сохранилась в составе конволюта, который позднее был разделён.

Гравюра (медерит), помещённая в издании, примечательна наличием на ней двух изображений 3-х кавалерских крестов, отсылающих к гербу гетмана И. Самойловича, в варианте, изображённом на печати гетманского сына Якова 1686 г. Тогда как на портрете гетмана в Троицкой церкви Густынского монастыря в гербе были изображены три латинских креста (*Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914. С. 160.*)

В вирше, помещённом под гравюрой, имеется прямая отсылка к гербу И. Самойловича:

Gdzie przy Herbownych Kryżach, obfitych łask Gaza

(*Baraniecki P. Op. cit. F. 138v*)

Притом замечу, что барочная литература в качестве, пожалуй, важнейших приёмов, использовала метафору и аллегория. Барочная метафора по своим содержанию и функции отличалась от метафор в более поздних стилях, была подчинена требованиям риторики и правилам «изобретения» идей. Зачастую, в основе метафоры лежал принцип «сопряжения» идей — это соединение семантически отдалённых друг от друга слов, образов и представлений (*Морозов А.А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. Л., 1971. С. 35–36.* В панегириках такие сопряжённые образы нередко отсылали к различным визуальным образам и геральдической символике (*Kroll W. «Poeta laureatus» Stefan Jaworski i emblematyka // Terminus. 2018. T. 20. Zeszyt 2 (47). S. 205–206.*)

Это характерно и для произведения П. Баранецкого. Так, автор связал победы карфагенского полководца Ганнибала над римским войском после перехода через Альпы с победой римского императора Константина Великого над его противником через символ креста (*Baraniecki P. Op. cit. F. 143v*). О какой именно победе императора Константина идёт речь, становится понятно из предисловия: «Szczytcie z Konstantynem Wielkim — że in hoc signo Gentilio

triumphuie» (*Baraniecki P.* Op. cit. F. 139v). Здесь содержится скрытая отсылка на фразу *in hoc signo vinces*, которую, по преданию, произнёс римский император Константин, когда ему накануне битвы у Мульвиева моста (312 г.) было видение — лежавшее на Солнце знамение креста (*Понов И.Н.* Константин // Православная энциклопедия; URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841980.html?ysclid=lrjpb8smzh761300858>). Это видение императора, в свою очередь, отсылает к символике герба И. Самойловича. Вероятно, девиз *Sub hoc Signo Triumphat*, помещённый на гравюре под тремя крестами с герба гетмана на знамени, которое держит в руках богиня Афина Паллада, отсылает к тому же сюжету (*Baraniecki P.* Op. cit. F. 138v).

В панегирике на польском языке автор сделал ещё одну отсылку от сюжета про переход через Альпы к символике гетманского герба:

Karolus piąty góry poznaczywszy
Herbami Trójcy Świętej udarzywszy,
W słowach zwyczajstwo wyraża, że znaczą
Kryż – Pana raczą (*Baraniecki P.* Op. cit. F. 144)

В данном случае под Карлом V имеется в виду не император Священной Римской империи, как предположил Р. Радышевский (*Radyszewskij R.* Op. cit. S. 326), а французский король. Последний в 1376 г. реформировал французский герб, уменьшив количество лилий на щите до трех. При этом сам король объяснял реформу желанием подчеркнуть символику св. Троицы (*Санги-Мадзини Дж.* Геральдика. История, терминология, символы и значение гербов и эмблем М., 2007. С. 440–441). Победа же, о которой идёт речь в отрывке, — это переход через Альпы, и этот переход совершил не Карл V, а император Карл Великий в 773 г. (*Мюссо-Гулар Р.* Карл Великий. М., 2003. С. 36). Помимо одинакового имени их связывала и некоторая общность геральдических символов, по крайней мере, как её представляли себе книжники XVII в. — в вымышленном гербе Карла Великого, бытовавшем с XIII в., имелась лилия как символ французских королей (*Анипченко М.А.* Геральдика Девяти мужей славы в европейском искусстве // Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина. [2015]: Заседание 18 ноября 2015 года. СПб., 2015. С. 4–5).

Таким образом, выявление и интерпретация отсылок к геральдике в панегирике П. Баранецкого не только позволяет понять смысл использованных в произведении метафор и аллегорий, но и в перспективе поможет определить круг источников исторических знаний автора.

Художественная школа при типолиитографии И.Д. Сытина (по опубликованным и неопубликованным источникам)

«Иллюстрация детской книги совершенствовалась с каждым годом. Улучшались не только способы воспроизведения рисунков, но и сами рисунки», — писал И.Д. Сытин в своих воспоминаниях (Жизнь для книги / Предисл. Н. Накорякова. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 130). Он отмечал, что повышение качества иллюстрирования детской книги было связано с появлением Художественной школы при типолиитографии.

Роль Художественной школы Сытина в подготовке кадров для издательской и полиграфической промышленности еще недостаточно освещена и оценена. Дело в том, что сведений и документов о школе до нас дошло немного. Небольшой по объему обзор был опубликован в «Очерке издательской деятельности товарищества И.Д. Сытина за 1910 год» (М., 1910. С. 15). В юбилейном сборнике «Полвека для книги» содержится очерк члена правления товарищества И.Д. Сытина В.П. Фролова с упоминанием школы (Полвека для книги. 1866–1916: Лит.-худож. сб., посвящ. 50-летию изд. деятельности И.Д. Сытина. М, 1916. С. 582–584). В архивном фонде художника М.А. Доброва в числе прочих документов имеется во многом дублирующий очерк В.П. Фролова недатированный «Краткий обзор деятельности школы рисования книгоиздательства И. Д Сытина» (РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. Д. 308. Л. 1). В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи содержатся автобиографические сведения о некоторых преподавателях школы (Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Фонды Н.А. Касаткина (Ф. 96) и А.В. Моравова (Ф. 63).

Кратко характеризуя свою деятельность у Сытина, Николай Алексеевич Касаткин впоследствии писал: «Организовал школу литографов и типографов для детей рабочих при издательской фирме народных книг и картин И.Д. Сытина <...> В деятельности издательства участвовал, кроме преподавания, своими работами в течение 35 лет» (Касаткин Н.А. Автобиографические сведения // ОР ГТГ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 234. Л. 1). Руководил он школой до середины 1910-х гг.

В связи с улучшением качества преподавания некоторые ученики после окончания школы получили возможность продолжить свое обучение в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

«Далее и эти задачи становятся малы», — говорится в «Кратком обзоре деятельности школы». «Школа предъявляет обязательство сосредоточить при ее организации художественный центр и надзор за внешностью изданий <...> Для этой цели школа начинает не только работать для прочих отделений фабрики (цинкографии, литографии, переплетной и т.д.), но и переводить в них окончивших ее учеников для изучения на месте специальных технических сторон дела» (РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. Д. 308. Л. 1).

В программу специального курса были включены 9 предметов. Основу составляло рисование с мертвой и живой натуры, акварель, пленэр, а также перспектива и разложение цветов, анатомия и композиция. Последняя подразумевала создание иллюстраций и обложек. Ученики изучали хромолитографию непосредственно на производстве. Их обучали разнообразным техникам, использовавшимся в типолитографии. «Акварель же была в центре внимания в силу того, что большинство оригиналов изготовлялось хромолитографским способом, которому она более всего и соответствовала в репродукции» (*Павлов И.Н. Моя жизнь и встречи / Под ред. М. П. Сокольникова. М., 1949. С. 220*).

Помимо специальных ученики изучали и общие предметы «с целью умственного развития».

Преимущество при приеме в школу отдавалось детям служащих или рабочих в возрасте от 12 до 15 лет. Курс был рассчитан на пять лет. Первый выпуск состоялся в 1908 г. Выпускники принимались на работу в типолитографию как рисовальщики и литографы; лучшие поступали в Училище живописи, ваяния и зодчества «для дальнейшего художественного образования» (Очерк издательской деятельности Т-ва И.Д. Сытина. М., 1910. С. 5). В 1909 г. в школе учились 23 человека в возрасте от 12 до 17 лет. После 1915 г. численность возросла и составляла примерно 60 учеников.

Школа была интернатом с бесплатным обучением и проживанием. Содержание школы обходилось товариществу ежегодно в 10–15 тыс. руб. «Оборудована школа была прекрасно; она была снабжена лучшими пособиями и большой ценнейшей библиотекой, откуда ученики и черпали материал для своих работ» (*Павлов И.Н. Указ. соч. С. 220*).

Существование такой школы было уникальным явлением для отечественного издательского дела. Две структуры, учебная и производственная, ранее существовавшие обособленно, получили возможность плодотворно работать и обогащать друг друга.

«Задачей организации такого учреждения было иметь постоянный приток свежих, грамотных в художественном отношении моло-

дых тружеников на поприще литографского производства. Основной задачей школы было обратить главное внимание на обучение литографскому искусству и потребному для него техническому рисованию», – писал В.П. Фролов (Полвека для книги. С. 583). Впрочем, более откровенно и нелицеприятно охарактеризовал намерения И.Д. Сытина острый на язык И.Н. Павлов: «Развивая свое дело, Сытин хотел обходиться дешевой ученической силой» (Павлов И.Н. Указ. соч. С. 220).

Преподаватели школы были в первую очередь талантливыми художниками, как молодыми, так и успевшими получить признание современников: Н.А. Касаткин, И.Н. Павлов, В.Н. Курдюмов, Г.Д. Алексеев, А.В. Моравов. Будучи иллюстраторами книг Товарищества, они передавали практический и художественный опыт своим ученикам.

В работе этой школы был накоплен богатый опыт привлечения учеников к профессиональной издательской работе. С первого года обучения дети занимались созданием иллюстраций для сытинских изданий. Это давало им возможность вырасти, стать иллюстраторами книги (М.В. Маторин, В.С. Баюскин и др.). Ученики с энтузиазмом участвовали в производственном процессе. Работа в профессиональном книгоиздании большого числа молодых художников позволяло расширить возможности оформления сытинских книг.

Е.В. Антонец
д.ф.н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова

**Рукопись № 4589 (ОРРК Научной библиотеки имени
Н.И. Лобачевского КФУ): атрибуция текста
и палеографическое описание**

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета хранится гуманистическая рукопись с шифром 4589. До настоящего времени текст рукописи не имел атрибуции. Тем не менее как текст и особенности письма, так и история рукописи заслуживают отдельного внимания и изучения. Этим аспектам и посвящено настоящее сообщение.

Согласно записи в инвентарной книге Отдела рукописей кодекс поступил в библиотеку в 1890 г. в составе общего заказа книг по различным специальностям, выписанных для Казанского университета. Рукопись была заказана из книжного магазина Voss'

Sortiment (G. Haessel) в Лейпциге. Этот магазин был комиссионером Императорской Академии Наук и активно участвовал в комплектовании книжных фондов российских библиотек зарубежными изданиями XIX в., старопечатными книгами и рукописями. Интересующий нас кодекс числится в инвентаре под номером 32299 и имеет следующее описание: «Juvenalis. Рукопись XVго столетия: обширное толкование на сатиры Ювенала». В 1963 г. при переходе из книжного фонда в Отдел рукописей рукопись получила свой нынешний шифр 4589, о чем в инвентарной книге есть соответствующая запись.

Было бы естественным предположить, что рукопись заказал Дарий Ильич Нагуевский (1845–1918), который в 1883 г., сразу после защиты докторской диссертации, получил должность ординарного профессора на кафедре римской словесности Императорского Казанского университета. Научные интересы Нагуевского были связаны с римской сатирой, его докторская диссертация была посвящена Ювеналу («De Juvenalis vita observationes»). Однако предположение о причастности Нагуевского к покупке данной рукописи пока не получило документального подтверждения.

Рукопись бумажная и содержит 171 лист (342 страницы); нумерация постраничная. В рукописи нет украшений и цветных инициалов; первый лист начинается простым инициалом, выполненным чернилами. Текст расположен в один столбец (в среднем 33–43 строки) и написан несколькими почерками готическим курсивом и беглым гуманистическим курсивом. Маргинальные пометы выполнены писцом основного текста; есть пометы на греческом языке. Владельческие пометы, записи и штампы (кроме штампа библиотеки Казанского университета) в кодексе отсутствуют. Переплет начала XIX в. (?).

Наше основное внимание было сосредоточено на тексте этой рукописи, атрибуцию которого нам удалось произвести. Выяснилось, что рукопись содержит гуманистический комментарий к сатирам Ювенала (*Expositio in Juvenalem*), написанный на основе лекций Баттисты Гварино (*Baptista Guarinus*, 1434–1505), сына знаменитого гуманиста Гварино Веронезе (1370–1460).

Баттиста Гварино учился у своего отца, в 1453 г. прочел вводную лекцию «*De modo et ordine docendi et discendi*» к курсу отца в университете Феррары, в 1455–1457 гг. преподавал в университете Болоньи, в 1460 г. занял место своего отца на кафедре риторики в Ферраре. Среди его учеников были Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494), Алд Мануций (1449–1515) и Грегорио Джиральди (1479–1552). Кроме Ювенала он комментировал Катутлла, Цице-

рона, Лукана, «Фасты» Овидия, написал ряд трактатов и был автором многих переводов.

В настоящее время известны 8 рукописей комментария Баттисты Гварино к сатирам Ювенала, одна из которых хранится в Ферраре — Ferrara, Bibl. Com. Ariostea, II 103 II, ff. 1r–173v, остальные следующие: Firenze, Bibl. Riccard., 538; Milano, Bibl. Ambr., A 121 inf.; Milano, Bibl. Ambr., E 50 sup., ff. 1r–252r; Modena, Bibl. Estense Univ., lat. 331, ff. 29r–103v (redactio II); Padova, Bibl. Civ., С.М. 89; Salamanca, Univ. de Salamanca, Bibl. Gen. Hist., Ms. 8, ff. 1r–203v; Venezia, Bibl. Naz. Marc., lat. Z. 457 (1511), ff. 1r–74v (redactio II).

Теперь к ним можно добавить рукопись № 4589 Казанского университета. Ее текст в целом идентичен тексту перечисленных рукописей, хотя и содержит ряд разночтений и дополнений. Обращает на себя внимание тот факт, что по числу листов наша рукопись ближе всего к Феррарской. Ниже приводится описание текста Казанской рукописи:

Fol. 1. *Introd.* [inc.] Priusquam voluminis huius attingatur expositio necessario nonnulla praescienda ac advertenda videntur primo auctoris vita deinde voluminis ipsius titulus ac inscriptio tertio materia satire subsequentis. Auctor ipse fuit Aquinas velut ex titulo et inscriptione patet et is relicta patria Romam se contulit ...

Fol. 3. [expl.] ...Unde materia satyrarum est vitiorum detestatio et commendatio virtutis.

[Inc.] *Semper ego auditor tantum.* More satyrico ab exclamatione et indignatione incipit unde et Persius...

Fol. 342. [Expl.] *Et torquibus.* Ornamenta sunt ad collum unde vocantur torquati et solent donari militibus et magna est laus imperatoris si sui milites sint bene ornati ob merita sua nam indicium est quod sui milites sint fortissimi cum totiens meruerunt praemia. Telos (ср. текст других рукописей, содержащих данный комментарий: *Sanford E.M. Juvenalis, Decimus Junius // Catalogus Translationum et Commentariorum: Medieval and Renaissance Latin Translations and Commentaries. Annotated Lists and Guides / Ed. P.O. Kristeller. Vol. I. Washington, 1960. P. 212–214).*

Безусловно, рукопись требует более тщательного изучения прежде всего с точки зрения текстологии. Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Отдела рукописей и редких книг КФУ, прежде всего Надежде Борисовне Пазиной, за возможность ознакомиться с данной рукописью и помощь в работе.

М.Ц. Арзаканян
д.и.н., проф., з.н.с. Института всеобщей истории РАН
А.А. Герцен
к.з.н., с.н.с. Института географии РАН

Потомки романизованного населения Европы влады и их расселение в Юго-Восточной Европе в средние века

Древнеримское государство со времен республики начало экспансионистскую политику за пределами Апеннинского полуострова. За несколько веков римляне завоевали обширные территории, в том числе в Западной, Южной и Центральной Европе, а также самые большие острова Средиземного моря. Приобретенные силой своего оружия земли они делили на провинции. Первой из них еще в III в. до н.э. стала Сицилия, а одной из последних — во II в. н.э. — Дакия. Ко времени покорения последней Рим уже стал обширной империей. В ее состав в Западной Европе входили, в частности, провинции Испания и Галлия, а в Центральной и Юго-Восточной — Греция, Македония, Паннония, Иллирия, Далмация, Фракия, Мёзия. Покоренное население на западе империи было представлено, главным образом, кельтами и иберами, а на юге и юго-востоке — греками, фракийцами (даками и гетами) и иллирийцами. Во всех провинциях империи шел процесс романизации — распространения в них латинского языка, культуры, способов развития экономики. Избежать романизации смогла лишь Греция.

В III в. начинается Великое переселение народов, когда в границы Римской империи стали бесконечными потоками вторгаться племена варваров. Они двигались с севера на юг и с востока на запад. Под их натиском в конце III в. пала провинция Дакия. В конце IV в. Римская империя разделилась на Западную и Восточную. Еще через столетие западная часть прекратила свое существование, восточная же (Византия) продолжала существовать, включив в себя Грецию, Македонию, Иллирию, Мёзию, Фракию и Дакию. Но контролировала эти территории Византия лишь отчасти, так как в течение V–VI вв. на них селились различные племена — авары, протоболгары, славяне и пр. Об этнических процессах, проходящих в это время на Балканах и в Подунавье, известно очень мало. Их редкий свидетель, историк и политик VI в. Иоанн Лидийский лишь указал, что население этого региона говорит на латинском языке (*Кондураки Э., Стефан Ж. Восточно-романский мир. М., 1970. С.8*). В течение последующих пяти веков в письменных источниках о романоязычном населении Юго-Восточной Европы сведения отсутствуют

(Шимарев В.Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // Вопросы молдавского языкознания. М., 1953. С. 91–92). Они появляются вновь лишь в начале II тысячелетия, когда народ региона, говорящий на романском языке, называется «влахами».

Этимология данного слова остается по сей день спорной. Некоторые ученые склонны считать, что этноним может происходить от упоминаемого Гаем Юлием Цезарем в I в. до н.э. в «Записках о Галльской войне» кельтского племени вольков, жившего в южной Галлии. «Вольки долгое время были южными и западными соседями германцев, о чем говорит факт переноса названия вольки на всех кельтов, а позднее также на романизированных кельтов и вообще на романские народы» (Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 184). В средневековых германских источниках этот романский народ называется *walah*, *walh*, *walch* — чужеземец, кельт, представитель романских народов. Византийцы называли его «влахи», славяне — «волохи», «валахи». О происхождении влахов ни один сохранившийся письменный источник не упоминает. Тем не менее, не вызывает сомнения, что они были «потомками романизированных иллирийских и фракийских племен северной части Балканского полуострова», а их язык — «древний романский диалект, приближенный к итальянскому» (Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропологическое исследование. М., 2003. С. 14–15).

О расселении влахов в Юго-Восточной Европе свидетельствуют русские, византийские и венгерские источники. Так в «Повести временных лет», составленной в XII в., говорится, что еще в конце IX в. пришедшие с востока венгры стали воевать со славянами и волохами. В Византии первым о влахах сообщил историк конца XI в. Иоанн Скилица применительно к событиям последней четверти X в. Многочисленные высказывания о них содержатся в «Советах и рассказах Кекавмена», принадлежащих перу византийского полководца XI в. Кекавмена. В его книге отмечается, что влахи были христианами, часть их занималась отгонным скотоводством, другая же состояла из оседлых земледельцев, часто живших среди славян. В Византии о влахах продолжали писать вплоть до начала XIII в., в частности Иоанн Киннам, Никита Хониат, Анна Комнина. Авторы выделяют среди них «влахов, находящихся на службе у византийцев и «знатных влахов» (Литаверин Г.Г. Влахи византийских источников X–XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 92–138). Все историки связывают проживание влахов с Северной Грецией (Македонией, Эпиром и Фессалией) и реками Дунаем, Ти-

сой и Савой. О романизованном народе под названием «блахов» повествует книга конца XII – начала XIII в. под названием «Деяния венгров» или венгерский «Аноним». В нем указывается, что они живут рядом со славянами и болгарами. Иногда «Аноним» называет блахов также «римскими пастухами».

О судьбе народа влахов после XIII в. можно только строить догадки по причине отсутствия сведений о них в письменных источниках. Совершенно очевидно, что часть их была ассимилирована, главным образом, славянами и в меньшей степени — греками (византийцами) и осталась жить на территориях их государственных образований. Но вот другая часть влахов не утратила своего «романства», а мигрировала на север от Дуная и на восток от Карпат на земли, освободившиеся после ухода с них татар. Именно там вlahи не позднее середины XIV в. создали свои государства — княжества Валахия и Молдавия. Последнее получило свое название от одноименной реки. Так вlahи стали предками двух современных восточнороманских народов — румын и молдаван.

О.В. Ауров
к.и.н., зав. кафедрой РАНХиГС, доц. РГГУ

Педагогический трактат Псевдо-Исидора Севильского в рукописи Clm 6284 Баварской государственной библиотеки

Педагогический трактат «Наставления для воспитания» (лат. *Institutionum Disciplinae*) — замечательный памятник педагогической мысли эпохи раннего Средневековья. О его авторе и обстоятельствах создания ничего не известно, и поэтому рукописная традиция, представленная парижской рукописью BnF Lat. 2994A (IX в.) и мюнхенским манускриптом BSB Clm 6384 (X–XI вв.), является единственным источником, позволяющим составить представление об авторе, целях создания и аудитории памятника. Традиционно авторство атрибутируется если и не самому Исидору Севильскому (среди произведений которого трактат с подобным названием не упоминается), то анониму из его школы. Однако этот вывод основывается почти исключительно на данных исследования рукописи BnF Lat. 2994A, тогда как Clm 6384 никаких указаний на связь с культурной традицией вестготской или пост-вестготской Испании не содержит. Именно поэтому основное внимание в докладе будет уделено именно последней, мюнхенской, рукописи (*Solinus, Gaius Iulius*).

Collectanea rerum memorabilium // BSB Clm 6384. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/> (дата обращения: 29.11.2023).

Парижская рукопись VnF Lat. 2994A написана вестготским письмом, использовавшимся в VIII–XII вв. в Астурии, Леоне, а затем и в Кастилии (*García Villada Z. Paleografía Española. Vol. 1: Texto. Madrid: Centro de Estudios Históricos JAE, 1923. P. 87-94*). Содержание кодекса – сборник произведений (*Florilegium*) Исидора Севильского, включающий, помимо исследуемого трактата, фрагменты исидоровых «Этимологий», «Сентенций», «О различении слов» и «О церковных службах» (*Anspach A.E. Isidori Hispalensis "Institutionum Disciplinae" //Rheinisches Museum für Philologie. 1912. No. 67. S. 556-568; Millares Carlo A. Corpus de codices visigóticos. Vol. 2. Tenerife: UNED, 1999. P. 299*). Применительно к трактату об авторстве Исидора говорится в самом начале текста: “Ysidorus Institutionum Disciplinae a suprafato editae incipient...” (fol. 186v). Именно поэтому трактат был атрибутирован Исидору Севильскому (*Anspach 1912. S. 556-568*). Эта точка зрения преобладала до тех пор, пока Ж. Фонтен показал ее необоснованность (*Sánchez Prieto A. B. Las Institutionum Disciplinae: programa educativo para un noble godo // Ideales de formación en la historia de la educación / Coord. por J. Vergara Ciordia, F. Sánchez Barea, B. Comella Gutiérrez. Madrid, 2011. P. 90*).

В 1913 г. Дж. Меркати обнаружил еще одну рукопись трактата в кодексе BSB Clm 6384. Его часть (fol. 1r-49v) написана каролингским письмом и является в данном случае наиболее интересной, поскольку оставшаяся часть кодекса по типу письма датируется XIV-XV вв. Точное время, когда тетради, созданные в разные исторические периоды, оказались под одной обложкой, установить не удалось. В любом случае, происхождение кодекса связано не с Испанией, а скорее с Германией. Помимо исследуемого трактата (fol. 48v-49r), тетради X-XI вв. содержат «Собрание достопамятных сведений» жившего в III в. позднеримского писателя Гая Юлия Солина (fol. 1r-48r) и 40-е послание Евсевия Иеронима (св. Иеронима Стридонского, письмо к Марцелле об Оназе, fol. 49v. см.: *Eusebii Hieronymi Epistula XL (Ad Marcellam de Onaso) // Select Letters of St. Jerome. London, New York: W. Heinemann Ltd., G. P. Putnam's Sons, 1933. P. 166–170*).

Никакой отсылки к Исидору Севильскому или его кругу текст по рукописи Clm 6384 не содержит. В нем представлена иная атрибуция: “Sancti Augustini de institutione infantum” (fol. 48v). Очевидно, что речь идет об Аврелии Августине (Блаженном Августине Гиппонском). Такая разница в атрибуции (при отсутствии значимых различий между остальными частями парижского и мюнхенского

текстов) обращает на себя внимание. Мюнхенская рукопись, несомненно, связана с монастырской культурой, прежде всего — системой образования. Вероятно, изначально кодекс, представленный ранними тетрадами, представлял собой сборник дидактических текстов. Этому назначению, помимо исследуемого трактата, вполне способствует как сочинение Солина, так и послание Иеронима. В основе первого — произведение испано-римского географа Помпония Мелы и несохранившиеся антикварные труды Светония; т.о., речь идет об учебнике, способном, в известной мере, компенсировать возможное отсутствие в монастырской библиотеке «Естественной истории» Плиния Старшего. Что же касается 40-го послания св. Иеронима, то в нем порицается жестокость врачей-хирургов, вынужденных причинять пациенту боль, в чем уподобляются речам Спасителя к его ученикам, жестоким, но проникнутым подлинной любовью. Основной постулат Иеронима, как представляется, четко отражает основную методику воспитания: “*ita se natura habet, ut amara sit veritas, blanda vitia existimentur*”.

В заключение, с учетом данных о содержании самого трактата, полученных в процессе перевода латинского текста (*Ауров О.В.* «Дисциплины для воспитания»: малоизвестный педагогический трактат эпохи раннего Средневековья (латинский текст, перевод, комментарии) //Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2013. №1 (28). С. 7–20), делается вывод о его параллельном бытовании в Испании и за ее пределами (Германия?), при невозможности четкой идентификации места создания.

В.Ю. Афиани
к.и.н., доц., в.н.с. РГГУ

Проблемы публикации исторических документов в Интернете

Исторические документы разных эпох размещаются в Интернете в разнообразной форме: оцифрованных копий печатных изданий (электронных репринтов) сборников и отдельных документов, самостоятельных интернет-публикаций, интернет-проектов, интернет-ресурсов с использованием архивных документов и др. Наибольшую активность в оцифровке и представлении в Интернете рукописей, документов проявляют такие государственные учреждения как архивы, библиотеки и музеи. В то время как размещение документальных публикаций в Интернете, подготовленных академическими институтами, значительно отстает. Возникает вопрос и об

эффективности использования этого огромного объема оцифрованной архивной информации.

В целом, достаточно четко обозначился круг возникающих проблем публикации отдельных фрагментов историко-культурного наследия России в цифровом пространстве. Это и проблемы *технологического* характера: размещение информации интернет-публикаций на серверах, расположенных в других странах, широкое использование иностранного компьютерного оборудования и программного обеспечения, все это создает определенные риски, которые недавно осознали в России. Проблемы *финансового* характера: значительные финансовые затраты на масштабную оцифровку фондов. Проблемы *организационного* характера: необходимость координации работы по оцифровке и подготовке крупных интернет-проектов и интернет-ресурсов между учреждениями Министерства культуры, Министерства обороны, Росархива и др. Существенно отличается используемое программное обеспечение, стандарты описания документов в публикациях и др.

Встают также *научные и методические* археографические проблемы при публикации исторических документов в Интернете и их использовании. Например, даже в фундаментальных публикациях, например, не всегда учитываются разные редакции и варианты документальных памятников, предшествующие публикации документов, подлинность/копийность, особенно фотодокументов, наличие помет и резолюций и др. Требуется адаптация действующих правил к реалиям современного информационного мира, с учетом большого практического опыта в этой области. Еще одна проблема, - широкое распространение в Интернете фальсифицированных документов в инициативных интернет-публикациях, подделок, воспринимаемых непрофессиональной аудиторией пользователей как подлинные.

Масштабная работа по оцифровке и размещения документальных памятников разных исторических эпох в Интернете, большие материальные затраты, ставит вопрос и об эффективности этих публикаций о характере и эффективности использования их профессиональным историческим сообществом и влиянием на формирование историко-культурного сознания общества и исторической памяти, необходимость публичного представления и использования различных программ по измерению пользовательской аудитории сайтов, интернет-проектов и интернет-публикаций.

На наш взгляд, многие вопросы можно было решить в рамках федеральной, межведомственной программы по оцифровке и размещению в Интернете исторических документов.

Аланское наследие Молдавского княжества

Системное и комплексное использование вспомогательных исторических дисциплин способствует выявлению новых данных. Хочу поделиться своим опытом использования этой методологии в целях реконструкции некоторых фрагментов истории молдавских алан (*Bacalov S. Considerații privind olanii (alanii) sau iașii din Moldova medievală. Cu accent asupra acelor din regiunea Nistrului de Jos // Conferința științifică internațională: Evoluția mentalității tineretului în contextul integrării Moldovei în UE. Consacrată aniversării de 85 de ani de la înființarea UST și a învățământului superior din Moldova, Chișinău, 16–17 martie 2015. Chișinău, 2015. P. 214–229*).

Из византийских источников (Мануил Оловол, Георгий Пахимер и Никифор Григора) известно, что на левобережье Нижнего Дуная в XIII–XIV вв. под контролем татаро-монгол существовало крупное аланское этническое ядро. Но неясна его локализация (в историографии обычно использовались формулировки типа «где-то в бассейне Прута», «на Нижнем Дунае», а чаще всего связывалось с территорией города или уезда Яссы).

Для реконструкции исторической географии молдавских алан я использовал следующие рабочие инструменты:

1) Нарративные источники:

а) Для установления этнонимии. Хроники указывают на то, что местное, влашское, название аланов-яссов было «олань», т.е. «оланы».

б) Для определения исторической этнопсихологии. Будучи православными и близкими по ведению хозяйства с влахами, оланы очень быстро были ассимилированы ими, и таким образом приняли участие в формировании молдаван. Местные хроники и путевые заметки иностранцев сообщают, что после угасания мужской линии княжеской династии в Молдавии начался вековой период внутренних междоусобиц. Их зачинщиками в абсолютном большинстве случаев были жители уездов Сороки, Оргеев и Лапушна. Как следствие конфронтации с центральной властью, к середине XVII в. только для этих уездов было создано специальное военно-административное учреждение — *Сердария*. Параллельно с психологической особенностью тамошних жителей (воинственные наездники, норовистые, мстительные, гостеприимные и т.д.), документально также отмечены отличия в их материальной культуре, в кото-

рой важнейшую роль играло не виноградарство, как можно было бы подумать, исходя из сегодняшних реалий, а коневодство (*Bacalov S. "Giosenii" sau boierimea din Țara de Jos a Moldovei (sec. XVI–XVIII) // Volumul Conferinței științifice internaționale a tinerilor cercetători "Consolidarea și dezvoltarea statului de drept în contextul integrării europene"*. Ediția a V-a, 31 martie 2011, Chișinău. P. 12–29; *Bacalov S. Oastea Țării Moldovei în cadrul relațiilor moldo-otomane. Chișinău, 2018. P. 110*).

2) Топонимия. За основу ее определения я взял список названий без ясной этимологии, и попытался их объяснить с помощью осетинского языка, исходя из того факта, что венгерские ясы говорили на близком к нему наречии (что не исключает также существенное тюркское и славянское языковые влияния на молдавских алан).

3) Антропонимы. Исходя из того, что некоторые ойконимы происходят из антропонимов, я учел их «блуждающий» характер, т.е. они могли изменить границы внутреннего этнического ядра олан вслед за перемещением носителей имен и владельцев вотчин (напр.: Бардар, Долту, Дондыш, Кажба и др.), а также со временем они могли выйти за границы их основного ареала.

4) Историческая география (картография). Переложив топонимические данные на карту, я определил, что основной ареал олан находился в центрально-северном участке Пруто-Днестровского междуречья, на территории уездов *Сердарии* (Сороки, Оргеев, Лапушна), а также частично в Хотинском и Ясском уездах. Он определен гидронимами (Безин, Ботна / Ботнех, Дон-Сую, Куболта, Резина, Реут и пр.) и частью более-менее древних ойконимов, для которых характерна стабильность (Алчедар, Баксань, Делакэу, Котюжень, Сахарна и др.). А ойконимы с этническим корнем (Яссы, Яска, Оланешты), только указывают на максимальные расширение границ ареала.

5) Этнография. В этом направлении никогда не велось специальных изысканий, и вообще на территории Молдавии довольно поздно начался сбор этнографических материалов, т.е. нужный момент давно упущен. Все же, в начале XX в. имя оланов было зафиксировано среди жителей селений Нижнего Днестра, которые по историческим причинам сохранили в быту некоторые архаичные черты. Но изначальный, этнический, смысл слова «олан» был потерян, сохранившись в народной среде лишь со значением «хозяйственный человек» и «человек древнего рода». Поэтому я предложил использовать названия «оланы» для именованя молдавских алан, чтобы

отличить их от других групп средневековых алан-ясов, и «Оланов-лахия» — для региона их компактного проживания (*Bacalov S. Câteva aspecte referitoare la istoria Tutovenilor și a moșilor lor Viltotești (secolele XIV–XIX) // Institutul de Istorie. Anuarul Institutului de Istorie: Materialele sesiunii științifice anuale, 22 decembrie 2016, Chișinău, 2017. P. 7–52.*)

При этом я не забыл, что работа с этими научными инструментами по-отдельности всегда чревата неверной интерпретацией, поэтому не сделал категорических заявлений, оставляя аланский список топонимов открытым для его расширения (особенно в группе «блуждающих», как например «Ботнень») или уменьшения (на основе новых фактов сейчас уже не считаю, что ойконим «Хидигиш / Гидигич» имеет аланское происхождение). Также стоит отметить, что отсутствуют большинство старых топонимических данных по югу Пруто-Днестровского междуречья, хотя, из своего опыта, на данном этапе исследования думаю, что они существенно бы не повлияли на общие выводы. Принимая во внимание все это, нельзя не отметить, что, вместе взятые, вспомогательные исторические дисциплины, совместно с нарративными источниками, позволили получить в результате довольно интересную картину.

*А.Г. Баранов
к.и.н., председатель правления «Союза бонистов»*

Боны Трудокурорта Лебяжье. Неизвестная эмиссия Алтая в 1919 году

В начале 1919 г. на территории, контролируемой Российским правительством адмирала А. В. Колчака, усугубился разменный денежный кризис, начавшийся еще осенью 1917 г., от которого в той или иной степени страдала вся территория бывшей Российской империи. Следствием чего стали многочисленные местные денежные эмиссии.

На территории Змеиногорского уезда Томской губернии рядом с перешейком между озерами Горькое и Горько-Перешеечное, примерно посередине между селами Лебяжье и Новогорьевское в 1918 г. был основан курорт Лебяжий. Его создателем стал известный новониколаевский предприниматель, журналист, газетный и книгоиздатель, общественный деятель Николай Павлович Литвинов.

Деньги на строительство курорта Н.П. Литвинов получил после продажи в мае 1917 года своей типографии Союзу Сибирских кооперативных Союзов «Закупсбыт», передал издание газет группе молодых рабочих, а сам уехал на Алтай. Там он руководил строительством курорта «Лебяжий» на озере Горьком и начал развивать курортную деятельность — новое и перспективное в будущем направление.

Строительство всегда требует больших затрат для покупки материалов и оплаты труда работников. Полученные Н.П. Литвиновым деньги от продажи типографии были либо на его банковском счете, либо в крупных купюрах. Для повседневной деятельности курорта требовались разменные денежные знаки в копейках и рублях. Выходом стала эмиссия частных бон.

4 июня 1919 г. в Министерство финансов Российской правительству поступил запрос от Правления Трудокурорта Лебяжье с просьбой разрешить выпуск местных бон. «Недостаток мелкой разменной монеты страшно затрудняет работу, создается масса недоразумений, нежелательных для курортного дела. Поэтому Правление постановило выпустить настоящие боны, ведя им строгую регистрацию» (ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 4. Л. 55). К письму были приложены образцы бон, достоинством 5 и 10 копеек, а так же 1 и 5 рублей, без подписей, номеров и печатей. (ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 4. Л. 55 об.). Боны довольно примитивны. Размер 100x70 мм. Отпечатаны они, скорее всего, с помощью ручного штампа (наборной печати). Все тексты бон сделаны по правилам старой орфографии. Дизайн бон с номиналами в копейках и в рублях отличается.

Описание бон достоинством в 5 и 10 копеек: изготовлены на голубоватой бумаге, тексты и рамка фиолетового цвета. Рамка прямоугольная, два ее верхних угла закруглены. Внутри рамки в центре размещен круг с цифрой номинала, внутри которого сверху и снизу по окружности вписано слово «копеек». Слева от круга находится выполненное крупным шрифтом слово «пять», справа от круга – «копеекъ». В верхней трети рамки, над кругом, вертикальным и двумя горизонтальными отрезками отделены две симметричные области. Слева от вертикального отрезка в рамке имеется текст в две строки: «правление ТРУДОКУРОРТА», справа – «курорт ЛЕБЯЖИЙ». Под кругом, снизу, в левой части рамки, в две строки:

«Председатель Правления
Казначей»

Бона в 10 копеек выполнена аналогично.

Описание бон достоинством 1 и 5 рублей: изготовлены на желтоватой бумаге, тексты и рамка фиолетового цвета. Рамка имеет форму прямоугольника, все углы которого закруглены, внутри этой рамки вписан еще один прямоугольник. В получившихся промежутках между двумя рамками вписаны слова: слева вертикально снизу-вверх – «КУРОРТЪ», справа вертикально сверху-вниз «ЛЕБЯЖИЙ», вверху – «Правление «ТРУ-ДОКУРОРТА», внизу – «КУРОРТ ЛЕБЯЖИЙ». В центре прямоугольной рамки большая украшенная фигурная виньетка. Внутри виньетки надпись в одну строку: «один (1) рубль». Под фигурной виньеткой, снизу, в левой части рамки, в две строки:

«Председатель Правления
Казначей»

Бона достоинством 5 руб. выполнена аналогично.

Текст на оборотной стороне бон номинированных в рублях и копейках одинаков, фиолетового цвета, напечатан по правилам старой орфографии, в 11 строк:

Для производства расчетов Правление
«Трудокурорта» выпускает боны, заме-
няющие денежные знаки.

Боны имеют хождение только на
«Трудокурорте», ни в агенствах «Тру-
докурорта», ни почтой, от кого бы то
не было, боны не принимаются.

Боны выпущены на бумаге устано-
вленного цвета, в количестве, зафиксиро-
ванном в протоколах Правления.

1919 год

Выпущенные боны подписывал председатель правления Н.П. Литвинов и казначей, от руки ставился номер и печать. После этого данные об их количествах, номиналах и номерах заносились в специальный журнал учета.

На запрос правления 1-го сибирского кооперативного трудового товарищества лечебных мест Сибири о разрешении на выпуск частных бон был получен ответ: «Вследствие отношения от 4-го июня за № 310 Особенная канцелярия по Кредитной части имеет честь сообщить Правлению 1-го сибирского кооперативного трудового товарищества, что выпуск Правлением бон для обращения их на курорте недопустим. Сообщая о сем, Кредитная Канцелярия считает необходимым поставить в известность Правление, что против учреждений и лиц, виновных в выпуске в обра-

шение каких либо денежных знаков будет возбуждаться уголовное преследование» (ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 4. Л. 214).

После получения прямого запрета на выпуск бон, правление трудокурорта Лебяжий изъяло их и уничтожило. Размер эмиссии неизвестен. Скорее всего, бон было выпущено на сумму не больше нескольких сотен рублей. Пока известны только четыре экземпляра образцов этих бон, сохранившиеся в архивном деле колчаковского министерства финансов.

*Н.В. Башнин, к.и.н., с.н.с. СПбИИ РАН
Т.В. Резникова, гл. специалист РГАДА*

К вопросу о стоимости ефимков в середине XVII века

*Исследование выполнено при поддержке РФФ
(проект № 20–78–10060–П)*

Сведения о займах торговых людей у Антониево-Сийского монастыря сохранились в документе, который имеет следующее самоназвание: «Роспись колмогорцам торговым людям, которые имали в ефимки денги и хто по ком порука» 1650-х гг. (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Ед. хр. 27. Л. 1). Купцы брали в долг русские деньги, а возвращали «ефимки любские» (очевидно, полученные от иностранцев). В XVI–XVII вв. талеры представляли собой не валюту, а товар, источник серебра для изготовления монеты (*Спаский И.Г.* Талеры в русском денежном обращении 1654–1659 гг. Л., 1960. С. 3).

Каждая выплата части долга сопровождалась записью с указанием даты (в большинстве случаев), имени должника и суммы, которую он вернул. Всего в источнике содержатся 36 (100%) записей о займах, полностью были погашены долги в 24 (66,6%) случаях, частично – в 3 (8,3%) случаях и 6 (16,6%) записей не содержат сведений о возврате долга. Две (5,5%) записи отличаются от остальных тем, что в одном случае долг был выплачен представителем гостинной сотни Иваном Якимовым сыном Усовым (*Голикова Б.Н.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой половины XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н. В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан. М.; СПб. 2012. С. 86–87), а в другом оплата произведена «на Москве».

Возврат заемных денег монастырю был произведен не в рублях, а в ефимках. В России XVII в. ефимки были необходи-

мы для торговли и расчетов с иностранцами. Помимо этого, Россия не имела собственного серебра для чеканки монет, поэтому ефимочное серебро принималось как сырье. Государством был установлен курс, по которому покупали ефимки, — 50 копеек после 1649 г. (*Потин В. Н.* Талеры на территории Русского государства в XVI–XVII веках // *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики.* Л., 1977. С. 50–104). Н.В. Устюгов приводит данные, что в 1678 г. за 1 ефимок давали 100 денег (*Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1965. С. 150). В 1677/78 г. Вологодская архиерейская кафедра при покупке ефимков для разных окладов платила по 18 алтын 2 деньги за ефимок (Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 417). В сийской «рописи» 1653 г. обозначена стоимость одного ефимка — 15 алтын 4 деньги, что равнялось 94 деньгам, что подтверждает наблюдения В.Н. Потина.

Ефимочное серебро использовалось для окладов икон и другого убранства храмов. Приведем пример из описи монастырской казны Антониево-Сийского монастыря от 4 мая 1646 г., когда по «благословиению» игумена Феодосия была переписана монастырская казна. Писец зафиксировал «денег налицо пятьдесят рублей... Денег же старых копеек девятнадцать рублей одиннадцать алтын четыре денги. Да серебра ефимков любских полвосма ефимка. Да Германовских три ефимка... Да серебра же обресков окладных и слитков шестьдесят семь золотников» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 2–3 об.).

М.С. Черкасова обратила внимание, что гость М.Е. Лазарев в мае 1661 г. на 200 руб. купили 27 фунтов 40 золотников ефимочного серебра у старца вологодской службы Соловецкого монастыря, а потом передал их в казну Софийского дома (*Черкасова М.С.* Новые данные о госте М.Е. Лазареве // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.* Нижний Новгород, 2018. С. 103–110.). Архиерейский казначей Илья в 1647–1661 г. составил приходо-расходную книгу «золотых монет, сусального золота, ефимочного серебра, используемых в архиерейском доме его мастерами для изготовления иконных окладов и другой драгоценной утвари» (*Черкасова М.С.* «Выдаточная книга» Вологодского архиерейского дома середины XVII в. // *Вестник церковной истории.* 2018. № 1–2 (49–50). С. 35).

Монастырь мог использовать ефимки для сдачи их в казну и получения либо чистой прибыли из-за разницы в курсах.

Н.В. Устюгов показал, что перечекалка талеров в русскую монету приносила выгоду государственной казне. Покупка происходила по цене в полтину, а в обращение поступало денег на 21 алтын 2 деньги (или 128 денег), что приносило прибыли в 28% (*Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М. 1965. С. 150). При установленном курсе в монастырскую казну поступало 6 денег с каждого ефимка, что составляло 6,4% прибыли.

Документ составлен в начале денежной реформы Алексея Михайловича, когда ввозимое серебро государство стремилось консолидировать в казне (*Спасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 103–156). Антониево-Сийский монастырь мог выступать в качестве своеобразного обменного пункта, обеспечивая доставку ефимков в Москву, где иностранная серебряная монета поступала на Монетный двор.

В большинстве случаев установлено соответствие рублевых сумм с весом возвращаемых ефимков. Так 50 рублей равнялось 7 фунтам 57,5 золотникам, 100 рублей — 15 фунтам 19 золотникам и 1,5 деньгам, 200 рублей — 30 фунтам 38 золотникам и 3 деньгам. Таким образом, для обозначения веса меньшего, чем золотник (4,266 гр.), использовали деньги, вес которых был 0,235 г. Абсолютный вес не всегда приведен в записях, в тех случаях, когда данные отсутствуют, он высчитан математически.

Анализ «рописи» показывает, что Антониево-Сийский монастырь в середине XVII века обладал значительными финансовыми возможностями. Всего в долг было выдано 5010 рублей (100%), при этом вернули 3808 руб. 64 алт. 13 ден. (76%) ефимками — 2040,42 еф. 3 алт., что по весу составляло 453 фун. 18,13 зол. 18 ден. (185 кг и 508,94 г).

Н.В. Белов
библиотекарь НИОРК БАН

Когда началось летописание в Архангельске?

На протяжении XVI–XVIII вв. центром летописания Русского Севера были Холмогоры. Именно здесь в третьей четверти XVI в. появился на свет общерусский свод, известный под именем Холмогорской летописи; здесь же были созданы памятники двинской летописной традиции середины – второй половины XVII века.

Считалось, что запустение города «повлекло за собой прекращение летописания в Холмогорах и перенесение его в Архангельск, где в 50-х годах XVIII в. появилась новая редакция Двинского летописца» (*Сербина К.Н. Двинской летописец // ВИД. Т. 5. Л., 1973. С. 219*). Более ранние случаи создания летописей в Архангельске неизвестны.

Вопрос о существовании архангельского летописания конца XVI в. поставлен автором этих строк в связи с находкой нового памятника – Двинского летописчика 1587 г.

Историков давно интересовал вопрос: велись ли летописные записи на Двине в промежутке с середины XVI в., когда была создана Холмогорская летопись, до середины XVII в., т.е. времени появления первых двинских летописцев.

Еще в 1979 г. Д.К. Уо отметил совпадение фрагмента двух памятников холмогорского летописания: т.н. Летописца Иова Иванова (1650-х гг.) и Краткого летописца двинских воевод (2-й пол. XVII в.). Этот фрагмент сообщал о событиях 1553–1587 гг.: торговых связях Подвинья с Европой и основании Архангельска (*Waugh D. Two Unpublished Muscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. 12. P. 5*).

Теперь летописные статьи, которые составили общие чтения Летописца Иова Иванова и Краткого летописца двинских воевод, найдены в виде отдельного сочинения — Двинского летописчика 1587 года.

Летописчик помещен на обороте финального чистого листа основной части кодекса с текстом Старшего извода Пространной редакции Степенной книги (РГБ. Ф. 228 (собр. Д.В. Пискарева). № 177. Л. 1125 об.). Тем же почерком, что и летописчик, на вставных листах к кодексу прибавлена переводная статья «Проречение над гробом Константина Великого» в редакции Хроники Псевдо-Дорофея (1665 г.). Стало быть, список летописчика выполнен не ранее 2-й пол. 1660-х гг. Однако создание его архетипа следует датировать более ранним временем.

Летописчик независим от Холмогорской летописи XVI в. Сличение его с известными памятниками двинского летописания XVII в. — Летописцем Иова Иванова, Кратким летописцем двинских воевод и Двинским летописцем — показало, что он является не выборкой из этих летописей, а, напротив, их источником.

Скорее всего, летописчик был составлен около 1587 г. в связи с основанием Архангельска и переносом в него северной торговли России со странами Запада. Об этой дате написания летописчика говорят как статья за 7063 (1555) г. («...а вологодские суды

с нѣмецкими товары ходили х караблям на Корѣльское устье и по 95-й год»), так и финальная статья о событиях того же «95-го» или 1587 г.

Фраза летописчика о «приходе» к Архангельску в 1585 г. голландских кораблей, «а на них торговые иноземцы Андрѣянов брат Тимоха с товарищы», вышла из-под пера явного современника описываемых событий. (Показательно, что при внесении этой статьи в Краткий летописец двинских воевод имя «Андреянова брата Тимохи» было вычищено как неясное для книжника второй половины XVII в.).

Местом написания летописчика был, по всей видимости, Архангельск, поскольку текст памятника посвящен определению его роли в истории русско-европейских торговых контактов.

Интерес севернорусского хрониста к торговле, а также особенности его языка (напр., «...и судьи о том писали къ государю. А нѣмецъ поили и кормили на Колмогорах, а отпуску им не было») позволяют видеть в нем канцелярского служащего.

Составление краткой, концептуально цельной летописной «справки» по истории беломорской торговли и места в ней Архангельска около 1587 г. (т.е. через два-три года после его постройки либо в близкое время), неслучайно. Именно в 1587 г. в Архангельск были «сведены» 133 торговых человека из Холмогор и Двинской земли.

Строительство Архангельска, радикально изменившее торговый мир Севера России, нуждалось в должном осмыслении. Результатом такого труда стало создание Двинского летописчика 1587 г.

В середине – второй половине XVII в. летописчик был использован при написании двинских летописцев. Его вторичный вариант (с присоединением «вводной» статьи о наместнике князе С.И. Микулинском) в полном объеме вошел в состав Летописца Иова Иванова и, с некоторыми изменениями, в состав Краткого летописца двинских воевод (См.: *Waugh D. Two Unpublished Muscovite Chronicles*. P. 18–19; ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 145–146). Две статьи летописчика – о приезде англичан (7063 г.) и основании Архангельска (7092 г.) – были расширены за счет амплификаций историко-географического характера и включены в Двинской летописец (См.: ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 150).

Находка «недостающего звена» двинского летописания позволяет не только уточнить текстуальные связи между уже известными севернорусскими летописями, но и с уверенностью говорить о существовании сокрытого прежде этапа летописной традиции Подви-

ня, а именно — ведения повременных записей в Архангельске в конце XVI века.

Ниже представлен текст Двинского летописчика 1587 г. по единственно известному списку 2-й половины XVII в. (РГБ. Ф. 228. № 177. Л. 1125 об.):

«В лѣто 7062-го году пришел аглинской карабль провѣдывать Двинского устья и зашел в Унскую Губу и зимовал. И судьи о том писали къ государю. А нѣмецъ поили и кормили на Колмогорах, а отпуску им не было.

И въ 63-м году пришли на Двинское устье аглинских четыре карабля. А вологодце суды с нѣмецкими товары ходили х караблям на Корѣльское устье и по 95-й год.

А въ 92-м году присланы с Москвы на Двину воеводы Петръ Афанасьевич Нашекин да Залѣшанин Никифорович Волохов. И Архангелской город поставили однѣм годом, и съѣхали к Москве.

И послѣ того присланы на Двину приказные дѣти боярские.

Въ 93-м году пришли к Архангелскому городу галанские карабли, а на них торговые иноземцы Андрѣянов брат Тимоха с товарыщы.

А въ 95-м году пришли к городу аглинские карабли».

*А.Б. Белова
м.н.с. ОДРЛ ИРЛИ РАН*

«О составлении чернил...» для благоискуснейшего каллиграфа: наиболее часто переписываемый комплекс статей о книжном деле в русских сборниках XV–XVII вв.

Древнерусские технологические тексты XV–XVII вв. О книжном деле, как правило, представляют собой набор разрозненных статей. Заметную долю их составляют разнообразные рецепты чернил и киновари. Среди них выделяются два рецепта чернил и киноварного красителя, образующие относительно устойчивый комплекс (см.: Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. Т. 1., кн. 1 / Сост. Ю.И. Гренберг. СПб., 1995. С. 74–75). Эти тексты не имеют устойчивого названия и, как правило, озаглавлены: «О составлении чернил» и «Не неведомо же ти буди и о киноварнем растворении»; в более поздних редакциях уточняется, что речь идет о составлении чернил «книжных» или «уставных».

Специфика интересующих нас рецептов в том, что другие тексты о технологии книжного дела редко бытуют в сборниках XV–XVII вв. более чем в трех списках, эти же два рецепта насчитывают более дюжины списков. По неизвестной причине они пользовались у составителей сборников большей популярностью, чем другие. Следует отметить, что эти рецепты, в отличие от многих, известны в нескольких редакциях. Ранняя, пространная редакция (не вполне корректно названная Ю.И. Гренбергом «Варфоломеевской» — по имени владельца старшего ее списка) является основной. Позднее на базе пространной редакции были созданы несколько кратких, различающихся между собой составом извлеченных рекомендаций.

Самый ранний известный исследователям список (РНБ. Софийское собр. № 1568. Л. 140 об.–142) датируется по филиграммам 1590-ми гг.; наличие в нем молитвы о здравии царя Федора Ивановича говорит о его создании до 1598 г. Так, этот рецепт принадлежит к немногочисленным текстам о технической стороне книжного дела, дошедшим в списках XVI в. Софийский кодекс содержит владельческую запись («Книга осмочастная черннца Варфоломея Новгородца, Кирилова монастыря постриженника») и представляет собой сборник смешанного содержания, в состав которого, помимо прочего, входят грамматические сочинения и тексты о тайнописях.

Рассматриваемая нами пара статей не имеет устойчивого канона. Они могут как бытовать вместе с другими рецептами красителей, рекомендациями по книжному делу и различным ремеслам, так и быть единственными технологическими текстами в рукописи (РНБ. Софийское собр. № 1568; РНБ. О.І.67; ГИМ. Синодальное собр. № 871; РНБ. Собр. М.П. Погодина. № 1610). Как правило, эти две статьи переписываются вместе, но в некоторых случаях оказываются разделены. Отдельно рецепт чернил мы находим в рукописи РНБ. Q.XVII.142, отдельно рецепт киноvari — в кодексах РГАДА. Ф. 181 (собр. МГАМИД). № 925/1491 и РНБ. Q.XIII.10. Кроме того, в некоторых сборниках при копировании обеих статей они не сохраняются как единый комплекс — между ними оказываются вставлены другие тексты. Таковы сборники ИРЛИ. Собр. Ф.А. Каликина. № 81, ГИМ. Собр. Е.В. Барсова. № 1365, РГБ. Ф. 247 (Рогожское собр.). № 631. Составители сборников, очевидно, намеренно разъединяли эти статьи, формируя тематические подборки рецептов чернил отдельно от рецептов киноvari.

Говоря об этих двух статьях как о комплексе, мы имеем в виду прежде всего основную Варфоломеевскую редакцию и исходим из структуры текста. Начинается он рецептом чернил, половину которого составляет подробное описание изготовления одного

из ингредиентов — жженого купороса. Далее мы наблюдаем обширный блок, посвященный добавочным компонентам чернил (Белова А.Б. К вопросу о профессиональных представлениях древнерусского книгописца о химии красителей и их месте в искусстве книги XVI–XVII веков // Искусство и культура Средневековья. Наследие и перспективы: Тезисы докладов международной конференции. СПб., 2020. С. 148–149), их хранению, корректировке их состава («аще чернило бумагу проедает...»), «а с пера чернило не пойдет...», «аще ли бескомедно и не крепко...»), а также свойствам писчего сосуда. За этим блоком под заглавием «Не неведомо же ти буди и о киноварнем растворении» следует рецепт киноварного красителя. К нему, в свою очередь, приписаны рекомендации по улучшению состава киновари — пространный запрет на добавление чеснока и советы класть в киноварь яблочный сок и платяной румянец. Завершением всему комплексу служит этикетная концовка с обращением к читателю: «Елика о сих слышах от благохудожных неких и изрядных калиграф, и своєю си грубостию в мале искусих, намороковах твоему благолюбию от благоискуснейшии калиграфе».

Автор комплекса не напрасно адресует его «благоискуснейшему калиграфу» — важно отметить нефункциональность входящего в него рецепта чернил для неподготовленного читателя. Собственно процессу приготовления чернил посвящено в нем несколько строк. Начинается описание так: «Смешав гнездо жидкого чернила и процедив, наполнити писчей сосуд». Далее говорится о манипуляциях с писчим сосудом и уже готовыми чернилами. Таким образом, пропущена основная часть рецепта — приготовление чернильного «гнезда» (т.е. смеси базовых твердых компонентов красителя). Можно было бы предположить, что основную ценность в глазах человека, решившего воспользоваться этим текстом для практических нужд, представляли рекомендации по корректировке готового красителя, который можно было купить у мастера-чернильщика, однако в сокращенных редакциях текста оказываются опущены именно они.

Отсутствие описания ключевых этапов изготовления чернил не помешало рассмотренному нами комплексу статей стать наиболее часто переписываемым древнерусскими книжниками. Это ставит перед нами вопрос о функции текстов о книжном деле в сборниках XV–XVII веков. Они могли как служить практическим руководством для составителя и читателя сборника, так и копироваться из стремления к накоплению знания.

Биографические сведения о служилых людях в росписи стольников, стряпчих и дворян московских больных мая 7163/1655 г.

Известно, что в ходе первого Государева похода Алексея Михайловича в сентябре 1654 г. были взяты Смоленск и Шклов (*Курбатов О.А.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2019. С. 17, 21). Второй Государев поход Алексея Михайловича начался весной 1655 г. сбором главной царской армии в Смоленске и Шклове (Там же. С. 52, 53, 56). К этому событию — сбору армии — относится документ, отложившийся в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и условно названный нами росписью стольников, стряпчих и дворян московских больных, которых «велено для болезни отпустить по домом, а с поместий их и вотчин взять даточных людей конных», «а иным велено жить в Смоленску покаместа обмогутца, а даточных не имать» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 174. Столп. 1. Л. 2, 3, 6, 7; Столп. 2. Л. 4, 5, 8–12; Столп. 5. Л. 1).

Судя по всему, роспись сохранилась полностью (в ней сделаны цифровые пометы «11 ч.», «29 ч.», обозначающие количество больных стряпчих и дворян московских без позднее приписанных). Роспись состоит из трех чиновных перечней, начинающихся соответствующими подзаголовками. Заголовка росписи в целом нет, однако в начале ее сделаны две пометы, выступающие в такой роли. В одной из этих помет содержится неполная дата составления росписи — май 7163/1655 г. Кроме того, в конце росписи еще одна помета сообщает, что 26 мая 7163 г. царь «велел по сей росписи болных отпустить». Роспись содержит имена 57 служилых: 8 имен в перечне стольников, 13 — в перечне стряпчих, 36 — в перечне дворян московских (фактическая численность стольников и дворян в росписи немного другая: В.И. Травин по ошибке записан в перечень дворян московских, в то время как он имел чин стольника, а кн. С. Морткин, не являясь дворянином, лишь служил за отца, дворянина московского кн. В.Ф. Мортикина; кроме того, в росписи значится С.С. Федоров, иноземец, служащий «по московскому списку»: в боярских списках 1646-1655 гг. его имя не встречается, но он внесен в боярскую книгу 1639 г.).

Очевидно, роспись была составлена на основании поданных служилыми челобитных. Об этом свидетельствует более поздний (по сравнению с основным текстом росписи) абзац: «Баим Федоров сын Болтин. 10 ч. Отставлен по подписной челобитной, челобитная у Офонася Зыкова». Поскольку в этой приписке о болезни служилого ничего не сказано, можно полагать, что Б.Ф. Болтин был включен в роспись больных потому, что в указанной подписной челобитной содержалась просьба об отставлении его от службы «для болезни».

При имени каждого служилого человека в росписи (за исключением названного выше Б.Ф. Болтина) указана его болезнь (чаще — несколько). Обычно сообщается и о том, как долго длится болезнь. Наиболее распространенными являются «огневая болезнь» (сыпной тиф), «животная болезнь», «поносная болезнь», лихорадка, болезнь ног, «дикое мясо» (опухоль), лом в костях, дряхлость, головная боль. Реже встречаются цинга, глухота, «сердешная болезнь», одышка, «брюхо опухло» (водянка), болезнь глаз, болезнь рук, «чечной» (геморрой), «сухотная болезнь» (туберкулез), «падучая болезнь» (эпилепсия). Видимо, сведения о болезнях черпались из поданных служилыми челобитных. Однако многие дворовые явно были осмотрены. Об этом говорят фразы «в лице худ» при именах целого ряда лиц и «в лице не испал» при имени В.И. Травина.

При именах служилых людей, которых было «велено для болезни отпустить по домом, а с поместей их и вотчин взять даточных людей конных», рукой подьячего Разрядного приказа В. Семенова сделаны пометы о количестве даточных людей («три человека даточных» и т.п.; всего при именах 46 лиц). Один из этих служилых, кн. Н.А. Деев, согласно помете, в период функционирования росписи в делопроизводстве уже «обмогся» (выздоровел). Однако «иным [было] велено жить в Смоленску покаместа обмогутца ж, а даточных не имать». При именах этих «иных» (их семеро) были сделаны соответствующие пометы, как-то: «быть в Смоленску покаместа обможетца, а как обможетца, быть на службе» (при имени К.А. Трусова сделана помета «быть в Смоленску у боярина у сбору», явно говорящая об участии служилого в сборе армии). Два служилых человека, согласно пометам при их именах, находились «в Шклове» (в том числе один, которому надлежало быть «в Смоленску»). При именах трех лиц ни помет о количестве даточных, ни помет о службе в Смоленске или Шклове не сделано.

При именах 35 служилых людей на левом поле документа были сделаны пометы о количестве крепостных дворов. Сведения о количестве дворов в поместьях и вотчинах больных стольников, стряпчих и дворян московских в росписи приводятся, очевидно, на осно-

вании информации поданных служилыми людьми челобитных. Об этом говорят помета (не дописанная и сразу зачеркнутая, так как, видимо, была сделана по ошибке) при имени И.П. Давыдова («В челобитной написано в поме-») и помета при имени П.И. Головинина («В вотчине 2 д[вора], по подписной челобитной, даточного имать не велено»). При сопоставлении количества дворов, указанных при именах служилых в росписи больных, с одной стороны, с числом дворов в «сказках» служилых людей о готовности к полковой службе (1653, 1661 и 1663/64 гг.), в росписи крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих по переписным и прочим книгам и по «сказкам» (1653 г.), а также в боярском списке (1665/66 г.), с другой, выяснилось, что у 10 лиц количество дворов, указанное в источниках, совпадает, у 10 служилых — различается (чаще незначительно), а о численности дворов у 15 лиц информация имеется лишь в росписи больных.

При именах служилых людей в росписи были сделаны и «третьные» пометы «1», «2» или «3», т.е. дворовых «росписали» «по третям» для службы.

Таким образом, роспись больных содержит уникальные сведения о служилых людях московских чинов двора и позволяет исследовать различные аспекты социально-политической истории Московского государства середины XVII в.

Л.А. Беляев
д.и.н., чл.-корр. РАН, зав. отделом археологии
Московской Руси ИА РАН
С.И. Баранова
д.и.н., г.н.с. РГГУ
А.В. Топычканов
к.и.н., МГУ

**Дом Кошкина в Коломенском:
П.Д. Барановский и П.Н. Максимов в борьбе за сохранение
остатков деревянного дворца XVII века**

По мере ввода в научный оборот блока материалов о Коломенском из личного фонда архитектора-реставратора П.Д. Барановского, находящегося в ГНИМА им. А.В. Щусева, становится очевиден его огромный интерес к деревянному дворцу Алексея Михайловича (1667–1767) царской загородной резиденции (ГНИМА ОФ-5112/43–48, 56–58). Эти материалы получили отражение в недавней книге

авторов (*Баранова С.И., Беляев Л.А., Топычканов А.В.* Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М., 2022; в издании ссылка дана на внутренний номер документов), но ограниченный объем книги не позволил уделить должное внимание отдельным эпизодам, связанным с изучением подлинных свидетельств истории дворца.

Благодаря документам стали известны детали деятельности Барановского не только в период с 1923 по 1933 гг., когда выдающийся архитектор-реставратор руководил созданным им музеем, но и позднее, во время археологических работ 1940-х гг. (*Беляев Л.А., Баранова С.И.* Изучение деревянного дворца: неизвестные материалы // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании.* М., С. 36–37; *Баранова С.И., Беляев Л.А.* П.Д. Барановский как археолог: Коломенское 1920-е – 1940-е годы // *Российская археология.* 2023. № 4. С. 189–204), а также в 1960-х гг. во время борьбы за дом Кошкина в Коломенском.

Дом упоминался в литературе, в том числе в связи с цитированием фрагментов «Описи дома села Коломенского умершего крестьянина Тимофея Иванова Лапшина состоящего в селе Коломенском на Большой улице. 1855 года февраля 27 дня». (МГОМЗ. Инв. № А-924). В 1855 г. после смерти Лапшина дом был продан крестьянину Федору Дмитриеву Кошкину за 950 рублей серебром (*Зенина М.А.* Осчастливленные стариной: этнография села Коломенское, села Дьяково и деревни Садовая слобода. М., 2004. С. 31–38).

Как можно сейчас утверждать «Дом Кошкина» (№ 119 по Большой ул. с. Коломенского), полностью утраченный в 1960-е гг., являлся подлинным остатком деревянного дворца. Дом был построен в XVIII в. (по легенде, в 1767–1768 гг.) из бревен дворца царя Алексея Михайловича, возможно, смотрителем дворца К.Д. Брыкиным. Дом был освобожден от жильцов и фактически не охранялся с марта 1965 г., и вскоре погиб от пожара. Когда угроза потери памятника стала реальной, П.Д. Барановский развернул переписку с многочисленными инстанциями, доказывая необходимость сохранения этого памятника (ГНИМА. ОФ-5112/ 62).

К борьбе присоединился известный историк архитектуры, старший научный сотрудник НИИТИ Петр Николаевич Максимов, который исследовал памятник. Его выводы, сделанные на основании тщательного изучения дома, сохранились в виде описания, натуральных зарисовок и проекта реконструкции (ГНИМА. Арх. 3095/1-10). П.Н. Максимов на основе натурного исследования подтвердил данные о его истории, приведя ряд доводов в пользу того, что дом был поставлен из готовых срубов, выполненных из мелкослойной сосны

толщиной 35–40 см с одинаковой сохранностью на обоих срубках. Исследователь обнаружил на бревнах нумерацию венцов срубов насечками, а их изучение позволило предположить, что срубы перебирали второй раз. Это позволило сделать следующий вывод: «Брыкин перенес... два готовых сруба, входивших в состав дворца (нумерация насечками), прорубив новые окна на бывших внутренних стенах, заменив где нужно нижние венцы, прорезанные дверьми, проемами, целыми венцами на верхних или нижних частях этих же срубов и сделав, быть может, поперечными врубками. Из дворца, возможно, были взяты балки перекрытий, половицы, бревна для стропил, от которых уцелели три затяжки, тетивы, ступени и балясины лестницы, и разные причелины кровли (с круглыми отверстиями). При перестройке начала XIX в. два нижних венца были удалены и заменены кирпичным первым этажом» (ГНИМА. ОФ-5112/ 62. Л. 8).

Максимов предложил продолжить изучение дома для более точного определения, из каких срубов дворца был построен дом, какой имел вид после постройки и после перестройки в начале XIX в. Он пошел дальше, предложив сравнить его обмеры с чертежами дворца в Коломенском, глубже изучить в натуре оконные проемы, части верхних стропил «брыкинского» и «лапшинского» времени, разные доски на чердаке и поперечные бревна, связывающие стены южного сруба. Безусловно, в то время это было еще возможно.

Сам факт использования материалов дворца в строительстве не уникален. Судя по предметам, которые попадали в музей из крестьянских усадеб Коломенского в XX в., избы села стали своеобразным хранилищем, для остатков дворца при его ремонтах и особенно после разборки: белого камня фундамента петровского времени, деталей декора, отдельных предметов и особенно деревянных строительных материалов, которых было огромное количество. Документы представляют процесс разборки дворца, сохранение материалов, для охраны которых был поставлен караул, а позднее построены сараи для хранения, распилку бревен «...годный лес разобран по сортам в стопы, а протчей годной ж лес изпилен в доски (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 33297. Л. 1). Лишь с 1769 г. началась перевозка строительных материалов в Москву, длившаяся по крайней мере до 1774 г.

На основе этих заключений Научно-методический совет по охране памятников культуры просил у министра культуры РСФСР принятия срочных мер по сохранению дома и помещения его под государственную охрану, а Инспекция по государственной охране памятников архитектуры г. Москвы предложила Государственному Историческому музею включить дом в экспозицию музея в

Коломенском, который в то время являлся его филиалом. Однако в 1969 г. дом разобрали, составив акт, свидетельствующий о попытке (в целом неудачной) спасти хотя бы часть материалов.

В настоящее время авторы готовят публикацию об утраченном памятнике и его необычной истории.

*А.В. Беляков, д.и.н., в.н.с.
Центра истории русского феодализма ИРИ РАН*

От государева перстня до государевой печати

Презентация власти московского государя при заверении документов с XIV по XVII в. проделала значительную эволюцию. Изначально документы, выходявшие из великокняжеской канцелярии и канцелярий удельных князей, скреплялись вислыми свинцовыми или серебряными вызолоченными печатями. Позднее появляются восковые односторонние прикладные и вислые двусторонние и односторонние печати, при сохранении использования металлических вислых печатей.

По-видимому, постепенно здесь возникла своя иерархия. Металлические печати вошли в прерогативу великого князя, восковые могли использоваться как великим, так и удельными князьями. Известные на настоящий момент оттиски восковых печатей имели круглую, реже овальную форму с наиболее частыми размерами, укладывающимися в диапазон 15–20 мм. Зачастую помещенные на них изображения являются оттисками античных гемм или их подражаний, иногда дополняемые надписями, помещенными на оправу.

Логично предположить, что матрицы таких печатей были оформлены как перстни. Прямые свидетельства этого в источниках отсутствуют. Однако в нашем распоряжении имеются косвенные данные. Наиболее интересные из них содержатся в завещании русского удельного князя Ивана Борисовича (1503 г.). В соответствии с ним великому князю, в том числе должны были достаться три золотых перстня. Интересно, что в момент составления этого документа они хранились не в его казне удельного князя, а у иных лиц. Два золотых перстня хранились у Юрия Малого Грека (Траханиот Юрий Малый Дмитриевич), и один с перелефтом (по-видимому, с геммой) у Обляза (Иван Васильевич Вельяминов Обляз). Показательны должности, занимаемые этими людьми. Ю.Д. Траханиот выехал со своей семьей на Русь в 1472 г. в ближайшем окружении Софьи Палеолог. В 1495 г. он указан среди великокняжеских постель-

ников. В феврале 1500 г. присутствовал на свадьбе князя В.Д. Холмского. В этом же году возглавил посольство в Данию. В конце 1503 г. стал печатником. По-видимому, упоминание грека в завещании удельного князя связано именно с этим. Князь Иван Борисович (ок. 1483 – 28 ноября 1503 г.) тяжело заболел в 20-летнем возрасте и уехал в Волоцкий монастырь, настоятель которого Иосиф, был его крестным отцом. Тогда между юным князем и его боярами возник конфликт. Возможно, князь специально передал свои перстни, которые использовал как печати великокняжескому печатнику. И.В. Вельяминов числился среди слуг удельного князя. Во время русско-литовской войны 1500–1503 гг. командовал дружиной Ивана Борисовича, в разрядах назван «князь Борисов воевода». По-видимому, появление у него перстня (перстня-печати) связано именно с этим. Отец князя Ивана, Борис Васильевич Волоцкий, умер в 1594 г. Возможно, Обляз все эти годы исполнял определенные административные функции в уделе. В таком случае этот перстень-печать мог быть его знаком власти, которым он мог удостоверить те или иные документы. После смерти Ивана Борисовича он служил еще двум удельным князьям — Дмитрию Углицкому (1507–1512 гг.) и Юрию Дмитровскому, позднее перешел к Василию III Ивановичу.

В истории с рузскими перстнями следует указать еще на один не очевидный момент. У московского печатника оказалось два перстня. Это может свидетельствовать о том, что они могли использоваться вместе (для двусторонних вислых печатей) и по отдельности. Отметим, что значительная часть воротных частновладельческих печатей XV–XVII в. также имеет два изображения. Это позволяет поставить вопрос о том, в каких случаях эти лица использовали то или иное из них.

В нашем распоряжении почти отсутствуют данные внешнего вида подобных перстней-печаток. Известно описание перстня Ивана IV, сделанное в XIX в.: «Перстень золотой с черною эмалью и с золотыми накладочками, на площади изображен двуглавый орел (довольно потертое изображение)». В XVII в. его описывали по-иному: «перстень булатен с мишенми золотыми». Кроме того, сохранилась запись об изготовлении в 1676 г. некоего перстня-инсигнии для черкесского князя К.М. Черкасского: «сделать князь Каспулату Муцаловичу Черкасскому перстень золотой, а на печати вырезать: печать кн. Каспулата Муцаловича Черкасского. О деле того перстня государев указ сказал боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово... И на тот перстень мастеру Данилу Козмину золота 6 золотников с четью (ок. 26,5 г. — А. Б.)». На основании этого можно предположить, что подобные перстни-печати являлись довольно

массивными предметами и не предполагали их постоянную носку. Хотя в царской казне упоминаются и более миниатюрные изделия: «Перстень, королек белой, обложен золотом. Печать в нем врезана золотом орел двоголовой» (весом в 1,5 золотника).

Использование подобных перстней для заверения великокняжеских (царских) грамот начитает постепенно затухать в последние десятилетия XV в. Это напрямую было связано с появлением стационарной матрицы для двусторонней печати с изображением двуглавого орла и ездца. Подобная печать стала называться большой. Логично предположить, что изображения, получаемые с использованием перстней стали называться малыми, хотя в источниках это определение отсутствует. Последний раз печать с оттиском античной геммы (овальной формы с сюжетом благовещенье?) упоминается в 1557 г. В 1566 г. известно употребление перстневой печати (овальной формы) с изображением двуглавого орла. В 1575 г. известна овальная (ок. 40x30 мм.) печать со следующим изображением: двуглавый орел с ездцом в картуше на груди. Над орлом 2 короны. По ободу печати – надпись. То же, но с ездцом на овальном щите на груди орла и крестом между орлиных голов мы наблюдаем на печати (перстневой?) Лжедмитрия I. Печать Михаила Федоровича дополнена третьей короной вместо креста и круговой надписью. После этого подобные печати не фиксируются. Хотя в XVII в. как государевы печати для приказных нужд царей Михаила и Алексея еще упоминаются перстни с геммами известные нам по документам более раннего периода.

Таким образом, мы показали, что, несмотря на скудость источников, история бытования перстней-печатей все же прослеживается.

*Е.В. Белякова
к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН*

Неисследованный источник по исторической метрологии (из истории русско-афонских связей)

В пособиях по исторической метрологии говорится об ограниченности источников для раннего периода русской истории, особенно в том, что касается древнерусских мер жидкости. В российской историографии немного работ по византийской метрологии. Именно поэтому небольшой текст, сохранившейся в составе Псалтири с исследованием конца XV в., заслуживает, на наш взгляд, изучения и публикации (Описание: *Леонид, архим.* Систематическое описание

славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 2. М., 1893. № 670. С. 44–48).

Следованные псалтири как жанр остаются малоисследованными (*Семячко С.А.* К определению Следованной псалтири как сборника устойчивого состава // *Вестник Новосибирского государственного университета*, 2011. Т. 10. № 8. С. 59–68). Текст Псалтири дополнен в них Часословом, месяцесловом, уставными и учительными статьями, пасхалией. В состав Следованных Псалтирей в конце XV в. включали и Скитский Устав (*Белякова Е.В.* Скитский устав в монастырской книжности XIV–XV вв. // *Кирило-Методиевские студии*. Кн. 32. Манастирски библиотеки в Южнославянските земи и Русия. София, 2022. С. 289–290). Скитский устав сопровождают, как правило, статьи, описывающие особенности монашеского богослужения на Афоне. Среди этих статей в Следованной Псалтири и помещена одна интересующая нас статья, объясняющая меры измерения жидкости и веса, употребляемые на Афоне.

Надо отметить, что в немногочисленных исследованиях по византийской метрологии Афон не выделяется как область с особыми единицами измерения (*Schilbach E.* *Byzantinische Metrologische Quellen*. Düsseldorf, 1970). Однако для русского монашества именно Афон служил эталоном в организации монашеской жизни, и связь с ним не прерывалось все средневековье.

Статья имеет заглавие: «Подобаеть ведати, колико ес(ть) чаша, юже пишут с(вя)ти(и) отци мерно испивати» (ГИМ. Ув. 806, Л. 236 об.-237). Начинается интересующая нас заметка словами: «добре въпрашаеши възлюбленне, сице аз обретаю», и далее говорится об объеме «мерной чаши». В монашеских уставах встречаются указание на то, сколько чаш можно пить на праздничной трапезе. «Мерная чаша» определяется через «пол литры». Греческая «литра» была официальной мерой в Византии и употреблялась как для денежного счета, так и как мера жидкости (*Schilbach E.* *Byzantinische Metrologie*. München, 1970. S. 160-168). Согласно Е. Шильбаху, литра колеблется от 330 до 390 гр. Далее в рассматриваемой статье идет пояснение: «Три чаши обедные полторы литры». Указана еще «рабочая чаша», которая «имать литру мерою». «Литра же имать полторы гривенки». И литр, и гривенка как мера веса денег известна по Торговой книге XVI в.: «В литре малых пол 2 гривенки» (*Сахаров И.* Торговая книга // *Записки отделения русской и славянской археологии императорского археологического общества СПб*, 1851. Т. 1. С. 114), и по русским таможенным книгам XVII в. В тексте названы также «купа трапезная», которая составляет 5 чаш. Купа (лат.) — это бочка, кадка. «Литра» определяется через 12 «унгий», а в унгии

6 «эксат». Унгия (ουγγια) как 1/12 литра была хорошо известна в Византии и происходит от римской унции (uncia) (Schilbach E. Byzantinische Metrologie. S. 281). В унгии было 6 эксат. Приводимые далее термины греческого происхождения и происходят от числительного τέταρτος: «тетартъ», «мисотетатрос». 4 тетарты – это «метра». В русской практике хорошо известна «четверть» как четвертая часть кади (Шевцов В.В. Историческая метрология России. Учебное пособие. Томск, 2007. С. 124). Из итальянского (mensurs, misura) было заимствовано в греческий «мозурь» (варианты «мисурь») (μοῦζουριον), размер которого определяется в «полторы литры». Упомянуты еще «калтелура», которой измеряется вино, и «пинак» (πινακιον), составлявший ¼ модия. Указано, что «купа же, яже дается на обед, имать 6 чашь смешена вина».

Далее называются меры измерения «жита»: мозурь, «вретище», «модь» (μοδιος — от лат. modius), «бремя конско», «бремя оселско» (т.е. груз, который можно положить на осла). «Бремя конско» это два вретища. Даны размеры мешка: «две пяди в длину, а две в преко». «Преко» означает поперек. «Вретище» больше мешка: оно имеет «в преко 3 пяди, а в длину пол 4». Определяется и размер «кадци», т.е. кадки: «две пяди малых, врховата в длину и в преко». Этими мерами изменяется озимая пшеница.

Таким образом, перед нами текст, где даны и греческие, и славянские названия единиц измерения. По-видимому, они использовались при раздаче вина и зерна и имели практическое значение. Между монастырями и скитами на Афоне происходил обмен продуктами, и скитяне получали из монастырей запасы на месяц.

Этот сравнительно небольшой по объему текст, занявший неполные 1,5 листа в рукописи, интересен как свидетельство совместного проживания славянских и греческих монахов. Он показывает возможность своеобразного сочетания разных метрических систем. Конечно, не только Афон был местом, где проживали славяне и греки. В конце XIV в. на территории Болгарского царства в Парории также появились монастыри, где греки проживали вместе со славянами. Тесные контакты между монашествующими греками и славянами связаны с кругом Григория Синаита, учеником которого был и Ромил Видинский, создавший свой скит около монастыря Раваницы и с ним, вероятно, связано создание Скитского устава. Данная статья позволяет лучше понять взаимодействие монастыря и скитов, также представить сложное переплетение разных традиций измерений в многонациональном пространстве монастырей Балкан.

**Традиция лицевого «Физиолога» Дамаскина Студита
в русской рукописной книге XVII–XVIII вв.: к вопросу
о соотношении списков увар. 577-4° и унд. 688**

Типология bestiaria в славянской книжности, в отличие от западноевропейской, не была полностью сформирована (Белова О.В. Славянский bestiary: Словарь названий и символики. М., 2001, С. 20). Однако описания реальных и мифических животных, сопровождаемые детальными миниатюрами, часто входили в состав других естественнонаучных сочинений. Подобные символическо-толковательные тексты о живых существах встречаются в таких литературных памятниках, как «Шестоднев», «Толковая Палея», «Христианская топография Козьмы Индикоплова». Традиция описания существ и их свойств и отражения этих свойств в миниатюрах восходит к греческому «Физиологу» (II–III вв.). Тексты о животных, сопровождаемые миниатюрами, встречаются и в более поздних сочинениях, близких к естественнонаучным описаниям.

В древнерусской книжной культуре лицевые рукописи с текстами естественнонаучного содержания представляют большую редкость. Среди более поздних текстов, содержащих описания живых существ, наше внимание привлекло «Дамаскина, архиеерея Студита собрание от древних философов о неких собствах естества животных» — сочинение XVI в., появившееся в древнерусской литературе в результате перевода с греческого языка. Текст имеет множество списков XVII–XVIII вв. и входит в состав многих рукописных сборников, но миниатюрами украшается редко.

В Уваровском собрании Отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ наше внимание привлекла лицевая рукопись начала XVIII в. — «Физиолог» Дамаскина Студита (Увар. 577-4°). Нами был найден ее аналог в собрании РГБ (РГБ Ф. 310, собр. Ундольского, № 688). Предварительный анализ этих рукописей позволил выдвинуть предположение о стилистическом и художественном единстве в исполнении миниатюр. Заметно также сходство их почерков. Исследование предполагает палеографический и кодикологический анализ обоих памятников, поиск взаимосвязей между этими двумя рукописями и иконографический анализ миниатюр. Дальнейшие поиски в рукописных собраниях ГИМ и других хранилищах позволили выявить еще один лицевой список этого текста, Роф-8511 (вторая четверть XVIII в., ГМИРЛИ). Этот лицевой список «Физиолога»

отличается как почерком (полуустав), так и характером расположения миниатюр и их стилистикой, что дает основание для сравнения и дальнейшего изучения этих памятников в комплексе.

Несмотря на основательные текстологические исследования, художественная составляющая лицевых списков «Физиолога» Дамаскина Студита представляется малоизученной (Белова О.В. Указ. Соч. С. 22). Перспективы изучения миниатюр и других элементов оформления славянских рукописей XVI–XVIII вв., близких к бестиариям, широки. Первостепенные задачи для дальнейшего изучения памятников — исследование заимствований из византийских и западноевропейских аналогов, прослеживание формирования определенных иконографий миниатюр славянских «бестиариев», расширение ряда анализируемых памятников.

*А.А. Богомазова
к.и.н., м.н.с. СПб ИИ РАН*

К вопросу о мерах длины и объема в документах северных монастырей XVII века

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 20-78-10060-П

К изучению документов северных монастырей как источника по исторической метрологии исследователи обращались многократно. Специальная статья М.С. Черкасовой посвящена изучению мер, использовавшихся в документах Спасо-Прилуцкого монастыря (Черкасова М.С. Метрология и терминология хозяйственных документов Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVI–XVII веков // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2022. С. 275–277). В статье мы обратимся к мерам длины и объема, значение которых уточняется или сопоставляется с другими мерами (меры объема с мерами веса) в документах Холмогорского архиерейского дома, Антониево-Сийского и Иоанно-Богословского Шенкурского монастырей.

Как известно, несмотря на то что по Соборному уложению 1649 г. была официально зафиксирована трехаршинная сажень (216 см), в середине – второй половине XVII в. в разных регионах страны были в ходу и другие разновидности сажени. Причем в одно и то же время на одной и той же территории могли использоваться разные сажени. Так, в приходо-расходной книге Холмогорского архиерейского дома под 1694–1695 гг. зафиксировано бытование сажени трех размеров. В сентябре 1694 г. архиерейский дом заказал кре-

стьянину Шенкурской четверти деревни Пинежки Богословского монастыря Ивашке Григорьеву сыну Носовых сделать «вновьоземельской кочевой» карбас (то есть карбас для коча, который пойдет на Новую Землю). Указаны размеры карбаса, причем дано уточнение: «сажени мера полтретья аршина два вершка» (НА СРБИИ РАН. Кол. 11. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 9 об.). В 1694/1695 г. «в разных месяцах и числах по указу преосвященного архиепископа Холмогорского уезда с Пенеге Валдокурского погоста крестьяне Антошка Пыхунов зделал в дом ево архиерейской в мурманской промысл лодью новую двинянку ... а сажени мера щепляная полтретья аршина» (Там же. Л. 116 об.; впервые описание лодьи 1694/1695 г. нашел и опубликовал М.И. Белов: *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения северного морского пути. М., 1956. Т. I. С. 211). В том же 1694/1695 г. «в разных месяцах и числах по указу преосвященного архиепископа Волока Пенезского Сомполской деревни крестьянин Елфимко Федоров сын Тарасовых зделал в дом ево архиерейской новоземельской промышленной коч ... а сажени мера полтретья аршина без дву вершков» (Там же. Л. 117 об.). Таким образом, в первом случае сажень равнялась 189 см (2,5 аршина + 2 вершка = 2,5 x 72 см + 2 x 4,5 см), во втором случае – 180 см (2,5 аршина), в третьем – 171 см (2,5 аршина – 2 вершка).

В порядных записях на строительство дощаников по заказу Богословского монастыря также встречается характеристика сажени. Так, в порядной, датированной 9 октября 1636 г., названы сажени «ручные», но более точно их размеры не раскрываются (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. 751. Л. 1). В порядной от 6 ноября 1699 г. названы сажени «троиаршинные печатные», то есть казенная сажень в 216 см. (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 1). В расписке выборных целовальников в получении двух дощаников Богословского монастыря со снастью, принятых у Ивана Петрова Поповых 9 мая 1701 г. также дано уточнение: «а саженью мерили треаршинною» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. 788. Л. 1).

В порядной на строительство дощаника, который крестьяне Подвинской четверти должны были поставить приказному старцу Ненокоцкого усолья Кирилло-Белозерского монастыря Рувиму Козмину к 1 августу 1689 г., размеры судна измеряли саженью в «полтретья аршина печатных», то есть 2,5 аршина или 180 см. (РГАДА. Ф. 1441. Оп. 7. Ед. хр. 12. Л. 1–2).

В хозяйственных документах северных монастырей упоминаются местные меры не только объема («в вологодскую меру», «в московскую меру»), но и длины. Например, в описи имущества

(отводной книге) Унского усолья Антониево-Сийского монастыря 1676 г. упоминается «сийский локоть»: «На соловецком старце Никодиме портна тонкого петдесят локот в наш сиской локот» (Ф. 1196. Оп. 3. Ед. хр. 191. Л. 12).

В монастырских документах встречаются не только названия мер объема, но и их сравнения между собой и сопоставления с мерами веса. В грамоте царя Михаила Федоровича на Двину стольнику и воеводе князю Василию Петровичу Черкасскому о невзимании пошлин с дощаника Богословского монастыря летом и с десяти подвод зимой, данной 10 июня 1632 г. говорится со ссылкой на грамоту 1621 г., что ходит к Новому х Колмогорскому городу в году одинава монастырской дощаник... А кладетца в тот дощаник триста пуд соли, а хлеба сыплетца в тот дощаник важских сто пятьдесят мер, а в московскую меру семьдесят пять четвертей» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2).

В описи имущества (отводной книге) Унского усолья Антониево-Сийского монастыря 1660 г. указано: «...Да в том же анбаре отмерено хлебных запасов в монастырскую усолскую в роздачную полумеру под гребло... Муки ржаной сто десят кулей, а кули мерою по две меры, итого двести дватцеть мер» (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 4 об. – 5 об.). Далее в той же описи имуществ соль измерена в сугребах: «Да соли в тех в обех анбарах ... сто дватцеть шесть сугребов, а мерою по сороку пуд сугреб в государев таможенной пуд средней мети» (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 12 об.). М.С. Черкасова указывает, что по документам Унского усолья Спасо-Прилуцкого монастыря вес одного сугреба соли равнялся 40–50 пудам (655,2 – 819 кг) (Черкасова М.С. Указ. соч. С. 277).

В приходе-расходной книге Ненокоцкого усолья Антониево-Сийского монастыря 1659 г. есть сведения о весе одного меха соли, провозимой на наемном дощанике. Поскольку за наемный дощаник приказчик Ненокоцкого усолья платил в зависимости от веса провозимой соли, в приходе-расходной книге указан не только объем (в мехах), но и вес (в пудах) соли, погруженной на дощаник (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 46–48; Богомазова А.А. Морские суда в Ненокоцком усолье Антониево-Сийского монастыря в середине XVII в. // Поморские чтения. Вып. 4. Архангельск, 2023. С. 62–63). Согласно приходе-расходной книге, один мех соли «по колмогорскому набою» весил 30–31 пуд (491,4–507,78 кг). Эти данные в целом совпадают с данными, полученными М.С. Черкасовой при изучении документов Спасо-Прилуцкого монастыря, по ним рогожный

мех соли мог равняться 26–37 пудам (425,88 – 606,06 кг) (Черкасова М.С. Указ. соч. С. 276).

Таким образом, хозяйственные документы северных монастырей могут содержать ценнейшие сведения о размерах используемых единиц измерения, сопоставлении их между собой. Эти сведения в свою очередь важны не только для истории метрологии, но и для различных тем по истории, культуре, хозяйства, в частности для истории северного судостроения (размеры судов, их грузоподъемность).

Н.А. Болдырева
к.и.н., н.с. ИВИ РАН

"Яко явствуется от сего надписания ветхаго на не всецелым мрамору": сведения о латинской эпиграфике в России XVI–XVII веков

Латинская эпиграфика как наука зародилась в XVIII в., чему предшествовали четыре столетия накопления опыта в изучении загадочных надписей на памятниках материальной культуры, раскрывавших некоторые детали жизни людей из далеких эпох. Представители антикварного движения XVI–XVII вв. приняли активное участие в собирании, копировании и попытках расшифровать античную и средневековую эпиграфику.

В Англии у истоков антикварного движения стоял Уильям Кемден (1551–1623), основатель английского Общества антиквариев, официальный королевский историограф, декан Вестминстерского колледжа, герольдмейстер Кларенсо. Созданный им историкотопографический трактат «Британия» (1586) стал первым полным описанием Британских островов, которое охватывало географию, историю, социально-политическую структуру, судебную систему английского государства, а также включало информацию новых для того времени дисциплин: топонимики, ономастики, геральдики, археологии, нумизматики и, в том числе, латинской эпиграфики. Изначально основной задачей сочинения являлся поиск следов римского прошлого, сохранившихся в данном регионе, поэтому на страницы трактата переходило все, что было с ним связано, включая надписи на античных надгробиях и алтарях. Римляне веками оттачивали каноны, по которым сокращались имена, должности и прочие сведения об усопших. Высеченные в камне лаконичные тексты тщательно зарисовывались и комментировались, если у Кемдена оказывалось достаточно знаний. Не пропускал антикварий и средне-

вековую эпиграфику, которая была ему понятнее и вызывала меньше трудностей.

С 1645 г. «Британия» с незначительными сокращениями в качестве четвертого тома вошла в состав известнейшего географического атласа мира — «Нового Атласа» Блау — и была переведена в 1650-е – 1661 гг. по заказу патриарха Никона в Чудовом монастыре Московского Кремля на церковно-славянский язык малороссийским книжником, старцем Исайей («Вританния»; ГИМ. Син. 41). Переводчику пришлось осмысливать и переводить научную монографию в практически современном значении этого слова. В ходе данной весьма непростой работы он проявил себя ответственным и вдумчивым исполнителем. Исайя блестяще знал латынь, владел греческим языком. В дополнение необходимо отметить умение старца находить в тексте подсказки и отбирать нужную информацию (он обращал внимание на глоссы Кемдена, использовал англосаксонский словарь антиквария), придерживаться единого варианта интерпретации различных онимов или терминов и постоянно учиться новому.

Книжник не позволял себе опускать оригинальный текст и выполнил пословный перевод. Купюр во «Вританнии» очень немного, все они обусловлены объективными причинами. Одним из самых сложных моментов для Исайи стала именно античная эпиграфика. С одной стороны, его переводы, в частности, эпитафий Марка Стация Приска Лициния Италика, римского военачальника, префекта IV когорты Лингонов в Британии в 132 г. н. э. (Там же. Л. 59), римского солдата из Бата Гая Муррия Модеста (Там же. Л. 206) или трехлетней девочки Сукессы Петронии (Там же. Л. 206 об.) поражают узнаванием многих сокращений. Их расшифровка требовала от Исайи информированности о значительном количестве фактов из римской истории и античных реалий (имена собственные, должности, административные единицы, военная организация и т.д.) С другой стороны, все-таки специфика данного материала и его каноны оказались старцу не всегда знакомы, здесь обнаруживается больше всего ошибок. Однако необходимо упомянуть, что если переводчику были совсем не понятны аббревиатуры или символы из атласа, то он не пытался их интерпретировать, а просто транслитерировал (Там же).

Испытывая трудности с интерпретацией римской эпиграфики, Исайя ближе к концу рукописи начал сокращать ее перевод, а в некоторых случаях и вовсе пропускать. Именно по этой причине, в частности, на страницах главы о Камберленде, расположенной в последней части трактата, в церковнославянском тексте появились пустые места (Там же. Л. 582, 583, 587об, 588). В «Британии» на этом месте расположены весьма объемные античные записи,

с которыми старец не стал «бороться». Справедливости ради нужно отметить, что малороссийский книжник так поступал не везде, а все же частично эпиграфику переводил, даже в самом конце трактата.

С более поздними надписями Исае было работать проще, поскольку при этом ему не пришлось разгадывать таинственные сокращения. Примерами его точных переводов могут служить надпись на камне об основании королем вестсаксов Этельредом древнего города (Там же. Л. 191), эпитафия самого Этельреда (Там же. Л. 192 об.), табличка, посвященная основателю знаменитой оксфордской библиотеки Томасу Болди (Там же. Л. 308) и др.

Малороссийский книжник, интерпретируя в своем переводе информацию, связанную с археологией, нумизматикой, геральдикой, палеографией и латинской эпиграфикой из трактата антиквара У. Кемдена, выступал в роли первопроходца, поскольку в России середины XVII в. сведения, относившиеся к данным дисциплинам, практически отсутствовали. Но если, например, по геральдике в Москве существовало несколько переводных сочинений и сборников, то применительно к латинской эпиграфике, оказавшейся столь сложной для Исаи, представляется весьма затруднительным назвать какой-либо нарративный памятник, который мог бы продемонстрировать материал, сходный с тем, что содержался во «Вритании».

М.Ю. Борисов
НИОРК РГБ, м.н.с. ИРИ РАН, РГГУ

Евфимий Чудовский — владелец, читатель и редактор московского печатного Пролога 1659/1660 г.

За свою жизнь монах московского Чудова монастыря и справщик Московского печатного двора (далее – МПД) Евфимий собрал внушительную библиотеку, которая после его смерти в 1705 г. была описана дьяком Иваном Вишняковым, а в последствии опись была опубликована А.Е. Викторовым. Здесь были учтены книги, хранящиеся только в келье Евфимия, видимо поэтому не был отмечен Пролог 1659/1660 г, расплетенный владельцем на 4 части по сезонам года (часть за сент.-нояб. до нас не дошла). В настоящий момент три остальные части (№ 5201, № 2597 (Ч. 3), № 2597 (Ч. 4)) хранятся в НИО редких книг (Музей книги) РГБ. Обращает внимание переплет книг, выполненный из недублированной телячьей кожи, в «конверт». Такие переплеты являлись характерными для МПД и дела-

лись на книги для служебного пользования. Поэтому части Пролога Евфимия могли храниться в типографии и, соответственно, из-за чего не попали в опись.

Каким образом оказался данный Пролог у Евфимия на сегодняшний момент неизвестно, хотя в документах МПД нами была обнаружена запись о покупке им части за первые полгода (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 59. Л. 377). В XIX в. все три части хранились в библиотеке МДА вплоть до закрытия в 1933 г., когда ее собрание было передано в ГБЛ. То, что эти книги предназначались для личного пользования, говорят на них записи: «Из кн(и)гъ монаха Евфимия». Пользовался ими Евфимий Чудовский, явно, в течение длительного времени, т.к. масштаб редакторской работы, зафиксированный на книгах в виде рукописных записей, помет и зачеркиваний, впечатляет. Все части Пролога буквально исписаны, а также монахом было наклеено и вклеено большое количество листков с собственным текстом. Причем интересны подходы работы у Евфимия с текстом книг, т.к. часть из его правок со ссылками на соответствующие страницы выносились на форзацные и нахзацные листы (возможно те, которые требовали особого внимания). Они выполнены разными чернилами, из-за чего можно сделать вывод, что Евфимий работал с ними в разное время и непоследовательно, при этом оставляя большие промежутки между записями для того, чтобы, в правильной последовательности, и соблюдая структуру книги, вписывать свои заметки.

Можно выделить следующие направления редакторской работы Евфимия: а) техническая редактура подразумевала исправление типографских опечаток или пропусков; б) лингвистическая редактура была самой массовой и состояла в замене определенных слов на греческие аналоги, которые либо записывались в оригинальном виде, либо адаптировались им на церковнославянской манер, что лежало в русле грекофильских воззрений монаха и было отличительной чертой его интеллектуальной деятельности; в) смысловая редактура также была проведена широко – заменялись некорректно составленные, по мнению автора, как отдельные слова и фразы, так и части и целые проложные тексты, которые вновь вписывались между строк или на полях, а иногда на заранее подготовленных и вклеенных в книгу листках; г) добавление новых редакций памятней святых, отсутствующих в печатном Прологе 1659/1660 г. имело систематический характер и выглядело также в виде заранее подготовленных листков с текстом (реже в виде записей на полях), вклеенных в книгу в соответствии с греческим Месяцесловом. Однако, кажется, что эта работа Евфимием не была доведена до конца, т.к.

в книгах можно встретить ряд подобных добавлений без текста памятей.

С текстом Пролога он работал неравномерно. Евфимия совершенно не интересовали святые, празднества и чудеса славянского происхождения – эти статьи не подвергались его правкам. Сюда же можно отнести и поучения, сказания и слова различных святых, в которых лишь изредка можно заметить технические правки монаха. Главное его внимание концентрировалось на статьях, посвященных ветхозаветным пророкам, раннехристианским и византийским мученикам. Редакции святых именно последней категории монах и добавлял в книги. На сегодняшний момент трудно объяснить причины такого неравноценного подхода к работе с разными проложными статьями. Вполне вероятно, это мог быть результат личных пристрастий и интересов редактора.

Также сложно ответить, когда Евфимий работал с данным Прологом, что, несомненно, позволило бы лучше понять для каких целей он правил текст. Прямые свидетельства в его записях отсутствуют, однако можно посмотреть на филигранные наклеенные им листки, чтобы понять хотя бы приблизительно, когда Евфимий занимался правками. Из всего массива нами было выявлено и с точностью определено 11 филигранных, среди которых: четыре «головы шута» с пятью зубцами (*Герасимов А.А.* 1963, № 1206; *Дианова Т.В.* 1988, № 388, 400; *Дианова Т.В.* 1997, № 247) и одна с семью (*Дианова Т.В.* 1988, № 456), два «герба с лилиями» (*Дианова Т.В.* 1988, № 958), две филигранные «рожок» (*Дианова Т.В.* 1988, № 1157), «двуглавый орел» (*Дианова Т.В.* 1988, № 1027) и «столбы с виноградом» (*Дианова Т.В.* 1993, № 741). По соответствующим справочникам они датируются 1665-1678 гг., 9 из которых относятся к 1670-м гг. и группируются вокруг 1672 г. (3 шт.) и 1678 г. (4 шт.). Из чего можно сделать предварительный вывод, что Евфимий работал с книгами в 1680-х гг.

Для каких же целей Евфимий редактировал и правил Пролог? Можно выдвинуть следующие гипотезы. Первая заключается в том, что Евфимий работал с книгами в рамках подготовки издания Пролога 1696 г., в которой он участвовал, и о чем ранее уже упоминалось в историографии, однако при полистном сравнении двух экземпляров видно, что никакие правки и добавления монаха не были учтены. Вторая состоит в предположении существования факта работы Евфимия над составлением собственного сборника Житий святых, где Пролог использовался им в качестве одного из источников, или же участия в подобном проекте Дмитрия Ростовского в качестве помощника, как это делали некоторые известные книжники этого

периода. К тому же эта логика согласуется с хронологией истории издания Книги Житий святых, т.к. Дмитрий Ростовский приступил к работе в 1684 г. В любом случае выдвинутые предположения нуждаются в дополнительных уточнениях и в тщательной проверке, а выявленные книги из библиотеки Евфимия Чудовского позволят шире изучить интеллектуальное наследие писателя, переводчика и редактора.

Е.А. Буздалина
аспирант ИВИ РАН

Хронология Римской истории в «Бревиарии» Феста

«*Breviarium rerum gestarum populi Romani*» Феста, написанный для императора Валента II в 369-370 г., был посвящен сразу двум темам — истории завоевания провинций и истории римско-персидских отношений. До недавнего времени антиковеды относились к нему крайне пренебрежительно в силу предельной сжатости, фактологической скупости и глубокой зависимости автора от своих предшественников. На сегодняшний день «Бревиарий» Феста все чаще становится предметом исследовательских штудий как литературный памятник и исторический источник. В частности, малоисследованным сюжетом является хронология, изучение которой необходимо сразу с двух ракурсов: во-первых, с точки зрения влияния на Феста его источников (в том числе и до нас недошедших), во-вторых, с позиций выражения хронологии в тексте.

В историографии вопросами хронологии и источников для ее создания занимались Д. Иди и Д. Бюр. Английский исследователь Д. Иди посчитал, что традиция передачи хронологических данных восходит к Титу Ливию (*Eadie J.W. The Breviarium of Festus, Critical Edition with Historical Commentary. London. 1967. P. 100*). Однако не решенным остается вопрос о тех работах, из которых Фест непосредственно черпал информацию об аномалиях правления – либо из утерянной для нас «Императорской истории» А. Энмана или ЕКГ, либо же, из дошедших сведений Евтропия (*Eadie J.W. The Breviarium of Festus, Critical Edition with Historical Commentary. London. 1967. P. 71*).

Отсчет времени, представленный Фестом во второй главе, традиционно начинается от Основания города и охватывает период до начала правления Валентиниана и Валента в 364 г. Вопреки ожиданиям историк не следует традиционному летоисчислению. Вы-

бранный подход можно назвать довольно своеобразным с точки зрения предшествующей традиции. В работе историка хронология Рима предстает читателю в подсчетах количества лет: «Ab urbe igitur condita in ortum Perennitatis vestrae, quo prosperius fratrum imperium Roma sortita est, anni numerantur mille centum decem et septem». (От Основания Города на начало Вашего долголетия, когда Рим обрел весьма благополучное правление братьев, насчитывается одна тысяча сто семнадцать лет) (Fest. II).

Фест также в русле традиционной историографии делит историю Рима на периоды в соответствии с формами правления: «Sic sub regibus anni numerantur ducenti quadraginta tres: sub consulibus anni quadringenti sexaginta septem: sub imperatoribus anni quadringenti septem. Regnaverunt Romae per annos ducentos quadraginta tres, reges numero septem». (Под властью царей насчитывается двести сорок три года, под властью консулов четыреста шестьдесят семь, под властью императоров четыреста семь. Семь царей правили Римом в течение двести сорока трех лет) (Ibid).

Влияние Евтропия, отмеченное Д. Бюром (*Boer W.D. Some minor Roman historians. Leiden. 1972, p. 184*), прослеживается за счет идентичных указаний на количество лет, в течение которых правил каждый из царей и годичный период правления сенаторов (Eutr. I. 2-8). При описании царей автором используется единообразное построение: имя царя — глагол *regnavit* (правил) — количество лет правления (Fest. II).

Иные доказательства гипотезы о влиянии Евтропия можно проследить за счет упоминаний об отклонениях от основных форм правления: «Novem enim annis Romae consules deferunt, ita sub decemviris annis duobus, sub tribunis militaribus annis tribus, sine magistratibus Roma fuit annis quattuor» (Но девять лет в Риме консулы отсутствовали, так [находился Рим. — *Е. Б*] под властью децемвиров два года, под властью военных трибунов три года, без магистратов Рим был четыре года) (Fest. II). Эти аномалии римского правления указаны уже в ходе его повествования об истории Рима (Eutr. I. 18; II. 3).

По материалам таблицы, приводимой Д. Иди, данные об отклонениях от ординарных форм правления не соответствуют передаче Тита Ливия, поскольку, по подсчетам историка, правление децемвиров продолжалось три года, анархия — пять лет, а власть военных трибунов четыре года (*Eadie J.W. The Breviarium of Festus, Critical Edition with Historical Commentary. London. 1967. P. 100*). Идентичные численные указания на аномалии могут указывать на использование Фестом и Евтропием текста утерянной «Императорской

истории» А. Энмана или ЕКГ (*Eadie J.W. The Breviarium of Festus, Critical Edition with Historical Commentary. London. 1967. P. 100*), но Д. Иди с осторожностью подчеркнул, что делать выводы на основе стилистического сходства будет неверным, поскольку та же информация содержится в «Бревиарии» Евтропия (*Eadie J.W. The Breviarium of Festus, Critical Edition with Historical Commentary. London. 1967. P. 101*). В этом конкретном случае мы будем придерживаться версии о следовании ЕКГ, но, пользуясь замечанием Д. Бюра, стоит заметить, что в силу своей соблазнительности чрезмерная привязка к гипотетическим сведениям вредит восприятию источников IV в. как самостоятельных произведений (*Boer W.D. Some minor Roman historians. Leiden, 1972. P. 184*).

Иными словами, оригинальность Феста заключается в использовании количественного подсчета лет применительно ко всем формам правления, представленным сгруппировано во второй главе текста. Перечисление такого рода сведений в бревиариях имело, по мнению Д. Бюра, большое значение (*Boer W.D. Some minor Roman historians. Leiden. 1972. P. 184*). Передача хронологии как традиционных, так и экстраординарных способов управления, может свидетельствовать о заинтересованности автора в вопросе. Помимо наличия указаний в римской традиции, одной из причин такой описательной стратегии может служить общий политический фон периода Поздней империи, где одной из ведущих проблем выступали нестабильность и постепенное ослабление императорской власти за счет влияния разных групп лиц на управление империей. Поэтому во время формирования в IV в. идеологического каркаса системы домината следовало создание общего представления о хронологии Римской империи, куда хотели вписать себя императоры с целью легитимации своих действий.

Н.Т. Валеева
к. филол. н., доц. ИЛ РГГУ

Практика употребления прописных букв в русском письме: теория и история вопроса

В современном русском языке правила употребления прописных букв, как и другие орфографические правила, жёстко нормированы, хотя именно в этом вопросе полная унификация отсутствует; помимо общелитературной нормы существует ещё n-ное количество корпоративных.

При этом общие принципы, которыми определяется выбор в пользу прописной или строчной, следующие:

- синтаксический (прописная в начале текста, прописная после точки, прописная в оформлении прямой речи и стихотворных строк);

- морфологический (написание с прописной имён собственных и со строчной нарицательных, а также, например, различия в написании Вы 2 лица единственного числа (Вы-вежливого) и вы 2 лица множественного числа);

- словообразовательный (употребление прописных в аббревиатурах и сложносокращённых словах, а также в производных от имён собственных);

- семантический (написание с прописной слов определённых семантических групп, а также выбор прописной или строчной в зависимости от значения многозначного слова);

- стилистический (вариативность написания некоторых слов с прописной или строчной в зависимости от стилистической окраски текста).

Следует отметить, что в отличие от прочих орфографических проблем проблема выбора между прописной и строчной по понятным причинам актуализируется для русских пишущих не с момента появления книгопечатания, а лишь с момента введения гражданского шрифта. При этом, как и во многих других случаях, в соответствии с общим трендом на вестернизацию письма, эталоном стали служить правила европейского (английского, французского, немецкого и т.д.) правописания, в которых, особенно суммарно, случаев употребления прописных букв было достаточно много. Кроме того, широко распространилась практика написания с прописной заимствованных слов. В итоге уже в первой трети XIX в. достаточно остро стала ощущаться потребность сократить количество случаев употребления прописных букв, а также упорядочить эти случаи на разумных, научных основаниях.

Эта работа впервые была последовательно и системно проделана Я.К. Гротом. В частности, в «Спорных вопросах русского правописания» (*Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания. От Петра Великого доныне. М., 2010. С. 306–308*) он выделяет 12 оснований для написания слова с прописной буквы. Все последующие своды правил опирались на эти основания, при этом либо трансформируя в соответствии с идеологической или политической повесткой, либо расширяя конкретные пункты.

Так, в частности, вместо «высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан», а также некоторых ве-

душих христианских концептов в советский период с прописной стали писаться наименование коммунистической партии СССР и некоторые важные концепты соответствующей идеологии. В постсоветский период произошло возвращение к гротовскому перечню.

Вместо «титлов царствующего в России дома» в советский период с прописной стали писаться наименования высших партийных и правительственных должностей, в постсоветский, согласно общелитературной норме, только наименование должности президента РФ.

Личные местоимения, отсылающие к «христианским высшим существам», в противовес гротовским правилам теперь пишутся с прописной только в соответствии с церковной корпоративной нормой; других случаев написания личных местоимений с прописной после падения царствующего дома в правилах не фиксировалось.

Вместо «некоторых названий праздников, недель и дней, имеющих особое церковное значение», в советский период с прописной стали писаться названия государственных праздников и некоторых важных с идеологической точки зрения исторических событий. В постсоветский период эта норма осталась, однако вернулись и написания с прописной церковных праздников.

В целом можно сказать, что от Грота до нашего времени количество нормированных случаев написания с прописной постепенно, но неуклонно увеличивается.

О.А. Валькова
д.и.н., г.н.с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН

Советские женщины-физики 1920-х – 1930-х гг. как социальная группа: просопографическое исследование

Физико-математические специальности до настоящего времени считаются почти исключительно мужской прерогативой. Женщины, специализирующиеся по ним, редко занимают ведущие или лидирующие позиции, во многом благодаря консервативности физико-математического научного сообщества. Однако количество специалистов данного профиля, в которых нуждаются сегодня и будет нуждаться в ближайшем будущем как наука, так и промышленность, постоянно растет. В этих условиях нельзя позволить себе исключить женщин из числа работников. Поэтому составители современных программ профессионального образования, особенно среднего, стараются ориентировать девочек на изучение STEM дисциплин (science, technology, engineering and mathematics), чтобы впоследст-

вии они могли бы выбрать соответствующую профессию. Подобная специализация должна, по мнению специалистов, обеспечить их достойной работой, а соответствующие отрасли экономики – необходимым количеством сотрудников. В подобной ситуации изучение социальной группы первых профессиональных женщин-физиков, может быть интересно не только с исторической точки зрения, но и предоставить определенную историческую перспективу для современного планирования. На наш взгляд, использование просопографического метода, позволяющего изучать биографии исторических деятелей, относящихся к определенной эпохе, местности, имеющих общие социальные черты, является наиболее подходящим для подобного исследования.

Профессия ученого, точнее, научного сотрудника стала доступна для российских женщин после принятия ряда декретов правительством большевиков в 1918 г. Разумеется, женщины, занимавшиеся наукой и добившиеся известности, существовали и в Российской империи, но в условиях законодательных запретов эта профессия не могла быть для них массовой. После 1918 г. число женщин, выбравших профессиональное занятие наукой, стало постепенно увеличиваться, хотя очень неравномерно по разным научным специальностям. По результатам социологического исследования, проведенного в 1936 г. среди женщин — сотрудниц АН СССР, 50% от всех женщин, работавших в учреждениях Академии наук, составляли химики, 21% — биологи, 16% — геологи. Физики составляли только 5% женщин-научных сотрудниц Академии (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1-1936. Л. 6). Таким образом, выделенная нами группа была очень небольшой в количественном отношении, хотя помимо сотрудниц АН СССР мы включили в нее женщин-физиков, работавших в высших учебных учреждениях и в неакадемических институтах и даже, в отдельных случаях, в экспериментальных лабораториях при заводах.

Источниками для исследования послужили личные дела, отложившиеся в фондах учреждений, в которых состояли на службе женщины-физики; анкеты, разработанные в 1935 г. Всесоюзной ассоциацией работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНТСО) для обследования условий жизни и работы советских женщин-ученых; анкеты, заполненные женщинами физиками и математиками во время подготовки творческой конференции женщин-ученых в Москве 1936 г. и планировавшегося по ее результатам сборника «Женщины-ученые СССР». Источниковую базу дополнил комплекс эпистолярных источников, созданных в период подготовки указанной конференции, отложив-

шихся среди личных документов д.ф.-м.н. А.А. Глаголевой-Аркадьевой, отвечавшей за подготовку физико-математического отдела конференции (Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161); а также комплекс характеристик, написанных А.А. Глаголевой-Аркадьевой на сотрудниц своей кафедры и физической лаборатории II Московского государственного медицинского института (Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 157).

Большинство этих документов (за исключением личных писем) представляют собой однотипные документы, содержащие определенный набор сведений, позволяющих провести просопографическое исследование. Они содержат сведения о датах и местах рождения, социальном происхождении, полученном образовании, местах работы, научных публикациях, членстве в политических партиях. К сожалению, они не содержат информации о семейном положении женщин-физиков, их мужьях, детях, родственниках, находившихся на их попечении (за исключением личных дел). Таким образом, мы получили информацию о том, что первые отечественные женщины-физики происходили из семей профессоров и преподавателей высших учебных заведений, врачей, инженеров, присяжных поверенных и различного рода служащих. К середине 1930-х гг. они делились на представительниц старшего поколения, получивших образование до революции 1917 г., и так называемые «советские кадры». По данным социологического опроса 1936 г., проведенного среди женщин — сотрудниц АН СССР, примерно 37% из них были в возрасте от 30 до 35 лет и еще по 12% в возрасте от 25 до 30 лет и от 35 до 40 лет соответственно. Как отмечали авторы опроса: «Так что главным образом работают кадры советского времени» (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1-1936. Л. 5). Однако их социальное происхождение оставалось по преимуществу таким же, как и у их старших коллег. Все женщины-физики, приславшие свои анкеты А.А. Глаголевой-Аркадьевой, оказались беспартийными. По результатам же опроса 1936 г. члены ВКП(б) и ВЛКСМ среди женщин-сотрудниц АН СССР составили около 11% (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1-1936. Л. 5). Разительным отличием женщин-физиков старшего возраста от более молодых коллег были их зарубежные поездки в дореволюционный период и в 1920-е гг., работа в зарубежных лабораториях. Из женщин младшего возраста, получавших образование в советский период, практически никто не имел подобной возможности. В своих анкетах они сетовали на невозможность изучения иностранных языков и доступа к иностранной литературе. В целом, полученных нами данных достаточно для подробного просопографического анализа избранной нами социальной группы.

Некоторые замечания о редакторском методе Сервата Лупа

Сообщение посвящено анализу редакторской работы, произведенной Серватом Лупом в рукописи Bern, Burgerbibliothek, Cod. 366 (вторая треть IX в.), одной из старейших рукописей, содержащих текст Валерия Максима.

Основная цель работы Лупа заключается в дополнении недостающих фрагментов текста, указании вариантов чтений, параллельных мест, исправлении орфографических ошибок. Для этого он опирается на текст Валерия Максима из других рукописей, на эпитому этого произведения авторства Юлия Париса и использует специальные знаки-ссылки.

Основной тип письма — каролингский минускул. Заглавия разделов по большей части написаны Лупом капитальным рустичным письмом, реже — унциальным. Характерная особенность письма Сервата Лупа — капитальная Н К-образной формы. Такую же форму буквы мы находим в позднеантичных списках, например, в рукописи Пруденция (BnF. Latin. 8084) или фрагменте Саллюстия (Vat. Reg. lat. 1283B).

В названиях разделов, написанных капитальным письмом, нет устойчивости в исполнении буквы G: иногда она имеет обычную капитальную форму, но чаще исполнена в виде унциальной G. В капитальной V первый штрих немного закруглен вправо вниз; аналогичную форму буквы V мы видим в античных рукописях, например, в *Vergilius Vaticanus* (Vat. lat. 3225).

Все пометы Сервата Лупа выполнены каролингским минускулом, который имеет особенности, отличающие его от писца основного текста. Луп пишет букву g открытой формы, в то время как основной писец использует закрытую форму. Лигатуры ct, st, rt, et Луп предпочитает не использовать, лигатуру ae использует в основном только там, где сильно ограничен в пространстве.

Исправление орфографических ошибок — первый аспект редакторской работы Сервата Лупа; все они исправлены внутри текста. Выделяется отдельный тип подобных исправлений, связанный с орфографическим отображением ассимиляции.

Исправления этого типа носят системный характер, встречаются во всей рукописи, вводятся разными способами: иногда в виде зачеркивания диагональной прямой линией и надписыванием нужной буквы. Иногда Луп правит букву прямо в слове, дописывая

нужный штрих. Разный способ исправления может зависеть от конкретного случая ассимиляции.

Встречаются исправления слов с придыхательным согласным: Серват Луп надписывает над нужным местом в слове с ошибкой букву *h*, ставя точку под буквой, рядом с которой должно стоять придыхание.

Более фундаментальная работа Сервата Лупа с текстом заключается в восстановлении лакун, в сравнении текста рукописи с вариантами текста других рукописей, в приведении параллельных мест из эпитомы. Для этого Луп использует систему знаков-ссылок. Основной принцип их устройства: нужное слово в строке отмечено знаком или точкой, а на полях рядом со строкой, содержащей это слово, после значка пишется сам текст пометы.

Параллельные места из эпитомы отмечены знаком, содержащим инициалы имени автора эпитомы, *·ip·* или *·i p·*. Несколько раз места из эпитомы вводятся знаком *i·*, *adbr·*, *abbr·*, *br·* и *·br·*. Реже ссылка на Юлия Париса обозначена сокращением *BR·*, *BR·*, *BR*, выполненным капитальным письмом.

Если в тексте эпитомы есть название раздела, отсутствующего в основном тексте Валерия Максима, Луп помечает это либо ссылкой *·i p·*, либо словом *adbreuiator*, после которого следуют слова: *hic habet titulum*, затем следует название отсутствующего раздела, выполненное капитальным письмом, как и все заглавия разделов.

Некоторые вставки или варианты чтений обозначены сокращением *u·*, обычно расшифровываемым *uetustus* или *uel*. Вероятно, у Сервата Лупа была еще одна или несколько рукописей, содержащих текст произведения Валерия Максима, с которыми он сравнивал текст своей рукописи. Если текст в том месте, которое сравнивает Луп, совпадает, он использует для обозначения этой ссылки в виде: *sic u·* или *sic et u·*. В таком случае с большей долей вероятности мы можем расшифровывать сокращение *u·* как *uetustus*. Еще один вариант обозначения ссылки на другую копию текста – *A·*, обычно расшифровывают как *antiquus* или *alter*.

Часть пропущенных фрагментов вводится в текст ссылочным знаком в виде диагонального штриха с точкой справа: */·*. Место вставки в основном тексте отмечается таким же знаком. Вставки пропущенного текста производятся несколько раз знаком, похожим на греческую букву *Υ*.

Текст рукописи сопровождается множественными знаками *NOTA*, в виде лигатуры с высоко вынесенной вверх *T*. Иногда к лигатуре над первым вертикальным штрихом *N* добавляется маленькая буква *o*.

Ряд страниц содержит выписанное на поля слово или словосочетание без ссылочных знаков и без точки над тем же словом или словосочетанием в основном тексте. В этих случаях помета не содержит другого варианта чтения или вставки пропущенного. Такие выписки есть в других рукописях, которые редактировал Луп, например в рукописи, содержащей трактат Цицерона «De oratore» (Harley 2736).

Тот факт, что в капитальном письме Сервата Лупа в названиях разделов встречаются формы, характерные для позднеантичных рукописей (например, особые формы букв Н и V), может свидетельствовать о том, что Серват Луп мог иметь доступ к позднеантичным спискам и работать с ними и, кроме того, сознательно имитировать написание некоторых букв. Это предположение подкрепляется также тем, что специальными знаками сокращений А·и и·могла быть обозначена позднеантичная рукопись. Происхождение различных типов ссылок требует дальнейшего изучения.

А.М. Введенский
к. филол.н., ст. пр. НИУ ВШЭ СПб
н.с. СПб ИИ РАН

К вопросу о времени внесения годовой сетки в летописный текст

В современной историографии продолжается дискуссия о времени внесения годовой сетки в первоначальный не разбитый на года летописный текст. Появилась ли годовая сетка в 1090-х годах при создании Начального свода или она уже была в предшествующем Своде 1070-х годов?

При внедрении в летопись годовой сетки за 970–980-е годы летописец должен был использовать данные Памяти и похвалы Иакова мниха (далее — ППИМ). В ППИМ, скорее всего, была точная дата вокняжения в Киеве Владимира — 978 г., а также указание, что это произошло на восьмое лето после смерти Святослава, а крещение Владимира на десятое лето «по убьении брата своего Ярополка». В ППИМ также было сказано, что Владимир после своего крещения «на третье Корсунь город взял». При введении же годовой сетки в летописный текст летописец высчитал год крещения Владимира — 988 г., скорее всего, исходя из сообщения ППИМ о 28 годах жизни Владимира после крещения, так как год смерти Владимира (1015) был ему хорошо известен (*Михеев С.М.* Кто писал

«Повесть временных лет»? М., 2011. С. 130). То есть при определении года крещения летописец использовал другое сведение ППИМ — о количестве лет правления Владимира после крещения, а не отсчитывал от даты начала его правления. Связано это было с тем, что именно в летописном тексте появляется Корсунская легенда, из которой становится ясно, что Владимир крестился в тот же год, что ходил на Корсунь. Попытка как-то примирить данные, привело летописца к идеи отсчитывать остальные данные от смерти князя, а не от его вокняжения.

Летописец должен был высчитать год смерти Святослава и принять решение о годе начала княжения Владимира. Исходя из данных ППИМ, получалось, если считать от года вокняжения Владимира в Киеве (978 г.), что Святослав умер в 971 г., а сам Владимир крестился в 987 году.

Как мы видим, в тексте НПЛ, начало княжения Ярополка, как и смерть Святослава, располагается под 972 г., а убийство Владимиром Ярополка и вокняжение Владимира под 980 г., крещение же Владимира и взятие Корсуни под 988 годом.

Если считать, что только один из летописцев (составитель Свода 1070-х гг. или может последующего Начального свода) вносил в текст летописи даты за 970-е и 980-е годы, используя данные текста ППИМ, то объяснить разницей интересующих нас дат весьма сложно. Относительно данных ППИМ, крещение Владимира в Начальном своде отстоит на один год (988 вместо 987), вокняжение Владимира на два года (980 вместо 978), смерть Святослава на один год (972 вместо 971).

На наш взгляд, следует предположить, что именно составитель Свода 1070-х годов, отталкиваясь от года крещения Владимира (=похода на Корсунь), высчитал год смерти Святослава и начало княжения Владимира, и получил 972 г. и 979 г. соответственно, так как отсчитывал от нового года крещения — 988 г. Скорее всего, такие даты смерти Святослава и начала княжения Владимира и фигурировали в Своде 1070-х гг. Однако составитель Начального свода внес коррективы, перенес дату вокняжения Владимира на 980 г. Вполне вероятно, что составитель Начального свода, проводя работу по проверке летописных дат, отметил, что смерть Святослава наступила на следующий год после Ольгиной (*Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн.1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 105*), то есть Святослав должен был умереть в 970 г., так как год смерти Ольги

(969) был известен, но в Своде 1070-х гг. Святослав умирал уже под 972 г. Исходя из этого, составитель Начального свода решил, что и смерть Ярополка / вокняжение Владимира следует датировать 980 г., а не 979 г., как это было в Своде 1070-х гг., то есть сдвинуть его также на два года относительно точной даты ППИМ (978 г.), так как совмещение двух событий под одним годом в летописном тексте (поход на Корсунь и крещение Владимира) «съедало» два года, разделяющих эти события в тексте ППИМ.

В итоге, в Начальном своде важнейшие события 970–980-х гг. — начало княжения Ярополка, начало княжения Владимира и крещение князя Владимира были продатированы иначе, нежели в Своде 1070-х гг. И если дата смерти Святослава в Начальном своде (как и в Своде 1070-х гг.) была сдвинута на два года относительно логики Древнейшего свода, где Святослава убивали на следующей год после смерти его матери, то есть в 970 г., а абсолютная дата вокняжения Владимира переносились с 978 на 980 г., то крещение, которое по данным ППИМ должно было произойти в 987 г., осталось под 988 г. Однако, видимо, составителя Начального свода это несколько смущало, и поэтому, на наш взгляд, он и начинает летописную статью 989 г. словами — «Крестися Володимиръ и вся земля Русская» (Новгородская 1950. С. 159), хотя и не отваживается перенести текст о походе на Корсунь и крещение Владимира на 989 г.

Кажется вполне вероятным, что первоначальное внесение годовой сетки в летописное повествование происходило на стадии создания Свода 1070-х годов (в 970–980-х годах, что последнее время обсуждается в историографии, см.: *Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2013 год. М., 2016. С. 593–654.; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»?).

С.В. Вепрецкий
м.н.с. УН МЦ им. Ю.В. Кнорозова РГГУ,
Отдел Америки ИЭА РАН

Символика древних майя на банкнотах национальных валют Гватемалы и Белиза

Данная работа представляет собой исследование, основанное на сочетании двух вспомогательных исторических дисциплин: бонистики и эпиграфики. Основным материалом служат банкноты

национальных валют Гватемалы и Белиза. Такой выбор обусловлен тем, что территорию обоих государств в древности занимала культура древних майя. Начиная с конца 1980-х годов элементы, относящиеся к данной культуре, в первую очередь связанные с иероглифической письменностью, стали регулярно появляться на банкнотах Гватемалы и Белиза. В докладе мы рассмотрим все примеры древнемайяских элементов на банкнотах названных государств, а также постараемся проследить закономерность их использования с точки зрения формирования национальной идентичности коренного населения обеих стран.

Национальная валюта Гватемалы кецаль введена в обращение в 1925 г. во время президентства Хосе Марии Орельяны. Впервые элементы, связанные с культурой древних майя, начали появляться в 1970-е годы на банкноте номиналом 0,5 кецала, где главным изображением был портрет Текун-Умана, правителя майя-киче, сражавшегося против испанцев, и впоследствии признанного национальным героем Гватемалы. На реверсе был изображен Храм I из Тикаля, археологического памятника, в древности являвшегося столицей одного из крупнейших царств майя — Мутуля. Остальные банкноты содержали отсылки к более поздней истории Гватемалы, однако в конце 1980-х годов древнемайяская символика, а именно иероглифы и иконография, скопированные с реальных монументов, начинает появляться и на других купюрах. Следует отметить, что все примеры иероглифов древних майя взяты из надписей тех памятников, которые находятся в Гватемале (Тикаль, Киригуа, Вашактун). Момент, когда начинается активное использование древнемайяских элементов на банкнотах в Гватемале, можно связать с двумя факторами. Во-первых, в то время развитие эпиграфики достигает того уровня, когда надписи становятся более понятны исследователям, в связи с чем начинают раскрываться новые детали древней истории Гватемалы. Во-вторых, этот процесс хронологически соотносится с заключительным этапом гражданской войны, разгоревшейся в Гватемале в 1960-х годах и длившейся до 1996 года. В рамках конфликта коренное население Гватемалы испытывало притеснения со стороны крупных землевладельцев европейского происхождения, что нередко трактуют, как геноцид индейцев. Таким образом, отсылка к древности на купюрах Гватемалы в конце 1980-х — начале 1990-х годов выглядит символическим с точки зрения победившей стороны.

Национальная валюта Белиза — белизский доллар — появилась в 1973 г., когда страна перестала именоваться Британским Гондурасом и получила свое нынешнее название. Поскольку ранее

Белиз являлся британской колонией и до сих пор входит в Содружество наций, на аверсе всех банкнот присутствует изображение британского монарха. В отличие от Гватемалы, древнемайяские элементы встречаются на купюрах Белиза значительно реже. На банкноте номиналом в два белизских доллара присутствует изображение стелы из Ним-Ли-Пунита, а также древнемайяские руины памятников Альтун-Ха, Шунантунич и Лубантуна.

В результате удалось установить, что иероглифическая письменность и иконография древних майя широко представлены в гватемальской и белизской бонистике. Данный материал является очередным свидетельством ключевой роли культуры древних майя в формировании национальной идентичности современных гватемальцев и белизцев.

*Ю.Я. Вин
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН*

Антропонимика южномакедонских крестьян XIII–XV вв.: основные направления анализа по материалам византийских актов

Предлагаемое к рассмотрению направление исследования личных имен византийского крестьянства представляет долговременную научную традицию. Она сохраняет свою актуальность ввиду различия подходов к изучению имен византийских крестьян. Особенности их антропонимики, олицетворяя типизирующие средневековые черты личного имени, объясняются неоднородностью этнического происхождения византийского крестьянства, его социального положения и социокультурного развития. Специфику этнического состава южномакедонского крестьянства XIII–XV вв. придает симбиоз греческого земледельческого населения и его славяновлашских групп, расселившихся на Балканах в Раннее Средневековье в ходе славянской колонизации, как и жителей сел иного этнического происхождения (выходцев из стран Западной Европы, цыган, тюрков и др.), проникавших в последующие столетия в Южную Македонию.

В зарубежной науке получила преобладание концепция «эллинизации» сельского населения Южной Македонии, обусловленная ассимиляцией негреческих по происхождению членов византийского социума. Указанная концепция опирается на сравнительно-исторический анализ антропонимики византийских практиков

(описей крестьянского населения) с учетом статистики негреческих по происхождению имен жителей южно-македонского села. Главным аргументом служит поступательное уменьшение доли носителей чужеродных имен и очевидное преобладание календарных христианских индивидуальных имен. Эта тенденция интерпретируется как результат безвозвратной социокультурной ассимиляции греками представителей балканских народностей и иммигрантов из Западной Европы. Однако такой подход не отменяет задач изучения реального этнического происхождения южномакедонского сельского населения посредством метода этнической идентификации личных имен на основе их лингвистического анализа и сопоставления семейно-родственных связей крестьянства. Результаты их анализа убеждают в том, что социокультурная ассимиляция славяно-влашской и иных этнических групп жителей южномакедонского села в рассматриваемый период была далека от ее полного завершения. Вплоть до середины XIV в. и впоследствии встречаются личные имена, образованные непосредственно от этнонимов «болгарин», «влах», «албанит», «серб», равно топонимического прозвища «македон».

Характеризуя имена крестьян поздневизантийского периода истории, необходимо констатировать, что в их среде процесс складывания личных имен не был завершен. Они состояли из индивидуального и семейного (родового) имени, а также прозвищ. Семейные имена отличались чрезвычайной изменчивостью, и, указывая на родителей и ближайших родственников, редко сохранялись долее двух-трех поколений. На протяжении их жизни наблюдаются кардинальные изменения семейных имен, создающие впечатление крайней изменчивости состава жителей сельских селений Южной Македонии. В описанных условиях персональная идентификация крестьян происходила по именам различного типа. Среди них выделяются имена, содержавшие географическо-топографические признаки происхождения их носителей — опосредованное следствие протекавших на разных уровнях миграционных процессов. Персональной идентификации отвечали также указания на профессиональную занятость жителей села, обладавших ремесленными навыками, причастных к занятиям торговлей и иным сферам жизни, скажем, медицине или делопроизводству. К ним отсылают и церковные чины. Сведения о них сочетаются с целенаправленным усвоением таких обозначений в качестве компонента личного имени наравне с прозвищами. Последние обладали заметной социокультурной значимостью, выступая отличительным индивидуальным признаком, обусловленным действием разнообразных факторов,

начиная от внешнего вида и особенностей характера индивидуума до выражения общественной оценки уровня развития культуры у носителей прозвища.

Изыскания в сфере антропоники средневекового крестьянского населения Южной Македонии в сочетании со сравнительным анализом системы социального этикета и историко-психологических феноменов оказывается наиболее перспективной стороной антропологического исследования, когда личное имя является единственным источником изучения рядового человека и сообществ исторического прошлого. Особое значение обретает изучение сочетания личного имени и его отдельных элементов, в первую очередь прозвищ, с признаками общественного статуса, такими как титулование и принадлежность к определенным социокультурным группам социума. Помимо указаний на ремесленные специальности и принадлежность селян к лону церкви в качестве подобных примет выступают титул «кир» и сведения о вовлечении в систему сельского управления. Обозначения «старец», понятия, означавшего не только возрастной ценз, «протостарец», «номик» и другие также иногда превращались в часть личного имени.

В намеченном направлении изучения средневековой крестьянской антропоники особая роль отводится анализу прозвищ. Они позволяют характеризовать этические отношения и систему ценностей, складывающиеся в сельских общинах и господских имениях. На этом пути получает важнейшую значимость выявление выраженных в лексическом значении и грамматических формах прозвища семантических коннотаций — шуточных, насмешливых, негативных, презрительных и т.п. Они являются живым признаком психологической атмосферы крестьянских сообществ и складывания в их среде коллектива. В этом смысле социокультурная значимость личного имени сближается с образованием собирательных наименований, образованных от имен собственных, таких как названия сел или монастырей. Именно подобные неологизмы служат социокультурной идентификации коллективных объединений, а личные имена их членов становятся индикатором их коллективизма.

Разработка методов комплексного и междисциплинарного исследования крестьянской антропоники на примерах изучения селян Южной Македонии — таков главный итог анализа их личных имен.

Морские уставы в составе библиотеки Петра I

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 23-18-00420

Историю морского законодательства петровского времени в историографии принято начинать с указа 1717 г. о приобретении для законодательной работы и переводе на русский язык законодательных актов крупнейших морских держав того времени: «Чтоб шаутбейнахту Паддону придать из русских офицеров, которые по-аглински умеют, чтоб перевести весь полный аншталт как флота, так и магазинов аглинских, а вице-адмиралу Крейсу — галанские, а французские к новому году поспеют». В 1718 г. секретарь Морского приказа Тормасов записал в протокол сведения о получении из Дании экземпляра датского морского закона: «В то же время его сиятельство адмирал изволил отдать пункты датские, присланные из Копенгагена от посла Долгорукова». Однако еще в 1713–1714 гг. Конон Зотов перевел на русский язык морские ордонансы Людовика XIV: «Ordonnance de Louis XIV, Roy de France et de Navarre. Donnée à Fontainebleau au mois d’Aoust 1681. Touchant la Marine» и «Ordonnance de Louis XIV pour les Armées Navales et Arsenaux de Marine» (Paris, 1689), напечатанный на русском языке в 1715 г. В мае 1715 г. Петр I писал князю Куракину за границу: «Права морские воинские и аншталт адмиралтейской мы ныне собираем всех государств, кои флоты имеют, и уже датской и французский переведены и галанской. Требуем аглинского, что потрудитесь приискать немедленно» (*Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017.*).

Две рукописи из библиотеки Петра I, содержащие морские уставы, имеют признаки подносных экземпляров. Первая рукопись «Сборник морских уставов» (БАН. П I Б № 31) датируется ноябрем 1692 г. Писец и, возможно, переводчик этой рукописи нам неизвестен, в конце текста он оставил только инициалы «PR». Книга переплетена в красный сафьян с золотым тиснением, обрез тоже золоченый. Блок дополнен завязками, которые изготовлены из шелковой зеленой нити с желтым орнаментом тесьмы. Внешний вид рукописной книги позволяет сделать предположение о ее подносном характере.

Первым в сборнике выступает «Артикульная грамота или наказ карабелнаго всякого чина людем». Перевод голландского текста, изданного в Гааге в 1662 г. Следующий текст сборника «Генеральные знаки, или ясаки, общие и звычайные на караблях воинских, которые принадлежат к караваном господ высокомочных Стат Соединенных Недеерлянд. Так же как случится воинским провожать купецкие карабли» написан в 1688 г. на корабле «Кортин», также представляет собой перевод с голландского языка. «Наказ во осмотрение королевского величества аглинского карабелнаго воинского каравана во время бою», завершающий сборник, не имеет «выходных данных» и видимо является переводом с английского.

Вторая рукопись под названием «Правы морские» датируется концом XVII – началом XVIII в. (БАН. П I Б № 29). Переплет рукописи выполнен из голубого шелка с широкими шелковыми розовыми завязками. Картон обтянут шелком с обеих сторон, обрез вызолочен. Текст написан как указ от имени Петра Алексеевича с титулатурой: «Божию милостью мы пресветлейший самодержавнейший великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец, и многих восточных, и западных, и северных государств и земель отчич и дедич наследник, государь и обладатель. Наше царское величество указываем и повелеваем при сем нашим адмиралом, вице-адмиралом, контр-адмиралом, капитаном, порутчиком, дворяном, карабелщиком, начальным, рядовым, матрозам, и салдатом на море служащим...». В тексте сам документ называется статейной грамотой и содержит 63 статьи или артикула. Еще одна рукопись под шифром П I Б № 30 содержит похожий текст из 63 артикулов, только более позднего времени: кириллическая цифирь в тексте заменена арабскими цифрами, в конце текста в титулатуре Петра Алексеевича не используется слово кесарь и др.

Сборник морских уставов шведских королей Карла XI и Карла XII (БАН. П I Б № 32) был переведен с шведского языка В. Стевенном после 1716 г., т.к. последний документ в переводе датируется 8 февраля 1716 г. В составе библиотеки Петра I также находятся два документа, переведенных с английского языка. Более ранний «Регламент английского адмиралтейства 1662 г.» (БАН. П I Б № 34) не имеет точной датировки и имени переводчика. Сборник морских уставов «Морской циркуль» (БАН. П I Б № 33) был переведен А.И. Кожиным до 1722 г. На л. 5 об. переводчик оставил автограф: «Всемиловнейший государь. Вашего пресветлейшего величества нижайший раб Александр Кожин».

Как известно, «Морской устав» Петра I был издан в 1720 г., поэтому тексты, так или иначе связанные с морским правом, из библиотеки Петра можно считать подготовительным этапом к созданию будущего устава. Однако работа по изучению морского права и подготовке законодательных документов началась в конце XVII в. На примере шести рукописей из библиотеки Петра I можно сказать, что первый перевод голландских и английских документов по морскому праву относится к 1692 г. К началу XVIII в. появляется так называемая статейная грамота из 63 артикулов, написанная от лица Петра Алексеевича, которая сохранилась в двух вариантах. Примерно в это же время появляется и перевод «Регламента английского адмиралтейства 1662 г.». Сборник шведских морских уставов переводится на русский язык не ранее 1716 г. переводчиком В. Стевенем. Вероятно, в конце десятых годов известный морской картограф А.И. Кожин переводит с английского языка сборник английских морских уставов. Кроме того, следует отметить и переводы К.Н. Зотова морских ордонансов Людовика XIV в 1713–1714 годах, французские экземпляры которых также хранятся в составе библиотеки Петра I.

У.М. Волкова
с.н.с. Отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина

Образ смерти в композициях медалей Российской империи (по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина)

В собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится довольно представительная коллекция памятных медалей XVIII–XXI вв. Среди этих предметов есть как «официальные», так и авторские произведения. В рамках настоящей темы нас интересуют медали, посвященные смерти монархов и известных людей.

Первыми памятниками с таким сюжетом стали медали, отчеканенные к кончине императора Петра I (*Лепехина Е.В. О значении медалей Петра I как памятников посмертного прославления деяний Царя-Преобразователя // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 149–150*). Композиция оборотной стороны в первую очередь воспекает достижения правителя: в центре изображена Вечность, уносящая императора в небеса, сцена дополнена изображением символов искусств и наук, флота (корабли), а также побед (лавровое дерево). Такая ви-

зуализация смерти была характерна еще для русского искусства предыдущего столетия (Суккина Л.Б. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть»: образ смерти в картине мира русского человека XVII в. // Вестник РУДН. Серия: История России. № 1, 2010. С. 12), однако автор, в первую очередь, пользовался языком аллегорий и символов, характерных для европейских медалей. Отметим, что одним из важных элементов композиции является скорбящая женщина, которая олицетворяет собой либо страну, либо Екатерину I. Кем бы ни была эта фигура, ее европейский наряд иллюстрирует основной политический курс Петра I, направленный на сближение с западными странами. Включение этой героини в композицию говорит и о решении проблем с наследованием трона, а также визуализирует чувство скорби.

Исторические события XVIII в., в первую очередь дворцовые перевороты, оказали значительное влияние на медальерное искусство Российской империи. Не все монархи этого периода были удостоены посмертных памятников. Другим фактором можно назвать длительный процесс изготовления этих миниатюрных произведений. Следующей стала медаль на кончину императора Петра II (Сарычева М.А. Медали на смерть Петра II. Проблема заказчика // Нумизматические чтения ГИМ. Тезисы докладов и сообщений. М., 2011. С. 122–125). На ее оборотной стороне можно увидеть довольно нейтральную композицию – семь кипарисов, которые символизируют как скорбь, так и вечную жизнь человеческой души. Эта медаль, как и предыдущая, была создана европейским мастером, что объясняет использование традиционного медального языка иносказаний при проектировании памятника.

Композиции медалей, посвященных кончине императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны имеют много общего – они фокусируют внимание зрителя на проблеме престолонаследия, но не трагичности события. Так, на первой медали изображены персонификация Российской империи, держащая на руках преемника Иоанна Антоновича, его венчает короной возносящаяся в небеса императрица. Центральное место в композиции памятника 1761 г. также занимает фигура правительницы, с небес указывающей скипетром на щит с монограммой наследника Петра Фёдоровича. Обращает на себя внимание изображение смерти, выраженное классическим способом – души императриц, пребывающие на небесах. Эти произведения отсылают к медали, посвященной Петру I. Важным отличием здесь является то, что правительницы даже после смерти взаимодействуют с земной жизнью, влияют на нее. Петр же, покидая мир живых, лишь смотрит с небес на свои достижения.

Схожие принципы построения композиций можно увидеть на медалях в память кончины императоров Александра I и Николая I (*Сарычева М.А.* К вопросу о стилистике медали на смерть императора Александра I (1825 г.) Ф.П. Толстого // XVIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2015. С. 250–252). В собрании ГМИИ хранятся разные виды таких памятников. В их композиции включены религиозные символы – на первой Всевидящее око, а на другой крест. Медали лаконичны, лишены фигуративных и абстрактных образов смерти. В отличие от предыдущих произведений, на факте смерти монархов акцентируют внимание скорее надписи, а не изображения. Именно благодаря словам скупые изображения приобретают налет меланхолии и горечи. Таким образом, эти произведения лишь увековечивают свершившееся событие, но не воспевают заслуги почивших и не раскрывают иных тем, связанных со смертями этих правителей. Этим памятникам близка медаль в память кончины великого князя Николая Александровича (1865 г.), бывшего наследником престола; ее композиция также лаконична и сдержанна.

Иначе выглядят композиции медалей на смерть императоров Александра II и Александра III. Основная идея здесь – скорбь и оплакивание. Обратные стороны насыщены деталями, но основной фигурой является олицетворение безутешной страны, стоящей на коленях перед гробом. Изображения дополнены цитатами из священных текстов. Эти медали акцентируют внимание на трагичности утраты и ее неотвратимости больше, чем на воспевании достижений правителей; они скорее призваны вызывать у зрителя чувства сопереживания и грусти.

Кроме медалей на смерть правителей, в течение двух столетий чеканились и памятники, увековечивающие кончину представителей правящей династии. В собрании ГМИИ хранятся медали в память императриц Марии Фёдоровны (1828 г.), Александры Фёдоровны (1860 г.) и Марии Александровны (1880 г.). Несмотря на то, что созданы они были в разное время, композиции имеют много общего, включают религиозные символы и фигуры ангелов. Другой особенностью является акцент на благотворительной деятельности успешных, выраженный либо изображением Красного креста, либо скорбящих детей и женщин.

Медали в честь государственных деятелей, ученых, коллекционеров и деятелей культуры отличаются от рассмотренных выше – большинство композиций включает лишь скупой текст.

Таким образом, на медалях Российской империи, по сути, нет традиционных для отечественной культуры образов, символиз-

рующих и визуализирующих смерть. Художественные средства выражения, что использовались при создании этих памятников, были направлены в основном на то, чтобы констатировать и увековечить событие.

Е.О. Володин
н с. Института истории и археологии УрО РАН
А.В. Дедук
к.и н., с н с. Института истории и археологии УрО РАН
Г.А. Шебанин
н с. Института истории и археологии УрО РАН

К методике локализации местоположения уничтоженного памятника археологии (на примере городища Мышега)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ
(проект № 22-78-10159, <https://rscf.ru/project/22-78-10159/>)*

Довольно частым фактом является утрата памятника археологии, который был хорошо известен предшествующим исследователям. В этой ситуации встает вопрос о локализации местоположения памятника на местности, сопоставления архивных и современных геолокационных данных для доказательства его физической утраты. Это необходимо для выявления возможных участков с сохранившимся культурным слоем, изучения поселенческого контекста и верификации выводов предшественников. Одним из таких памятников является городище Мышега (городище «Сахаровка» Алексинского района Тульской области, расположенное на северо-восточной окраине г. Алексин, на берегу р. Мышега — левом притоке р. Ока).

На военно-топографической карте 1851 г. (одна верста в дюйме), на окраине с. Городище на р. Мышеге линиями показано возвышенное место, напоминающее оборонительное сооружение (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3141. Ч. 1. Л. 54).

Осенью 1898 г. окрестности с. Городища были осмотрены В.М. Кашкаровым. По описанию исследователя, городище «расположено в виде острова среди узкой долины, по которой течет река Мышига... Городище имеет форму... близкую к эллипсу; в длину я насчитал 400 шагов, в ширину — 150 шагов, по берегу городища, по венцу его — 1090 шагов. Толщина рва полторы-две сажени...». Памятник был соотнесен исследователем с городом XV в. Мышега (*Кашкаров В.М.* Село Городище Тарусского уезда // Изв. Калужской

ученой архивной комиссии за 1898 г. Калуга, 1898. Вып. 7–8. С. 18–20).

Исследования В.М. Кашкарова привлекли внимание Ю.Г. Гендуне к этому памятнику. В 1900 г. исследовательница сняла план городища и провела исследование участков сохранившегося культурного слоя по склонам шестью небольшими раскопами. Мощность культурного слоя составила от 1–1,8 м. (Рукописное отделение Архива ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1900 г. Ед. хр. 28. Л. 7–7 об., 9–22 об.).

В 1901 г. Ю.Г. Гендуне предприняла исследования вала городища. Археолог в центральной части вала заложила раскоп поперек вала шириной около 1,2 м. В 1902 г. к разрезу 1901 г. были сделаны прирезки, позволившие сделать в итоге полноценный разрез вала (Рукописное отделение Архива ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1901 г. Ед. хр. 39. Л. 9–10 об., 18–19, 35). Судя по публикации, Ю.Г. Гендуне относила Мышегское городище к одному кругу памятников, что и городище «Дуна» и считала их культурные напластования аналогичными и датировала серединой – второй половиной I тыс. н.э., древнерусским временем и XV–XVIII вв. (*Гендуне Ю.Г.* Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб, 1903. С. 2, 6–7, 10, 15–16).

Городище Мышега традиционно считается центром Мышегского удела Тарусского княжества, владельцами которого являлись Мышецкие князья (*Шеков А.В.* Политическая история и география Верховских княжеств. Москва, 2018. С. 176, 205, 311–312).

К сожалению, после исследований Ю.Г. Гендуне в XX в. на городище Мышега археологические исследования не проводились. В 70-е гг. XX в. эта территория была отведена под карьерные разработки, уничтожившие мыс, на котором располагался памятник, и сильно изменившие рельеф прилегающей к ней местности. В 2022 г. авторами тезисов было принято решение о проведении работ по локализации городища. Перед началом полевого этапа были проведены историко-архивные изыскания. Эта работа позволила: определить район проведения археологической разведки и установить примерное место расположения городища.

В конце сентября 2022 г. территория проведения исследований была осмотрена на предмет визуализации границ разработок и проверки информации, полученной по картографическим источникам, об участках сохранившегося рельефа, прилегающего к месту уничтоженного карьером городища. При проведении этих работ на сохранившихся реперных точках рельефа брались GPS-отметки, которые позже позволили достаточно точно совместить современные космические снимки с историческими картами. Эта работа позволи-

ла локализовать городище, где находился погост церкви «царя Константина», и место расположения с. Пречистое XIX в., где располагался погост «Пресвятые Богородицы», известным по планам Генерального межевания, а также наметить маршрут проведения разведки по сохранившимся участкам рельефа. Предполагаемые размеры памятника полностью совпали с наблюдениями дореволюционных исследователей.

В юго-восточной части места расположения городища, где сохранились элементы древнего рельефа, было заложено 2 шурфа, которые показали наличие переотложенного культурного слоя. В нем удалось обнаружить лепную керамику мощинской (IV–VII вв.) и роменской (IX–X вв.) культур, круговую керамику XII–XIX вв., крест XVII–XVIII вв.

Также было выявлено селище 2 у д. Сахаровка, расположенное напротив городища. Материал, полученный с заложенных на площадке селища шурфов, был датирован IX–X вв (роменская культура) и XIV–XVIII вв., что позволило соотнести этот памятник с с. Пречистое XIX в., на территории которого в XVIII в. располагался погост «Пресвятые Богородицы». Это также подтвердили найденные в шурфе селища фрагменты человеческих костей (Архив ИА РАН. Р-1. Ед. хр. б/н. Володин Е. О. Отчёт о проведённых археологических разведках на территории Алексинского района Тульской области в 2022 г.).

Таким образом, разведочные работы, проведенные в бассейне р. Мышега на территории Алексинского района Тульской области в 2022 г., позволили обследовать место уничтоженного карьером городища Мышега, выявить небольшой участок сохранившегося рельефа — русло старого течения реки и фрагмент эскарпированного склона, а также выявить остатки известного по архивным источникам прилегающего к городищу погоста «Пресвятые Богородицы».

П.В. Гаврилов
м.н.с. Института всеобщей истории РАН

Микрорегионы Бежецкой пятины Новгородской земли в конце XV века

В рамках исследования микрорегионов Бежецкой пятины Новгородской земли методом анализа структуры одной из древнейших писцовых книг В.Г. Наумова конца XV в. (Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. М., 1999. Т. 1. С. 220–238),

в первую очередь, последовательности перечисления в ней земельных владений было выявлено расположение вотчин светских и духовных феодалов периода новгородской независимости. Топографической основой реконструкции является карта локализованных сельских храмов Приходной книги Святой Софии 1576/77 г. (Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записей Софийской пошрины»)) / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб., 2001. С. 100–120).

В результате исследования локализовано нескольких микрорегионов, чья территориальная организация является не очевидной. Общее свойство репрезентации таких волостей в тексте источника — пренебрежение составителем писцовой книги пространственной логикой при перечислении приходов, земли которых образуют волостную территорию. Существовало две причины, по которым составитель пренебрегал пространственной логикой. Первую причину выяснил В.Л. Янин, указывая на текстуальную близость записей о владениях новгородцев-родственников (*Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981). Приведу пример репрезентации группы записей с характеристикой микрорегиона в округе селища Рыбаньск. Так, земли Богородицкого Топальского погоста упомянуты лишь дважды — волости Загородье и Топалско располагались в границах прихода. Но между двумя записями сгруппированы данные о землях Никольского Ворожебского и Богородицкого Рыбенского погостов. В.Л. Янин обосновал родство владельцев вотчин в границах земельного массива: Тимофея Остафьева сына Грузова, Орины Федоровой жены Хромова, и Олфера Иванова сына Офоносова. По наблюдениям исследователя, землевладения указанных лиц вносились в текст писцовой книги вместе, так же как и в книге Шелонской пятины. По происхождению вотчинники восходили к Василию Матфеевичу, клан потомков которого был связан со Славенским концом Торговой стороны Новгорода. Из родословной боярина происходили Иван Офонасов и Олферий Грузовы, а также посадник Федор Тимофеевич (*Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 79–81).

Второй причиной нарушения пространственной последовательности перечисления приходских земель являлось стремление составителя объединить в тексте земли погостов, образующих единую волость, но без учёта происхождения собственников. Это, к примеру, волость Белая, часть которой была конфискована Иваном III у архиепископа новгородского, согласно летописной статье 1478 г. (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 242). Впервые

деление волости на несколько погостов отметили Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий и А.Ю. Иванов (*Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю.* Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любытино, 2002. Вып. 1. С. 39.). Описание волости Белой начинается с описания погоста Прокофьевского на Белой, и продолжается характеристикой земель близлежащих погостов: Никольского в Шереховичах, на Белой в Богородицком из-за Мсты (Деревская пятина), и Никольского в Морткиничах. Вероятно, область долины р. Белой на момент присоединения к Московскому государству являлась местом концентрации большого количества мелких собственников, гораздо большего, чем упоминает документ. Всего 19 своеземческих хозяйств, сохранилось за местными владельцами после более чем 20 лет московской политики. Помимо них регион включал конфискованную вотчину архиепископа новгородского (Книга 1501 г. // Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. Стб. 1–29). Также землями в микрорегионе владели церкви Прокофия, Воскресения из Гончарского конца, Успенская, и Сорока Мучеников. Другую часть земельных владений образовывали вотчины известных бояр Лошинского, Самсоновых, Овиновых. Соотнесение результатов реконструкции с результатами археологических исследований возможно для обоих регионов. Находки Рыбинского селища датированы X–XIII и XIV–XVII вв. Среди исследованной керамики лепная неорнаментированная, раннегончарные горшки, гончарная красно- и белоглиненная посуда (Археологическая карта России. М., 2010. Т. 3. С. 182–183). В ходе археологического исследования Е.Н. Носовым, В.Я. Конецким, и А.Ю. Ивановым долины р. Белой установлен факт заселения территории к X в. Позднесредневековые памятники представлены фрагментами керамики XIII–XIV вв. на Мальшевском Городище и находками на селище на берегу оз. Княжесельского. Поселение датировано по керамике XVI в., получена дендрохронологическая дата — рубеж XVI–XVII вв. Исследователи отмечают развитый керамический промысел региона и распространение практики закольного лова рыбы.

С помощью привлечения фрагментов писцовой и платежной книг конца XV в. локализованы землевладения архиепископа новгородского, Спасо-Хутынского монастыря, Игнатьевых, Селезневых, Микифоровых, Самсоновых, Зайцевых, Утенских, Налесских, Борецких, и Есиповых. Как правило, волости новгородских собственников охватывали бассейны рек, устья или комплексы озер. Землевладения концентрировались у рр. Кабожа, Катъ, Белая, Колпь, Коло-

динка, Медведица, Песь, Мста, а также у озер Меглино, Лахта, Великое, Сухое, Белое, Черное, Островенское и Каркомля. Точность определения местоположения ограничивается несколькими приходскими центрами, в границах которых располагались земельные владения.

Т.Б. Гвоздева
к.и.н., доц. РУДН, доц. ЛПИ им. А.М. Горького
И.А. Гвоздева
к.и.н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова

Состязание кавалерии на Панафинеях по данным эпитафии

Главным государственным праздником Афин были Великие Панафинеи, которые с 566/5 г. до н.э. стали проводиться раз в четыре года, в последних числах месяца гекатомбеона, подобно Олимпийским играм. Программа Панафинеийских игр была более разнообразной, чем программа панэллинских игр, т.к. включала не только музыкальные атлетические и конные состязания, но также «местные» состязания, в которых могли принимать участие только афиняне. Эти состязания, как правило, завершали программу игр — пирриха, эвандрия, факельная эстафета, состязание кораблей (IG II² 2311) (*Гвоздева Т.Б. Награды на Панафинеийских играх // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. М., 2013. № 3. С. 85–95*). Одним из таких состязаний была антиппасия (ἀντιπασία). Это состязание не упоминается в призовой панафинеийской надписи 380 г. до н.э., которая является самым ранним призовым списком Панафинеийских игр, сохранившимся до нашего времени.

Антиппасию подробно описал Ксенофонт. Он пишет о ней, как об имитации сражения кавалерии, которое проводилось двумя командами. Всадников в команды набирали от 10 фил. Из них формировали 2 отряда (по 5 фил каждый). Каждый отряд возглавлял гиппарх. Гиппархи сначала выстраивали отряды, которые затем имитировали сражение, сходясь друг против друга в ложной атаке. Ксенофонт отмечает, что они сходились, а затем расходились, а потом снова формировали строй, готовясь уже с другой стороны для новой сквозной атаки. Этот маневр повторялся три раза, и каждый раз темп атаки все более убыстрялся. Антиппасия должна была демонстрировать элементы боя: то наступая, то, наоборот, убегая от предполагаемого противника (Xen. Hipp. I. 19–25; III. 1–2, 10–13).

Однако, Ксенофонт, при описании антиппасии, не называет ее состязанием, тогда как поздние грамматикологи всегда пишут о ней

только как о состязании (Hesych.; Suid.; Phot.; Bekker. Anecd. 404, 2). В Афинах сохранились многие посвящения, в которых антиппасия также обозначена, как состязание. Самым известным посвящением стал вотивный монумент скульптора Бриаксиса (сер. IV в. до н.э.), найденный в северо-западном углу Агоры (IG II² 3130). На двух из четырех сторон памятника была рельефная панель, на которой изображен бородатый всадник в хламиде, стоящий перед треножником. На четвертой стороне были записаны имена победителей в антиппасии — отца и двух сыновей. В надписи не указан праздник, на котором была одержана победа, возможно, что речь шла об Олимпиадах. Интересно, что этот монумент был установлен не в гипподроме, где проходили все конные соревнования Панафинейских игр, а на Агоре, около Герм, где обычно собиралась кавалерия (Хен. Нирр. III. 2). Два других посвящения относятся к Панафинейским играм. Скульптурный монумент с надписью о победе трибы Леонтиды, возможно, в антиппасии на Панафинейях, датируется ок. 400 г. до н.э. На передней части монумента был изображен кавалерийский отряд на галопе — шеренги кавалеристов с бородатым мужчиной во главе, вероятно филархом. Ряд более поздних надписей, также свидетельствует о присутствии антиппасии на афинских праздниках Олимпиади и Великие Панафинейи в архонство Никия (IG II² 3079) (282 г. до н.э.), а также на празднике Тезеи (СИА II 444, lin. 12) (середина II в. до н.э.) (*Гвоздева Т.Б. Состязание антиппасия в Афинах // Древний Восток и античный мир. Вып. VII. М., 2005. С. 62–68*).

Антиппасия на Великих Панафинейях относилась к командным состязаниям «для афинян», она была доступна только членам городской кавалерии. Учреждение антиппасии могло быть связано с расширением городской кавалерии, возможно, после битвы при Танагре в 458/7 г. до н.э., и если это предположение верно, то возможно, что отряды всадников на южной стороне панафинейского фриза Парфенона являются намеком на новое соревнование Панафинейских игр (*Shear J.L. Serving Athena. The Festival of the Panathenaia and the Construction of Athenian Identities. Cambridge University Press, 2021. P. 204*).

Похожие состязания кавалерии проводились в Риме. Согласно Светонию, еще Цезарь устраивал для римлян т.н. Троянскую игру, некий конный турнир, в котором специальные упражнения в верховой езде выполняли знатные юноши (Suet. Iul. 39.2). Вергилий в «Энеиде» учреждение Троянских игр приписывал Асканию Юлу, сын Энея (Verg. Aen. V. 596–603). На погребальных играх Анхиса Эней просит подготовить «детское войско» (Verg. Aen. V. 549), кото-

рое должно продемонстрировать конный строй (Verg. Aen. V. 553–559). Отряды всадников разбиваются на 3 турмы по 12 человек (Verg. Aen. V. 560–563), во главе каждого — юный вождь (Verg. Aen. V. 564–572). Построившись в боевой порядок, молодые люди с копьями наперевес несколько раз сходятся в ложной атаке, имитируя боевые действия (Verg. Aen. V. 580–586). При Юлии Цезаре в Троянских играх принимали участие два отряда мальчиков старшего и младшего возраста (Suet. Iul. 39.2). По примеру Цезаря Август возродил Троянские игры с участием старших и младших групп мальчиков, где его юные внуки, получили почетные звания «предводителей молодежи» (*principes iuventutis*), а вместе с ними и право руководства конным турниром, который Август неоднократно устраивал (Suet. Aug. 43.2). После Августа Троянские игры устраивали императоры Калигула (Suet. Cal. 18.3; Dio Cass. LIX. 7) и Клавдий (Suet. Claud. 21.3) (*Гвоздева И.А., Никишин В.О. Место греческой атлетики в римском культурном пространстве // Традиции античного олимпизма в мировой культуре (от древности до наших дней). М., 2015. С. 131–148).*

*В.Н. Глазьев
д.и.н., проф., декан Воронежского ГУ*

Грамотные люди российской провинции в XVII веке (по материалам Воронежского уезда)

Сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) и Государственном архиве Воронежской области документы московских приказов и Воронежской приказной избы XVII в. позволяют поименно выявить грамотных людей Воронежского уезда. Больше всего сведений о них содержат подписи на деловых бумагах, так называемые «рукоприкладства», которые оставляли на челобитных, показаниях свидетелей, поручительствах.

Речь идет о мужском населении, выявить грамотных женщин уезда не удастся. При определении изменения численности грамотных людей за столетие необходимо разделить его на трети. Исходим из общепринятого утверждения о том, что за один век в среднем сменяется три поколения по мужской линии. По выявленным нами данным, в первой трети XVII в. в городе Воронеже и Воронежском уезде прослеживается 58 человек, умевших писать; во второй трети XVII в. их насчитывалось 149; в последней трети XVII в. — 195 человек. Таким образом, на протяжении столетия число грамотных

людей Воронежского уезда возрастало. Но если сопоставить с общей численностью населения города и уезда (примерно 15–20 тысяч человек), то количество грамотных по современным меркам ничтожно мало — составляет не более 1–1,5 %.

Как была распространена грамотность по сословиям? Значительную часть населения составляло крестьянство — жители сел и деревень. Грамотных среди крестьянского населения выявить не удалось. Мелкие служилые люди — городовые казаки, стрельцы, пушкари — также в основном были неграмотны. В документах встречаются подписи лишь одного стрельца — Федос Черницын в документе 1699 года — и одного пушкаря — Прибытков Алфер.

Значительно больше грамотных находилось среди воронежских дворян и детей боярских. Назову семьи, где существовала традиция знать грамоту, уметь писать. Струковы (из этого рода происходил епископ Воронежский Иоаким), Михневы, Митрофановы, Шишкины, Пареные, Петровы, Веневитиновы, Острецовы, Тарарыковы, Горожанкины, Конинские, Кулешовы, Кунаковские.

Для дворянина знание грамоты открывало возможности сделать административную или духовную карьеру. Если для воеводы грамотность была не обязательна, то на остальные посты, в основном, назначали грамотных. Так, на должность губного старосты выбирали только грамотных. Известны имена 14 воронежских губных старост, и все они — грамотные. Осадные головы, стрелецкие головы, казачьи головы, сотники — также, в основном, грамотные.

Для посадских людей умение читать, писать и особенно считать было необходимо в связи с родом деятельности. Вести торговлю, учитывать товары, платить таможенные пошлины — во всем этом грамотный купец имел преимущество. Нам известны грамотные люди из посадских семей Гордениных, Барсуковых, Русиновых, Мосалитиновых.

Посадские люди Сахаровы жили в Успенской и Напрасной слободах. С этим родом связана одна из сохранившихся до наших дней книг. На хранящемся в отделе редких книг библиотеки ВГУ евангелии помещена надпись: «1656 году марта в 25 день дали сию книгу евангелие напместольное воронежец посадский человек Лукьян Родионов сын Сахаров з братьями со Акиндином, да с Федором, да с Микитою ко храму святяга мученицы Парасковии нарицаемья пятницы да в пределе великомученнику Никите по своих родителях при священнику тое церкви при Моксиме Степанове сыне, а подписал Акиндин своєю рукою». Это был вклад на поминание душ родственников.

Во многих подписях сословное положение не указывалось, писали просто — воронежец. Чаще всего это были молодые люди — дети дворян, посадских людей, священников — разночинцы, как сказали бы позднее. Из этой среды происходило две категории административных работников — площадные подьячие и подьячие.

Площадные подьячие за плату составляли документы для просителей, челобитчиков, истцов. Они размещались на площади перед съезжей избой. Подьячие приказной избы — это государственные служащие чиновники, они или получали государственное жалование или кормились от дел. В Воронеже число подьячих за XVII столетие увеличилось с двух до 15. В Воронеже и других городах формировались подьяческие династии, например Маторины. В доме подьячего Игната Маторина во время приезда в Воронеж жил Петр I. Некоторые из воронежских подьячих призывались на службу в Москву, в столичные ведомства, например Семен Струков, Дружина Протопопов.

Духовенство составляло категорию населения, где большинство было грамотным. В первую очередь, речь идет о приходских священниках. Об этом свидетельствуют Окладные книги Рязанской митрополии 1676 года, в которых подписи оставили почти все священники. Грамотными были игумены и строители монастырей.

Как велось обучение грамоте? В Воронежском крае в XVII в. государственные и церковные учебные заведения отсутствовали. Обучение грамоте считалось сугубо частным делом. Об этом свидетельствуют факты. В 1679 г. сын воронежца Якова Пареного Евсейка сообщал, что был в Усмани у подьячего Ивана Неудачина «для письменного научения».

Другой пример. Ефим Реутов — выходец из села Лысково Нижегородского уезда. Его отец служил священником в церкви в том селе. В 1666 г. во время голода он ушел в Тамбов, жил у соборной церкви и питался подаянием. Затем перебрался в Воронеж, где жил за счет обучения учеников читать и писать. Таким образом, к обучению грамоте подходили как к ремеслу. И действительно в то время это занятие могло прокормить.

Уже в петровскую и последующую эпоху положение менялось. Возникали светские и духовные учебные заведения. Но потребность в грамотных людях и образовательных учреждениях разных типов сохранялась.

**Тюменская деловая письменность периода правления
Екатерины II (1762–1796 гг.):
палеографические и графические наблюдения**

Тюменская деловая письменность второй половины XVIII в. является важнейшим документальным свидетелем, запечатлевшим факты истории и нравы эпохи. Полифункциональность делала ее способной обслуживать самые разнообразные потребности тюменского общества. В документах получили отражение многие стороны жизни и проблемы, волновавшие власть и население города: пожарная безопасность, открытие малого народного училища, функционирование аптек и больниц, сбор налога, судопроизводство и т.д. Все это приводило в движение большое количество документов различных жанров (промемотии, выписки, доверенности, допросные речи, квитанции, крепости, поручные записи, расписки, экстракты, подорожные и т.д.).

Деловая письменность скрепляла воедино информацию в запросах от адресанта «сверху» и в ответах адресата «снизу». В Тюмени создавались иницилирующие документы, идущие в волостные управления, но чаще — ответные, как реакция на распоряжения вышестоящих инстанций. В региональных канцеляриях особенно ошутим разрыв между жестко формализованными и стилистически «вольными» документами.

Документы делового общения, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области, находятся в удовлетворительном состоянии. Края и углы листов повреждены в разной степени. Архивные документы сохранили сведения о покупке у владельцев Тобольской мануфактуры бумаги, отличающейся своей плотностью с четко просматривающейся матричной сеткой и желтовато-серым цветом. Размер листов варьируется в зависимости от жанра документа и его ведомственного признака. Например, допросы составлялись на листе бумаги размером 71 см на 43 см, сложенном вдвое, межведомственные документы, — 10 см на 16 см.

Основным орудием письма являлось гусиное перо. Писцы применяли чернила разных оттенков: светло-, темно-, ярко-, серо-коричневых, реже встречаются документы, написанные черными чернилами. Чернила межведомственных документов имели три оттенка: основной, более светлый при регистрации и более светлый/темный в подписях. Различного рода пометы, исправления,

внесенные в тексты, также сохранили разные оттенки чернил. Цвет мог меняться также в зависимости от степени наполнения пера.

Под графическим содержанием документов мы понимаем состав алфавита, дублетные и выносные буквы, начертания букв, надстрочные знаки и сокращения.

При написании документов использовались линейки для того, чтобы очерчивать линии строк и полей, как это представлено, например, в журналах заседаний. Свободное место на полях для помет зависит от стадии подготовки документа. Плотность заполнения строк различна и зависит от почерка, а также от степени усталости писцов. Отличительной чертой следственной документации (допросы, очные ставки и др.) является отсутствие указания на исполнителя(ей) документов. Поэтому подобные рукописи нуждаются в процедуре «узнавания» почерка среди похожих на него.

В текстах буква «А» иногда заменялась греческой «альфа», что зафиксировано в конце слов: Анна, суда. Устойчивостью обладает фита: Фоминский волостной судъ, февраль; омега использовалась в предлогах и приставках; кси зафиксирована в именах собственных и заимствованных словах: Алексей, Оксинья; широко представлена лигатура «ук»: судъ, Устьницынская слобода, Таратуину; «зело» (ограниченно): показаль и т.д.

В текстах не всегда последовательно применялись новые буквы э, й: экспедиція — экспедиція; волостной – волостной и т.д. Буква і использовалась перед гласным: коллегія, в роли сочинительного союза или в составе союза. Своеобразным фактом является написание [ʼo] под ударением: лошадионка, наперіод. Буква ять присутствует в официальном алфавите XVIII в., но отсутствует во многих «тюменских» почерках, что может быть связано с совпадением живого звучания [ě], а также с невысоким уровнем грамотности писавших.

Отличительной чертой графического облика тюменских текстов являлось широкое употребление выносных согласных букв: в, з, д, ж, м, н, т, х, с, р, з; гласных: и, у. Часто выносились частица ж. Выносных в слове может быть одна, две или даже три: до^М, о^бявля^Л, о^тста^вно^му прапо^рщику, со^бстве^нно^н ло^тки. Выносятся иногда две буквы, стоящие рядом: су^лу, бы^ли. Из двух одинаковых согласных букв всегда выносится первая: на по^лди^нно^м, ко^ллежско^н. Положения выносных букв следующие: конец слова, положение в середине слова перед согласным, конец строки (въ юрта^х, зе^мской су^л, в означ^нной деревне). Реже выносились буквы перед гласной: Ма^ря, о^бяви^л, в начале слова: л^другои. Употребление выносной на месте согласной с необозначенной на письме мягкостью является частот-

ным явлением: де^нги, Тобо^лскъ, Во^лскъ и др. Частотность выносных букв зависит также от практической выучки писца, а также его возраста.

Приведем пример дублирования одного и того же фрагмента, исполненного разными субъектами письма: по^т дворомъ — по^д двором^м, будучи жь — будучи ж^ж, в скоромъ времени — в скоро^м времени и т.д. Отрывки текстов доказывают графическую самостоятельность и индивидуальность писцов.

Традиционной чертой для скорописных текстов для XVIII в. являются сокращения: в словах гдинь, нне, члвкъ, мсц, ЕЯ ІВ и т.д. с помощью титла; при наименовании денежных знаков: ру, ко, присутствующие только деловому письму; сокращение в реквизите «дата» года — г, числа — ч, а также названия присутственного места ЗС (земский суд) в черновиках.

Таким образом, палеографические и графические наблюдения показали, что состав алфавита тюменских текстов соответствует общероссийскому алфавиту гражданского письма XVIII века. Приобретая более «спокойный» вариант письма к концу века, тем не менее, имеет отставание от «центра» в установлении каллиграфических норм курсивного письма на 10–15 лет. Документы фиксирует выработку у чиновников и служащих писарского почерка, графическую индивидуальность в рамках скорописной традиции.

Ю.Ю. Гордова

д.филол.н., в.н.с., Ин-т языкознания РАН

Существовал ли город Дядьков в Рязанской земле? Топонимическое окружение и этимология названий как косвенные лингвистические признаки

На территории современной Рязанской области — исторического Рязанского великого княжества — известны несколько зон концентрации древнерусских топонимов. Такие зоны отражают районы наиболее раннего, плотного и постоянного славянского заселения в Среднем Поочье.

Одной из таких зон является район сел Дядьково — Вышгород. Он расположен в юго-восточном направлении от современной Рязани (исторического Переяславля Рязанского), на правобережье Оки. Здесь находится интереснейший комплекс древних славянских названий, сохранившихся почти в первозданном виде и искусно вплетенных в современный топонимический ландшафт.

В очерченном районе находятся сельские поселения: *Дядьково, Новосёлки, Рубцово, Вишнёвка, Льгово, Лужски, Дмитриевка, Глебово, Дудкино, Кораблино, Выигород* и др. Гидронимия района представлена названиями окских притоков: *Быстрец, Гужовка, Гусевка, Берёзовка, Листвень* (совр. *Листянка*), *Рака, Городня, Любавка*, озера *Отока*. Хорошо развита микротопонимия.

Главными поселениями района являются села *Дядьково, Льгово, Выигород*. Именно вокруг них в течение нескольких столетий формировался местный топонимический ландшафт. Село *Льгово* продолжает историю древнерусского города *Ольгов*, упоминаемого уже в XII веке (*Олгов / Старый Льгов*). Название *Дядьково* подсказывает нам, что в то же время должен был существовать и город *Дядьков*, однако летописных упоминаний о нем нет, а следовательно, реальность его существования в древнерусское время не доказана. Мы можем оперировать лишь косвенными признаками, в качестве которых используем топонимическое окружение современного села *Дядьково*, этимологию находящихся здесь названий и их ареальные связи.

Топонимическое окружение является важным датирующим признаком. Топонимы, находящиеся в зоне концентрации древнерусских названий, могут быть рассмотрены как возможные элементы одного хронологического пласта. Это положение основано на том, что районы, хорошо обжитые к определенному моменту, характеризовались и высокой степенью ономастической освоенности.

Современное село Дядьково располагается на высоком берегу старого русла Оки (так называемый *Дядьковский затон*), с очень крутыми склонами. Археологически подтверждается наличие в этом районе поселения древнерусского времени.

Топоним имеет аналоги в других русских областях. *Дядьков* (др.-русс. *Дядьковъ*) — древнерусский город в Болоховской земле, упоминаемый в Ипатьевской летописи в 1241 году (*Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 71). Эта территория верховьев Южного Буга, бассейнов рек Горынь, Случь и Тетерев первоначально входила в состав Киевских земель. В.П. Нерознак считает, что ойконим восходит к *дядько* «брат отца или матери» или личному имени *Дядька* (варианты имени *Дядка, Дядка, Дядко* приводятся в «Словаре древнерусских личных собственных имен»; Там же. С. 71–72).

Название предполагаемого рязанского города находим уже в производном топониме — д. *Дятковская*, зафиксированном в писцовых книгах XVI в. при описи земель Окологороднего стана.

Во время фиксации топонима это уже название пустоши на месте заброшенного поселения (Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Ред. В.Н. Сторожев; изд. 2-е; подготовка к печ.: А.И. Цепков. Рязань: Русское слово, 1996. Т. I. Вып. 1. С. 269). Современная форма ойконима согласована с родом нового географического указателя — село *Дядьково*. Вопрос, почему название данного города не попало на страницы древних летописей, в частности, не упоминается в Списке русских городов XIV в. вместе с другими рязанскими городами, остается открытым.

Бликие топонимы других регионов: *Дятково* — город в Брянской области, на р. Олешне (приток р. Болва, бассейн Десны); д. *Дядьково* на севере Московской области (в р-не Дмитрово, рядом с д. Княжево) (Яндекс-карты [Электронный ресурс] // <https://yandex.ru/maps/> [Дата обращения: 18.09.2023]).

Современная топонимия района с. Дядьково включает названия водных объектов, улиц, церкви (в честь *Илии Пророка*), садоводческих товариществ. Также в районе села есть примечательные объекты, в частности, так называемые *Геологические отложения*, небольшой участок выхода горных пород, который с 2003 г. относится к охраняемым территориям.

Из названий улиц особый интерес представляют топонимы *Шейка* и *Лодыжка* — древние обозначения районов небольших поселений, которые являются метафорой по сходству с частями тела живых организмов. Подобные названия известны и в других рязанских селах.

Дядьковский затон — затон на правом берегу Оки близ с. Дядьково, старое русло реки, представляет собой ответвление от основного течения Оки закругленной формы, со слабым течением. На правом берегу затона находится сельский пляж, иногда называемый *Купелью*.

Бочаг — ручей, впадающий в Дядьковский затон в р-не с. Дядьково, по обе стороны ручья находятся садоводческие товарищества «Грачи» и «Новосёл». Микротопоним происходит от диал. *бочаг* «яма с водой; омут, углубление русла небольшой реки», «остаток пересыхающей реки» (Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999). Др.-русск. *бъча* «сосуд» (родств. *бочка*), слово было известно в моск., твер., яросл., ниж. регионах. *Большая Бочага* — одно из названий Онежского озера.

Гужовка — река, исток находится близ пос. Карцево, в районе с. Дядьково впадает в Быстрец, который через несколько мет-

ров соединяется с Дядьковским затоном. Аналоги находим в украинской топонимии: *Гужівка* — село в Черниговской обл.

Таким образом, названия *Дядьково, Льгово, Вышгород, Быстрец, Гужовка, Бочаг, Рака* и др. имеют аналоги в районах более раннего славянского расселения и восходят к древнерусской лексике, часть топонимов зафиксированы в летописях. Это может служить косвенным доказательством существования города *Дядьков* в Рязанской земле в древнерусское время.

*А.Л. Грязнов
НП НИЦ «Древности»*

Письмо княжеских и частных актов XV века

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ
(проект № 24-28-01271)*

За период XIV – начала XVI вв. сохранилось около 2000 текстов актов, относящихся к территории Северо-Восточной Руси. Из них немного более 600 были связаны происхождением с княжескими канцеляриями. Из всей этой совокупности мы имеем в целом порядка 500–600 подлинников.

Палеографии ранних русских актов в историографии уделяется сравнительно мало внимания. Самый значительный корпус подлинных актов XV в. относится к двум группам: документы, составленные в московской великокняжеской канцелярии и документы, связанные с Белозерьем (составленные в княжеской канцелярии и при участии местных монастырей и светских лиц). В совокупности они охватывают от трети до половины сохранившихся подлинных актов XV в. Благодаря этому можно сравнительно детально рассмотреть внешний вид документов, в том числе и палеографию, а сделанные наблюдения проверить на материале документов других регионов и институций.

В актах великокняжеской канцелярии прослеживается эволюция почерка, особенно заметная при сравнении с актами XIV в. Наиболее показательны в этом плане княжеские духовные и договорные грамоты. Буквы уменьшаются, почерк становится более беглым. К концу XV в. внедряются элементы скорописи. В источниках регулярно упоминаются сотрудники княжеских канцелярий — дьяки и подьячие. На протяжении всего XV в. регулярно встречаются примеры того, что великокняжеские дьяки и подьячие уча-

ствовали в составлении и частных актов. Естественным образом это отражается на внешнем виде таких документов.

Белозерская княжеская канцелярия связана с великокняжеской, в том числе и в персональном плане. Ряд дьяков белозерских князей некоторое время был сотрудниками великокняжеской канцелярии или канцелярий других удельных князей Московской династии (Иван Шимонов, Иван Щербина, Кулударь Ирежский, Иван Котов, Иван Тимофеев). Облик документов, используемый в них почерк в целом развиваются в том же направлении, что и в Москве.

Белозерские материалы позволяют подробно проанализировать практику оформления документов частных лиц. В первую очередь, это сделки, связанные с приобретением разными способами земельных владений Кирилло-Белозерским монастырем. Они оформлялись двумя большими категориями документов — купчими и данными грамотами. Мы знаем, что уже в начале XV в. в Кириллове монастыре действует скрипторий, то есть уже в самое раннее время в монастыре наличествуют материалы для составления документов и есть квалифицированные писцы. И действительно в ряде грамот в качестве составителей документа указаны явно насельники монастыря иноки Христофор, Иринарх, Игнатий, Илья и другие. Однако, доля таких писцов сравнительно невелика. Если документы разделить по категориям, то оказывается, что для составления докладных грамот — документов, составлявшихся с доклада белозерскому наместнику, — монахи практически не привлекались. Как правило, в качестве составителей докладных грамот указаны явно частные лица. Причем, эти писцы (довольно узкая группа лиц) действовали при разных наместниках, то есть на материалах Белозерья выявляется особая категория сотрудников кормленческого аппарата, ответственных за составление докладных грамот. Это были местные жители (Осташь, Семен Окулов, Михаил Вахрамеев). Сохранившиеся подлинники составленных ими документов показывает, что их почерк близок к канцелярскому. В целом, наличие при наместнике дьяка находит аналогии в Двинской уставной грамоте, по которой устанавливается привилегия составления судебных документов дьяку и определяется тариф за эту операцию.

Есть несколько документов, не связанных с Кирилловым монастырем и оформлявших сделки между частными лицами. В этих случаях видим, что частные лица писали документы сами, могли пользоваться услугами местных специалистов или других частных лиц. Почерк таких грамот отличается от канцелярского письма, как правило, он менее выработанный.

В целом, сделанные выше наблюдения подтверждаются материалами по другим регионам.

Как представляется, выявляемые на протяжении XV в. изменения в оформлении документов (в первую очередь происходивших из княжеских канцелярий), их почерке, связаны с широким набором факторов, важнейшими из которых были переход на бумажный носитель и интенсификация делопроизводства, потребовавшая увеличения объемов документов и скорости их подготовки. Задавала направление изменения делового письма великокняжеская канцелярия. Выработанные в ней приемы дальше распространялись через канцелярии удельных князей и церковных иерархов. Наименее восприимчивы к изменениям в сфере письма оказались частые лица и монастырские писцы. Первые, скорее всего, из-за небольшой практики. В монастырях большая консервативность, видимо, связана с книгописной культурой.

На местах носителями делопроизводственной культуры были священники и члены их семей (в качестве составителей документов неоднократно называются поп, попов сын, попов зять). Много грамотных и способных составлять документы было и среди частных лиц разного ранга. Тем не менее, почерка у них очень далеки от канцелярских и в целом, видна обособленность канцелярского письма от бытового.

На протяжении всего XV в., уже в самом его начале даже на низовом уровне (наместники и волостели) существовал обособленный административный аппарат. Этот аппарат использовал универсальные стандарты делопроизводства: формуляр документов, процедура оформления документов, почерк.

В повседневной практике «канцелярское» письмо сосуществовало с «книжным». Прослеживается довольно широкое привлечение к составлению документов лиц, не связанных с ведением делопроизводства в княжеских канцеляриях. Тем не менее, формуляр документов вполне выдержан, и одинаковые изменения в приемах оформления документов происходят в разных регионах. Это могло бы говорить о существовании образования в сфере делопроизводства, охватывающего широкие слои общества. Однако, скорее всего, для подготовки частных документов использовались формулярики, а изменения в приемах оформления документов, видимо, инициировались великокняжеской властью.

Где находился «Жукоповский стан» («государева дворцовая Жукопская волость») Ржевского уезда?

В сентябре «187-го» (1678) г. писцы Федор Борисович Изъединов и подьячий Федор Бишов начали работу над описанием дворцовых владений в Ржевском уезде по наказу из приказа Большого дворца за приписью дьяка Семена Кудрявцова (РГИА. Ф. 1088. Оп. 20. Ед. хр. 2. Л. 11, 16). Подлинник писцовой книги не сохранился, однако известно, что описание коснулось, преимущественно, Молодотудской волости, в состав которой вошли, в том числе, такие образования, которые на рубеже XVII–XVIII вв. назывались Рогалевским и Жукопским «приселками» к данной волости (*Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 15.). В перечневой книге итогов переписи 1717 г. в сравнении с данными 1678 г. применительно к Жукоповскому «приселку» фигурирует также название «Жукопская волость» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 389 об.). В приходной книге Патриаршего Казенного приказа за «177-й» (1668/69) г. имеется запись о «вновь прибывшей» церкви Козьмы и Дамиана «великого государя в дворцовой волости в Жукоповском стану на погосте Жукопе» в Осташковской половине Ржевского уезда (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 732).

Очевидно, интересующая нас территория должна была располагаться по реке Жукопе к северо-западу от уездного центра. Однако такие территориальные образования, как «Жукоповский стан» или хотя бы «Жукопская волость», не упоминаются в писцовых книгах Ржевского уезда XVI – первой половины XVII в. и не отражены на картах Ржевского уезда, составленных исследователями на основании этих источников (*Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 396–397, цвет. вклейка; *Фролов А.А.* Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимировой // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 3. С. 55–86; Вып. 4. С. 77–89). Что это могло быть за образование?

По писцовой книге 1678 г. в «Жукопскую волость» входила 31 населенная деревня (53 двора), в 15 деревнях насчитывалось всего по одному крестьянскому двору, а самой крупной являлась деревня Суханово, в которой числилось 4 крестьянских двора (РГА-

ДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 389 об.–390 об.). Это заставляет предполагать сравнительно недавнее заселение данной территории. Такое предположение кажется вполне уместным, учитывая, что по писцовой книге 1623–1625 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 833) в порожних землях и пустошах лежало более половины ранее заселенной площади Ржевского уезда, запустевшей «от войны, литовских людей и русских воров» на рубеже XVI–XVII вв. В течение XVII в. порожние земли получали новых владельцев или переходили в дворцовое управление, пустоши постепенно начали вновь заселяться. Возможно, это обусловило корректировки границ внутренних административно-территориальных единиц. Например, можно заметить слияние ранее лежавших в пустошах частей Старотудской и Жилгостинской волостей со ставшей дворцовой Молодотудской волостью или слияние части Старотудской волости с волостью Тудовской на Скворотыни (*Прокофьева Л.С.* Крестьянская община. С. 16; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 12367. Л. 556).

В писцовой книге 1620-х гг. гидроним «Жукопа» встречался при описании земель Езжиной и Волговской волостей (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 833. Л. 192–265). Наблюдения над топонимией «Жукопской волости» позволяют без сомнений расположить ее на территории современного Андреапольского района Тверской области, то есть на землях, которые принято относить к прежней Волговской волости Ржевского уезда (ее Бельской приписи). Названия вновь поселенных деревень «Жукопской волости», действительно, частично совпадают с названиями пустошей в порожних землях Волговской волости в писцовой книге 1620-х гг.

Однако «Жукопская волость» отнюдь не являлась новообразованием: ранее территории по реке Жукопе относились к Бельскому уезду. Часть их вошла в Волговскую волость Ржевского уезда в VI в., а оставшаяся часть была включена в состав Русского государства лишь в ходе войны 1654–1667 гг. (*Степанова Ю.В.* Бельские волости в XVI–XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства // *Genesis: исторические исследования.* 2023. № 10. С. 32–40). В 1657 г. в волости насчитывалось 29 дворов в 16 деревнях (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 70–71 об.). Как было показано выше, уже в 1668/69 г. «Жукопская волость» стала частью дворцовых земель Ржевского уезда.

Следуя аналогичным примерам из истории развития административно-территориального устройства Ржевского уезда, можно предположить, что в волость также могли войти вновь заселенные дворцовыми крестьянами порожние земли старой Бельской припи-

си, относившиеся ранее к Волговской волости. В дальнейшем Жукопская волость была присоединена к значительно «укрупненной» во второй половине XVII в. за счет соседних территорий дворцовой Молодотудской волости.

*А.Н. Гуслистова
н.с. НЦ «Древности»*

**Ретроспективные упоминания вологжан
второй половины XVI – начала XVII в.
в переписной книге Вологды 1711–1712 гг.**

Переписная книга Вологды 1711–1712 гг. была составлена в ходе петровских реформ начала XVIII в. и является последней дворцовой переписью города, после которой начинается ревизский учет населения.

Исследование Н.И. Суворова по переписной книге 1711–1712 гг. осталось практически единственным в отечественной историографии (Суворов Н.И. Население Вологды в начале XVIII в.: Топографический и статистический очерк // Памятная книжка для Вологодской губернии за 1861 г. Вологда, 1861. С. 1–104, 127–129), не считая неудачных попыток Общества изучения Северного края издать книгу в начале XX в. Впервые книга была издана сравнительно недавно – в 2008 г. в рамках фундаментального трехтомного издания всего комплекса писцовых и переписных книг Вологды XVII – начала XVIII в. (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 3-х тт. / Т. 2. Переписная книга Вологды 1711–1712 гг. Подготовка к изданию И.В. Пугач, М.С. Черкасова. М., 2008)

Несмотря на то, что формально книга 1711–1712 гг. является переписью дворов, как и все предыдущие городские кадастры, в ней есть существенные отличия – описания, которые отсутствовали в книгах XVII в. Неизменными остались указания на улицы, привязки к топографическим объектам (рекам, ручьям, крепости) и храмам, указание владельца двора. А вот прочие родственники мужского пола (как в переписной книге 1678 г.) отсутствуют, как и указание на их возраст. Зато показан размер двора как в писцовой книге 1627 г., и есть описания торговых рядов, как в кадастрах 1627 и 1685 гг. Уникальной информацией, отсутствующей во всех прочих кадастрах, следует считать подробное описание двора (жилых, хозяйственных и торгово-промышленных построек) и раздел, фикси-

рующий документальные права на собственность (имя бывшего владельца, формат и дата сделки) и податной статус. Нечто схожее было в писцовой книге 1627 г., где все бывшие посадские дворы, перешедшие в нетяглый статус, были описаны отдельно и подтверждены указанием его бывших владельцев и датой перехода.

Например, описание двора голландских купцов Гутманов, в составе которого был зафиксирован один из немногих каменных домов Вологды конца XVII – начала XVIII в., в котором останавливался Петр I, и который именно из-за этого сохранился до наших дней, и сейчас является музеем, содержит ретроспективные сведения о девяти дворах XVII в. и их 15 владельцах.

Составители второго тома Писцовых и переписных книг составили видовой и хронологический указатель актов, из которого следует, что всего таких упоминаний о документах в книге больше 1500. Больше всего упоминается купчих — 1047 и закладных — 259. Вполне возможно, что некоторые документы, упоминающиеся в книге, дошли до нас в составе фонда 1260 Государственного Архива Вологодской Области, но сравнительный анализ сохранившихся актов не проводился, и тем ценнее те ретроспективные упоминания о собственности вологжан конца XVI – начала XVIII в., документов о которых не сохранилось.

Более всего обеспечен купчими хронологический период близкий к переписным работам — с начала 1700 по конец 1712 г. И связано это не с тем, что в этот период вдруг стали больше продавать и покупать дворов, а с тем, что сохранность документов была выше — еще ничего не успело сгореть, потеряться и пропасть. А вот первая половина XVII в. представлена 1–3 купчими за год, XVI в. — 7 документами.

Все ретроспективные данные начала XVIII в. можно и нужно проверять сведениями из хронологически более близких к совершенным сделкам писцовых и переписных книг XVII в.: дозорной книги 1617 г. писцовой книги 1627 г., переписных книг 1646, 1657, 1678 и 1687 гг. Благодаря составленной просопографической базе по посадским людям Вологды первой половины XVII в. становится понятным, что датировка большей части старейших документов конца XVI – начала XVII в. является ошибочной, скорее всего, допущенной переписчиком сохранившейся копии с оригинального белого образца.

Сведения документов поддаются верификации благодаря упоминаниям вологжан, которые находились в родстве с нынешними владельцами дворов. В формуле «владеет по купчей, какову деду ево Василью Леонтьеву Медведю в 107 году вдова Татьяна дала»,

«Владеют по купчей Дружины Яковлева сына Войлошника, которую дал деду их Девятому Павлову сыну Кошкину да дяде их Карпу Афанасьеву сыну Солоносову в прошлом 7115 году» можно выделить 1) информацию о степени родства, что дает возможность построить генеалогию семьи 2) о контрагентах сделки 3) времени сделки. При перекрестном сравнении всех трех составляющих с данными просопографической базы, из 15 проверенных документов на собственность, датируемых второй половиной XVI – началом XVII в., упоминаемых в переписной книге 1711–1712 гг., 9 оказались с правильной датой, а 6 — неправильной, причем неверно датируемыми оказались почти все древнейшие купчие XVI в. Данные ошибки могли относиться всего лишь к неправильной интерпретации сведений источника, когда в самом документе его составители могли иметь ввиду конкретный год, а написать всего лишь последние две цифры. Либо это могло быть банальной опiskeй переписчика. В поле исследования попал буквально 1% из массы всех упоминаемых документов, поэтому можно сделать предположение, что и в датировку других актов могла закрасться ошибка.

А.Г. Гуськов
к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН

Служилые чины местной администрации в 1692 г. (по материалам выписки Посольского приказа)

В последнем десятилетии XVII в. в ведении Посольского приказа находился ряд учреждений: приказы Великой России, Малороссийский, Княжества Смоленского; Новгородская, Владимирская, Галицкая и Устюжская четверти (*Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 38–40*). Каждое из них имело собственный штат приказных служащих (подьячих, иногда — сторожей, приставов). Однако управляло ими единое руководство, состоявшее из судей дипломатического ведомства — главы приказа, думного и приказных дьяков. Судейская коллегия курировала представителей местной власти в населенных пунктах, подведомственных перечисленным приказам. Одна из выписок Посольского приказа, сохранившаяся в Российском государственном архиве древних актов (РГА-ДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 1), по служилым чинам (стольникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам, городovým дворянам, детям боярским) позволяет показать состав местной администрации в значительной части территории России на сентябрь 1692 г.

Запрос на предоставление выписки был получен в Посольском приказе 29 августа 1692 г. И уже 17 сентября требуемый документ за приписью дьяка Алексея Никитина по указанию думного дьяка Е.И. Украинцева был отправлен в Разрядный приказ боярину Т.Н. Стрешневу. Сохранившийся черновой отпуск выписки позволил увидеть, «кто имянно ис тех вышеписанных приказов на Москве у дел и в городех, которые ведомы в тех приказах на воеводствах и на приказах, и у дел, и в отсылках, и с которого году и месяца и числа, хто у какова дела и на их местах кого отпустить и в которых годах и месяцах и числах переменить велено» (Там же. Л. 1–2).

В выписку включены сведения по воеводам, дьякам, главам солдатских и стрелецких полков, объезжим головам, ямским приказчикам городов, сел, острогов и пр., подведомственным большинству указанных выше приказов и четвертей (в документе по неизвестной причине отсутствуют данные по Владимирской чети). В источнике содержится указание на лицо, занимающее ту или иную должность на сентябрь 1692 г., с точной датой назначения. В некоторых случаях приводится имя служащего, направленного ему на смену «по сроке» (т.е. после окончания обычного двухгодичного или увеличенного до 3 лет периода).

Наиболее кратко охарактеризованы службы самого Посольского приказа: судья Мещанской слободы (стольник Иван Тараканов), пристав у «меретинских» царевичей (дьяк Сава Сандырев), российская делегация на «польских межевых и росправных дел съездах» (2 стольника, дьяк и стряпчий) и «резиденция» в Польше (дьяк Борис Михайлов и 2 иноземца «во дворянех»).

В ведении Малороссийского приказа перечислено руководство 6 населенных пунктов: Киева (воевода, 3 стольника и 2 стряпчих), Переяславля, Чернигова, Нежина, Новобородицка (в каждом по воеводе и дьяку) и «Арле-городка» (полковник).

Приказ «Великой России» управлял территорией, входившей в Слобожанщину. Здесь названы воеводы 31 городка (Сумин, Суджи, Лебедин, Мирополье, Краснополье, Межирич, Белополье, Ахтырка, Боровля, Сенное, Богодухов, Мурафа, Городное, Красный Кут, Колонтаев, Рублев, Харьков, Ольшанка, Солочев, Салтов, Волчьи воды, Балаклея, Лиман, Змеев, Соколов, Мерефа, Валки, Царев-Борисов, Маяцкий, Новоперекоп, Андреевы лозы), села Пене, а также осадный голова Суджи.

Земли, подведомственные приказу княжества Смоленского, представлены, в первую очередь, подробным списком членов администрации самого Смоленска. Помимо воеводы окольного И.И. Головина указаны три дьяка, четыре стрелецких полковника,

глава двух солдатских полков, голова «у пушкарских дел, и у зеленой и у свинцовой казны» и приказчик «у ямщиков». Следует отметить, что единый руководитель смоленских солдатских полков — генерал-майор Павел Менезиус — занимал эту должность с 13 декабря 1683 г. В Смоленском уезде перечислены воеводы трех городов (Дорогобуж, Рославль и Белая) и управляющие шести дворцовых сел (Поречье, Каспле, Духовщина, Красное, Зверовичи, Ельня).

Небольшой объем заняли описания городов Устюжского и Галицкого приказов (четвертей). В первом названы воеводы Устюга Великого (со стрелецким головой), Тотмы, Чаронды, Соли Вычегодской и Устюжны Железнопольской; во втором — Соли Галицкой, Чухломы, Унжи (с Судаем) и Парфеньева (с Кологривом). Здесь обращает на себя внимание сунженский воевода Семен Степанов сын Племянников, который был оставлен на должности еще на год «по челобитью унженских и судайских жителей» (Там же. Л. 30).

Самым подробным оказался перечень «бояря и воеводы и всякие приказные люди» Новгородского приказа. В крупных городах (Великом Новгороде и Пскове) он включал воеводу, по два дьяка и стрелецких головы (полковники), судью, объезжего голову, ямского приказчика. В Пскове дополнительно существовал приказчик «немецких дворов и на пушечном дворе». Особым форматом отличалась администрация «Двинской земли», где имелись воевода и дьяк — «на Двине», стрелецкий голова — у Архангельского города, двое стрелецких голов (Русский и Гайдудские приказы) и осадный [воевода] — в Холмогорах (Там же. Л. 25). В средних по размеру городах (Вятка, Вологда, Чердынь с Солью Камской) встречаются воевода и дьяк (в Перми — подьячий с приписью), иногда — со стрелецким головой (Нижний Новгород, Олонек, Кольский острог). В остальных указывались либо воевода (Тесовский острог, Красный, Старая Русса, Каргополь, Еренск, Кевроль с Мезенью, Пустозерский острог, Кунгур, Кай-городок, Арзамас), либо стрелецкий голова (Опочка, Гдов). Отдельно фигурирует губной староста Нагорной половины Обонежской пятины (Парфений Есипов) и голова на «Волховском и на Сяском устьях, и на Гороховце, и на Лавуе» (Иван Меншой Тихонов сын Бетужев, которого менял Иван Старков).

Всего в выписке встречаются сведения о 193 служилых людях, из них — 1 боярин, 1 генерал-майор, 7 окольных, 2 думных дворянина, 49 стольников, 20 дьяков, 3 стряпчих, 3 жильцов, 7 иноземцев, 32 городских дворян/детей боярских. По одному разу встречаются рейтар, подьячий «с приписью», новгородские кормовой и новокрещен. В остальных 64 случаях чин не указан.

Описание Исландии в «Саге о епископе Гудмунде Арасоне» Арнгрима Брандссона

Мне уже доводилось писать о том, что географические экскурсы в сагах — явление далеко не редкое, что они встречаются в сагах разных видов и что их источники весьма разнообразны, равно как и функциональная нагрузка (Джаксон 2013. С. 389–404). В частности, у Снорри Стурлусона, как продемонстрировал А. Якобсен, пространственные описания (Швеции и о. Кармёй в «Круге земном»; Финнмарка в «Саге об Эгиле») появляются в тех главах, где это необходимо для ясности дальнейшего повествования (Jakobsen 1988). Географическое описание Дании в 32-й главе «Саги о Кнютлингах» выглядит избыточным по количеству деталей, не работающих на повествование, и вообще помещенным с некоторым опозданием, хотя существует мнение, что с его помощью автор саги подводил читателя к включенной в нее в этом месте «Пряди о Кровавом Эгиле», действие которой разворачивается на о. Борнхольм, ибо упоминанием острова заканчивается эта географическая интерполяция. Включение аналогичного (хотя и втрое короче) описания Дании в «Сагу о Хрольве Пешеходе» не находит в литературе даже такого натянутого объяснения, поскольку вместе с краткими описаниями Англии и *Гардарики* (Руси) оно помещено почти к концу саги, после рассказа обо всех случившихся событиях. Здесь географические экскурсы не помогают читателю следить за перемещениями героев, а лишь демонстрируют эрудицию автора.

В данном докладе я остановлюсь на уникальном описании Исландии в редакции D «Саги о епископе Гудмунде Арасоне». Гудмунд (род. 1161) был священником в нескольких местах на севере острова, а с 1203 г. и до конца жизни (1237) — епископом в северном диоцезе Исландии, Холаре. В сагах о нем говорится о его прижизненных чудесах, и в народе он воспринимался как национальный святой. Два епископа Холара, Аудун Торбергссон и Орм Аслакссон, в 1315 и 1344 годах соответственно, произвели торжественное перезахоронение останков Гудмунда, продвигая его культ. Но Римско-католическая церковь так и не признала его святости. О популярности епископа Гудмунда Арасона в Исландии говорит тот факт, что существовало как минимум пять редакций саги о нем — одна, возникшая вскоре после его смерти в 1237 г., но не дошедшая до нас, и четыре созданных между 1314 и 1344 гг.

Последняя редакция (D), написанная аббатом Тингейрарского монастыря Арнгримом Брандссоном (ум. 1361/2) после 1343 г., вероятно, связана со вторым переносом останков епископа. В первых двух главах обрисовывается хронотоп саги: первая уточняет хронологические детали («В то время существования мира, когда от рождения Господа нашего Иисуса Христа прошли тысяча сто пятьдесят четыре года, почтенный господин папа Адриан, четвертый с таким именем, взял на себя общее руководство римским христианством»), вторая содержит описание Исландии. «Страна, которую книги называют Тиле, а норвежцы зовут Исландией», представлена здесь как остров, на котором лед лежит «в огромном количестве как на суше, так и на море»: горы на суше покрыты большими ледниками, а льды вокруг острова постепенно заполняют все северные моря. С горных ледников обрушиваются свирепые потоки, но есть там также горы, которые испускают из себя настоящий огонь, яростно выбрасывая камни, так что шум и грохот слышны по всей стране. Сопровождается это такой темнотой, что в середине дня в разгар лета не видно, куда можно ступить. Арнгрим рассказывает и о том, как к югу от острова из моря в результате выброса огня возникла большая гора, но затонула другая, образовавшаяся ранее по той же причине. Завершает Арнгрим описание Исландии объяснением того, зачем ему понадобилось столь детально обрисовывать трудности жизни на острове в глубине Атлантики: «По той причине мы кое-что рассказали об этой бедной стране, что, если эта история будет прочитана далеко за ее пределами, то будет прославлено имя Господа нашего, который ни одного уголка земли не оставляет без своей милости, что было явлено еще тогда, когда Он даровал вышеупомянутым окраинным землям такое великое сокровище, что, как говорит святая надежда, Гудмунд Добрый навеки останется в Его королевских чертогах» (GBvD 5–6). Здесь мы видим, таким образом, совсем иную мотивацию включения в сагу географического описания.

Бьёрн М. Ольсен (Björn M. Olsen 1897) высказал предположение, что эта редакция саги представляет собой перевод латиноязычного жития Гудмунда (то же: Jón Helgason 1950; Skórzewska 2011). К такому заключению ученого привело, в частности, наличие в тексте саги описания исландского ландшафта и условий жизни на острове, не требовавшегося исландскому читателю. Однако значительное сходство с редакцией С, как и ряд других факторов, позволили Стефауну Катлссону (Stefán Karlsson 1985; 2000) прийти к обратному выводу, а именно что редакция D была написана по-исландски, но с целью быть переведенной на латинский язык, дабы показать всему миру дивные деяния епископа Гудмунда и тем приблизить признание его святости.

Э. Сигурдсон (Sigurdson 2011; 2016) не согласилась и с этим мнением, указав, что у исландских клириков не было шансов преуспеть в Авиньоне, а сага, как и многие другие в то время, предназначалась для норвежской клерикальной среды. В XIV в., когда Исландия находилась под властью Норвегии, на острове процветала Северо-исландская бенедиктинская школа, сочинения представителей которой отличались витиеватым торжественным стилем, латинскими и нижненемецкими заимствованиями. К этому кругу писателей принадлежал и Арнгрим Брандссон. Описание вулканов в его редакции «Саги о епископе Гудмунде» перекликается с тем, как в «Саге о епископе Лаврентии» Эйнара Хавлидасона, яркого представителя данной группы, описано извержение вулкана Текла в 1300 г., а упоминание о возникновении новых островов в океане на месте старых близко к известию исландских анналов под 1211 г. (анналисты большей частью принадлежали к той же клерикальной элите). Скорее всего, интересующее нас географическое описание возникло как часть хронотопа исландской саги, написанной с целью прославления национального святого, но не ориентированной ни на какой дальнейший перевод.

А.Р. Джисоева
к.и.н., н.с. ОР БАН

Сложный вензель на бумаге карты казацких городов из Собрания Петра I БАН

В Собрании Петра I БАН хранится карта европейской части России от Москвы до Астрахани, составленная в наивной манере XVII в. (РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 613). Аналогичная ей карта-схема хранится в РГАДА (РГАДА. Ф. 192. Оп.1. Астраханская губерния, № 7). Название карте БАН дано по надписи на французском на обороте листа: «Карта пути русской армии во время Азовского похода» (см.: *Александров Б.В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Географический департамент Академии наук XVIII века / Ред. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1946. Приложение II. С. 348, № 446; *Боброва Е.И., Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф.* Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. М.; Л., 1961. С. 197). Ее место в истории русской картографии давно установлено в качестве памятника конца XVII в.

Повторяя сюжет известной старинной карты «Чертеж Украинским и Черкасским городам от Москвы до Крыма» 1669–1670 гг. (См.: *Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 490–492), она датируется временем Азовских походов Петра I нанесенным турецким крепостям под русскими названиями «Азов» и «Лютин городок» и по размеченным линиям наступления русских полков в кампанию 1696 г. из Валуек и «Танбова» к Черкасску.

На карте обозначены города по Волге, Суре, Мокше, Оке, Дону, Аксаю и Северскому Донцу, две засечные черты и города вдоль них от Симбирска до Козлова и от Пензы до Мокшанска. Маршруты проложены с указанием времени пути: от «Танбова» до Царицына «скорою ездою 10 дней», от Тамбова же до берега Аксая по направлению к Черкасску «по шляху Хованскогого» указано, что «шли 6 недель», и путь от Волуйки к Черкасску занял «скорою ездою 7 дней». Числа даны буквенной цифирью. «Шлях Хованскогого», надо полагать, является не топонимом, а обозначением пути прохождения полков воеводы боярина Петра Ивановича. Правда, полных тезок-современников с этим именем во второй половине XVII в. было несколько. А.П. Барсуков указывает шесть Петров Ивановичей Хованских, живших и служивших в 1670–1690-е гг. (*Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: По напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 588).

Для исследования карты как памятника эпохи хотелось бы не только определить персону упомянутого воеводы, но и зафиксировать водяной знак бумаги, коль скоро датировать карту можно с точностью до года.

Рисунок запечатленной филигранный напоминает вензель из зеркально расположенных и переплетенных букв ВВ, и согласно близким ей образцам из альбома филигранный Хивуда, листы следовало бы датировать XVIII в. (*Heawood E.* Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. P. 136, 414, № 3240, 3241). В пользу такой датировки говорит подавляющее большинство сложных вензелей известных изданий филигранный и качество тонкой бумаги, в которой расстояние между линиями понтюзо 2,5 см, между верже-рами почти 0,8 мм (12 полос в 1 см).

Допуская в качестве гипотезы возможность датировки карты началом XVIII в., попробуем иначе взглянуть на изображенные казачьи городки: их расположение не изменилось с начала XVII в., а повод освежить сведения о временных затратах на подступ к ним не раз случался в первом десятилетии XVIII в.: от времени Астра-

ханского восстания 1705–1706 гг. до подавления Булавинского бунта в 1708–1709 гг., особенно в преддверии генерального сражения со шведами в Северной войне.

Проверяя новый вариант атрибуции карты, мы как будто можем в рамках возникшей гипотезы, наконец, определить и персону воеводы Хованского: речь, по-видимому, идет о Петре Ивановиче Меньшом, с прозвищем «Змей». Именно он участвовал в подавлении Астраханского восстания 1705–1706 гг., затем башкирских восстаний на Каме и Волге, затем еще умирал восстания казачьих городков на Дону. В рамках все того же предположения о датировке карты началом XVIII в. не может смущать несоответствие «шляха Хованского» 1696 г. и пути отрядов Хованского Меньшого от Астрахани к восставшим под Казанью башкирам, также и его обратный путь по Волге к низовым казачьим городкам. Однако и в этом случае исследователя ждет сюрприз: несмотря на то, что сведения по истории волнений казаков на Дону сообщают разные источники, включая письма царю самого воеводы Петра Ивановича, из них еще, оказывается, не следует, что речь идет об одном и том же Хованском. Как заметил Ю.М. Эскин, в историографии возникла путаница также и с младшими Хованскими, так как двоюродные братья старшего поколения Иван Андреевич Хованский (имеющий в историографии прозвище Тараруй) и Иван Никитич Хованский оба имели сыновей Петра и Ивана, служивших при Петре I (*Эскин Ю.М. Два Ивана Ивановича и два Петра Ивановича: четыре судьбы четырех братьев Хованских // Российская Генеалогия. 2020. № 7. С. 7–19*).

Между тем, карта сама по себе представляет значительный интерес, в том числе как памятник, фиксирующий временные затраты в преодолении пространства в России. Так, судя по чертежу, пехота шла по шляху Хованского ранней весной 1696 г. около 700 верст в 6 недель, а время преодоления примерно такого же по длине тракта от Тамбова до Царицына «скорою ездою» заняло 10 дней. Всего 10 лет спустя, Петр, решив лично отдать распоряжения о подавлении восстаний, преодолел в конце декабря 1705 г. без остановок примерно 930 верст из Гродно в Москву за 5 суток (*Сборник РИО. Т. 39. С. 207*).

Подводя итог данной попытке примирить кажущиеся несоответствия между стилем и содержанием карты с одной стороны и водяным знаком бумаги с другой, приходим к выводу, что или карта является поздней копией географического чертежа 1696 г., или датировка вензеля сдвигается как минимум к последнему десятилетию XVII века.

Системы акцентуации в надписях на изображениях в иллюминированных византийских рукописях XIV–XV вв. собрания Национальной библиотеки Франции

Как мы писали в наших более ранних работах, осуществленных на материале корпуса BGAT (*Евдокимова А.А.* Корпус акцентуированных византийских письменных памятников и методы его разметки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2023. Вып. 22, доп. том. С. 1071–1081) в памятниках византийского греческого языка существовали 8 систем акцентуации. Наиболее изученные из них византийская и александрийская, логическая также засвидетельствована и в памятниках на славянских языках.

Поскольку, по мнению некоторых исследователей искусствоведов, те, кто писали надписи на фресках, в качестве образца могли использовать миниатюры из рукописей, то возникла необходимость обратиться к этому типу памятников, выделив их в отдельную категорию. Традиционно надписи на миниатюрах в рукописях делятся на группы: 1) подписи к сюжетам или к фигурам и ликам святых, 2) тексты на кодексах и свитках, 3) более пространственные тексты, цитаты. В качестве примеров разберем миниатюры из собрания Национальной библиотеки Франции XIV–XV вв., изданные в каталоге выставки (*Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Paris, 1992*).

Первая миниатюра (№ 350) «Динамерон» Николаоса Мирепса, византийского врача к. XIII в., который работал при дворе автократора Никеи Иоанна Дуки III. Рукопись переписана в Афинах в 1339 г., хранится в Париже, Gres 2243. Верхняя часть иллюстрации изображает Иисуса Христа на троне, с Богородицею, Иоанном Протроном, архангелом Михаилом и архангелом Гавриилом с маюскульными надписями. Акут над сокращением «Πνύ» начертан вместо циркумфлекса, а густое придыхание сдвинуто влево и оказывается между артиклем и «α» в прилагательном «τὸ ἄγιον». Акут над ро и легкое придыхание вместо густого: «ὁ ἀρ'ῃ», гравис над согласной в сокращениях приходится на согласные: «IC'», «XC'», «MIX'». В сокращении «ο ἄΓ(ιός)» густое придыхание относится сразу и к артиклю, и к начальной гласной, поэтому сдвинуто влево и оказывается перед ним. Над сокращением имени ударение

отсутствует, придыхания над артиклем также нет, зато в эпитете акут оказывается сдвинутым чуть вправо и оказывается между гласной и согласной: «ΙΩ ΟΠΡόΔΡΟΜΟς».

Нижняя часть изображения, с врачом и его пациентами, содержит минускульные надписи. Придыхание сдвинуто влево и оказывается перед гласной, акут сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной «ὄσθεστὶ ἄλος», первая гласная с тремой без придыхания, а придыхание сдвинуто вправо и оказывается на следующем слоге, акут также сдвинут вправо: «ἤτρο΄ς». Густое придыхание ровно над артиклем, над начальной гласной нет придыхания, циркумфлекс стоит между гласной и согласной предыдущего слога, так как ударный слог в сокращении: «ὄσθεΐν(ων)».

Рукопись на бумаге с водяными знаками трудов Гиппократата написана около 1338 года. Она была вывезена из Константинополя при Луи XIV, номер хранения Grec 2144. На первом листе (№ 351) в подписи к фигуре в двух словах акут сдвинут влево и попадает между гласной и согласной: «μ᾽εῦας», «αλ'οκακος», придыхание отсутствует. Надпись на свитке частично акцентуирована, из трех придыханий, в «ἦδε» вместо густого легкое, остальные, как и должны быть густые, однако, ударение также отсутствует: «ὀδε». Вместо ударения стоит трема в прилагательном «βραχῦς», оба ударения, которые проставлены, ровно над гласными: «τέ||χνη» и «μακρά».

На втором листе (№ 352) над изображением маюскулом: «ὀίπλ(ο)κράτη(ς) Κοῶς», с акутом вместо придыхания и с циркумфлексом, который сдвинут вправо и оказывается между двумя гласными. На открытом кодексе, при повторе цитаты из Гиппократата, как на предыдущей странице, акцентуация отличается, некоторые ударения опущены, трема только над йотой перед гласной, часть ударений ровно над гласными, а часть сдвинуты влево и оказались либо между гласной и согласной, либо на два, оказавшись вместо 2 элемента дифтонга до первого элемента, между гласной и согласной: «ὄ βίος βραχῦς ἦδέ τ'εχνη μακρά ὀδε κ'αιρος ὀξυς».

В рукописи с трудами Феокрита, первой половины XIV в. (№ 353), которая поступила в Национальную библиотеку до 1740 г., Grec 2832, текст вписан между двумя фигурами, каждая из которых подписана и в обоих случаях акут сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной: «θεοκρίτος» и «τα΄ν».

Следующий памятник «Богословские труды» Иоанна VI Кантакузина, написанные на пергаменте, из Константинополя 1370–1375 гг. Рукопись принадлежала монастырю Святой Анастасии Фармаколитрии, приобретена в 1729 г., хранится под номером

Грес 1242. На первом листе (№ 355) кроме «ἀυτο||κράτωρ», где придыхание сдвинуто влево на первый элемент дифтонга, остальные придыхания сдвинуты вправо и оказываются между гласной и согласной: «ε`ν», «ἀγγελοσ ο`». Одно из сокращений сохраняет исходное ударение «Θῶ», второе заменяет циркумфлекс на акут «ΧΏ». Акут в «καν||τακουζη||νο`||ς» и гравис в «πιστο`ς» сдвинуты вправо и попадают между гласной и согласной. На свитке в руке святого в первом слове акут сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной: «μ`εγας». Густое придыхание немного сдвинуто вправо «ο`». В сокращении акут стоит ровно над согласной «θς́». Циркумфлексы ровно над омегами: «τῶ(v)|| χριστι||ανῶν´», трема стоит над «и» перед гласной, после последнего слова акут, возможно, логическое ударение. На втором листе все знаки соответствуют византийской системе акцентуации: «ἡ μεταμόρφωσις, ἸС ХС».

Пергаментная рукопись трудов Святого Дениса Ареопагита написана в Константинополе в начале 1403 г. и 1405 г. Манускрипт предложен аббатству Сен-Дени в 1408 г. императором Мануэлем II Палеологом, сейчас в Лувре в отделе предметов искусства, MR 416. Несмотря на повторение слов (№ 356), акцентные знаки не всегда повторяются, а часть пропущена. Ударение над сокращениями: «ΜΗΡ´ ΘΥ´», «χῶ´» трижды, «θῶ´». Придыхание на первом элементе дифтонга: «ἀυτοκратωρ». Гравис сдвинут влево и оказывается между двумя элементами дифтонга: «κα`υ». Гравис сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной: «πιστο`ς», «βασιλευ`ς», «ὐ||ο`ς», акут также сдвинут вправо «Ελε`νη». Византийская система акцентуации: «πιστο`ς», «ό´» четырежды, «έν», «τῶ» дважды, «πιστή», «Θεοδῶρος», «παλαιο||λόγος», Ударение над гласной, а придыхания нет «αυτοῦ» дважды. Придыхание есть, а ударение пропущено: «ὐος» дважды, «άνδρονικος», «αὐθεντοπου||λος». Трема над вторым элементом дифтонга: «αειαῦγουστος».

Бумажная рукопись (№ 357) изготовлена в 1407–1425 гг., Мануэль II Палеолог, надгробная речь его брата Феодора деспота Морей (1407), Supplement grec 309. Элементы александрийской системы, придыхание над первым элементом дифтонга «ἀυτοκратωρ», акут также над первым элементом дифтонга «ρωμίων». Ударение над сокращением «θῶ´».

Как мы видим на приведенных примерах, часть надписей на миниатюрах содержат ударения над сокращениями и представлены две системы, с сохранением исходного ударения и с заменой его на акут. В некоторых надписях представлены элементы александрийской системы, а некоторые акцентуированы частично. Также наблюдаются системы акцентуации, характеризующиеся сдвигом

влево или сдвигом вправо. Подобные же особенности мы наблюдаем и на надписях на фресках в некоторых византийских памятниках XIV–XV вв., что указывает нам на тот факт, что акцентуация подтверждает возможность использования надписей на миниатюрах в качестве источников для надписей на фресках.

Е.С. Евдокимова
аспирант НИУ ВШЭ, спец. I кат. РГАДА, асс. МГПУ

Некоторые наблюдения над ономастическим миром вкладных книг Иосифо-Волоцкого монастыря

С принятием христианства на Руси становится обыкновенной ситуация, когда человек имеет два имени: одно родовое и в то же время языческое, а другое — крестильное и христианское. Со временем получила распространение и другая ономастическая традиция, предполагающая у человека наличие двух христианских имен.

Самой изученной русской династией в этом отношении является, безусловно, династия Рюриковичей, чьей многоименности посвящено немало работ. Естественной интенцией исследователя здесь является выяснение обстоятельств имянаречения в других семьях. Репрезентативным источником с этой точки зрения являются монастырские книги, в том числе принадлежавшие Иосифо-Волоцкому монастырю (ГИМ 418 – № 418 (686). Опул: *Титов А.А.* Записная книга вкладов в Волоколамский Иосифовский монастырь 1550–1607 гг. // Титов 1888–1907. Т. 5. Прил. 80–115; ГИМ 419 – № 419 (687). Опул: Титов А.А. Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря // Титов 1888–1907. Т. 5. Прил. 1–79).

Предметом нашего интереса стали нехристианские имена — индивидуальные прозвища, попавшие во вкладные книги Иосифо-Волоцкого монастыря середины XV – начала XVII в. Из 130 выявленных и рассмотренных нами имен 62 упомянуты в связи с поминовением усопшего; 39 лиц названы без уточнения христианского имени; 23 нехристианских имени принадлежат представителям духовенства. Особенно стоит отметить 5 вкладов, в которых поминаемые лица фигурируют исключительно под своими индивидуальными прозвищами. Интересна и гендерная статистика зафиксированных нами случаев: среди упомянутых лиц не встречается ни одной представительницы женского пола.

Необходимо отметить, что чаще всего во вкладных записях исключительно под нехристианским именем фигурируют «агенты»

вкладов, а не поминаемые лица. К этой категории можно отнести вкладчиков, слуг, душеприказчиков, землевладельцев, у которых было приобретено имущество для монастыря и т.д. Приведем некоторые примеры:

«И на те деньги купили сельцо у Злобы у Иванова сына Губакина з деревнями, а дали 100 рублей, да 30...» (Титов, 1906:21 <№47>);

«Дал Жужелица Овдотын человек Кутузовой 10 рублей вкладу» (Титов, 1906:91);

«Дал Шеваха да Глупыш 3 рубли 20 ал. и 3 ал» (Титов, 1906:95).

Подобные упоминания являются обыкновенной практикой того времени. В средневековом обществе человека вполне могли знать исключительно под именем светским, вследствие чего 39 человек в рассмотренных нами вкладных книгах упоминаются без уточнения христианского имени. Более примечательными представляются случаи, когда во вкладных записях под светскими именами фигурируют представители духовенства. Вот некоторые из них:

«Дал старец Герасим Чиган два рубля вкладу» (Титов, 1906:85);

«Да старец же Еким Ворона дал 5 рублей» (Титов, 1906:100);

«Поминати въ вседневном списке Губу Клокачева, а во иноцех Иону» (Титов, 1906:33 <№129>).

Нередки случаи, когда из вкладной записи можно узнать светское, крестильное и иноческое имя человека:

«Поминати Феодора Детенка, инока Феогнаста...» (Титов, 1906:20 <№42>);

«Дал Иван Жаворонок Пречистые в монастырь вкладу... Да тот же Жаворонок, а во иноцех Асаф дал 2 рубля» (Титов, 1906:82);

«А дал на то князь Иван Иванович Хованской Жердь, а во иноцех Иосаф» (Титов, 1906:38 <№159>).

Данные примеры подтверждают уже не раз озвученное в историографии мнение об отношении иноков к своим «прежним» именам (Особое внимание этому явлению уделено в работе: *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Иноческие имена на Руси. М; СПб., 2017). Принимая постриг, человек не именовался по-новому, а присоединял свое новое имя к прежним. Церковь достаточно толерантно относилась к этой традиции многоименности, что напрямую следует из вкладных записей.

Самыми примечательными с точки зрения интересующей нас проблемы стоит признать следующие вклады:

Дал Аботур рубль. Как преставится, ино его написать в поминовение (Титов, 1906:81);

Да старец Зиновой дал по Бобре же 11 рублей без гривны да мерин 3 рубли. По Бобре же дал старец Зиновой пол 6 рубли. (Титов, 1906: 95);

Лета 7083 дали из Луковникова хрестьяне: из деревни Маловыковскова — Дмитрей Ручкин три рубли, да с Микулихи Истома Живоглаз три ж рубли. А как хрестьяне преставятся, ино их написати в синаник по монастырскому обычею (Титов, 1906:101);

Дал Шарап Давидов сын Гладкаго 30 копеек без 3-хъ ржи. Как ея преставитца, ино его написать в список, наколько игумен велит. (Титов, 1906:84);

Того ж году дал Шестак Ивашев по своей души вкладу конь в вороне чал, а цена ему шесть рублей. (Титов, 1906:111).

Как мы видим, Аботур, Бобр, Истома Живоглаз, Шарап и Шестак вписаны в качестве поминаемых лиц без уточнения их христианских имен. Наиболее вероятно, что эти сведения содержались в синодиках монастыря. Тем не менее, подтвердить эту информацию по имеющимся в распоряжении источникам пока не удастся (Данные персоналии не упоминаются в публикации: Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е гг.) / Подгот. текста и иссл. Т.И. Шабловой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004).

Собранные нами данные по вкладным книгам Иосифо-Волоцкого монастыря позволяют сделать некоторые выводы. Широко распространенная в средневековой Руси практика давать ребенку несколько имен не вступала в противоречие с христианской традицией в XVI–XVII вв. Нами было зафиксировано 39 персоналий, упомянутых в записях исключительно под нехристианским именем. Редкостью можно назвать вкладные записи, в которых поминаемое лицо фигурирует без христианского имени, но тем не менее наличие таких записей подтверждается собранным материалом. Представители духовенства в XVI в. не только имели индивидуальные светские прозвища, но и активно использовали их в таких монастырских делопроизводственных документах, как вкладные книги.

И.Б. Емелин

редактор геральдического журнала «Sub clupeo»

Проект печати Херсонского Депутатского собрания и печати дворянских собраний

Собранию дворянства каждой губернии дозволялось иметь печать. Ею скрепляли грамоты о внесении в родословную книгу гу-

бернии. Херсонская губерния была образована в 1803 г. В 1814 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге, генерал от инфантерии Сергей Козимыч Вязмитинов передал господину министру юстиции Ивану Дмитриеву полученное им отношение от Херсонского генерал-губернатора Эммануила Осиповича Дюка де Ришелье. В прошении Херсонское депутатское собрание просило сделать им печать и прикрепило проект. Составлял печать губернский землемер Владимир Ярославский, а рисовал Апполон Сиврич. 14 июля Иван Дмитриев переправил проект с описанием и обоснованием символики герольдмейстеру (РГИА. Ф. 1343. Оп. 57. Д. 84. Л. 1–5).

В центре композиции геральдический щит, в котором пейзаж: три большие реки впадают в море, на островах показано сооружение кораблей и выставлены флаги, на заднем плане горы. Реки – это Днепр, Буг и Днестр, из которых при двух первых в портовых городах Херсон и Николаев производится сооружение кораблей, весь флот российский на Чёрном море составляющее.

Над этим всем в небесах герб Херсонской губернии — в лазоревом щите золотой шестиконечный крест в сиянии. Он означает распространенную в сём крае христианскую веру, совершенно господствующую на месте магометянской в прежнее время здесь исповедуемой. Таковой точно крест в щите двуглавого орла высочайше утверждён 3-го октября 1803 г. в гербе губернского города Херсона.

Внизу луна рогами вниз с вонзённым в неё мечом знаменует, что в сём крае уничтожено вовсе турецкое владение.

С левой стороны щита изображён воин в древнем одеянии, твёрдо стоящий обеими ногами на семиглавом драконе, коему он отсёк три головы; в левой руке он держит железный заступ, приготовленный на отсечение последних глав поверженного дракона. Выражает силу и власть России над Оттоманской Портою. Отсечённые три главы суть: 1) страна, лежащая между реками Днепром и Буком; 2) Таврическая область и 3) страна, простирающаяся от Бука до Днестра. Поднятый заступ, приводящий в страх поверженного дракона, знаменует всегдашнюю его готовность отсечь у варварства и невежества последние главы.

В правой руке воин держит меч, обращённый к двуглавному орлу над щитом. Выражает верность свою Государю Императору Александру I, чей вензель у воина на груди. Расположенные близ сего воина знамёна, пики, шпаги и ружьё означают всегдашнее в немалом количестве заготовление всякого рода оружия по крепостям, как в пограничной губернии хранимое.

Вдали за рекой припали к земле на коленях две женщины в разных одеяниях, обращённые лицами к двуглавному орлу и сему

воину и держащие сложенные руки на грудях своих, а третья впереди стоит. Две обозначают Молдавию и Валахию, стонающие под игом Турецкого владения. Они, будучи одного с Россиянами христианского исповедания, непрестанно умоляют российский престол о принятии их под своё покровительство, а стоящая впереди свободно показывает Бессарабию, к России уже присоединённую.

С правой стороны щита представлен Меркурий, голубой одеждой прикрытый. В левой руке он держит жезл с крыльями и с обвитыми змеями, с коими он всегда изображается, правую же руку простирает к морю, покрытому судами. У ног его расположены бочки, мешки и ящики, а вдали овцы, быки и лошади. Меркурий изображает процветающую в сём крае морскую торговлю. А расположенные вдали по сторонам овцы, быки и лошади означают скотоводство, доставляющее пользу и внутренним российским губерниям.

Над щитом рога изобилия наполнены один хлебными колосьями, а другой плодами, кроме изобилия в сём крае выражают ещё излинные щедрой рукой от государей императоров милости как вообще на всех воинов, трудившихся в приобретении и защите сего края, так на купцов и промышленников, дарованием разным городам немалочисленных сумм, для приведения торговли в цветущее состояние. И здесь представлен двуглавый орёл под тремя коронами, держащий во рту лавровую ветвь, а в когтях обеих лап перуны громовые. Двуглавый чёрный орёл есть всероссийский императорский герб. Россия всегда поражает врагов своими перунами и увенчивается лаврами.

В самом верху между облаками на белой холстине надпись: «трусами нашими и милостью монархов приобретены». Знаменует военные подвиги дворян, коими за труды большая часть земель Херсонской губернии пожалована Государями Императорами в вечное владение.

Окружающий обширное поле щит воина Меркурия и прочие предметы, означают пространство здешней губернии — степь, а сделанная надпись на камне «печать Херсонского дворянского собрания» показывает изобилие во многих местах дикого камня.

Как сочинители планировали уместить это всё на нескольких сантиметрах печати, непонятно. Видимо также решили и в Сенате и обратились к своим архивам. 16 октября 1789 г. в Сенат из Герольдии было доставлено подношение Санкт-Петербургской губернии губернского предводителя дворян Александра Сергеевича Строганова, который просил изъяснить, что в грамоте в 52 пункте постановлено, что собранию дворянскому дозволено иметь печать.

Дворянство Санкт-Петербургской губернии до сих пор печати не имело и просило о даровании оной. Герольдия сочинила для собрания печать. Рисунок представлял герб губернского города, а вокруг оного в меньшем изображении все гербы городов Санкт-Петербургской губернии. Сенат утвердил и представил к официальной конфирмации в 1790 г. Но Императорское Величество не соизволили одобрить этот рисунок. Пожелав, чтобы в центре был герб губернского города, а вокруг надпись — печать дворянского собрания Санкт-Петербургской губернии. А поскольку в 1790 г. такая печать была сделана для Санкт-Петербургской губернии, то и в Херсонской сделать такую же. Да и во все губернии сделать в герольдии печати герб города губернского и подпись и разослать везде (РГИА. Ф. 1343. Оп. 57. Д. 84. Л. 6–10). В 1814 году рисунки были получены в губерниях. При этом наблюдаются два типа печатей с гербом губернского города и подписью и с уездными гербами по кругу.

А.И. Ермолаев
к. биол. н., с.н.с. СПб. филиала ИИЕТ РАН

Исторические условия и предпосылки летнего и декретного времени

Долгое время человечество не обращало внимания на то, что в каждом пункте земного шара существует своё, «местное время». С развитием железнодорожного транспорта и быстрых средств связи использование местного времени стало неудобным, поэтому начиная с 1840-х гг. по всей Англии постепенно распространилось единое «гринвичское время». В 1870-е гг. Чарлз Дауд в США и Сэнфорд Флеминг в Канаде независимо друг от друга предложили свои проекты «поясного времени». В результате земной шар условно был разделен на 24 часовых пояса.

Что же касается понятия «летнего времени», то обычно считается, что оно появилось в 1907 г., когда лондонский предприниматель Уильям Уиллетт предложил «для улучшения самочувствия и жизнерадостности» в каждое из четырех воскресений апреля переводить стрелки часов вперед на 20 минут и в сентябре таким же образом возвращать их назад. Но внесенный Уиллеттом законопроект в английском парламенте был отвергнут и к введению летнего времени не привел.

Только во время Первой мировой войны экономический кризис побудил в 1916 году десять стран (Германия, Австро-Венгрия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия, Швеция, Англия, Италия, Франция) перевести стрелки часов на 1 час вперед. Целью реформы, действовавшей с весны по сентябрь, было более полное использование дневного света для сбережения расходов топлива на освещение. В Совете министров Российской империи в 1916 г. такая мера тоже обсуждалась но была тогда отклонена. Только после Февральской революции Временное правительство ввело летнее время (27.06.1917). Срок его действия должен был закончиться 31 августа, но его дважды продлевали, так что возврат к нормальному времени произошел после Октябрьской революции (декрет Совнаркома от 22.12.1917).

Одной из целей ленинского правительства было приведение российской календарной системы в соответствие с международной. 25.01.1918 был подписан декрет о введении григорианского календаря в Российской республике. 14.02.1919 принят декрет о переходе страны на систему международного поясного времени. Возвращение часового времени к поясному надо рассматривать в том же контексте.

Вновь вспомнить о методе экономии энергии путём перевода стрелок заставила эпоха индустриализации. 16.06.1930 постановление Совнаркома СССР ввело летнее время — поначалу только на период до 30 сентября, но его действие было продлено 30.09.1930, а потом 9.02.1931 «впредь до отмены». Оно так и не было отменено. Именно такое время, постоянно опережающее поясное на один час, в нашей стране получило название «декретного». Хотя обычно утверждается, что целью введения декретного времени являлась экономия энергии, но это не так. На самом деле, целью была более равномерная нагрузка электростанций в условиях пиковых нагрузок, когда возникала опасность, что генераторы выйдут из строя и создадут угрозу энергетического коллапса.

В 1935 г. положение на электростанциях несколько стабилизировалось, было подготовлено постановление о возвращении к поясному времени, оно прошло все положенные согласования, но так и не было принято. Любопытно, что о проекте обратного перевода стрелок очень долго не упоминалось ни в одной из публикаций по исторической хронологии. По-видимому, проект был похоронен так капитально, что эти сведения избежали внимания историков. Авторы многочисленных статей, опубликованных на эту тему в СМИ в начале XXI века, также не знали о нём.

Страна жила по «декретному времени» до 1981 г., когда правительство «наложило» вновь принятый к использованию переход на «летнее» время поверх «декретного». От системы декретного времени попытались отказаться в 1991 г. (постановление СМ СССР № 20 от 4.02.91), но вскоре произошёл фактический распад Советского Союза, и стрелки часов в РСФСР без долгих размышлений были возвращены к привычной схеме «декретного времени» с эпизодическим наложением на него «летнего времени» (постановление ВС РСФСР № 1790-1 от 23.10.91).

В начале XXI века в России вновь возвысили голоса сторонники возвращения к нормальному поясному времени. Однако произошедшая в 2011 г. реформа (постановление Правительства РФ № 725 от 31.08.2011) закрепила худший из вариантов — постоянную жизнь России по времени, на два часа опережающему поясное. Внятного экономического расчёта для такого перехода произведено не было, власть воспользовалась мифом, что выгодность уже доказана в 1930-е годы, не учтя своеобразие того момента интенсивной индустриализации и огромный тогдашний дефицит генераторов на электростанциях. 30.09.2014 Правительство РФ Постановлением № 1001 объявило предыдущее постановление 2011 г. «утратившим силу». К сожалению, перевода стрелок часов на истинное и нормальное поясное время так и не произошло. Россия вернулась к тому варианту декретного времени, которое было введено в СССР в 1930 г.

Можно сказать, что на всех этапах истории начальные инициативы основывались на астрономических и экономических, либо как минимум научно-технических расчётах. Так было и летом 1917-го, и осенью 1930-го г. Однако дальнейшая судьба начинаний всё меньше зависела от научного обоснования, и всё больше — от конъюнктурных и субъективных моментов. Так было и в сентябре 1917-го, и в 1935 г, и в октябре 1991-го, и в августе 2011-го.

Стоит также упомянуть, что для жителей Москвы декретное время удобно, потому что Москва расположена на границе часовых поясов, и отклонение от местного времени здесь невелико. Но, например, Санкт-Петербург, вынужден зимой наблюдать восход Солнца в десятом часу утра, а во время зимнего солнцестояния — так и позже 10 часов. Причина в том, что город находится не только севернее Москвы, но и немного западнее и в отличие от нее вынужден жить ровно на час раньше своего местного времени.

Причерноморские оронимы в позднеримских источниках

Наиболее полно представления римлян IV в. о Причерноморье отражает сочинение выдающегося историка того времени — Аммиана Марцеллина. В «Деяниях» помимо традиционного материала по истории, этнографии и географии данного региона, сгруппированного в экскурсах в XXII и XXXI книгах, есть и новые сведения, неизвестные ранее. Некоторые географические названия, появившиеся только на рубеже античности и средневековья, впервые были зафиксированы этим автором.

Так, готы под напором гуннов, как сообщает Аммиан, вынуждены были отступить в горы: «Атанарих <...> двинулся со всем своим народом в область Кавкаланда, местность недоступную из-за высоких поросших лесом гор» (... ad Caucalandensem locum... — XXXI. 4. 13: *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978. Vol. 1–2. Пер. здесь и далее по изд.: *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996). В горах Кавкаланда исследователи видят Южные Карпаты (*Буле Р*. Верхний вал Бессарбии и проблема грейтунгов к западу от Днестра // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 270; *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Studies in their History and Culture. Los Angeles, 1973. P. 25f). Готские племена в III–IV вв. н.э. жили восточнее, юго- и северо-восточнее этого горного массива. Его германское наименование свидетельствует о том, что он был известен готам, и одновременно доказывает достоверность сообщения Аммиана Марцеллина о перипетиях борьбы этого народа с гуннами.

С известием об области Кавкаланда тесно связано сообщение Аммиана о горах серров. Историк упоминает их в связи с событиями войны Валента с готами. В 367 г. Римский император перешел Дунай. «Готы, в страхе перед приближением огромной армии, направились в горы серов (*montes...Serrorum*), крутые и доступные для прохода только людям, хорошо знакомым с местностью» (Amm. Marc. XXVII. 5. 3). Валент, так же как позднее гунны, вторгся в места обитания готских племен, поблизости от которых находилась гористая область. Очевидно, она входила в систему Карпатских гор, так как в этой местности больше нет геологических образований, отвечающих характеристикам, данным Аммианом Марцеллином.

В результате археологических исследований в районе горной дуги, соединяющей Восточные и Южные Карпаты, обнаружены германские, вероятно, готские поселения IV в. (*Cazacu M. Montes Serrorum* (Amianus Marcellinus, XXVII, 5, 3) // *Dacia*. 1972. XVI. S. 300). Археологические находки происходят из лесистой долины реки Бузеу. Кроме того, неподалеку от этих мест было найдено несколько кладов, относящихся к тому же времени, что позволило М. Казаку отнести сведения Аммиана Марцеллина о *montes Serrorum* к данной местности (Ibid.). Этимологию этого оронима предположительно возводят к названию одного из сарматских племен (*Serri*) (Ibid. S. 301; *Kretschmer S. Serri* // *Pauly's RealEncyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Zweite Reihe. Bd. 2. Stuttgart, 1923. Sp. 1745*). Вероятность такой гипотезы весьма велика, так как часть сарматских племен в первых веках нашей эры переселилась в придунайские страны, природные условия Карпатских гор (сочные альпийские луга) позволяли им заниматься привычным скотоводством. Аммиан Марцеллин говорит, что готы удалились в Кавкаланд, вытеснив оттуда сарматов: “*Sarmatis inde extrusis*” (Amm. Marc. XXXI. 4. 13).

Говоря о внутренних районах Северного Причерноморья, Аммиан Марцеллин сообщает о наличии гор в верховьях реки Борисфена: «Далее, вытекающий из гор нервиев Борисфен (*dein Borysthenes a montibus oriens Nerviorum*)...» (Amm. Marc. XXII. 8. 40). Ни в одном из сохранившихся более ранних произведений нет таких сведений. Геродот говорит, что не только он, но и никто из эллинов не может указать истоки Борисфена (Her. IV. 53. 5: *Herodoti Historiae* // *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Тексты, перевод, комментарий. М, 1982*). Истоки этой реки неизвестны и Помпонию Меле: «она течет издалека и, взявшись из неизвестных источников, пролагает русло на сорок дней пути» (Mela II. 6 // *Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. СПб., 1904–1906. С. 121. Пер. В.В. Латышева*). Плиний Старший знает, что Борисфен начинается в земле невров: «невры, от которых вытекает Борисфен» (Plin. H. N. IV. 88 // *Латышев В.В. Указ. соч. С. 174. Пер. В.В. Латышева*), но ничего не говорит об особенностях рельефа данной местности. Борисфен относят к группе тех рек, которые легко сопоставляются с современными, и по давней традиции отождествляется с Днепром. Как указанные сведения попали к Аммиану Марцеллину, из современных ли ему официальных или устных источников, установить не удастся.

Поэтому трудно решить, были ли римляне IV в. действительно осведомлены о горах в истоках Борисфена, которые можно соотнести с Валдайской возвышенностью, или это только стереотип, отражающий одну из античных теорий о происхождении рек. Теория гор как истоков рек была в античности весьма популярна (*Шишова И.А.* О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // *Летописи и хроники.* М., 1980. С. 18; *Томпсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953. С. 99).

Такие сведения о горах и возвышенностях, соседствующих с Понтом Эвксинским, нашли отражение в одном из самых важных позднеримских источниках, «Деяниях» Аммиана Марцеллина.

П.А. Захарчук
к.и.н., с.н.с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН

История публикации документальных сборников «Крепостная мануфактура в России»

Одним из успешных проектов, реализованных сотрудниками Историко-археографического института АН СССР, стал выпуск серии сборников под общим названием «Крепостная мануфактура в России». С 1930 по 1936 гг. всего было издано 18 выпусков. Тома 2, 3, 5, 11 и 15 имели заголовок «Материалы по истории экономического развития России. Крепостная мануфактура в России». Второй том, разделенный на две части, был посвящен металлургическим мануфактурам. Историю издание данных частей, а также их содержание мы рассмотрим подробнее. Первая часть имела подзаголовок «Тульские и Каширские железные заводы» (Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л.: АН СССР, 1930. 503 с.), а вторая – «Олонецкие медные и железные заводы» (Крепостная мануфактура в России. Ч. 2: Олонецкие медные и железные заводы. Л.: АН СССР, 1931. 247 с.). Работа над изданием этих двух выпусков осуществлялась под руководством директора Историко-археографического института Семёна Григорьевича Томсинского (1894–1936/8) и Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953). Вступительную статью к первой части написал С.Г. Томсинский. Первая часть «Крепостной мануфактуры» содержала документы по истории Тульских, Каширских, Алексинских, Угодских, Поротовских и Истенских групп заводов. Издание охватывало хронологический период с 1645 по 1695 гг. Большинство документов публиковались впервые. Часть материалов пред-

ставляла собой переиздание источников, опубликованных ранее в работе историка и члена Тульской археографической комиссии Юрия Васильевича Арсеньева (1857–1919) «К древнейшей истории тульских железных заводов» (1888). Подлинники этих последних при подготовке издания обнаружены не были. Библиографический указатель к первому тому «Крепостной мануфактуры» был подготовлен палеографом, археографом и источниковедом Василием Георгиевичем Гейманом (1887–1965). Карту заводов составила источниковед Ксения Николаевна Сербина (1903–1990). Работа над словарем терминов для первого тома «Крепостной мануфактуры» велась Елизаветой Арсеньевной Каринской (1877–?).

Во второй части «Крепостной мануфактуры» опубликованы документы по истории Олонецких заводов. Вводная статья к тому анонимна. Ее автор помимо других вопросов уделил внимание и характеристике техники, находившейся на предприятиях, которым посвящен том. В сборнике опубликовано 44 документа, за период с 1669 по 1698 гг. Географический, личных имен и предметный указатели к материалам по Олонецким заводам написаны архивистом и палеографом Николаем Васильевичем Тимофеевым (1869–1942). Составлением таблиц занимались Н.В. Тимофеев, В.Ю. Рисберг и Н.Н. Семенова. Карта заводов подготовлена К.Н. Сербиной. Библиография составлена Ленинградским обществом исследователей культуры финно-угорских народностей. Отчет Археографической комиссии за 1926–1927 гг. свидетельствует также о том, что к работе по описанию «Олонецких актов», на первом этапе подготовке сборника документов, привлекалась группа студентов профессора А.И. Андреева (1887–1959).

Рецензию на оба сборника документов написал историк Б.Н. Тихомиров (1898–1939). Он отметил, что книги подготовлены к печати «тщательно и научно безукоризненно» (*Тихомиров Б.Н.* «Крепостная мануфактура в России». Ч. I и II. // Историк-марксист. 1932. № 3. С. 186). Также на второй сборник, посвященный Олонецким заводам, написал рецензию историк металлургии, научный сотрудник Института истории науки и техники В.А. Каменский (*Каменский В.А.* «Крепостная мануфактура в России». Ч. II. // Архив истории науки и техники. Вып. 6. М.; Л., 1935. С. 400–405). Рецензент в целом высоко оценил документальную серию «Крепостная мануфактура в России». Однако он обратил внимание на различия между выпусками. Если в первом из них преимущественно отразилась техническая сторона производства, документы, вошедшие в состав второго тома, по мнению В.А. Каменского, давали

представление о производственном процессе на Олонецких заводах со стороны социальной.

Несмотря на то, что серия сборников документов под общим заголовком «Крепостная мануфактура в России» получила положительную оценку рецензентов, были и те, кто высказывался о ней негативно. Так, например, при обсуждении отчетного доклада С.Г. Томсинского, сделанного им в Институте истории Комкадемии, выступил Владимир Васильевич Максаков (1886–1964). Он обвинил С.Г. Томсинского в том, что тот приписывает себе работу по изданию сборников «Крепостная мануфактура в России», проведенную еще старым (репрессированным) руководством Археографической комиссии (АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 152. Л. 36.). В своем заключительном слове С.Г. Томсинский назвал эти нападки полным недоразумением (АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 152. Л. 58.). Однако В.В. Максаков был частично прав. Проект издания документов был задуман еще при руководстве А.И. Андреева. К первому этапу сбора документов были привлечены его студенты. Также большинство людей, работавших над сборниками, начинали свою деятельность еще в Археографической комиссии.

Таким образом, издание сборников документов под общим заголовком «Крепостная мануфактура в России» оказало огромное влияние на отечественную историографию истории техники в целом и на историю отечественной металлургии в частности. Практика издания данных источников во многом легла в основу составления правил издания документов XVI–XVII вв., опубликованных в 1936 г. (Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 2. С. 315–331). Необходимо отметить, что большую часть содержания этих сборников составляли материалы из фондов Центральных архивохранилищ, что во многом ограничивало взгляд исследователей на историю отечественной промышленности.

Ю.Н. Звездина
канд. искусств., доц., ПСТГУ

Икона Никиты Павловца «Вертоград заключенный» и гравюра Михила Снейдерса

Икона мастера Оружейной палаты Никиты Павловца «Вертоград заключенный», созданная в 1670-е гг. и находящаяся в экспозиции Государственной Третьяковской галереи, неоднократно при-

влекала внимание исследователей. Если текст, ставший основой этого образа, сомнений не вызывает — это стих из Песни песней (4: 12), то сама иконография, уникальная для Руси, известная только по этому памятнику, представляет загадку, которую большинство исследователей разгадывали, обращаясь к широко распространенным в западноевропейской живописи XV–XVI вв. композициям *Hortus Conclusus* (в православной традиции — Вертоград заключенный). Так, С.Н. Липатова полагает, что изображение Богоматери в саду, обнесенном оградой, на миниатюре из сборника песнопений братии монастыря Пюи-ле-Шан из Амьена 1517 г. можно считать иконографическим прототипом образа (*Липатова С.Н.* «Вертоград заключенный» Никиты Павловца. [Электронный ресурс]: Интернет-журнал Сретенского монастыря. Электронный ресурс: <https://pravoslavie.ru/615.html?ysclid=loivgcwmue188152267> [дата обращения 5.11.2023]; см. также: *Мауер П.В.* Новые иконографические типы в русской иконописи второй половины XVI–XVII вв.: дис. канд. теол. наук / ПСТГУ. М., 2010). Большинство искусствоведов приводят в качестве параллели изображения Девы Марии в беседке из роз, где также присутствуют детали, указывающие на замкнутый сад.

Обращает на себя внимание и форма ограды: «Богоматерь стоит на полукруглом выступе как бы над прудом, она приближена к нижнему краю иконы, к предстоящим. Этот выступ ассоциируется с таким же по форме выступом солеи в храме, точно так же как небольшие прямоугольные площадки по сторонам от центра соотносятся со ступеньками, ведущими в боковые двери алтаря» (*Липатова С.Н.* Там же; *Турицова Н.М.* Икона XVII в. «Богородица Вертоград заключенный» // Православный календарь. 2001. СПб., 2000. С. 224; *Она же.* Икона Никиты Павловца «Богоматерь Вертоград заключенный»: Символика предметного фона // Филевские чтения. Тезисы конференции. 22–25 декабря 1997 г. М., 1997. С. 63). Трактовка райского сада, его регулярность также отмечена С.Н. Липатовой: «В показе рая передается не столько впечатление художника от реально существовавших на Руси царских и боярских регулярных садов того времени, сколько представление о благоустроенности, ухоженности и упорядоченности райского сада».

Похоже, главная загадка иконы «Вертоград заключенный» — ее неповторимость в русском искусстве. Однако традиционно приводившиеся до сих пор параллели из западноевропейской живописи также не представляют полных аналогий. В связи с темой нашего сообщения мы считаем необходимым обратить внимание на гравюру, опубликованную гравером и книгоиздателем Михилем

Снейдерсом, работавшим в Антверпене до 1630 г. Именно она и явилась образцом для Никиты Павловца. Возможно, гравюра имела в собрании иконописной мастерской Оружейной палаты или, что скорее всего (принимая во внимание уникальность созданного образа), ею владел или по крайней мере представил ее иконописцу как образец неизвестный заказчик иконы.

Примечательно, что гравюра Михила Снейдерса содержит детали, в большей степени позволяющие проводить сравнение с получившими широкое распространение с XV столетия живописными образами Девы Марии в беседке из роз, где обычно присутствует множество различных цветов и трав – символов добродетелей и милостей Богоматери. В иконе Никиты Павловца мы видим множество изящно трактованных цветов и небольших деревьев, однако при всем их разнообразии символическое значение каждого отдельного растения мастера, судя по всему, не занимало. Это в основном характерно для большинства русских икон второй половины XVII столетия. Ярко выраженная символика отдельных растений в них встречается не так часто, обычно функцию прославления и величания выполняет их общее звучание в образе.

Обращаясь к архитектурному сооружению, в котором предстает Богоматерь, держащая на правой руке Младенца, а в правой — цветок, то больше различий мы обнаружим в трактовке упомянутого цветка, чем в очертаниях садовой ограды. Никита Павловец, правда, не воспроизводит объем полукруглого подобия алтарной части храма, а также заменяет глухую ограду с нишами в ней на тонкую балюстраду, но многие детали, как и воду на первом плане, изображает с точностью, как на гравюре. И в этом случае загадочной становится уже гравированная композиция, поскольку упомянутый полукруглый выступ, который, по слову исследователей иконы, «ассоциируется с таким же по форме выступом солеи в храме, точно так же как небольшие прямоугольные площадки по сторонам от центра соотносятся со ступеньками, ведущими в боковые двери алтаря», начинает вызывать вопросы — что это значило для католического мастера конца XVI – первой трети XVII столетия? Не обращался ли он к традициям, ведущим вглубь веков, к византийским образцам? Это было бы неудивительно, скажем, для итальянского мастера XIV–XV вв. Может быть, для нидерландского автора гравированной композиции существовал иной образец, восходящий к более раннему времени?

Документы конца XVII в. о строительстве Красного денежного двора в Москве

Палаты Красного денежного двора (Никольская ул., д. 5) являются наиболее старым московским зданием, связанным с монетным производством. Над проездными воротами были помещены две закладные белокаменных плиты, одна из которых, видимо содержащая имя и титул царя Петра Алексеевича, не сохранилась, а вторая дает точную информацию о завершении строительства палат: «В 15 лето богохранимые державы его при благороднейшем сыне его Великом государе царевиче и великом князе Алексее Петровиче в осьмое лето от рождества его построен сей двор ради делания денежной казны в лето от Сотворения Мира семь тысяч двести пятое, от Рождества же во плоти Бога Слова 1697». (*Дуров В.А. Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII – начале XVIII века // Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. М., 1980. С. 10*).

Учитывая дату рождения царевича 18 февраля 1690 г. и наступление 15-го года правления царя 27 апреля 1696 г. В.А. Дуров датировал открытие двора февралём–апрелем 1697 г. (Там же. С.10, 32).

Однако, само указание на завершение строительства «при царевиче» явно связано с отсутствием самого царя Петра Алексеевича из-за отбытия за границу в составе Великого посольства. Уже 18 марта 1697 г. посольство встречали в Риге. Следовательно, палаты Красного денежного двора можно более точно датировать второй половиной марта – апрелем 1697 г.

Сохранились документы, дающие информацию о начале и ходе стройки.

Возведение столь важных зданий попадало в разряд обязательных ежегодных бесплатных служб, которые должны были нести в качестве голов представители корпораций гостей и членов Гостиной сотни, и в качестве целовальников посадские люди.

Указ о выборе целовальников для строительства нового здания денежного двора датирован январем 1696 г. и является одним из последних указов братьев-соправителей Ивана и Петра Алексеевичей: «В нынешнем 204-м году генваря в 19 день по указу Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержцев и по докладной выписке за пометою думного дьяка Гавриила Деревнина веле-

но в Китае городе позадь церкви Казанские Богородицы и меж Школьных полат зделать вновь денежной двор ис приказу Большие Казны, а у приему каменных и деревянных всяких припасов велено быть из Гостиной сотни человеку да с ним в прибавку ис Казенной слободы дву человеком целовальником. И тех целовальников ис Казенного приказу для приему всяких каменных припасов прислать в приказ Большие Казны не замотчав» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 32048. Л. 1).

Из приказа Большой Казны сразу была послана грамота к старосте Казённой слободы «о выборе к вышеписанному делу о целовальниках за приписью дьяка Дмитрея Стефанова, а велено ему выбрать дву человек людей добрых и пожиточных, и грамотных» (Там же. Л. 1об.).

Уже 23 января 1696 г. «Казенной слободы староста Козма Антропов, Петр Лукин сын Строганов, Иван Иванов сын Логинов, Иван Алексеев сын Артемьев Павлов, Ефтифей Михайлов, Максим Анкундинов, Сергей Евлев, Гаврила Алексеев, Борис Семенов, Володимер Васильев, Иван Савостьянов, Иван Антипов, Никита Григорьев, Алексей Семенов, Петр Михайлов, Иван Алексеев сын Икорнин, Аверкей Агафонов, Прокофейко Нилов сын Кувашнин, Федор Иванов сын Иголкин и все той Казенной слободы тяглецы лутшие и середние, и молотшие люди выбрали есмь мы со всего брацкогo совету тое ж Казенной слободы тяглецов лутших добрых и пожиточных людей дву человек в целовальники» (РГАДА, Ф. 396, Оп. 1, Ч. 20, № 32058. Л. 1–2).

В тот же день было велено тех «выборных людей отослать в приказ Большие Казны с письмом» (Там же. Л. 1об.).

Присланная 2 февраля 1696 г. память из Казенного приказа в приказ Большие Казны о присылке выбранных из тяглецов Казенной слободы «к приему каменных и деревянных всяких припасов в целовальники «Федьки Мартемьянова и Андреянка Фомина стала одним из первых документов периода единоличного царствования Петра Алексеевича (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 32048. Л. 2).

Видимо тогда же был назначен «Нового денежного двора строения головой» член Гостиной сотни Филат Коноплин и именно на его плечи легла организация строительства Зверев С.В. Службы гостей и членов Гостиной сотни на денежных дворах в конце XVII в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, Коломна. 20–25 апреля 2015 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2015. С. 185–187). Причём, палаты возводили весьма оперативно и уже осенью начали обустройство готовых помещений: «В нынешнем в 205-м году ноября в 25 день по указу Великого госуда-

ря и по записке за пометою дьяка Федора Ефимьева велено взять строения Нового каменного денежного двора в полатах на обивку дверей ис Казенного приказу сукна карнового половинку безденежно. А принять то сукно и в нем росписаться того денежного двора строения голове Гостиной сотни Филату Коноплину.» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 20, № 32533. Л. 1; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Том первый. М., 1872. С. 332).

Видимо в связи с завершением строительства каменных палат весной 1697 г. получили награды представители царской администрации, контролировавшие стройку: «Сего марта в 23 день по указу Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержца боярин князь Петр Иванович Прозоровский с товарищи приказали дать Великого государя жалованья стольнику Осипу Яковлеву сыну Тухачевскому да приказу Большие Казны дьяку Козьме Борину да подъячему Тимофею Савостьянову за строения Нового денежного двора по пяти аршин сукна кармазину да по косяку камки лауданной. Великого государя указ сказали приказал записать в Казенном приказе боярин князь Петр Иванович Прозоровский записать в росход.» (РГАДА, Ф. 396. Оп. 1. Ч. 20. № 32830. Л. 1).

Но кроме основного здания, нужно было построить многочисленные складские и производственные деревянные строения, установить плавильные печи, другое оборудование. Сохранившийся план Красного денежного двора конца XVII в. показывает немалый объём работ (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 1. № 10; Белокуров С.А. Древнерусская картография. Вып. I. Планы Москвы XVII века. М., 1898. С. 14).

Лишь 13 июля 1697 г. были взяты «20 икон безденежно» из Казенного приказа «в новопостроенные палаты Нового денежного двора» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 20. № 32987. Л. 1). После размещения икон Красный денежный двор видимо уже был полностью готов к работе.

Г.А. Зверкина
к. ф.-м. наук, доцент, с.н.с., ИПУ РАН

Влияние технологий на развитие математического знания

Традиционно математика воспринимается нематематиками и частью математиков как некая абстрактная, оторванная от дейст-

вительности наука, основанная, в основном, на неких абстрактных идеях, возникавших по неизвестной причине в головах учёных.

Конечно, о ряде приложений математики (теорема Пифагора, длина окружности и пр.) хорошо известно.

Но в современной математике кажется настолько абстрактной понятия и утверждения, что они представляются чистым порождением мысли.

Наша цель — показать, что это не так. Посмотрим, например, на возникновение и развитие теории вероятностей.

Известно, что природу случайного обсуждал ещё Аристотель. Но связь случайности и математики возникает только тогда, когда «степень случайности» или вероятность начинают измерять.

Вероятно, впервые математизацией «шансов» занялся Дж. Кардано («Книга об игре в кости», 1526 г.), вычислявший «шансы» выигрыша в азартных играх при тех или иных условиях — но не все его результаты были верны.

В 1654 г. Б. Паскалю были предложены «задачи кавалера де Мере», в частности, о продолжительности игры до выигрыша (проигрыша) и о честном разделе банка азартной игры — при известном счёте при необходимости прекращения игры. Исследования Паскаля и П. Ферма на эту тему касались исключительно азартных игр, и на этом развитие теории вероятностей временно приостановилось. При этом собственно понятия «вероятность» ещё не вводилось: рассматривались «равные шансы» выпадения костей или выбора карты из игральной колоды.

Во второй половине XVII в. развитие капитализма породило устойчивую потребность в изучении народонаселения. Дж. Граунт издаёт «Естественные и политические наблюдения над списками умерших», 1662 г., с чего начинается *демография*.

В 1693 г. Э. Галлей построил полную таблицу смертности для населения Бреславля (Вроцлав), в том числе младенческой и детской смертности.

С конца XVIII в. начинаются регулярные переписи населения в разных странах. Это даёт большие объёмы статистических данных, которые надо обрабатывать. И вот обработка таких данных наводит демографов на некоторые обобщения, которые постепенно приводят к уточнению и развитию понятий теории вероятностей.

Кроме этого, в связи с развитием трансконтинентального мореплавания в XVI веке. Бурный рост начался в математико-астрономических исследованиях: составлялись таблицы координат светил, которые измерялись неоднократно с помощью достаточно примитивных инструментов — при этом каждое измерение дела-

лось с некоторой ошибкой, связанной как с движением воздушных масс, так и с аккуратностью собственно измерения. Анализ таких ошибок также приводил к некоторым похожим результатам.

То есть рассматривались *очень* большие объёмы данных, которые затем усреднялись (находилось их среднее арифметическое) или для которых составлялись сводные таблицы.

Позднее, анализируя результаты таких статистических данных, Я. Бернулли доказал теорему: частота выпадения некоего фиксированного события в большом количестве экспериментов при увеличении числа экспериментов в одинаковых условиях стремится к значению вероятности этого события. Из этого позднее вырос Закон Больших Чисел (ЗБЧ) — он показывал, как по большому количеству наблюдений можно оценивать и более сложные вероятности. Частотный подход к определению понятия вероятности использовал Р. фон Мизес.

ЗБЧ был творчески применён Ж.-Л. Бюффеном — он в 1733 г. теоретически вычислил шансы того, что брошенная на разливанную поверхность игла пересечёт одну из линий, в выражение входило число π — при многократном бросании иглы можно вычислить π . В 1864г. был произведён эксперимент: более полутора тысяч бросков иглы дали значение $\pi = 3,1416$.

Статистический анализ наблюдений в демографии и анализ ошибок при многочисленных измерениях (в основном, в астрономии) приводил к похожим результатам — и следствием этого стало доказательство теоремы Муавра-Лапласа, которая говорит, что усреднение большого количества данных измерения (возраста человека, ошибок измерения и пр.) приводит к так называемому нормальному распределению, которое описывается колоколообразной функцией, называемой кривой Гаусса (Гауссианой).

Ныне с помощью сравнения кривой распределения с гауссианой оценивают качество проведения экспериментов, например подсчёта голосов на выборах.

К XVIII в. появилось много учебных заведений, готовящих специалистов для бурно развивающейся промышленности. Раньше специалисты с хорошей математической подготовкой были «штучным товаром», а теперь надо было систематизировать и унифицировать преподавание математических дисциплин для большого количества учащихся. Многие учёные занимались систематизацией математики, в том числе терминов и понятий, связанных с вероятностью. К этому подключился и Б. Де Финетти, занимавшийся теорией и практикой страхования, где также присутствовали большие объёмы данных по застрахованным лицам (а позднее и пред-

приятиям) — и он также предложил своё определения вероятности.

Но в математике уже существовала развитая аксиоматика разных областей, и новая аксиоматика была связана с теорией функций — этим занимались многие математики, но окончательную трактовку понятий теории вероятностей предложил А.Н. Колмогоров.

Дальнейшее развитие этой науки было связано с развитием массового производства и сферы услуг (теория массового обслуживания, теория надёжности, теория управления запасами — где используется, в частности, обнаруженное С. Пуассоном при анализе статистических данных о редких событиях распределение), а также с развитием ядерных проектов (ветвящиеся процессы, броуновское движение).

Таким образом, кроме первоначального этапа развития теории вероятностей, который был связан с азартными играми, эта теория развивалась в связи с запросами практики — начиная от анализа статистических данных, затем конструирование и анализ надёжности сложных систем, а также в военной сфере.

Примерно то же самое можно сказать о практически всех других областях математики — они развивались в связи с запросами развития и совершенствования технологий.

К.В. Иванов

д.и.н., к.ф.-м.н., г.н.с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН

Античные географические инструменты.

Метеороскоп и его применение

До недавнего времени точное устройство метеороскопа было неизвестно. Клавдий Птолемей упоминает о нем в первой книге «Руководства по географии» и перечисляет операции, которые можно было осуществить с помощью этого инструмента. По его собственным словам, с помощью метеороскопа можно было: «без труда, и притом в любой день и в любую ночь, узнать высоту северного полюса в месте наблюдения, а также — независимо от часа — положение меридиана и положение относительно меридиана данного пути, то есть какой угол образует с меридианом в зените самый большой круг, проведенный так, чтобы наш путь лежал на нем. Посредством этого метеороскоп равным образом указывает искомую дугу и вдобавок еще дуги экватора и других параллелей,

заклученные между обоими меридианами» (*Птолемей К. Руководство по географии // Античная география. Книга для чтения. М., 1953. С. 291*).

О метеороскопе упоминали еще как минимум три античных автора: Прокл Диадох в «Обзоре астрономических предположений», Теон Александрийский в «Комментарии к “Альмагесту”» (Кн. 1) и Папп Александрийский в своей «Комментарии к “Альмагесту”» (Кн. 5). Все они писали, что в отличие от армиллярной сферы метеороскоп состоял не из семи, а из девяти армилл (обручей). И. Региомонтан попытался воспроизвести этот инструмент, описав устройство этой, как он выразился, «рабочей лошадки», в послании Виссариону Никейскому, которое было опубликовано сначала в качестве приложения к переводу первой книги «Географии» Иоганна Вернера (1514), а затем (также в приложении) к «Введению в географию» Петера Апиана. Заслуживает внимания, что латинский текст в сочинении Апиана содержательно идентичен тексту в сочинении Вернера (не считая разнящегося употребления диакретических знаков), но изображение метеороскопа ориентировано зеркальным образом, то есть ошибочно. Примерное, но не вполне точное русское описание этого инструмента Региомонтана можно найти в книге: *Белый Ю.А. Иоганн Мюллер (Региомонтан) (1436–1476) / Отв. ред. А.А. Михайлов, Б.А. Розенфельд. М., 1985. С. 115–117*.

В марте 2023 г. было анонсировано, что на палимпсесте VIII-го в., хранящемся в Амброзианской библиотеке в Милане, под текстом «Этимологий» Исидора Севильского, написанным на латыни, содержится греческий текст, который удалось довольно полно восстановить с использованием технологии мультиспектральной визуализации (*Gysemergh V., Jones A., Zingg E., Cotte P., Apicella S. Ptolemy's Treatise on the Meteoroscope Recovered // Archive for History of Exact Sciences. 2023. Vol. 77. P. 221–240*). Выяснилось, что текст представляет собой описание метеороскопа, составленное, по всей видимости, в соответствии с описанием самого Птолемея. Сегодня существует возможность, сопоставив этот текст с другими известными произведениями Птолемея — «Альмагестом» и «Руководством по географии» — полностью реконструировать устройство и принцип работы этого античного географического инструмента.

Согласно описанию, инструмент, действительно, состоит из девяти обручей. Он представляет собой обычную армиллярную сферу, вставленную внутрь еще двух обручей, помечающих собой, по всей видимости, то, что мы назовем «местной оптической сис-

темой», а именно — математический горизонт и небесный меридиан наблюдателя. Ключевой операцией, позволяющей определять широту и положение меридиана (как писал об этом Птолемей), было измерение зенитного расстояния Солнца (днем) или какой-либо точки зодиакального знака (ночью) в момент наблюдений. Одна из армилл метеороסקопа соответствовала эклиптике; зная день календаря, можно было указать на ней текущее положение Солнца, а затем подстроить остальные армиллы инструмента таким образом, чтобы круги и направления сферы-инструмента возможно более точно отображали круги и направления сферы-Космоса в момент наблюдений.

Очевидно, что для того, чтобы ориентировать инструмент подобным образом, наблюдателю необходимо было обладать (помимо блестяще отточенного навыка обращения с армиллярной сферой) солнечными таблицами для различных широт и знать точное значение широты эталонного пункта, находящегося относительно недалеко (по широте) от места наблюдения. Тогда, ориентируя метеороскоп в соответствии с положением главных кругов и точек небесной сферы в месте наблюдения, наблюдатель мог оценить интервалы смещений дуг круга высоты от зенита до Солнца, которые зависят от местного времени, долготы и широты места наблюдения. У него были соответствующие таблицы, которые он приводит в конце второй книги «Альмагеста» (*Птолемей К.* Альмагест или Математическое сочинение в тринадцати книгах. М., 1998. С. 68–74). В них, помимо зенитного расстояния Солнца, задается еще один угол, зависящий от тех же переменных — угол между кругом высоты Солнца в момент наблюдения и эклиптикой. Будучи составленными для семи широт (климатов), они могли давать хорошие приближения координат для полосы от Мероз (территория современного Судана, ок. 17° с. ш.) до Борисфена (устье Днепра, ок. 48° с. ш. — самая северная широта, доступная Птолемею, если судить по его таблицам).

Из описания следует также, что инструмент, изготовленный Региомontanом, имеет лишь косвенное отношение к метеороסקопу самого Птолемея. Это подтверждается тем, что в нем нет круга, соответствующего эклиптике — ключевой детали в метеороסקопе Птолемея. Функционально эта деталь заменяется подвижной дугой четверти круга высоты, закрепленной в точке зенита.

Е.В. Казбекова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН
К.С. Моругина
к.и.н. м.н.с ИВИ РАН

Изображения св. Панкратия Тавроменийского в России до начала XX в.: к постановке проблемы

Имя Панкратий носят два раннехристианских святых: сщмч. епископ Панкратий Тавроменийский (Таормина, Сицилия), самовидец Христов и ученик ап. Петра, живший в I в. (пам. в правосл. Церкви 9/22 июля и 9/22 февраля), и мч. Панкратий Римский, усеченный мечом в Риме в IV в., предположительно, во время гонений императора Диоклетиана (пам. в катол. Церкви 12/25 мая) (*Schütz L. Pankrätius von Taormina, Bischof // Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 8. 2012. Sp. 111; Idem. Pankrätius von Rom, Martyrer // Ibid. Sp. 110–111; Крюкова А.Н. Панкратий, сщмч. (часть статьи) // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). Т. LIV. М., 2019. С. 430, 433; Капранова Е.Ю. Панкратий, мч. Римский // Там же. С. 437).*

В католической Церкви достаточно широко распространен культ мч. Панкратия Римского, его имя отражено в немалом числе топонимов в Англии и континентальной Европе (St. Pancras, Pankraz, Pancrazio, Pankrác). Л. Шютц указывает, что древнейшее его изображение относится к XII в., он всегда представлен юношей, с XV в. — часто в воинских доспехах (*Schütz L. Pankrätius von Rom, Martyrer. Sp. 110–111*).

В Древней Руси и России Нового времени мч. Панкратий Римский был, видимо, известен существенно меньше, он не включен в Великие Четьи Минеи митр. Макария (ГИМ. Син. 994. Май. л. 435–461) и в современные святцы РПЦ. Данный вопрос практически не исследован, но можно предполагать, что имя Панкратий связывалось в православных Церквях скорее со сщмч. Панкратием Тавроменийским: известны списки его греческого Жития X–XVI вв. и его переводы на славянский и грузинский языки (*Stallman-Pacitti S.J. 1986. P. 6–71; Крюкова А.Н. Указ. соч. С. 432; Моругина К.С. Житие св. Панкратия Таорминского (по рукописи ГИМ. Син. греч. 15, 1022/23 г.) как исторический источник. Дисс. канд. ист. н. ИВИ РАН. М., 2023. С. 67–79*).

Обзор сохранившихся изображений сщмч. Панкратия Тавроменийского и его описаний в лицевых подлинниках был предпринят Э.В. Шевченко (*Шевченко Э.В. Панкратий, сщмч. Иконография*

// ПЭ. Т. LIV. С. 434–436). На территории Др. Руси они представлены сравнительно немногочисленными фресками и минейными иконами-таблетками. Самым ранним изображением, возможно, является фреска святителя в Софии Киевской, датируемая XI в. (предполагаемая атрибуция). Известна также новгородская фреска сщмч. Панкратия в рамках минейного цикла церкви св. Симеона Богоприимца в Зверином монастыре (1468 г. или конец 1460-х – начало 1470-х гг.) и три минейных иконы на июль: новгородская икона конца XVI в. из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и икона-таблетка середины XVI в. из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (со свв. Петром и Февронией Муромскими, на др. стороне свв. равноап. Константин и Елена), а также икона начала XVII в. из собрания Церковно-Археологического кабинета МДА (*Шевченко Э.В.* Там же). Отметим, что икона из собрания ЦАК МДА, в отличие от новгородских, имеет греческие надписи, она является частью годового минейного цикла, хранящегося в том же собрании. Из поздних икон Э.В. Шевченко упоминает лишь икону «Избранные святые: Александр Невский, Афанасий Великий, Панкратий, Иоанн Воин» (перв. пол. XIX в., Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства), отмечая, что образ святого на ней уже отходит от описания лицевых подлинников (*Шевченко Э.В.* Там же. С. 435–436).

В перечне балканских изображений сщмч. Панкратия, приводимом Э.В. Шевченко, отсутствует фреска из монастыря Сучевицы (кон. XVI в.), в списке икон на территории Др. Руси / России не упомянуты две иконы петровского времени, связываемые с кругом мастеров Оружейной палаты: известная икона-«парсуна» из собрания ГРМ (после 1710 г., фамильный образ Черкасских-Шереметевых: Русская живопись XVII–XVIII веков. Л., 1977. С. 6, С. 60–61; *Сосновцева И.В.* Икона в Петербурге // Религиозный Петербург. СПб.: 2004. С. 469, 496; *Она же.* «Премудрый путь художества» // Осень русского Средневековья. СПб., 2018. С. 9) и икона «Избранные святые в молении Господу Саваофу» (первая половина XVIII в.) в алтаре над Царскими вратами главного иконостаса Архангельского собора Московского Кремля, где в числе 14 святых представлен и сщмч. Панкратий Тавроменийский (Иконы Архангельского собора Московского Кремля XIV – начала XX века. Каталог / Сост. О.А. Цицинова. М., 2016. С. 67, 456–457. № 117).

Изображений сщмч. Панкратия Тавроменийского было больше, так как в Москве существовал посвященный ему храм (унич-

тожен в 1929 г.), давший название Панкратьевской слободе и Панкратьевскому переулку в районе Сретенки. М.И. Александровский и П.Г. Паламарчук связывают его постройку со взятием Казани в день памяти сщмч. Панкратия в 1487 г. (9/22 июля), первые акты упоминания о деревянном храме относятся к 1620 г. (*Паламарчук П.Г.* Сорок сороков. М., 1992. Т. 2. С. 537–538 со ссылкой на рукопись М.И. Александровского). В конце XVII – начале XVIII вв. храм, видимо, принадлежал к числу приходских церквей стрельцов полка Лаврентия Панкратьевича Сухарева и может быть связан с ним. Каменное здание на месте прежнего деревянного было сооружено в год гибели полковника под Нарвой — в 1700 г. (*Паламарчук П.Г.* Там же. С. 537). Другие храмы в России во имя сщмч. Панкратия Тавроменийского не известны.

Какие-то из икон XIX в., возможно, имеют своими образцами храмовые иконы св. Панкратия из посвященной ему церкви в Панкратьевской слободе. Их изображений обнаружить пока не удалось, но известно, что в местном ряду иконостаса находилась икона сщмч. Панкратия в серебряном окладе, на котором была надпись об освящении храма 9/22 июля 1701 г. (*Паламарчук П.Г.* Там же. Т. 2. С. 537; *Вострышев М.И., Шокарев С.Ю.* Москва: все православные храмы и часовни. М., 2009. С. 335–336).

В исследовании иконографической традиции изображений сщмч. Панкратия Тавроменийского на Руси, таким образом, основными являются проблемы выявления, учета и исследования всех сохранившихся памятников, включая лицевые и толковые иконописные подлинники; выявление образцов этих изображений, наличия или отсутствия связи с греческими, грузинскими, южнославянскими и иными изображениями святого.

Г.А. Казимова
ст. преп. МГУ им. М.В. Ломоносова

Славянские переводы Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и на Евангелие от Иоанна в составе Воскресенского собрания отдела рукописей ГИМ

Как сообщается в предисловии в одном из наиболее ранних списков перевода Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, Беседы были переведены «от еллинскаго премудрейшаго языка... в славянороссийский языкъ» троицким монахом Селиваном, учеником Максима Грека (РГАДА. Ф. 381. № 196. 1523/1524 г. Л. 14).

В рукописи того же фонда № 196, переписанной в XVII в., содержатся Беседы 45–90. Рукопись того же фонда № 198 (также XVII в.) содержит перевод Бесед на Евангелие от Иоанна, также, возможно, переведенных Селиваном при участии Максима Грека вскоре после перевода Бесед на Евангелие от Матфея.

Предметом нашего изучения являются четыре рукописи из Воскресенского собрания ГИМ — Воскр. 79-бум., Воскр. 80-бум., Воскр. 81-бум., Воскр. 82-бум., содержащие Беседы на Евангелие от Матфея» и на Евангелие от Иоанна. Все четыре рукописи были даны в Воскресенский монастырь патриархом Никоном и, видимо, использовались для сверки текста переводов при подготовке печатного издания Бесед в 1665 г. В предисловии Воскр. 79-бум., содержащей Беседы на Евангелие от Матфея, на л. 1 указано, что Селиван осуществил перевод «разумо(м) же и наказание(м) премудрейшаго старца Максима». Согласно «Словарю русского языка» XI–XVII вв., «наказание» может означать «знания». Рукописи Воскр. 80-бум. и Воскр. 81-бум. также содержат Беседы на Евангелие от Матфея, но первая — Беседы 1-44, а вторая — Беседы 45-90. Рукопись Воскр. 82-бум. содержит Беседы на Евангелие от Иоанна. Рукописи переписал в 1545 г. некий «Богданец Якимов сын ростовец» по повелению Василия Тучкова-Морозова. В Воскр. 82-бум. в записи на л. 1 об. датой перевода Бесед на Евангелие от Иоанна называется 1524/1525 г., при этом упоминается не митрополит Даниил, но митрополит Варлаам, правивший до 1522 г. Н.В. Сеницына отмечала, что запись о характере перевода с греческого при помощи промежуточной ступени в виде латыни в Воскр-82 бум. вряд ли может считаться достоверной, т.к. годом ранее Селиван осуществил сложнейший перевод с греческого обширных Бесед на Евангелие от Матфея. Соответственно, использовать латынь при переводе год спустя вряд ли было необходимо. Согласно предположению Н.В. Сеницыной, запись на л. 1 об. касательно техники перевода могла быть сделана на основе записи, встречающейся в списках переводов Толковой Псалтири, в частности, ГИМ, Щук. 4. (Сеницына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 66, прим. 21).

Таким образом, указанные рукописи Воскресенского собрания ГИМ содержат важную информацию, вносящую коррективы в укоренившееся в науке представление о переводческой технике Максима Грека после его приезда в Москву до осуждения в 1525 году.

Статья об *ас-сакалиба* в «Словаре стран» Йакута

Широко известный арабский писатель Йакут ибн ‘Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (ок. 1176–1229) был автором «Словаря стран» (*Му’джам ал-булдан*), как и нескольких других значительных произведений. В предисловии к «Словарю» Йакут писал, что его сочинение рассказывает «о названиях стран, гор, долин и низин, селений, стоянок и мест происхождения морей, рек и озер, идолов, капищ, изваяний...» (Jacut’s geographicshes Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris auf Kosten der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866. Bd. I. S. 1). Автор выбрал около 16000 названий, выстроив их в алфавитном порядке. Статьи предварялись указаниями на правильное чтение названия по буквам, хотя этот принцип не всегда был выдержан. Большая часть сведений была взята автором из трудов более ранних, живших до Йакута, арабских лексикографов, историков, географов. Писатель часто, хотя и не всегда, называл их имена, что имеет весьма важное значение, поскольку арабские писатели крайне редко указывали источники своих сведений. Многие книги были утрачены, другие известны лишь по именам, но некоторые данные были оригинальными, собранными или самим Йакутом, или полученными им от информаторов, которым он доверял. В ряде случаев автор не подтверждал истинность известий, прибавив известную формулу: «Но Аллах лучше знает». Как видно, Йакут критически оценивал поступившие данные.

В статье *Саклаб* отмечено, что читать или произносить это имя следует с *фатхой* (с обозначением звука *a* после согласной *c*), затем *сукуном* (с отсутствием гласной при букве *k*), далее с *фатхой* (с обозначением звука *a*) над буквой *lam*, в конце имени стоит только буква *ba* (Idem, 1868, Bd. III. S. 405). *Саклабу* — это строгое арабское произношение слова, мы же можем произносить его как *саклаб*. *Саклаб* — это единственное число, множественное — *ас-сакалиба*, его значение, несмотря на многочисленные измышления — «славяне», что подтверждается информацией из «Словаря» Йакута. В применении его Йакутом есть отклонения от им самим отмеченной формы имени: в ряде случаев имеются формы *сиклаб*, *саклаби*.

Первое сообщение имеет авторством Ибн ал-А‘раби (767–846), поэта и филолога, знатока генеалогий и устной поэзии. Одна из его многочисленных (несохранившихся) работ называлась «Речения» (= «Словарь», «Произношения») (*al-Alfaz*) (*Robson J. Ibn al-A‘rabi, Muhammad b. Ziyad, Abu ‘Abd Allah // EI. NE. Vol. 1. P. 706–707*). Возможно, именно ее цитирует Йакут, когда говорит, что «*сиклаб* (так! — *Т. К.*) — это белокожий (или белолицый, *ал-абайд* — «белый») человек (*Jacut’s geographisches Wörterbuch... Bd. I. S. 405; Ostafin B. Yaqut’s Sources on the Slavs included in his Mu‘gam al-Buldān // Folia Orientalia–Bibliotheca, Kraków, 2018. Vol. I. P. 134*).

Следом идет второе выказывание, со слов Абу ‘Амра, что *ас-сиклаб* (так! — *Т. К.*) — краснолицый (или краснокожий, *ал-ахмар* — «красный») человек (*Jacut’s geographisches Wörterbuch... Ibid.*). Есть предположение, что источником информации Йакута был Абу ‘Амр ибн ‘Ала’ (ок. 689–ок. 770) (*Ostafin B. Ibid.*), лексикограф и филолог, тец Корана школы Басры (*Blachère R. Abu ‘Amr Zabban B. Al-‘Ala’ // EI. NE. Vol. 1. P. 105–106*).

Третье известие с цитатой из Абу Мансура гласит, что *ас-сакалиба* — это род (*джил*) [людей] красного оттенка (*хумру-л-алван*) [кожи], рыжеволосых (*сухб аш-шу‘р*), которые соседствуют со страной хазар высоко в горах ар-Рума. Краснокожего (*ал-ахмар*) человека считают *саклабом* (так! — *Т. К.*) из-за сходства его цвета [кожи] с цветом [кожи] *ас-сакалиба* (*Jacut’s geographisches Wörterbuch... Ibid.*). Автором этих строк (за исключением последней) является, по-видимому, Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад ал-Азхари (895–980), автор большого лексикографического словаря «Уточнение языков» (*Тахдиб ал-Лугам*) (*Ostafin B. Ibid.; Blachère R. Al-Azhari, Abu Mansur Muhammad b. Ahmad b. al-Azhar // EI. NE. Vol. 1. P. 822*). Последнюю фразу фрагмента можно интерпретировать как заявление самого Йакута, основанное на вышесказанной информации о цвете кожи *ас-сакалиба*, что любого человека с красноватой кожей могут считать славянином, даже если он и не относится к этому народу.

Далее Йакут, после известия Абу Мансура о местоположении славян, переходит к следующему известию, уточнив, что это данные неких других авторов. Он отмечает, что страна *ас-сакалиба* расположена между Булгаром и Константинополем (*Кустантинийа*), а также что по ним (т.е. славянам) возвышенности (*ал-хумз*) называются *ас-сакалиба*, и одна из них — *саклаби*. Один из переводов по-иному передает концовку фрагмента, а именно — что речь идет всего лишь о единственном числе (*вахидухум*) слова

саклаби, взятом из какого-то лексикографического словаря (*Ostafin* В. Р. 135). Этот перевод не учитывает контекста фрагмента, т.е. упоминания Абу Мансуром пребывания народа *сакалиба* высоко в горах ар-Рума. Я полагаю, что мое понимание, как и Н. Гараевой, более верно (*Гараева Н. Йакут ал-Хамави // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2006. Т. II. С. 818*).

Следующий пассаж повествует о родословной народа *ас-сакалиба*, со ссылкой на известного генеалoga Хишама ибн ал-Калби (ок. 738–ок. 820) (*Al-Kalbi // Et. NE. P. 495*): к сыновьям (*абна 'у*) Яфета, сына Ноя (*Йафиса ибн Нуха*) относятся народы *Йунан* (греки), *ас-Саклаб* (славяне), *ал-'А.б.д.р* (?), *Бурджан* (болгары), *Джурзан* (Грузия), *Фарс* (Персия) и *ар-Рум* (Византия); прибавлено не вполне ясное предложение, что «это [народы, что располагались] между теми (перечисленными народами?? — *Т. К.*) и западом (*ал-магриб*)». Еще раз упомянут Ибн ал-Калби, по данным которого, теперь уже со слов его отца, перечислены народы, происходившие от некоего единого предка *Л.н.ти ибн К.с.лухим ибн Йунан ибн Йафис*: румийцы (*руми*), славяне (*саклаб*), армяне (*армини*), франки (*ал-фиранджи*), они были братьями (*ихван*), поселившимися на земле в местах, которые были названы по их именам (*Jacut's geographisches Wörterbuch... Ibid.*). Таким образом, Йакут, опираясь на данные авторитетного для арабов писателя, возводил народ *ас-сакалиба* к потомкам Яфета, как до него считали и многие другие литераторы.

Затем наш автор переходит к другим данным об *ас-сакалиба*. Он пишет, что местность *саклаб* есть в очень плодородной области Шантарин (*Jacut's geographisches Wörterbuch... Ibid.*). Есть предположение, что информация восходит к книге арабского географа X в. Ибн Хаукаля (*Ostafin* В. Р. 134). Однако в труде Ибн Хаукаля, в главе об ал-Андалусе, есть сведения о стране славян, захвате их, вместе с пленниками других народов, в рабство и торговле ими, а также об их набегах наряду с русами, булгарами и печенегами на кораблях на Испанию (*ал-Андалус*). Там же сообщал Ибн Хаукаль и о происхождении *ас-сакалиба* — от Яфета (*Opus geographicum auctore Ibn Naukal... / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938. Fasc. 1. P. 110, 113*). Из всей массы этих сведений Йакут выбрал только одно название, при этом, в отличие от Ибн Хаукаля, связав его с цветущим округом Шантарин (Сантарен в совр. Португалии). Поэтому возможно, что речь идет о схожем названии древнего города Скалабис, на месте которого возник Сантарен, а не об *ас-сакалиба* (*Мишин Д.Е. Сакалиба* (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2022. С. 94).

Далее Йакут сообщил, что еще и на Сицилии (кроме ал-Андалуса. — *T. K.*) есть место под названием *саклаб*, которое называется также *харрат ас-саклаб* («квартал славян»), где есть текущие воды (*Jacut's geographisches Wörterbuch... Ibid.*). Во фрагменте главы о Сицилии из труда Ибн Хаукаля, а именно о Палермо, назван многонаселенный квартал славян (*харрат ас-сакалиба*), где текут потоки воды (*Opus geographicum... P. 119*). Похоже, что именно этот отрывок приведен в сочинении Йакута (*Ostafin B. P. 134*). Но если Ибн Хаукаль упомянул о наличии вод близ квартала *ас-сакалиба* потому, что ранее до и после этого сообщения он писал о безводных местностях в Сицилии, то в заметке Йакута такая информация выглядит не вполне ясной.

В последних фрагментах Йакут придерживался формы наименования, показанной им в начале статьи, т.е. *саклаб*, в то время как Ибн Хаукаль пользовался только множественным числом — *ас-сакалиба*. В целом сведения Ибн Хаукаля об *ас-сакалиба* здесь не привлекли внимание Йакута.

Далее Йакут переходит к информации о славянах ал-Мас'уди, о чем сразу же сообщает (*Jacut's geographisches Wörterbuch... Ibid.*). Легко определяется, что он использует информацию из сочинения «Золотые копи и россыпи самоцветов» (*Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар*) с большими сокращениями (*Maçoudi. Les Prairies d'or / Text et trad. par C.V. de Meynard, P. de Courteille. Paris, 1864. Vol. III. P. 62–66*). Йакут говорил, что народ *ас-сакалиба* являет собой различные племена (*аджнас*, мн.ч. от слова *джинс*), располагавшиеся вплоть до запада (*магриб*). Ал-Мас'уди тоже неоднократно писал о расположении *ас-сакалиба* с севера до запада и с востока до запада. Йакутом упомянуто, что между ними происходили войны, они имели своих царей (*ал-мулук*). Среди них имелись разногласия между христианской (*ан-насранийя*) и яковитской (*ал-йакубийя*) верой, у них не было «Книги» (*Китаб*, т.е. Книги писания — Библии, Торы и Корана) и шари'ата, они язычники (*джахилийуна*). Все эти материалы находят соответствия в данных ал-Мас'уди.

Далее Йакут продолжает рассказ ал-Мас'уди о самом отважном племени *ас-сарри* (рукописи «Золотых копей» содержат варианты: *с.рбин*, *с.ртин*, *м. лас*, *м.р.с*), которые сжигали умершего царя или главу (*ра'ис*) и их верховых животных; у них были деяния, схожие с деяниями индийцев (*ал-хинд*). Это известие в книге ал-Мас'уди находится в конце фрагмента, посвященного одиннадцати племенам (*синф*) *ас-сакалиба* и их царям, известия о кото-

рых не заинтересовали нашего автора, но породили огромную историографию.

Далее Йакут говорит, что в стране хазар имелась многочисленная группа (*синф*) из [числа] *ас-сакалиба*. Последнее предложение является переосмыслением известия ал-Мас'уди о службе славян у царя хазар и их обычай сожжения покойных (*Macoudi. Ibid.*).

Дальнейшая часть книги ал-Мас'уди посвящена трем владыкам *ас-сакалиба*, куда он включил также царей франков (*алифранджа*) (есть вариант написания: *ал-авандж*, что привело к разногласиям среди исследователей по поводу идентификации) и тюрок (*ат-турк*). Йакут выбрал рассказ о первом из них, царе *ад-дуре* (*ад-дайре*), в стране которого были многочисленные возделанные земли и куда направлялись мусульманские купцы с разнообразными товарами. Ал-Мас'уди далее довольно подробно повествовал о царях *ф.р.н.дж* и тюрок, но Йакут не касался сведений о них. Он написал, что государство (*мамлака*) *ад-дира* (*ад-дайра*) перешло от царей (*мулук*) славян (*ас-сакалиба*) к царю (*малик*) франков (*ал-фаранджа*), чего нет в тексте ал-Мас'уди. Там речь идет о государстве *ф.р.ндж* рядом с владениями *ад-дира*. Упоминание о городах, многочисленных населенных землях, большом войске, товарах из ар-Рума в этой стране, напротив, схожи с подобными данными из «Золотых копей» ал-Мас'уди.

Затем, продолжал Йакут, это государство (*ал-мулк*) перешло от *ас-сакалиба* к царю (*малик*) тюрок (*ат-турк*), а этот царь (*малик*) был «из страны (*билад*) славян (*ас-сакалиба*)», и турки являлись видом (*джинс*) *ас-сакалиба*. Они красивее, многочисленнее и храбрее. Эти известия, касавшиеся, по-видимому, венгров, также взяты из сочинения ал-Мас'уди.

Последняя фраза из статьи о славянах Йакута о том, что они ранее повиновались одному царю, затем разделились, и каждый царь стал отдельным, имеет источником концовку рассказа ал-Мас'уди о стране *валинана*, но Йакут такого названия не приводит.

Таким образом, статья Йакута *саклаб* содержит отобранную автором информацию из более ранних источников о расположении, происхождении, некоторых местах, где упоминается название *саклаб*, а также сокращенные сведения о славянах из книги «Золотые россыпи и рудники самоцветов» писателя середины X в. ал-Мас'уди. Помимо этой статьи, в книге Йакута этноним встречается и в других разделах, анализ которых должен быть произведен отдельно.

О датировке и назначении чертежа «План местности вокруг города Ростова от села Красного до Ярославля с планом солеварниц у речки Ишни»

Информация о рассматриваемом чертеже была опубликована в 2007 г. в каталоге В.С. Кусова. Автор привел основные сведения о нем, в том числе размеры (38x58 см), перечень надписей и отметил наличие на бумаге филигранный «кувшин» типа № 724 по Герасимову (1675 г.), однако сам чертеж не датировал. Памятник впервые был опубликован в Веб-гис «Чертежи Русского государства» (<http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=655>), территория локализована на современной карте, а текст заново прочитан.

Для выяснения датировки и назначения чертежа рассмотрим его подробнее. Фактически на чертеже изображены бассейн реки Которосль (правый приток р. Волга) с притоками Векса (исток из оз. Неро), Устье (с притоком Могза), Лахость, Пахма. Показано оз. Неро с двумя островами и его притоки: р. Гда (с притоком Сара, а он в свою очередь с притоком Шума), Кучебеж, Ишня. Большая часть чертежа охватывает территорию Ростовского уезда (21 село), в меньшей степени Ярославского (5 сел) и Переславского (2 села) уездов. На чертеже условно обозначены 2 города (Ростов и Ярославль), 7 монастырей, 2 подгородные слободы, 28 сел, 19 деревень, 20 мельниц, схематично изображены ростовские соляные варницы, «дорога с Москвы в Ростов», которая доведена до Ярославля. Для населенных пунктов, как правило, указана владельческая принадлежность, например: «Горки боярина князь Бориса Александровича Репнина». Но очевидно, что главным объектом чертежа являются мельницы, а населенные пункты нанесены на чертеж для указания их «адреса». Отметим, что принадлежность мельниц указана лишь в тех случаях, где это необходимо. Иногда мельницы не подписаны, но обозначены рядом с населенными пунктами, владельцы которых указаны. Эти сведения согласуются с данными писцовой книги Ростовского уезда 1629–1631 гг., в которой описано восемь действующих мельниц. По рекам мельницы чертежа распределяются следующим образом: 1 на р. Которосль, по 2 на реках Саре, Где, Могзе, Пахме, 5 на р. Устье, 6 на р. Лахость. Условные значки мельниц размещены как на левых, так и на правых берегах рек в строгом соответствии с владельческой принадлежностью земель. Так, например, «мельница Лешуковых» обозначена на правом берегу

р. Сары у с. Красное (совр. Краснораменье) «Ивана Лешукова с племянники». Мельница у с. Фатьяново обозначена правильно — на левом берегу р. Сары, а вот местоположение самого села составитель чертежа показал неверно — на правом берегу. По сравнению с данными 1629–1631 гг. количество мельниц в уезде выросло на 7 ед. Еще одним важным изображением является остров на оз. Неро (совр. Рождественский): «остров сена 40 копен». Этот остров 22 апреля 1687 г. был пожалован соправителями Иоанном, Петром и Софьей ростовскому Рождественскому монастырю, а до этого сдавался на оброк. Значит, чертеж составлен до указанной даты.

Примерные хронологические рамки изготовления чертежа выясняются из датировки филиграни — кувшин, увенчанный лилией. Однако аналогия, указанная В.С. Кусовым, не идентична филиграни чертежа — отличаются буквы на тулове кувшина. В рукописном собрании ГИМ, изученном Т.В. Диановой и Л.М. Костюхиной, такие кувшины встречаются на изданиях 1668–1691 гг. Более точная датировка чертежа может быть установлена благодаря надписям памятника и указаниям других источников. Так, 8 апреля 1687 г. ростовскому воеводе П.А. Новосильцеву государи-соправители послали грамоту: «Указали мы, великие государи, в ярославском уезде, в вотчине стольника нашего, Юрья княж Федорова сына Щербатова на реке на Которосле, мелницы его, которыя построены без нашего, великих государей указу, сломать». Такое решение было принято из-за того, что мельницы мешали «струговому ходу», «лесной и дровяной поплаве». На рассматриваемом чертеже обозначена только одна мельница на р. Которосли — рядом с д. Черелисино «князь Семена Щербатова». Это Семен Лукич Щербатов, умерший без наследника в 1669/1670 г. В 1670 г. (17 мая) умер Б.А. Репнин, обозначенный на чертеже как владелец с. Горки Переславского уезда. Дополнительные данные по датировке чертежа могло бы дать выяснение истории села Поречье на р. Где, которое на чертеже подписано следующим образом: «половина за Великим государем, а другая за митрополитом». В писцовой книге 1629–1631 гг. и переписной книге 1646 г. село упоминается, но не описано, т. к. описания дворцовых земель в этих книгах отсутствуют. В переписной книге 1678 г. часть Поречья значится за ростовским митрополитом. В 1682 г. 24 декабря царями Иоанном и Петром село полностью было пожаловано ростовскому митрополиту Ионе. На чертеже не обозначена мельница в с. Поречье, построенная в 1677 г., по которой сохранился комплекс грамот.

Сопоставление десяти пунктов по владельцам из надписей на чертеже с данными переписной книги 1646 г. показывает их пол-

ное несовпадение. Так, по данным писцовой книги 1646 г., боярин В.И. Стрешнев владел с. Сулость, с. Никольский погост и четырьмя д. Стрелы. Но в 1661 г. он умер. На чертеже в качестве владельца указанных пунктов обозначен И.Ф. Стрешнев, за исключением д. Стрелы, которое обозначено как владение вдовы В.И. Стрешнева. А с переписной книгой 1678 г. совпадения есть. Из десяти пунктов три полных и три частичных (кроме лиц, обозначенных на чертеже, в переписной указаны совладельцы). В четырех случаях владельцы, указанные на чертеже, к 1678 г. сменились. Так, в 1678 г. д. Стрелы владели другие представители рода Стрешневых, сц. Василево — вдова П.К. Елизарова, с. Угодичи — И.А. Мусин-Пушкин, с. Нажирово — Л.И. Салтыков.

Таким образом, чертеж был составлен между 1661 г. и 1670 г., возможно, во второй половине 1660-х годов. Правильнее было бы его называть: «Чертеж оброчных объектов в бассейне реки Которосль на территории Переславского, Ростовского и Ярославского уездов: мельниц, ростовских соляных варниц и острова на Ростовском озере».

Д.А. Кириллова
к.и.н., в.н.с. ДРЗ им. А.И.Солженицына

Предметы униформы в рисунках императора Александра II (по материалам экспозиции Музея Русского Зарубежья)

В экспозиции Музея Русского Зарубежья представлены уникальные экспонаты — 30 подлинных рисунков Александра II. Рисунки датируются 1840–1849 годами. Будущий император, а тогда еще наследник цесаревич Александр Николаевич изобразил русских воинов в парадной и походной форме времен Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов Русской Армии: штабс-трубач лейб-гвардии Конной артиллерии в походной форме; унтер-офицер лейб-гвардии Сапёрного батальона в походной форме; рядовой лейб-гвардии Егерского полка в караульной форме; полковник лейб-гвардии Гусарского полка в походной форме в доломане; Рядовой лейб-гвардии Драгунского полка в караульной парадной форме; унтер-офицер лейб-гвардии Драгунского полка в походной форме; обер-офицер 3-й батареейной графа Аракчеева рота лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады в полной летней форме; Бомбардир легкой роты № 2 лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады с банником в походной зимней форме; генерал лейб-гвардии Литовского полка

в походной форме; рядовой лейб-гвардии Литовского полка в зимней полной парадной форме и др. Символично, что наследник-цесаревич рисует солдат и офицеров Отечественной войны 1812 года — бессмертной славы русского оружия, когда именно русские воины победили самого Наполеона. Поражает детальность и точность рисунков: от элементов формы, в том числе и петлиц и пуговиц, до цвета орденских ленточек. Александр Николаевич очень хорошо рисовал, и его учителем рисования был известный художник-баталист Александр Зауервейд, профессор батальной живописи Императорской Академии Художеств. Такие нарисованные на отдельных листочках фигурки были очень популярны, как у детей, так и у взрослых представителей императорской семьи. В возрасте шести лет маленький Саша писал письмо родителям, отдыхающим на водах, и обещал «прислать улана», конечно, не настоящего, а нарисованного.

С годами это увлечение не пропало, особенно если учесть, что Александр Николаевич с большим уважением и любовью относился к русской армии, с детства много времени проводил среди военных, посещал смотры и парады, был еще с младенчества шефом полков. В воспоминаниях его сподвижников можно прочесть, что государь любил распределять рекрутов по полкам, в Преображенский полк определяли самых высоких, в Павловский — невысоких и курносых, в Семеновский — блондинов (*Игорь Зимин*. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. М., 2023. С.17.).

Александр II очень строго и внимательно относился к выбору военной формы, которую носил всегда, кроме выездов на охоту и за границу. Сидела она на нем великолепно, да и носить ее государь привык с детства.

Военный министр Д.А. Милютин вспоминал, что: «Государь вообще придавал большое значение мундиру и мельчайшим подробностям формы. Сам он надевал мундир того или другого полка в известные дни, соответственно со связанным с ними воспоминаниям или по другим соображениям, что нелегко было с первого раза угадать их. Так, например, в годовщину какого-нибудь сражения, он надевал форму полка, особенно отличавшегося в этом бою; удастая своим посещением бал, Государь приезжал в мундире того полка, в котором служил хозяин или отец хозяйки» (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 421.)

Для императора, чей рабочий ритм выдерживали не все даже более молодые приближенные, рисунки были отдыхом, творчеством, помимо исторических изображений, во время проведения Военной реформы он рисовал и изобретал новую форму полкам.

Особенности использования бумажных денежных знаков в качестве вещественных источников в научных исследованиях

Современные научные исследования предъявляют к себе более серьезный подход в вопросе использования источниковой базы.

К настоящему моменту сложилась следующая классификация типов исторических источников: вещественные, письменные, изобразительные и фонические (*Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 122), каждый из которых, в свою очередь, делится на несколько видов или разновидностей.

Среди всего комплекса вещественных источников в настоящее время выделяется 21 вид, каждый из которых является предметом изучения самостоятельной специальной вспомогательной исторической дисциплины. В нашем докладе мы рассмотрим использование в качестве вещественного источника — бумажных денег, изучаемых бонистикой.

Использование бумажных денежных знаков, как вещественных источников, наравне с другими типами источников, является актуальным при раскрытии тем, в которых рассматривается история денежно-кредитных отношений, банковской сферы и экономики на различных исторических этапах. Показательными примерами служат две успешные защиты диссертационных исследований в 2023 году на соискание ученых степеней кандидатов исторических наук. К ним относится наша работа (*Киселев А.Л.* Денежно-кредитная политика Японии на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны и интервенции (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2023) и исследование Ю.Ю. Гвоздкова (*Гвоздков Ю.Ю.* Реализация государственной финансовой политики и денежное обращение на территории Сибирской губернии в период 1914–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2023). В данных исследованиях бумажные денежные знаки использовались в качестве вещественных источников.

Стоит отметить, что данный подход в использовании денежных знаков как вещественных источников — не новшество. Д.И. Петин в своем диссертационном исследовании 2011 г. (*Петин Д.И.* Денежно-эмиссионная политика Советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.): автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2011) также полноценно использовал денежные знаки в качестве источника.

Во всех указанных исследованиях, в приложениях к диссертации, для наглядности и для подтверждения отдельных тезисов диссертации, приводились изображения денежных знаков, о которых шла речь в исследованиях. Что придавало дополнительный научный интерес работам.

Использование бумажных денежных знаков, в качестве вещественного (исторического) источника, требует применения специальных методов и приемов. Наиболее целесообразно, в первую очередь, использовать главный метод вспомогательной исторической науки – бонистики, разработанный Р.И. Тхоржевским, комплексный анализ бумажного денежного знака (*Тхоржевский Р.И. Бонистика // Вопросы истории. 1985. № 6. С. 174*), который позволяет в совокупности с непосредственным наличием вещественных источников (денежных знаков), более полноценно раскрывать исторические события.

Необходимо отметить, что при проведении комплексного анализа бумажного денежного знака также используются методики таких специальных (вспомогательных) исторических дисциплин, как геральдика, хронология, метрология, сфрагистика, палеография, иконография и др. Любые изменения текста, даты, рисунка, подписи и других признаков на бумажном денежном знаке свидетельствуют об изменениях политического, экономического или технического характера на определенном историческом этапе и представляют некоторые данные об эмитенте.

Важным моментом при работе с бумажными денежными знаками является использование специальной справочной литературы, к которой относятся каталоги бумажных денежных знаков. Использование которых должно быть обусловлено спецификой исследования. При этом рекомендуется использовать издания как отечественных, так и иностранных авторов. Каталоги содержат в себе сведения, полученные посредством внешней и внутренней критики бумажных денег (образцы, невыпущенные боны, варианты, разновидности, фальсификаты и пр.). Предлагается, в источниковой базе исследования, выносить каталоги в отдельную группу. Необходимо отметить, что использование каталогов в качестве источников должно производиться с определенной долей осторожности, поскольку даже в самых авторитетных изданиях встречаются неточности и ошибки. В связи с этим, в научном исследовании каталоги денежных знаков должны выступать в качестве вспомогательного источника.

Основная масса коллекционного материала, включающего денежные знаки, помимо частных коллекционеров — бонистов, распределена по фондам государственных и региональных архивов, а

также запасникам музеев. До недавнего времени большинство коллекций бумажных денежных знаков, находящихся там на хранении, были не систематизированы и не описаны. Лишь относительно недавно стали наблюдаться сдвиги в данном вопросе в положительную сторону. Данный процесс продолжается. И он выдает порой неожиданные находки и открытия.

Таким образом, необходимость использования в качестве вещественных источников бумажных денежных знаков в научных исследованиях, связанных с историей денежно-кредитных отношений, банковского сектора, экономики и финансов является обязательным средством. Без этого не получится полноценно решать задачи исследования. Хотим отметить, что использование данного вещественного источника (денежных знаков) должно являться неотъемлемой частью при работе над научными исследованиями, затрагивающими вопросы истории денежно-кредитной, банковской или финансовых сфер. При формировании источниковой базы исследования рекомендуется выделять их в отдельную группу и давать развернутую характеристику.

*А.Л. Клейтман
д.и.н., в.н.с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН*

Планы населенных мест Юга России, составленные П.Б. Иноходцевым, в собрании рукописных карт Библиотеки Академии наук

Петр Борисович Иноходцев (1742–1806) — сын солдата Преображенского полка, в 1752 г. по прошению отца был принят в Академическую гимназию, с 1760 г. обучался в Академическом университете, в 1765–1767 гг. — в Геттингенском университете, по возвращении из которого был избран адъюнктом астрономии Академии наук. В 1769–1774 гг. принимал участие в экспедиции, возглавляемой академиком Г.М. Ловицем, целями которой было проведение наблюдений астрономического явления — прохождения Венеры по диску Солнца, а также геодезические изыскания в окрестностях г. Дмитровска (совр. Камышин), где в 1697–1701 гг. строился канал для соединения Волги и Дона.

Благодаря размещению Библиотекой Академии наук в свободном доступе в Интернет цифровых копий рукописных карт, хранящихся в фонде Отдела рукописей, созданию удобной системы навигации по этой коллекции документов, удалось установить, что поми-

мо отчетов об астрономических наблюдениях, о геодезических изысканиях и историко-географических описаний городов Царицына и Дмитровска, результатами научной работы П.Б. Иноходцева в ходе экспедиции стали также пять планов местности Нижнего Поволжья и Южного Урала. Они представляют значительный интерес как для региональной истории, так и для истории науки, поскольку содержат информацию о ходе экспедиции 1769–1774 гг., которой нет в других источниках, а также потому, что иных карт, составленных ученым, до настоящего времени обнаружено не было. Остановимся подробнее на анализе каждого из этих картографических источников.

План Гурьева городка (http://ecatalog.rasl.ru:8080/irbis64r_11/images/nior/kartosn/kartosn_737/kartosn_737_001.jpg)

Как гласит легенда этого документа, он был «снят и сделан Адъюнктом Петром Иноходцовым 1769 года». Выполнен на листе бумаги 35*40 см. Масштаб не указан. Схематически на плане отображены укрепления крепости, артиллерийские орудия, постройки, в том числе «домашние пристройки из плетня и камыша». При помощи буквенных обозначений автор отметил старую стену города, бывшую обсерваторию господина профессора Ловица, сделанную в северо-восточном бастионе крепости, обсерваторию Иноходцова, комендантский дом и «анбары».

План Сарепты — немецкой колонии, располагавшейся на Волге, в нескольких километрах ниже г. Царицына (http://ecatalog.rasl.ru:8080/irbis64r_11/images/nior/kartosn/kartosn_787/kartosn_787_001.jpg)

Как гласит заголовок данного документа, это была копия плана, хранившегося в самой колонии: «с подлинного черчен Адъюнктом Петром Иноходцевым». Выполнен на листе бумаги 51*108 см. Масштаб не указан. Экспликация у данной карты отсутствует. Схематически отображены укрепления колонии, запланированные и уже возведенные строения, поля и сады, разбитые местными жителями.

План Царицынской крепости (http://ecatalog.rasl.ru:8080/irbis64r_11/images/nior/kartosn/kartosn_799/kartosn_799_001.jpg)

Размер плана 72*122 см; масштаб 20 саж. в 1 дм. В основу карты лег план города, хранившийся в комендантской канцелярии, который был существенно дополнен по наблюдениям самого автора («с подлинника чертил и чего не доставало присовокупил адъюнкты Петр Иноходцев»). Автор гораздо детальнее, чем его предшественники, зафиксировал планировку города, отметив место нахождения, размеры, и дав названия: бастионов, ворот, церквей, а также образив: комендантскую канцелярию, таможенную, питейной выход, питейные дома, комендантский дом, артиллерийский пушечный двор, артиллерийский цейхгауз, артиллерийский дом, инженерный двор

с цейггаузом и т.д. За городом была обозначена «обсерватория Петра Иноходцова».

«План бывшего татарского жилища возле Верхней Мечотки, снят адъютантом Петром Иноходцовым» (http://ecatalog.rasl.ru:8080/irbis64r_11/images/nior/kartosn/kartosn_794/kartosn_794_001.jpg)

На плане отражены результаты обследования ученым уникального археологического памятника золотоордынского времени, известного как Мечетное городище. Автор показал очертания фундаментов построек сохранившихся земляных сооружений. План Иноходцева позволяет локализовать место, где находилось это золотоордынское поселение, территория которого во второй половине XX в. оказалась под городской застройкой Волгограда.

План крепостей Царицынской линии (http://ecatalog.rasl.ru:8080/irbis64r_11/images/nior/kartosn/kartosn_837/kartosn_837_001.jpg)

Как следует из легенды плана, он представляет собой копию документа, хранившегося в Царицыне, однако оригинал до нашего времени не сохранился. На листе бумаги 52*70 см приведены планы Мечетной, Грачевской, Донской крепостей и Сакарского (Осокорского) редута, размещавшихся на их территории построек, профили их укреплений, а также проекты их усиления. Крепости Царицынской оборонительной линии, в 1720–1770-х гг. представлявшей собой действующее фортификационное сооружение, неоднократно перестраивались. П.Б. Иноходцевым были зафиксированы планы крепостей в последние годы, когда в них размещались войска.

Таким образом, важным результатом научной деятельности П.Б. Иноходцева в ходе экспедиции 1769–1774 гг. стали составленные им планы местности. На большинстве из них были зафиксированы уникальные, не сохранившиеся в других источниках сведения. Высокохудожественные и профессионально выполненные планы, составленные ученым, открывают малоизвестную, но важную сторону его научного творчества, требующего дальнейшего специального изучения.

А.Ю. Козлова

к. филол. н., доц., доц. ГСГУ (Коломна)

Апокриф «Галеново на Гиппократе» в составе Толковой Пален

Толковая Паленя — памятник древнеславянской литературы, в котором вместе с различными толкованиями и комментариями пе-

редаются отдельные книги Ветхого Завета. Исследователи Палеи неоднократно отмечали, что в составе Палеи присутствуют апокрифические тексты, причем некоторые из них дошли до нас только в составе Палеи. В конце XIX в. было выделено три редакции Палеи: *Толковая*, *Полная Хронографическая* и *Краткая Хронографическая*. Особенно много апокрифов обнаруживается в составе *Полной Хронографической Палеи*. В настоящее время указанные текстовые разновидности считаются уже не редакциями, а разными произведениями.

Изучение Палеи было затруднено из-за неразработанности археологии памятника. Так, о ее составе обычно судили по тексту Коломенского списка Толковой Палеи 1406 г., изданного в 1892–1896 гг., оно было предпринято с подведением разночтений по 8 спискам. В начале XXI в. известно уже о 90 списках Толковой Палеи, которые нам удалось разделить на три редакции: *Толковую*, *Промежуточную* и *Александр-Невскую*.

Цель настоящего сообщения — охарактеризовать особенности включения в Толковую Палею текста апокрифа «Галеново на Гиппократа». Этот фрагмент в составе текста Палеи еще не был предметом научного рассмотрения.

1. Впервые отрывок из указанного апокрифа появляется в Адриановском списке Палеи (ГИМ. Синод. собр. № 548 (пер. пол. XVII в.). Л. 79-80), который входил в личную библиотеку патриарха Адриана, во время пребывания того в Казани в качестве митрополита казанского и свияжского (*Белоброва О.А.* К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Т.33. Л., 1977. С. 411). В конце XVII – начале XVIII вв. с Адриановской рукописи (возможно, через какие-то промежуточные этапы) были сделаны две копии – это ИРЛИ, Величко 12 и ПМЗ (Псковский музей-заповедник) 443, в которых тоже обнаруживается апокрифический фрагмент.

Нам удалось выявить, что списки *Толковой редакции* Палеи на основе структурных особенностей и разночтений делятся на две подредакции: *собственно Толковую* и *южнорусскую*, а *собственно Толковая* распадается на три типа: *первый* (РГБ. Ф. 304/1 Тр.-Серг. №38, 1406 г. и др.), *второй* (ГИМ. Увар. 566, 1495 г. и др.) и *третий* (Там же. Музейское собр. № 3927, 1576 г. и др.). Одна из основных черт *второго типа* — в большинстве дошедших до нас рукописей Палея входит в комплекс памятников, содержащий Историческую Палею, сказания о ветрах, о великих реках, о великих горах, о 72 языках, Толковую Палею и Стязание, бывшее вкратце в Иерусалиме при Софронии архиепископе, о христианской вере.

Адриановская рукопись — яркий образец *второго типа собственно Толковой подредакции*. Но, по-видимому, при переписывании Толковой Палеи была использована другая палейная рукопись — *Александро-Невской редакции*. Писец провел сложный текстологический анализ текста, выявил несоответствия и произвел редакторскую правку, которая заключалась в добавлении текста. Кроме того, он вставил в рукопись фрагмент из апокрифа «Галеново на Гиппократе».

Другой случай использования текста апокрифа «Галеново на Гиппократе» обнаруживается в списке РГАДА, Ф. 357. № 6 (вторая четверть (середина?) XVI в.) — Л. 34–35. Фрагмент был вставлен при редактировании рукописи другой — *Промежуточной редакции* тоже с помощью какого-то списка *Александро-Невской редакции*. Пока трудно ответить на вопрос, имеется ли связь между Адриановской рукописью и списком РГАДА № 6: они относятся к разным редакциям, не соотносятся по времени. Могла ли идея вставить апокрифический фрагмент двум писцам прийти независимо друг от друга? В списке РГАДА № 6 в Палею добавлены сведения из семитысячников и цифровая азбука.

2. Время появления апокрифа «Галеново на Гиппократе» в переводной древнерусской книжности — XV в., а в Палее он фиксируется в списке середины XVI в., затем в списках XVII в. Издатели апокрифа отмечают, что, к сожалению, до сих пор не выявлены редакции и не изучена история текста апокрифа (*Исаченко Т.А., Мильков В.В.* Галеново на Гиппократе // Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 450–453), но, судя по многочисленности списков, он стал фактом духовной жизни страны, потому что наряду с научной, философской и медицинской информацией, он отразил в своем содержании сокровенные знания (Там же. С. 451).

3. В Адриановском списке фрагмент апокрифа продолжает вставку под названием «Святое Сказание о Луне и Солнце», которая имеет сложный компилятивный характер: в ней передается текст из Книги Еноха о воротах, которые должны проходить Солнце и Луна, приводятся сведения о лунном месяце, заканчивается Сказание Кругом угорским.

Примечательно, что писец Адриановской рукописи значительно расширяет эту вставку непалейным материалом — фрагментом, который был условно назван Р.А. Симоновым «А егда будет Луна...». Его анализ показывает, что на Руси уже в XVI в. существовало расчетное моделирование изменения лунного диска (*Симонов Р.А.* Расчетное моделирование изменения формы лунного диска

(по списку XVII в. «А егда будет Луна») // Гуманитарный вестник. 2016. Вып. 9).

4. Апокриф «Галеново на Гиппократе» в Палее использован фрагментарно: передается отрывок о четырех временах года, но в текст вставляются сведения о четырех стихиях («весна же имат мокрость и теплость подобно воздуху (Л. 79), лето имат теплоту и сухость подобно огню (Л. 79 об.), осень имат сухость и студеность подобно земли (Там же), зима имат же мокрость и студено подобно воде» (Там же)), хотя раздел о четырех стихиях в тексте самого апокрифа находится в другом месте.

5. Язык апокрифического отрывка в Палее русифицирован: *весна* (не *пролет*), *осень* и т.д., но некоторые особенности южнославянского протографа сохраняется: например, термин *пролетие*.

Включение отрывка из апокрифа «Галеново на Гиппократе» в Толковую Палею показывает, что ее текст воспринимался как открытая система — и в разное время в разных древнерусских землях писцы вносили в Палею те сведения (библейские, исторические, натурфилософские), которые для них были актуальны.

А.М. Колызин

*к.и.н., вед. н.с. отдела нумизматики и археологии
Музеев Московского Кремля*

Начало чеканки монет в Москве в 80-е годы XIV века Историография вопроса

Исследователей, изучавших русскую монетную чеканку удельно-вечевое периода, всегда интересовал вопрос, кто и когда начал чеканку монет в Москве?

Основоположник отечественной научной нумизматики А.Д. Чертков полагал, что чеканку в Москве начал вел. кн. Иван Иванович Красный в 1350-е гг. (*Чертков А.Д.* Описание древних русских монет. М., 1834. С. 1, 2). Но А.В. Орешников указал на ошибочность мнения о начале монетной чеканки ко времени до княжения Дмитрия Донского. (*Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 80, 81, 86). И.И. Толстой согласился с этой точкой зрения и уточнил время начала чеканки — 1383 г., т.е. после Куликовской битвы (*Толстой И.И.* Деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского. СПб., 1910. С.15; *Он же.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича. СПб., 1911. С. 71).

Вместе с тем нумизматы ставили вопрос о типе первых московских монет. С.И. Чижов считал первыми московскими денгами двусторонние подражания золотоордынским дирхемам (*Чижов С.И. Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского. Пг., 1922. С. 8, 9*).

Г.Б. Федоров относил начало чеканки монет в Москве ко времени около середины XIV в. (*Федоров Г.Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 12. М.–Л., 1949. С. 158*).

Выдающийся отечественный нумизмат И.Г. Спасский определял начало выпуска денег в Москве временем великого князя Дмитрия Ивановича Донского, а именно к 1360–1370-м гг. (*И.Г. Спасский. Русская монетная Система. Л., 1970. С. 79*).

В 80-е гг. минувшего века Г.А. Федоров-Давыдов доказал, что двусторонние подражания татарским дирхемам московскими не являются. Свой вывод ученый убедительно аргументировал: во-первых, эти монеты были широко распространены в других, не московских землях; во-вторых, на территории Великого княжества Московского они встречаются значительно реже и, что существенно, присутствуют в кладах всегда вместе с деньгами так называемого русско-татарского типа. Исследователь относил начало чеканки монет в Москве ко времени после Куликовской битвы (*Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 153, 247 прим. 7; он же. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. IV. М., 1963. С. 174–184; он же. Монеты рассказывают. М., 1981. С. 75; он же. Монеты — свидетели прошлого. М., 1985. С. 129*).

В 2006 г. П.Г. Гайдуков вернулся к идеям XIX в. и вновь выдвинул предположение о начале ограниченной чеканки монет в Москве в княжение Ивана Красного (1353–1359), причем ученый также допускал, что первыми московскими монетами были двусторонние подражания золотоордынским дирхемам (*Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки. М., 2006. С. 44–48*).

Позже он повторил те же идеи в 2009 г. (*Гайдуков П.Г. О начале русской монетной чеканки в XIV в. // Вестник истории, литературы и искусства: Альманах. Т. VI. М., 2009. С. 291–306*).

Также в 2009 г. вышла статья П.Г. Гайдукова и И.В. Гришина, в которой авторами были рассмотрены все известные на тот момент именные деньги Дмитрия Донского. (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Именные деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского (Типология и хронология) // Великий Новгород и средневековая Русь.*

Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 323–364).

Наряду с именными деньгами Дмитрия Донского П.Г. Гайдуков и И.В. Гришин коснулись и анонимных монет указанного князя с одним только великокняжеским титулом. Авторы статьи отметили, что *массовая* (курсив мой – А.К) монетная чеканка именных денег в Москве, т.е. на которых помещено имя великого князя, началась только при Дмитрии Ивановиче Донском. (Там же. С. 323). Тем самым, еще раз была косвенно озвучена позиция одного из авторов – П.Г. Гайдукова – о возможной ограниченной чеканке денег с именем великого князя в Москве еще до Дмитрия Донского, а именно при Иване Ивановиче Красном. (Гайдуков П.Г. Русские полуденги... С. 44–49).

Древнейший документ, в котором впервые упомянут термин «денга» – это докончание великого князя Дмитрия Ивановича Донского с великим князем рязанским Олегом Ивановичем. (ДДГ. М.–Л., 1950. № 10. С. 29, 30). Исследователи датировали этот источник по-разному – 1380–1382 гг. (ДДГ. М. –Л., 1950. С. 30, таблица-вклейка после С. 586).

Однако сейчас доминирует датировка этого документа 1381 г. (Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 167, 409, 410; И.Б. Греков. Восточная Европа и распад Золотой Орды. М., 1975. С. 144, 145; Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. № 5–6. 1995. С. 76; А.А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. VI. М., 1958. С. 287.). Таким образом номинал «денга» ранее 1380 г. ни разу не зафиксирован в источниках и чеканку монет в Москве следует относить ко времени после Куликовской битвы 1380 г.

П.Г. Гайдуков и И.В. Гришин в своей статье по именованным деньгам Дмитрия Донского высказывают мнение, что чеканка первых именных монет этого князя с изображением воина на одной стороне и именем Узбека на другой, а так же первых вариантов денег Дмитрия с изображением петуха на аверсе и именем Узбека на реверсе могла осуществляться уже в 1374–1380 гг. (Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Именные деньги... С. 340). Авторы пишут, что после Куликовской битвы Мамай был вынужден выступить против воцарившегося в 1376 г. в заволжской части Орды Токтамыш, объединившего две части Джучидского государства и ставшего законным ханом (Там же. С. 331.) При этом авторы ссылаются на работу А.А. Горского. Однако П.Г. Гайдуков и И.В. Гришин допустили явную неточность, так как у А.А. Горского на странице, на которую

ссылаются авторы указано, что Токтамыш воцарился в заволжской части Орды не в 1376, а в 1379 г. (*Горский А.А.* Москва и Орда // М., 2000. С. 99-100. Ссылка 119), что находит подтверждение и в монетной чеканке Золотой Орды. А.А. Горский в свою очередь ссылается на работу А.П. Григорьева в которой автор на основании исторических и нумизматических данных констатирует, что Токтамыш захватил столицу Сарай весной 1379 г., распространив всю власть на территорию Золотой Орды только осенью 1380 г., то есть после ухода с политической арены и гибели Мамай. (*Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.* VII. Л., 1983. С. 48, 51, 54).

Кроме того, если следовать рассуждениям П.Г. Гайдукова и И.В. Гришина, то чеканка как именных, так и анонимных денег Дмитрия какое-то время должна была идти параллельно (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* Указ. соч. С. 340), что теряет смысл, так как анонимные монеты чеканены по иной, более высокой весовой норме, чем именные монеты Дмитрия Донского и переход к чеканке более легких монет был связан именно с денежной реформой Токтамыша 1380 г., что уже не раз было отмечено (*Колызин А.М.* К вопросу о метрологии монетного чекана Москвы последней четверти XIV века // *Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений 18–20 мая 1993 г. Вологда. 1993. С.28–31; Он же.* О весовых нормах монет, рубле-слитке и счетном рубле великого княжества Московского последней четверти XIV – первой половины XV века // *Нумизматический сборник. ГИМ., Ч. 13. М. 1998. С.53–58; Он же.* Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 145–148); *Он же.* О начале чеканки монет в Москве в XIV в. // *Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Псков. 15–20 апреля 2002 г. М., 2002. С. 162–164).*

Следует отметить, что начало чеканки монет в Москве уже уточнено с точностью до года – 1381 г. (*Колызин А.М.* Начало чеканки монет в Москве // *Сб. Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 442–447; Он же.* Некоторые вопросы московской монетной чеканки XIV–XV вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXXI Международной научной конференции. Москва. 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 206–208).*

И, наконец, спустя долгие годы споров по этому вопросу было признано, что никакой чеканки монет в Москве до Куликовской

битвы не было. Мой «главный оппонент» в этом вопросе П.Г. Гайдуков перед Пленарным заседанием XXI Всероссийской нумизматической конференции в Твери в интервью местному телеканалу 24 мая 2021 г., уже как общеизвестный факт, озвучил то, о чем я писал на протяжении 20 лет, – что чеканка монет в Великом княжестве Московском началась именно после Куликовской битвы.

Н.А. Комочев
к.и.н., с.н.с ИСл РАН, доц. РГГУ
Т.В. Медведева
к.и.н., с.н.с ИСл РАН, доц. РГГУ

Князь Н.А. Орлов на перекрестке мнений современников: просопографический аспект

Князь Николай Алексеевич Орлов (1827–1885), генерал и дипломат второй половины XIX в., в историографии известен мало. Ему посвящена небольшая статья А.С. Нифонтова (*Нифонтов А.С. Письма русского посла Н.А. Орлова 1859–1865 гг. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 220–238*) и уделено некоторое внимание в диссертации В.А. Астанкова (*Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. дис... к.и.н. М., 2014*). Масштаб дипломатической деятельности Орлова и его влияния при дворе, на наш взгляд, требуют более детального рассмотрения личности князя и его положения в русском и европейском обществе.

Князь Орлов был единственным сыном шефа жандармов А.Ф. Орлова. В молодости он изучал юридические науки под руководством М.А. Корфа вместе с в.к. Константином Николаевичем, с которым его впоследствии связывала многолетняя дружба. В чине полковника Орлов отправился на Дунай для участия в Крымской войне, где при неудачном штурме крепости Силистрия 16 мая 1854 г. получил девять ран и лишился глаза. После выздоровления он оставил военную службу и сделал дипломатическую карьеру. С 1859 г. Орлов занимал высшие дипломатические посты в европейских столицах: до 1869 г. в Бельгии, затем недолго в Австрии и Великобритании, с 1871 г. — во Франции, а с 1884 г. — в Берлине.

Парадокс личности Н.А. Орлова фиксирует скептически настроенный в отношении к нему А.А. Половцов: «великие мира сего, начиная с государя и кончая его дядею Константином Николае-

вичем (т.е. личности самые противоположные и даже враждебные), имели в Орлове одинаково преданного им человека» (*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. 1. С. 328). Другие современники говорят о нем с уважением и долей удивления. Он слыл человеком честным, открытым, но, несмотря на дипломатические обязанности, бравировал своими либеральными взглядами.

Так, в 1880 г. французские власти были готовы вернуть в Россию народовольца Льва Гартмана, бежавшего в Париж после неудачного покушения на Александра II. Но посол во Франции Орлов столь выразительно бездействовал, что даже был отозван на некоторое время в Петербург за нерешительность (*Waddington P.* «Sleazy Digs and Coppers» *Narks: The Fate of Russian Nihilists in Paris a Hundred Years Ago // New Zealand Slavonic Journal.* 1989–1990. P. 5). В дружеском кругу он пояснял свою позицию: «В случае выдачи Гартмана, не трудно угадать, какая постигла бы его судьба; во всякой другой стране можно вполне довериться суду, а я знаю, что такое наш суд, когда дело идет о политическом преступлении; несчастного приговорили бы к смерти, даже порядочно не выслушав его» (*Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848-1896 / Под ред. Ю.Г. Оксмана. Л., 1929. С. 57).

Другая его выходка — встреча в Париже с М.А. Бакуниным, который встретился с Орловым в салоне графини Салиас, чтобы хлопотать за поляков, сосланных в Сибирь (Там же. С. 55).

Известный английский журналист Юстас Гренвил-Мюррей язвительно писал про Орлова: «француз до кончиков пальцев... Манирный, эмоциональный государственный деятель, который публично проливал слезы на похоронах Тьера; любитель искусства, который заполняет свои гостиные художниками и писателями; скептик, который усердно посещает дебаты в Версале и выглядит так, как будто ему доставляет огромное удовольствие каждый раз смотреть, как республиканцы ведут борьбу с церковью, монархизмом или милитаризмом» (*Grenville-Murray E.C.* *The Russians of Today.* London, 1878. P. 293-294).

Несмотря на франкофильство Орлова, французская полиция в 1870-е гг. имела на него досье, в котором кроме его поездок и данных наружного наблюдения, можно найти записи о политических взглядах князя, его отношении к Бисмарку, англичанам, к отдельным соотечественникам, а также об интересе к французской прессе левого толка (*Waddington P.* *Op. cit.* P. 10).

Из воспоминаний людей, знавших его вне службы, складывается впечатление, что князь Орлов был мягким и недостаточно ре-

шительным человеком. Возможно, именно такое впечатление он иногда хотел произвести в салонах. Однако, по словам его ближайшего подчиненного Н.Н. Гирса, Орлов на дипломатических постах прекрасно умел принимать жесткие решения и был готов нести за них ответственность. В 1882 г. Орлов в 24 часа удалил из Франции генерала М.Д. Скобелева за вольности, которые тот позволил себе, выступая перед французскими военными. А во время визита в Париж в.к. Владимира Александровича с супругой, Орлов был вынужден приказывать ему нанести визит президенту Французской Республики (в знак вежливости по отношению к стране пребывания) и запросить в этом вопросе поддержку императора Александра III, каковая была получена незамедлительно (*L'Ambassade russe à Paris, 1881-1898: les mémoires de Nicolas Giers / Ed. par B. Jelavich // Canadian Slavic Studies. Spring, 1967. P. 12, 13*).

Важной частью заграничной жизни Орлова было многолетнее знакомство с И.С. Тургеневым. Тот был шафером на свадьбе князя с Е.Н. Трубецкой в 1858 г., и именно Орлов помог Тургеневу встретиться с в.к. Александром Александровичем в российском посольстве в 1879 г., а в дальнейшем всегда ходатайствовал за писателя перед государем (*Уоддингтон П. Тургенев и его русские друзья в Фонтенбло: Семья Трубецких-Орловых // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2012. Вып. III. С. 71–108; L'Ambassade russe à Paris... P. 14*).

Из неофициальных связей Н.А. Орлова в Европе важно упомянуть его личное знакомство с Бисмарком. Канцлер рассказывал о русском князе и его жене в письмах к супруге, а в обществе судачили об увлечении Бисмарка княгиней Орловой (*Bismarck et la princesse Orloff. Lettres à la princesse Orloff // Revue des Deux Mondes. 1936. 15 mars. P. 304–330*).

Таким образом, князь Орлов, как дипломат, более двадцати лет активно действовавший в Европе от имени Российской империи, остается в восприятии современников неоднозначной личностью, оценки его деятельности и личности различны и иногда прямо противоположны. Представляется важным введение в научный оборот богатого эпистолярного и документального наследия Н.А. Орлова, поскольку документы не только рисуют образ высокопоставленного политического деятеля второй половины, но и дают яркую характеристику настроений, мнений и внутренних взаимосвязей в русских и европейских правительственных кругах середины – второй половины XIX века.

Андалузская Т-О карта с арабскими легендами

Среди средневековых исламских памятников картографии есть карты, созданные на крайнем западе исламского мира — на занятой мусульманами части Пиренейского полуострова. Исследование этих карт сопряжено с определенными трудностями, поскольку они отличаются большим своеобразием по сравнению с основной массой исламской картографической продукции.

Одна из таких карт сохранилась в рукописи конца VIII – начала IX в. Ms. Vitr. 014/003, f. 116v из Национальной библиотеки в Мадриде (<http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?id=0000051810>). Рукопись содержит латинский текст «Этимологий» Исидора Севильского, испещренный арабографичными глоссами и дополнениями, которые, как полагали до недавнего времени, принадлежали неизвестному нам по имени мосарабу и могли быть датированы VIII–X вв. (*Menendez Pidal G. Mozarabes y asturianos en la cultura de la alta edad media // Boletin de la Real Academia de la Historia. 1954. Vol. 134. P. 169–171*). В 2023 г. Карен Пинто предложила новую датировку арабских глосс и дополнений этой рукописи, большинство из которых, по мнению исследовательницы, сделал видный андалузский ученый-географ Абу ‘Убайд ‘Абдаллах ал-Бакри (ум. в 1094 г.) (*Pinto K.C. Ecce! A Ninth-Century Isidorean T-O Map Labeled in Arabic // Globalism in the Middle Ages and the Early Modern Age: Innovative Approaches and Perspectives / Ed. by A. Classen. Berlin; Boston, 2023. P. 189–220*).

Рассматривая этот манускрипт в контексте взаимовлияний исламской и христианской геокартографических традиций, К. Пинто обратила внимание не только на глоссы (представляющие собой, главным образом, арабские эквиваленты названий географических объектов, упоминаемых в латинском тексте), но и на содержащуюся в рукописи редкую карту — единственную сохранившуюся Т-О карту с арабскими легендами (оригинал, транслитерацию и перевод карты см.: *Pinto K.C. Ecce! P. 197–198*).

Вдоль верхней перекладки Т на карте нанесена латинская легенда с информацией о размере земли — *Exactius terre mensura geometrice clxxx m stadia*. Названия частей света также даны по-латыни (*Asia, Europa, Libia*), в то время как остальной текст карты — арабский. В арабском тексте, как и в латинском, говорится о размере земли, но он дан не в милях, а в фарсах («24 тысячи фарсахов»).

Обозначенные на карте этнонимы и топонимы распределены по владениям трех сыновей Ноя. В Азии, определенной как «центр земли», карта указывает Хиджас с двумя городами Йасрибом (доисламское название Медины) и Меккой, арабов, Сирию, Персию и Армению. В Европе названы Испания (*ал-Андалус*), Византия (*ар-Рум*), хазары, *Йаджудж* и *Маджудж*, славяне (*сакалиба*), к остальным применен собирательный термин *ал-аджам* (букв. «бессловесные»; ср. рус. «немцы» в смысле «иноземцы»). В Африке дважды названы *ал-барбар*, по-видимому, в значении «варвары» и «берберы», зинджи (коренное население побережья Восточной Африки), *судан* (букв. «черные» — арабское обозначение коренных жителей областей к югу от Сахары), копты, а также Синд (область в нижнем течении р. Инд) и Хинд (Индия) (подробнее см.: *Konvalova I. Andalusian Map // Chekin L. Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary. Turnhout, 2006. P. 59–61.*)

По мнению К. Пинто, эта карта является ярким свидетельством влияния, которое позднеантичная и средневековая европейская картография оказала на исламских географов. Уникальность андалузской Т-О карты в ряду прочих исламских карт К. Пинто видит в использовании библейских имен Сима, Хама и Иафета для обозначения частей света, а также в — на ее взгляд — необычной для исламской картографии манере автора наносить на карту, главным образом, этнонимы, а не топонимы (*Pinto K.C. Ecce! P. 216.*)

Определение «уникальная» применительно к данной карте, безусловно, верно уже хотя бы потому, что какие-либо другие арабские Т-О карты неизвестны. Что же касается усматриваемого К. Пинто влияния европейской картографии на арабскую карту, то при ближайшем рассмотрении нанесенных на нее легенд оно оказывается не так уж велико.

Несмотря на то, что представления античных ученых о трех частях света — Европе, Азии и Африке (Ливии) — было хорошо известно на арабском Востоке и широко использовалось в исламских географических произведениях разных жанров IX–XIV вв., автор Андалузской карты обратился к иному, этногенеалогическому способу наименования частей света.

Библейский рассказ о разделении Земли между потомками Ноя был известен в арабском мире через ближневосточную христианскую традицию и стал для исламских авторов одним из источников формирования этногенеалогий наряду с иранскими мифологическими представлениями о разделении Земли между тремя сыновьями Фаридуна и собственно аравийскими легендами о прародителях арабов и о так называемых «исчезнувших народах» (*ад, самуд* и др.).

В своих попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители Халифата, и непротиворечиво включить ее в систему представлений об этнополитической истории и географии мира, исламские авторы в ряде случаев сталкивались с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос. И этногенеалогическая схема Андалузской карты вполне вписывается в картину мира, разработанную исламскими учеными, начиная с VIII в., когда появились первые мусульманские этногенеалогии. Номенклатура Андалузской карты имеет лишь незначительные особенности в распределении стран и народов по частям света по сравнению с аналогичными схемами других исламских авторов. В частности, азиатские *ал-Синд* (Пенджаб) и *ал-Хинд* (Индия) автор Андалузской карты отнес к территории, отведенной сыновьям Хама, то есть к Африке.

Использование этнонимов наряду с топонимами (или вместо них), которое К. Пинто считает нетипичным для исламской картографии, на самом деле очень часто практиковалось исламскими картографами, а также активно использовалось составителями историко-географических текстов. К примеру, на картах мира представителей так называемой «классической школы» арабских географов X в. наименования историко-географических областей (Хорасан, Табаристан, Хорезм, Фарс и др.) и стран (ар-Рум/Византия, ас-Син/Китай и др.) соседствуют с многочисленными этнонимами (русы, буртасы, хазары, болгары, славяне, печенеги, гузы, кимаки и др.). Последние фактически выступают в роли этнопонимов, так как обозначают не только народ, но и занимаемую им территорию.

Таким образом, анонимный автор Андалузской карты, заимствовал из европейской традиции лишь форму Т-О, которую он наполнил географическим содержанием, характерным для исламской геокартографии.

Е.Л. Конявская
д.ф.н, г.н.с. ИРИ РАН

Духовные и нравственные ценности в княжеских завещаниях XV века

Княжеские духовные грамоты с точки зрения состава владений и средств, передаваемых потомкам, использовались в исторических исследованиях многократно. Но эти акты могут быть привлечены для изучения материала, касающегося ментальных установок, жиз-

ненных позиций и ценностей русских правителей. Что оказывается важным в равной степени для всех правителей, а в каких случаях мы встречаемся с яркими проявлениями личности?

В большинстве завещаний князей имеются статьи о передаче на чье-то *попечение* вдовы и детей. При этом такая статья часто сочетается со статьей, где князь поручает сына/детей своей княгине. «Приказываю своего сына своей княгине» зачастую встречается в начале акта. В завершении же грамоты читается: «А приказываю своему брату старейшому, жаловати и печаловатися моим сыномъ и моею княгинею, и моими детми». В последнем случае, как правило, речь идет о близком и довольно могущественном родственнике. Очевидно, первый тип статьи следует расценивать как поручение вдове гарантировать соблюдение порядка и норм, установленных для детей внутри семьи. На «старейших братьев» же (порой не братьев в родственном смысле) налагались обязательства покровительства, помощи и защиты от сложностей и угроз «внешнего» характера.

Василий Дмитриевич в своем первом завещании 1406–1407 гг. заботу и попечение о княгине и сыне «покладает» на Бога, своего двоюродного дядю Владимира Андреевича и братьев Андрея и Петра, добавляя, что они должны ими «печаловатися» «по докончанию».

К моменту составления второго и третьего завещаний Василия I Владимира Андреевича уже не было в живых. Печаловаться о княгине и детях Василий теперь приказывает «своему брату и тистю, великому князю Витовту», который обещал ему такое попечение («ми рекль»). Перечислены и младшие братья с прибавлением по сравнению с первым завещанием тех, которые достигли теперь совершеннолетия.

Владимир Андреевич, на которого надеялся Василий Дмитриевич в первом завещании, в своей духовной поручает и княгиню, и детей Василию Дмитриевичу, которого называет «братом старейшим» — как князя великого.

Завещание Юрия Дмитриевича Звенигородского вовсе не содержит подобных норм. Княгини его уже не было в живых. При составлении завещания Юрий находился в сложном положении, выбор такого рода «гарантов» был невелик, и литовский князь Свидригайло, переживавший не лучшие периоды своей политической карьеры, едва ли мог подойти на такую роль.

Василий II «печалование» княгиней и детьми возлагает на «брата своего» короля польского и великого князя литовского Казимира.

Завещания второй половины XV в. носят несколько иной характер, составившие их князья, не столь влиятельны, как те, о кото-

рых шла речь выше (за исключением, конечно, Ивана III). Кроме того, многие из них к моменту написания духовной были вдовцами либо не были женаты, не имели детей.

В полной форме статья о печаловании (с поручением Ивану III и его сыну членов своей семьи) содержится в завещании Бориса Васильевича Волоцкого (1477 г.). Федор же Борисович Волоцкий писал завещание не перед кончиной, а перед походом на Казань (1506 г.), осознавая возможность своей смерти на поле брани. С этим, видимо, связано, нетривиальное преломление формулы: «А приказываю своему г(о)д(у)д(а)рю, великому князю Васил(ь)ю Иванович(ю) всеа Рус(и), свою д(у)шу, как ему Б(о)гъ положит на сердци, жаловал(и) и печаловатис(а) мою кн(а)г(и)нию, и дать Б(о)гъ, оу моеи кн(а)г(и)ни с(ы)нь или до ч(ь) буде т» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 37). Возможно, у не так давно женившегося князя и его супруги были основания надеяться на скорое прибавление в семье? Правда, следующая статья рассматривала и самый пессимистический вариант: «А не буде т от моеи кн(а)г(и)ни ѿрода...».

К категории нравственных и духовных ценностей должны быть отнесены и высказывания, касающиеся вкладов по душе – непосредственно в монастыри или *наказ о «душе»* членам семьи, старшему брату. Такого рода статьи есть в первой духовной Василия Дмитриевича, в завещании Владимира Андреевича и в др.

В целом ряде завещаний со стороны князя есть *признание вины*, а, стало быть, раскаянье и желание ее искупить. Борис Волоцкий признает, что «поотоимал» «в своеи винѣ» села у Федора Полева и его сына, у Андрея Еропкина и у Ивана Бибикова, и возвращает им села, а княгиня и сын не могут в них впредь вступаться.

Михаил Верейский пишет, что взял «въ своеи винѣ» у Ивана Селиверстова «отца его куплю», а затем вернул взятое. В момент написания завещания он надеется, что «господин князь великий» в эти земли не будет вступаться, не положит тем самым грех на его душу. Отдельно он распоряжается относительно взятых у того же Ивашки «робы» Федоски с детьми и холопа Гридки Онаньина с женой и детьми: они идут на свободу с отпускными грамотами.

Искупает пожалованием вину перед племянницей Иван Борисович Рузский, который «истерял» ее приданное.

Определенным образом характеризуют системы духовных ценностей правителей и характер упоминаний ими в завещаниях *драгоценных предметов христианского обихода*. «Святости» часто передаются по наследству потомкам, но в завещаниях князей им отводится разное место.

В ряде завещаний такие ценности не просто выделены из прочих ценностей, но обозначены в самом начале духовной. Очевидно, что эти князья при передаче потомкам придавали церковным «святыням» большое значение. Это фиксируется в духовных Ивана Борисовича Рузского и Михаила Андреевича Верейского. Последний перечислил такие сакральные предметы в самом начале духовной. Повидимому, Ивану III это показалось слишком эксцентричным, и в правленном по его приказу варианте статья перенесена ближе к концу акта, а церковные святыни объединены с другой ценной рухлядью — кружевом кожушным, одеялами и проч.

Выявленные феномены в завещаниях представляются важными для изучения особенностей ментальности составителей актов. Закрепляясь в известной степени в традиции, они обнаруживают существенные вариации в духовных того или иного князя, они могут быть учтены в просопографических исследованиях, создании политических портретов и в других исторических штудиях.

*А.Л. Корзинин
д.и.н., г.н.с. РАНХиГС, в.н.с. СПбГУ*

К вопросу о датировке свадьбы Ивана Грозного и А.Г. Васильчиковой в 1574/1575 г.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00151

Одним из важнейших источников по истории Государева двора в послеопричный период является чин свадьбы Ивана Грозного и его пятой жены Анны Григорьевны Васильчиковой 1574/1575 г. Документ издал в 1900 г. А.А. Васильчиков (*Васильчиков А.А. Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковою // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. Отд. 3. СПб., 1900. С. 1–13*). Н.П. Лихачев отметил при публикации, что «документ представляет приказной подлинник, писанный несколькими разными руками», и что «первые 17 склеек представляют проект чина венчания, последующие заняты списками особ, участвовавших в свадьбе» (Там же. С. 13. Прим. 2). Американский историк Рассел Мартин, напротив, считает, что до нас дошла копия свадебного чина, составленная незадолго до 19 сентября 1624 г., датировав документ на основании филиграни «Кувшин» (*Martin R.E. Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow // Manuscripta. 2006. Vol. 50(1). P. 125–126*).

Чин свадьбы царя Ивана IV и А. Васильчиковой хранится в РГАДА в Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 11. Л. 1–28. В архивной описи документ ошибочно указан В.Н. Шумиловым как «список 1624 г.», поскольку фрагмент данного свадебного чина встречается в выписке из чиновных списков свадеб (1526–1575 гг.), составленной, по мнению Шумилова, незадолго до первой свадьбы царя Михаила Романа 19 сентября 1624 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 3. Л. 9об.–10; Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей. Опись документальных материалов фонда 135 / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1971. С. 91, 118).

Свадьба Ивана Грозного и А.Г. Васильчиковой была сыграна в Александровой слободе, поскольку в источнике упомянут храм Покрова Пречистой Богородицы (ныне Троицкий собор), где новобрачные венчались, расположенный в Слободе (*Васильчиков А.А.* Указ. соч. С. 4, 5; *Яковлева О.А.* Возвышение Годуновых // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1970. С. 277. Прим. 2). В науке возникли разногласия в вопросе о дате бракосочетания царя и Васильчиковой, так как в свадебном чине указан 7083 (1574/1575 г.). Л.М. Сухотин считал, что свадьба имела место в конце декабря 1574 г. либо в январе 1575 г., поскольку на ней присутствовал Р.М. Пивов и М.В. Колычев: первый вернулся из Швеции и прибыл в Александрову слободу 25 декабря 1574 г., а второго царь приказал 30 января 1575 г. отпустить из Слободы на съезд со шведскими уполномоченными (*Сухотин Л.М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1935. С. 57. Прим. 1). На самом деле из Швеции 25 декабря прибыл не Р.М. Пивов, а его племянник В.В. Пивов, на свадьбе не упомянутый, и вернулся он не в Слободу, а в Москву, где находился в то время царь (*Сборник РИО.* Т. 129. СПб., 1910. С. 277). О.А. Яковлева считала, что торжество могло произойти в период между воскресеньем 9 января и четвергом 3 февраля 1575 г., поскольку браки в средневековой Руси совершались по вторникам, четвергам и воскресеньям и в период зимнего мясоеда, начиная с 7 января и заканчивая последним днем перед началом Масленицы, который в 1575 г. выпадал на 3 февраля (*Яковлева О.А.* Указ. соч. С. 277. Прим. 2). Р.Г. Скрынников относил бракосочетание к сентябрю – октябрю 1574 г., так как по церковным правилам не полагалось совершать брак в Рождественский (Филиппов) пост, который продолжался с 15 ноября по 25 декабря (*Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 10. Прим. 26). А.А. Зимин относил свадьбу к январю 1575 г. в связи с тем, что среди приглашенных был М.В. Колычев, отправленный 20 января 1575 г. на шведский рубеж,

где он умер незадолго до 25 мая (*Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 14).

Полагаем, что правы те историки, которые считают, что свадьба была сыграна в январе 1575 г. Маловероятно, чтобы она имела место в сентябре–октябре 1574 г. Известно, что Иван Васильевич находился в Москве в сентябре (царем была выдана ввозная грамота Киселевым на поместье отца в Муромском уезде), 6 и 10 октября 1574 г. – в столице государь повелел составить указную грамоту в Хотунь М.Т. Воейкову и ввозную грамоту З.А. Напольскому на землю в Костромском уезде (Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII вв. Т. 1. М., 1997. № 104. С. 79; № 148. С. 123; 184, С. 152). 17 ноября и 3 декабря 1574 г. в Филиппов пост государь был в Слободе (Там же. № 149. С. 123–124; РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 163 об.). 12, 23 и 27 декабря Иван Грозный присутствовал в Москве (Там же. Т. 4. М., 2008. № 2. С. 5–6; Сборник РИО. Т. 129. С. 277, 278, 279), а уже 29 декабря 1574 г. царь прибыл в Александрову слободу, где лично заседал на переговорах с имперскими дипломатами Г. Вестфалусом и П. Магнусом, а 2 января 1575 г. давал распоряжения членам боярской комиссии (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 166 об.–167, 184–184 об.). 11 января в день отпуска имперских посланников Иван IV провожал их из Александровой слободы (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 189 об.).

На царской свадьбе фигурировал окольный князь Б.Д. Тулупов, который впервые упоминается в чине окольного в Александровой слободе 29 декабря 1574 г. во время переговоров с посланниками из Германской империи (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 164 об., 167). 11 января 1575 г. дипломаты были отпущены из Александровой слободы вместе с Н. Ушаковым (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 189 об.).

Полагаем, что бракосочетание царя с Васильчиковой могло состояться после 11 января (отпуска имперских посланников из Слободы, на котором лично присутствовал царь) до 30 января 1575 г., когда Иван Грозный выслушал прибывших в Слободу шведских послов и отправил М.В. Кольчева из Александровой слободы в Новгород (*Васильчиков А.А.* Указ. соч. С. 12; Сборник РИО. Т. 129. С. 282).

О.А. Яковлева доказала, что свадьбы царевича Ивана Ивановича на Феодосии, дочери М.Т. Петрова-Солового, и Федора Ивановича на И.Ф. Годуновой были сыграны сразу же после бракосочетания Ивана IV и Анны Васильчиковой (*Яковлева О.А.* Указ. соч. С. 276). Полагаем, что свадьбы царских сыновей также имели место в период между 11 и 30 января 1575 года.

К истории нагрудного значка Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско

Небольшой значок в виде круглого щита с изображением Св. Георгия на коне, поражающего копьём дракона, и круговой надписью-девизом по периметру достаточно хорошо известен в отечественной воинской фалеристике. Он принадлежит Обществу русских ветеранов Великой войны (ОРВВВ), основанному группой русских изгнанников в Сан-Франциско в 1924 году и ставшему одной из немногочисленных эмигрантских организаций-долгожителей. Архивные документы, переданные последними членами Общества в Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), позволяют сделать некоторые уточнения к истории этого значка.

Прежде всего к ним относится «памятная записка» генерала Г.Т. Киященко, датированная 18 июля 1926 годв, с детально разработанными предложениями по развитию деятельности ОРВВВ и сплочению его членов. В частности, генерал писал: «Для выражения внешнего признака членов нашего Общества и для скромной наружной связи, может быть, мы согласились бы разработать маленький значок Общества в петлицу. Общество могло бы его готовить и продавать своим членам. Художники у нас найдутся и, вероятно, смогут дать несколько проектов». Интересно, что в протоколе заседания правления от 12 августа 1926 года, когда было выражено одобрение этой инициативе, сама инициатива представлена как касающаяся только регулярных собраний Общества и обмена на них рассказами о минувшей службе и о прочитанных книжных новинках, но не разработки знака Общества, хотя на самом деле и это предложение было сразу подхвачено: уже 25 июля «Вестник» ОРВВВ опубликовал объявление о конкурсе проектов, которые должны были быть представлены в месячный срок (поступило четыре проекта; срок был продлен до 26 сентября 1926 года).

Победил на конкурсе проект, предложенный председателем Общества генералом бароном А.П. фон Будбергом, и ему же, очевидно, принадлежит выбор девиза «И да ведет вас к победе Св[ятой] В[елико]м[у]ч[еник] Георгий» (по старой орфографии), представлявший собою цитату из последнего приказа императора

Николая II. Воинственно звучащий девиз как будто противоречил провозглашенным уставом ОРВВВ задачам: «Общество не преследует никаких политических целей», стремясь лишь к «объединению бывших подданных Российской Империи и участников Великой Войны (Первой мировой. — *А. К.*) с целью материальной и моральной взаимопомощи», «защите гражданских прав каждого члена Общества» и т.п. Однако существовало и негласное соглашение членов ОРВВВ, о чем 26 октября 1924 г. вице-председатель Общества генерал С.М. Изергин писал в канцелярию великого князя Николая Николаевича и в штаб генерала П.Н. Врангеля, только что организационно оформившего Русский общевоинский союз, в который вошло и ОРВВВ: «все члены Общества [—] бывшие военнослужащие считаются состоящими в Армии и должны быть готовы по первому призыву бывшего своего Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича стать в ряды руководимой им Армии»; в таком контексте девиз оказывается намного более оправданным. Уточнял Изергин и категории лиц, имевших право на вступление в члены ОРВВВ помимо участников Мировой войны: «Борьба с большевиками, как руководимыми и поддержанными немцами, рассматривается Обществом как продолжение Великой Войны».

Первоначально выражалось пожелание «иметь значок из серебра с выпуклым изображением Георгия Победоносца на фоне оксидированного серебра (так. — *А. К.*). Ободок д[олжен] б[ыть] золотой с буквами черной эмали»; на деле исполнение знака было упрощено, и в сохранившихся экземплярах он изготовлен из недорогих металлов, а «ободок» с надписью стал черным. Также были специально разработаны и общим собранием 30 ноября 1930 г. приняты «Правила для ношения» значка: «Значок Общества является для каждого члена О[бществ]а внешним отличительным признаком принадлежности к Обществу Русских Ветеранов Великой Войны в Сан Франциско; в нем память о нашем прошлом и напоминание об обязанностях и задачах нашего настоящего и будущего»; «значок Общества может носиться только при состоянии членом Общества Русских Ветеранов Великой Войны», а «при выходе из Общества значок ушедшего члена Общества должен быть возвращен Председателю Общества», причем «постановлением Общего Собрания ушедшему члену Общества может быть сохранено право ношения значка О[бществ]а с сохранением его имени в списках Общества»; «значок Общества носится в прорези (в петлице. — *А. К.*) левого лацкана пиджака»; «на празднике Общества, на панихидах и молебнах официального характера, а

также во всех случаях, когда член Общества является представителем последнего, — ношение значка Общества обязательно». В том же году был «дан аванс на изготовление значков», и в дальнейшем их изготовление и реализация иногда фигурируют в финансовых документах ОРВВВ.

Интересным выглядит требование возврата значка при уходе из ОРВВВ, несколько напоминающее довольно архаичную практику возвращения орденских знаков в капитулы орденов по смерти кавалера (значки скончавшихся членов Общества, впрочем, продолжали сохраняться в их семьях). Как на некую регалию, очевидно, смотрел на свой значок барон Будберг, в завещании, составленном 19 декабря 1944 г., за год до смерти, специально оговаривая: «Значок Общества, как переходной (так. — *А. К.*), передать тому, кто будет избран Председателем».

Помимо обязательного для ношения в «официальных» случаях значка облик членов ОРВВВ со временем стала дополнять принятая в США «ветеранская» темно-синяя пилотка: так, рядом с гробом Будберга «у изголовья и в ногах неподвижно стояли лицом друг к другу члены [ОРВВВ] со значками О[бществ]а в петлицах и с форменными пилотками в руках»; последние, судя по всему, приобретались централизованно, а в отчете правления за 1943 год упоминаются также «тринадцать металлических орлов (для форменных пилоток)». В качестве эмблемы ОРВВВ рисунок значка фигурировал и на обложках «Вестника», и в ряде других случаев.

Созданная вскоре после ОРВВВ аналогичная организация в Лос-Анджелесе приняла для себя похожий значок, только не с черной, а с белой каймой и отличающийся деталями рисунка; в их чеканке два Общества каким-то образом сотрудничали, о чем говорит невнятная фраза в отчете сан-францисского ОРВВВ за 1954 г.: «Обязательства: Деньги ОРВВВ в Лос Анжелес за значки». Иконографический тип Св. Георгия еще требует скрупулезного изучения, но представляется, что для сан-францисского общества он восходит скорее к русской монетной чеканке XVIII в., чем к изображениям в медальонах ордена Св. Георгия (в частности, отличается разворот фигуры — «влево от зрителя»), с дополнением крестом в навершии копья, а для лос-анджелесского — к западной живописи или к нагрудному знаку лейб-гвардии Московского полка образца 1911 г., что особенно проявляется в расположении и форме крыльев дракона.

Гербы на празднике встречи французской принцессы в Венеции: загадка рукописи bnf. ms. fr. 90

В августе 1502 г. в Венеции состоялась грандиозная встреча французской принцессы Анны де Фуа-Кандаль и ее приближенных. Она направлялась в Венгрию, где ей предстояло вступить в брак с королем Владиславом II. Французская королева Анна Бретонская, приехавшая к ней кузиной, отправила вместе с ней своего гербового короля «Бретань» по имени Пьер Шок и повелела ему описать подробности их путешествия и оказываемые принцессе почести, соответствующие ее рангу. Он повсюду сопровождает Анну де Фуа, но не забывает и о своей официальной миссии. Рассказ герольда об этом путешествии от границ Франции до Венгрии сохранился в трех рукописях разной степени полноты: BNF. Ms. fr. 90, BNF. Ms. fr. 22330 и BL Stowe 584.

В первом из упомянутых манускриптов содержится весьма любопытный геральдический материал. Рукопись состоит из двух частей и семи листов (части сшиты в кодекс в обратном порядке: сначала идет вторая часть, потом первая). Первая содержит описание путешествия королевской процессии до Венеции и пребывания там, вторая — от Венеции до Буды. Венецианскую часть герольд завершает за три дня до отъезда из города, а продолжение записывает через несколько месяцев после окончания всех свадебных торжеств. Пьер Шок начинает реляцию с первой точки после границы Франции (на тот момент) — с города Крема, далее рассказывает о встрече делегации в Брешиа, Вероне, Виченце, Падуе и, наконец, о самом торжественном приеме в Венеции.

Анну де Фуа со свитой выехал встречать дож с многочисленными приближенными на церемониальном корабле Бучинторо. Самой зрелищной частью приема французской принцессы были театрализованные представления и живые картины. Образы появлялись уже в самом начале встречи Анны де Фуа. Вокруг Бучинторо, на котором она перемещалась вместе с дожем и придворными, максимально близко к нему, как сообщает герольд, шли двенадцать кораблей, на которых разворачивались театрализованные действия. Так, на первом из них был представлен некий бог любви, указывающий перстом на Анну и призывающий «Влюбляйтесь!». Около него были дамы и ученые с книгами, каждый из которых утверждал, что «нет жизни без любви» и находил подтверждение этому в книгах. На од-

ной из бригантин были три королевы с мечами, символизировавшие Францию, Венгрию и Венецию, побивающие трех человек, переодетых турками и т.п.

Гербовый король отмечает гербы везде, где их видит. Он вносит в текст блазоны, а некоторые гербы ему удается зарисовать. На трех листах первой части реляции содержатся изображения 112 гербов (ff. 5–7). Большинство из них относятся к капитанам и подеста итальянских городов, а также знати, встречающей гостей. Но наибольший интерес вызывают 11 гербов на третьем листе (f. 7), сопутствующие героям театрализованных сцен — «живых картин», представляемых на галерах, плывущих рядом с Бучинторо. Известно, что в Средневековье герои литературных произведений и другие вымышленные персонажи наделялись гербами, однако остается не вполне понятным, зачем они были нужны в данном случае. Можно ли их отнести к так называемой воображаемой геральдике?

Эти гербы вызывают множество вопросов. Описывая прочие гербы венецианской знати и самого дожа, в том же ряду, ничем их не выделяя, рассказывает автор и о гербах, сопутствующих переодетым и загримированным персонажам. На первый взгляд, они представляются вполне обыденными и не содержат каких-то особенностей или неожиданностей. Можно было бы предположить, что они указывали на благородное семейство, которому принадлежала та или иная галера. Принося оммаж принцессе, члены семьи таким образом указывали на себя. Также они могли оплатить или принять участие в подготовке данной театральной сценки. Однако некоторые гербы, прочитанные вместе с текстом, позволяют усомниться в их реальности. На одной из барок было множество женщин, переодетых мавританками, во главе с королевой, которая склонялась перед коронованной дамой во французском платье. Их гербом значилась в серебряном поле чёрная голова мавра в золотой короне. На соседнем судне была похожая сцена с мужчинами, чьи гербовые знамена были золотыми, усеянными чёрными головами маврских королев в золотых коронах с волосами того же металла.

Попытка идентификации этого геральдического материала пока не увенчалась успехом. В венецианских гербовниках обнаруживаются похожие гербы, в которых не совпадает какой-то элемент. К примеру, один из одиннадцати гербов на этом листе рукописи — в серебряном поле чёрный прямой крест с четырьмя орлами того же цвета в четвертях — практически полностью соответствует гербу рода Гонзага за исключением цвета креста (червлёный). Возникает вопрос, не могли ли изучаемые гербы быть своеобразными «гласными» изобразительными девизами, указывающими на фамилию

знатного рода? Настоящий герб, к примеру, семейства Моро не содержит голов мавров, а Барбаро — лика св. Варвары. Однако согласно практике создания гербов «по случаю», подобные изображения нередко появлялись ради большого торжества или события, к которым можно отнести прием французской принцессы и королевской делегации. Все эти гипотезы планируется обсудить на предстоящем докладе в рамках конференции.

А.В. Кузьмин
к.и.н., с.н.с. НИЛ ШАГИ ИОН, ИРИ РАН

Социальная мобильность и генеалогия рода брянских и любутских бояр Жиневых в XV – середине XVI века

Летом 1445 г. в битве на Суходреве некий Жинев был воеводой детей боярских двора князя Василия Ярославича. Несмотря на подробный рассказ об этом, Воскресенская летопись не упоминает Жинева ни по имени, ни по фамилии. Сокращенная версия об этом событии в Симеоновской летописи, наоборот, знает его фамилию. Чем же было вызвано такое небрежение к Жиневу со стороны летописцев Северо-Восточной Руси?

Ответить на этот вопрос довольно непросто. Происхождение Жинева не выяснено и нуждается в изучении. Его фамилия происходит от прозвища Жиня (уменьшительное — Жинька). Жиневы ни разу не названы во внелетописных источниках XVI–XVII вв. разных регионов Северо-Восточной Руси. Это указывает, что сведения о них следует искать за ее пределами.

Зная историю создания Боровско-Серпуховского удела, можно предположить, что Жинев происходил из числа бояр Поочья. Часть их ранее должна была служить князю Владимиру Андреевичу Храброму и его детям. В пользу этой версии есть два важных обстоятельства: во-первых, участие в битве на Суходреве потомка тарусско-оболенских князей — Ивана Конинского, а, во-вторых, — сведения актов Литовской Метрики (*далее* — ЛМ) о ближайших потомках его участников. Хронологически они относятся к концу XV – первой половине XVI века.

Благодаря 3-й книге записей ЛМ, можно узнать имя воеводы. 2 ноября 1450 г. в Вильно среди брянцев пожалование дали «Васку Жиневу». После завершения войны 1444–1445 г., когда Козельск и Любуцк со своими землями отошли к ВКЛ, а не из-за ареста 10 июля 1456 г. в Москве князя Василия Ярославича, Жинев мог

принять решение не возвращаться на службу в удел. Кроме того, во 2-й половине 1446 г. как повод он мог использовать пребывание в ВКЛ своего сюзерена. Казимир IV Ягеллончик «даль» князю Василию Ярославичу «Дебрянеськ в вотчину, да Гомеи да Стародубь да Мстиславль, и иные многие мѣста»; последний стал раздавать их московским князьям-эмигрантам, своим боярам и слугам. В связи с этим Жинев получил возможность здесь остаться.

В конце XV в. Григорий и Иван Жиневы были королевскими дворянами. Первый из них успел получить уряд брянского казначея. По-видимому, оба брата были детьми В. Жинева.

7 августа 1488 г. в Новом Месте за службу Григорию было дано «10 копь грошей з мыта и с корчмы браньское». В 1499 г. по приказу Александра Ягеллончика он разбирал дело о разделе Трубчевска на доли между потомками князя Дмитрия Ольгердовича.

Пожалования в пользу И. Жинева известны с 1494 г. Развивая наблюдения А. Бонецкого, М.К. Любавский обратил внимание, что в это время Жиневы входили в круг видных бояр, которые по очереди получали уряды и кормления в Брянском княжении. Они же первыми претендовали на увеличение числа своих владений за счет прибавки к ним вымороченных имений.

9 сентября 1494 г. в Берестье от имени Александра Ягеллончика был составлен документ. В нем излагалось прошение Ивана. Он «просиль въ насъ сельца въ Любоцкомъ повѣтъ, на имя Ливы». Имение было «пусто, а наслѣдка въ него никакого нѣтъ». Опираясь на сведения Жинева, правитель ВКЛ просил пана Немира Якубовича разобраться в этом вопросе. Если информация о вымороченном статусе владения подтвердится, то наместник Мценска и Любуцка должен был ввести Ивана в сельцо. По мнению А. Бонецкого, он умер до 1505 г.

После этого Анна, вдова И.В. Жинева, вскоре вышла замуж за пана Льва Боговитиновича, брата видного дипломата и писаря ВКЛ пана Михаила Богуша. Последний женился на княжне Ф.А. Сангушко. По женской линии она была племянницей литовского гетмана князя К.И. Острожского.

Такие связи позволяли родственникам влиятельного писаря действовать достаточно уверенно. В 1532 г. Анна, жена Льва Боговитиновича, судилась со своим сыном И.И. Жиневым. Из помянника пана Михаила Богуша ее имя попало в синодик Слуцкого Троицкого монастыря.

В актах ЛМ Жиневы также известны как любуцкие бояре. Благодаря этому наблюдению М.К. Любавского можно подтвердить, что во второй половине XV в. служба связывала Жиневых не только с

Подесеньем, но и Поочьем. В 1445 г. в последнем служил Василий, как воевода князя Василия Ярославича. В 1427–1456 гг. (с перерывами) Любуцк входил в состав его удела. Поэтому служба здесь местных бояр Жиневых весьма логична.

Не обратив внимания на ряд сведений ЛМ и наблюдения М.К. Любавского о Жиневых, М.М. Кром неточно назвал их всего лишь брянскими боярами. Исследователь, верно, включил Жиневых в число лиц, которые в 1500–1503 гг. после перехода волостей Левобережного Поднепровья в состав России сохранили свои клятвы верности Ягеллонам. Опираясь на данные 8-й и 17-й книг ЛМ, он установил, что вместо утраченных владений И. Жинев получил двор в Волковскийске. М.М. Кром считает, что боярин умер до 1508 г. Однако с этим сложно согласиться.

С Жиневым связан привилей от 23 июня 1508 г. Можно выяснить, что бояре В. Тризна, его младший брат В.К. Рязанец и И. Жинев после того, как «отчизну ихъ неприятель нашъ, великій князь Московскій, забралъ и посѣлъ у во Бранску», действительно покинули Подесенье. Александр Ягеллончик, «покуль бы отчины ихъ зъ рукъ неприятельскихъ не вынялъ», дал им в Волковскийском повете по третям двор Полонки, его земли и угодья. Позднее бояре получили еще ряд пожалований. Так, например, в XVI в. одним из центров своих владений Тризны сделали имение Бытень под Новогрудком. Поэтому можно думать, что И.В. Жинев умер не до, а после 1508 г.

В 1532–1533 гг. еще были живы Анна, вдова И.В. Жинева, их сын Иван. В 1528 г. он упомянут в общем реестре служилых людей ВКЛ. Одним из первых в статье «*Реистръ бояр волковыскихъ. Каждый боярин менованъ есть на колку конехъ мають служити*» записан «Ивань Жиневичъ 3 кони». Это «соответствовало примерно 54 волокам». Такой размер земли обычно был у служилых людей средней руки.

В начале XVI в. в Понеманье новые лица успешно влились в местную служилую среду. И.И. Жинев разделил свои владения между сыновьями. Каждый из них получил от отца примерно по 18 волок. Согласно статье «Хоруговь Волькововская» переписи войска ВКЛ, 25 августа 1565 г. Ярош, Иван и Александр выставляли по одному коню.

В связи с процессом интеграции следует отметить, что Жиневы и их земляки позднее поддерживали друг с другом отношения. Обосновавшись также в других поветах ВКЛ, они заключали между собой новые браки.

9 февраля 1576 г. в гродские книги Владимирского повета был переписан отступной лист М. Тризнянки, жены землянина Ж. Кол-

лонтаева. По акту, написанному ранее «на Ро(с)и у дво(р)цы Во(л)чко(в)ско(м)», она добровольно уступала имение Низкиничичи своему сыну от первого брака землянину «зє(м)ли Во(л)н)ское повѣту Воло(ди)мє(р)ско(г)[о]» Григорию. Когда-то оно принадлежало ее первому (покойному) мужу пану Гневашу Киселю.

Свидетелями сделки стали «добре сведоми люди за(ц)ные земьяне г(с)дрьскиє повѣту Во(л)ковы(и)ско(г)[о]». Среди них были «па(н) Я(н) Лвови(ч), земени(н) г(с)дрьски(и) повѣту Вилє(н)ского, а па(н) Ива(н) Иванови(ч) Жинє(в), а па(н) Ива(н) Васи(л)єви(ч) Три(з)на, а па(н) Каспо(р) А(н)дрєєви(ч) Во(л)н)цєви(ч)». Этот пан — второй сын И.И. Жинева, внук Ивана и Анны Жиневых.

*А.В. Кузьмин
к. ф.-м. н., н.с. ИИЕТ РАН*

Об одном из следствий особенностей университетского образования в Европе XVI века (к истории утверждения гелиоцентризма)

Принято считать установленным, что Н. Коперник родился в Торуни на Висле 19 февраля 1473 г. При утверждении этого факта принято ссылаться на рукопись краткого биографического исследования в форме гороскопа, посвящённого Н. Копернику, датированную 1540–1541 г. (Баварская Национальная Библиотека: BSB MS Clm 27003).

Платон, рассматривая «Космос», «общество» и «человека» пришёл к заключению что и человек, и Космос и общество имеют трёхуровневую структуру и состоят из «ума», «души» и «тела». Таким образом была утверждена античная идея подобия человека общества и Космоса. В эпоху Возрождения состоялся последний всплеск реализации такого подхода к познанию реальности выразившийся в чрезвычайной популярности астрологических знаний и их использовании, в том числе, в исследованиях качеств человеческой личности.

Л.И. Тананаева, рассуждая об истоках светского портрета, приводит интересный тезис, согласно которому: «наиболее проникновенные, психологически-сложные, воссоздающую реальную противоречивость человеческого характера портреты приводят <...> на память — именно способом постижения человеческой натуры — и характерный вид тогдашней “научно-популярной” продукции: гороскопы. Эти специфические образцы литературного и научного,

по тогдашним критериям, сочинения имели своей целью анализ человеческого характеров, интерпретируя его через посредство сложных аналогий-противоположностей с миром звёздных знаков, планет, их положения и т.п.» (*Тананаева Л.И.* Рудольфинцы. М., 1996. С. 48).

И.Н. Веселовский и Ю.А. Белый предполагали, что автором названного выше гороскопа Н. Коперника был Иоганн Шонер (1477–1547), нюрнбергский математик и астроном, мотивируя это тем, что Шонер — учитель Ретика, и именно Ретик (в результате его усилий, был издан главный астрономический труд Коперника), должен был непременно узнать точную дату рождения своего кумира. Этот тезис представляется весьма сомнительным, поскольку как Ретик, так и Шонер, представлявшие личность и астрономические труды Коперника только и только в позитивном ключе не могли назвать его «лицемером, еретиком, великим обманщиком, лжепрорицателем и мистификатором». Кроме того, автором гороскопа скорее всего выступил бы не Шонер, а сам Ретик, который безоговорочно верил в принятые в XVI в. астрологические принципы.

Тем не менее, многие сопутствующие факты указывают на то, что дата рождения Коперника исходит именно от Ретика, а также на то, что этот гороскоп не был единственным. Заметим, что по крайней мере в 1539 году Ретику дата рождения Коперника, по видимому, ещё не была известна, поскольку в «Первом повествовании» Ретик сообщает только один факт, согласно которому, в 1500 году Копернику «было около 27 лет от роду». Названный выше краткий биографический очерк в форме гороскопа (точнее — всего лишь его достаточно небрежная копия) был создан с определённой целью.

В XVI в. «гороскоп» — это, как правило, небольшое психолого-биографическое исследование, апеллирующее к создаваемой по определённым математическим правилам графической модели неба, которая фиксирует геометрические свойства уникального момента: конъюнкцию свойств и следствий движений кругов неба и положений планет относительно горизонта, которая может быть наблюдаема (а при необходимости — реконструирована) в точке рождения, в момент рождения человека. Не вполне ясно, почему во время «серебряного века астрологии» чуть более 200 лет — примерно: с середины XV до середины XVII в. астрологи использовали столь странный и достаточно неудобный способ проекции (в форме квадрата) неба. Представляется логичнее вписывать «границы домов» в пределы знаков Зодиака, как в более универсальную осново-

составляющую систему, а не наоборот, как это было принято в астрологических методиках раннего Нового времени.

Возможные варианты даты и времени рождения Коперника сохранили именно авторы нескольких незначительно отличающихся гороскопов некоторые из которых, были включены в один из наиболее выдающихся учебников астрологии XVI в.: «Зеркало астрологии» Ф. Джунтини (*Giuntini F. Speculum astrologiae: universam mathematicam scientiam, in ceras classes digestam, complectens...* Lugduni: Beraud, 1581). Кроме того, именно в этом издании, в краткой биографической справке, сопровождающей описание гороскопа, Коперник впервые в печатном издании назван «величайшим астрономом всех времён» (*Giuntini F.*, указ. соч. Р. 550).

Многие астрономы и астрологи (для XVI в. разделение учёных на математиков, астрономов и астрологов весьма условно), хорошо ощущали назревающий кризис астрологического знания и в числе неудач (несбывшихся прогнозов) чаще всего указывали на несовершенство эфемерид (таблиц положений планет) и отсутствие или утрату (как части античного наследия) неких «фундаментальных принципов».

Когда идеи Коперника стали чрезвычайно популярны (начиная с 30-х годов XVI в.) представители астрологического цеха, которые пытались спасти свою дисциплину, использовали имя Коперника в рекламе тех или иных новых таблиц положений планет, которые они использовали при составлении гороскопов, тогда как многие ведущие астрономы (в их числе был П. Апиан) действительно почувствовали себя буквально оскорблёнными, поскольку основа их главных достижений буквально рушилась в случае принятия новой коперниканской теории.

«Мюнхенский» гороскоп, в котором обозначена принятая в современной историографии дата рождения Коперника, возник как ответ (на основании той же даты рождения с несколько изменённым временем чтобы было естественнее обосновать неприемлемость гелиоцентрической теории), на несколько более ранний гороскоп, характеризовавший и Коперника, и его гелиоцентрическую систему исключительно с положительной стороны. К сожалению, нельзя исключить, что дата рождения предполагаемого первого (не дошедшего до наших дней) гороскопа, принадлежащего перу Ретика (или Шонера), возникла из достаточно произвольной реконструкции, к истинной дате рождения Коперника имеющая отношение весьма опосредованное.

Гербы братьев дю Белле

Выдающиеся представители семьи дю Белле — четыре брата Гийом, Жан, Мартен и Рене — служили французскому королю Франциску I (1494–1547) и сделали при его дворе блестящие карьеры. Однако только в последние годы стал расти интерес исследователей к истории этой семьи (*Bourquin L. Les Du Bellay avant Du Bellay // Le cardinal Jean du Bellay: Diplomatie et culture dans l'Europe de la Renaissance / Sous la dir. de C. Michon et L. Petris. Tours, 2013. P. 21–31*). Стали изучаться отношения внутри этой семьи и истории возвышения ее представителей до уровня высшей аристократии. Исследуются их исторические и литературные произведения, их обширная переписка, их рукописи, их «библиотеки» и их коллекции. А также их обширные связи со знаменитыми учеными Франции, Германии и Италии, среди которых были Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле и Пьер Понсар (*Correspondance du cardinal Jean du Bellay / Éd. par R. Scheurer, L. Petris et D. Amherdt avec la collaboration de N. Guillod. T. IV: 1547–1548. Paris, 2011; Le cardinal Jean du Bellay: Diplomatie et culture dans l'Europe de la Renaissance / Sous la dir. de C. Michon et L. Petris. Tours, 2013*).

Однако, такой важный элемент аристократической культуры первой половины – середины XVI в. как их гербы до сих пор был практически не был исследован, что провоцировало тиражирование целого ряда ошибок в историографии. Между тем, определение личных гербов каждого из братьев позволяет атрибутировать и датировать их рукописи, книги, письма и печати.

Считалось, что все братья имели простой семейный герб дю Белле (*Le Corvaisier de Courteilles A. Histoire des evesques du Mans, et de ce qui s'est passé de plus memorable dans le diocese pendant leur pontificat. Paris, 1648. P. 826; Colomb J., Guyard de La Fosse J.-B. Histoire des évêques du Mans, par un ancien bénédictin de Saint-Maur [dom Jean Colomb], continuée jusqu'à nos jours et accompagnée de notes. Au Mans, 1837. P. 324; Bourrilly V.-L. Guillaume du Bellay, seigneur de Langey, 1491–1543. Paris, 1905. P. 6, n. 1; Etienne Pattou, 2015: [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://racineshistoire.free.fr/LGN/PDF/du_Bellay.pdf (дата обращения 20.12.2023). Описание «простого» родового герба дю Белле следующее: «в серебряном поле красная ромбовая перевязь, сопровождаемая сверху и внизу синими геральдическими лилиями (3, 3)».*

До сих пор считалось, что только один брат — епископ Ле-Мана Рене дю Белле — имел «сложный» четверочастный герб со следующим блазоном: «четверочастный, в 1-й и 4-й четвертях — в серебряном поле красная ромбовая перевязь, сопровождаемая вверху и внизу синими геральдическими лилиями (3, 3); во 2-й и 3-й четвертях — в синем поле, усеянном золотыми лилиями, восстающий золотой лев в красной короне и с языком того же цвета, поверх всего щиток — в серебряном поле с красной главой восстающий двуххвостый синий лев». Мной было установлено, что все четыре старших брата дю Белле имели одинаковые «сложные» четверочастные гербы. Кроме того, судя по аутентичным изображениям, их гербы отличались друг от друга различными атрибутами, соответствующими их занятиям и этапам их карьер.

Судя по публикации в журнале *Gazette des beaux-arts* XIX в., отразившей по гравюре XVII в. изначальный вид гробницы старшего брата Гийома, его герб отличала лента королевского ордена св. Михаила, кавалером которого он стал в 1541 г. Изображение первого варианта герба второго брата Жана 1534 г. дошло до нас в инкунабуле 1470 г., когда он был архиепископом Парижа. Его герб отличался зеленым галеро с двадцатью кистями и пастырским посохом. Второй герб с 1535 г. уже кардинала Жана, оттиснутый золотом на кожаном переплете его книги 1546 г., отличается геральдическими признаками сана кардинала — галеро с кистями и архиепископским крестом. Герб третьего брата Мартена с 1533 г. имеет корону короля Ивето, а с 1555 г. — еще и орденскую цепь св. Михаила. Четвертый брат Рене, судя по гравюре второй половины XVII в. с изображением его надгробия 1546 г., имел в качестве геральдического атрибута епископский посох, который должен был появиться в гербе с 1535 г. после того, как он стал епископом Ле-Мана. Герб в греческой рукописи РГБ. *Греч.* 150, написанной знаменитым писцом греком-эмигрантом Ангелосом Вергикиосом, не имеет особых атрибутов, следовательно, он принадлежал либо Гийому в период до получения им ордена св. Михаила в 1541 г., либо Рене до получения им сана епископа Ле-Мана в 1535 г.

В следующем поколении герб семьи снова стал «простым», что отразилось в гербе принца Ивето и кавалера королевских орденов — рыцаря ордена св. Михаила и ордена Святого Духа — Мартена III дю Белле (1571–1637). Его герб находится на л. 26 рукописи *VnF. Français* 8204 в роскошном гербовнике 1610–1621 годов.

Археографическое наследие А.Н. Сперанского: сопоставляя архивное с опубликованным

В Архиве Российской Академии наук хранится фонд Александра Николаевича Сперанского (1891–1943) — историка, педагога, специалиста в области истории государственных учреждений, вспомогательных исторических дисциплин, истории социально-экономического и политического развития Русского государства в XVII в., основателя и первого заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института.

Одним из примеров его археографической работы стал сборник «История форм труда в Русском государстве в первой половине XVII века», опубликованный Н.Ф. Демидовой, ученицей А.Н. Сперанского и Н.В. Устюгова (История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века: Материалы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского Государства / Сост. А.Н. Сперанский [и др.], предисл. Н.Ф. Демидовой. М., 1988). Пожалуй, это была единственная объёмная документальная публикация, подготовленная А.Н. Сперанским совместно с бригадой научных сотрудников Московской группы Историко-археографического института АН СССР, а после его преобразования в 1936 г. — Института Истории АН СССР.

Задача настоящего исследования — реконструкция археографической методики А.Н. Сперанского через анализ и сопоставление введения к сборнику с сохранившимися в архиве подготовительными материалами.

Документы, касающиеся введения к сборнику «История форм труда...», отложились в фонде в виде дела № 8 (АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 8), состав которого следующий: две тетради с рукописями А.Н. Сперанского, черновой машинописный вариант археографического введения, «отдельные листы», рукописный вариант введения Б.Д. Грекова, материалы для вступительной статьи и археографического введения, машинописный лист с пометками Н.В. Устюгова, принципы передачи текстов документов.

Стоит вначале сказать об «отдельных листах» (АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 8. Л. 36, 48, 50, 54–56), характер которых нами был установлен. Термин фигурирует в названии дела, но взят нами в скобки. Из-за неправильного расположения листов в деле нарушается его целостность, «отдельные листы» сами являются дополнениями

или же недостающими страницами других архивных документов. Их отделение и хаотичное расположение привело к беспорядочности внутри дела.

На основе проведённого сравнительного анализа, можно сказать, что из всех подготовительных набросков в финальный опубликованный в 1988 г. текст введения был включен материал, представляющий собой компиляцию тетрадных записей и машинописных листов с рукописными пометками как самого А.Н. Сперанского, так и других авторов (в частности, Н.В. Устюгова).

Наряду с автографами А.Н. Сперанского в деле имеются листы, написанные другими почерками. В ходе исследования удалось идентифицировать авторство ряда записей, они принадлежат Б.Д. Грекову, почерк которого был нами опознан путём палеографического сопоставления с его письмами А.Н. Сперанскому (АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 88).

Привлекая архивные источники для сравнительного анализа с опубликованным в 1988 г. введением к сборнику, удаётся проследить этапы работы, отметить сюжеты, связанные с редактурой черновых вариантов. Правки А.Н. Сперанского носят преимущественно механический характер — вычёркивание не нужных, по мнению составителя сборника, частей введения, исправление написания слов, их согласование между собой, расположение в предложении и т.д. Часть введения в сборнике 1988 г. приведена по присутствующим в фонде Н.В. Устюгова записям (АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Д. 41).

В опубликованной версии 1988 г. предисловие состоит из вступления Н.Ф. Демидовой и введения от составителей (А.Н. Сперанский, Н.В. Устюгов), разделённого на условные историческую и археографическую составляющие. Историческая часть предисловия содержит обоснование выбранной авторами проблематики, анализ историографии по теме, обзор источниковой базы, принципы отбора документов для сборника и т.д. При наличии в архивном деле выписок, заметок о принципах передачи текстов документов, археографическая составляющая в опубликованном варианте почти полностью отсутствует, все ограничиваются ссылкой на «Правила издания документов XVI–XVII вв.» (Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 315–331) и примечанием Н.Ф. Демидовой об использовании «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

Между тем в документах архивного фонда А.Н. Сперанского содержатся записи, подробно фиксирующие публикаторские приемы, но они в публикацию 1988 г. не вошли. К ним в первую очередь относятся три отдельных машинописных листа с принципами пере-

дачи текстов документов — составление заголовков, передача основного текста, подписей и надписей, легенд. Помимо этого, близкие по содержанию записи имелись на последних страницах машинописного варианта введения и в рукописи Б.Д. Грекова (АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 8. Л. 32–34, 41, 51–53).

Таким образом, анализ приёмов передачи текстов документов на материале первоначальных редакций сборника «История форм труда...», важен не только для составления портрета А.Н. Сперанского как археографа, но и для формирования представления о советской археографии 1930-х гг., ее методике и практике.

М.Л. Лавренченко
к.и.н., н.с. ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Диалог Святослава Ольговича с киевлянами в статье 1146 г. Киевского и Московского летописных сводов: сравнительный аспект

Известно, что Московский летописный свод конца XV в. по Уваровскому и Эрмитажному спискам и Киевский свод XII в. по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам содержат целый ряд общих известий. Эти тексты формировались в совершенно разных исторических условиях: Московский летописный свод был составлен на основании нескольких источников как целостное произведение в конце XV в., в то время как Киевская летопись как свод была завершена в конце XII в. Последующие авторы взяли ее за основу и продолжили повествование известиями о событиях Юго-Западной Руси — так появилась Галицко-Волынская летопись (Хроника Романовичей), чей текст был завершён в конце XIII в. На этом основная работа над сводом Ипатьевской летописи была доведена до конца. Ее текст лишь переписывался в XV в., что, хотя и не исключает редактуру, предполагает значительно меньшее вторжение в его структуру, чем при формировании нового произведения на основании более древних, как это было с Московским сводом конца XV в. Исследователи неоднократно отмечали схожесть киевского источника этих двух летописей (*Шахматов А.А.* Обзорение летописных сводов XIV–XVI вв. М; Л., 1938. С. 275–281; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 279–294; *Приселков М.Д.* История русского летописания. СПб., 1996. С. 253), при этом налицо не только значительные сокращения текста в Московском своде (по сравнению с Киевской

летописью), но и наличие в нем некоторых исправных чтений (*Насонов А.Н.* Указ. Соч. С. 288–291). Наиболее интересны для сравнения этих двух летописей диалоги светских лиц, которые в Киевской летописи составляют отдельный пласт с языковой точки зрения (*Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М., 2008), а само их наличие свидетельствует о стремлении автора к детализации.

Самый известный случай различий в прямой речи светских лиц Киевской летописи и Московского свода содержится в статье 6654 (1146) г. — это диалоги киевлян и Святослава Ольговича, действовавшего в интересах своего брата Игоря, десигнированного на киевский трон предыдущим правителем, Всеволодом Ольговичем (Там же. С. 289–290). В Киевской летописи предложение киевлян Святославу Ольговичу в процессе переговоров звучит следующим образом: «...Нынѣ, княже Святославе, цѣлоуи намъ хрьсть и за братомъ своимъ, аще комоу насъ боудеть обида — да ты прави» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321–322). Московский летописный свод 1479 г. представляет его иначе: «...Нынѣ, княже Святославе, цѣлоуи къ намъ крестъ и за брата своего, аще кому до насъ будетъ какое дѣло — да сами насъ судите» (Там же. Т. 25. С. 37).

Финальное обещание Игоря Ольговича киевлянам показано в Киевской летописи довольно лаконично: «Святославъ... рече: “Брате, на томъ азъ цѣловаль к нимъ хрьсть, оже ти я имѣти въ правдоу и любити”» (Там же. Т. 2. Стб. 322). Московский свод приводит значительно более пространную реплику: «Святославъ... рече: “азъ, брате, цѣловаль крестъ на томъ кыяномъ, яко быти тебѣ княземъ въ правду, а людемъ, кому до кого будетъ обида, ино ти ихъ судити въ правду самому или мнѣ, а тиуномъ ихъ не судити, ни продавати. А что были тивуни брата нашего, Ратьша и Тудоръ, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати къ суду урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати”» (Там же. Т. 25. С. 37).

Выражения «быти в обиде», «имѣти въ правдоу», «приятти в любовь» чрезвычайно характерны для Киевской летописи. «Быти в обиде» обозначало военную или политическую причину, приведшую к конфликту (Там же. Т. 2. Стб. 408, 420, 656; *Молдован А.М.* Древнерусское «обидѣти» ‘победить’// Библиистика. Славистика. Русистика. СПб, 2011. С. 452–453); «имѣти въ правдоу», «приятти в любовь» — достижение соглашения между двумя политическими силами (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 386, 391, 392, 403, 404, 695–696 и далее). Автор Московского свода в первом случае заменяет, а во втором — поясняет эти, очевидно, малопонятные читателю конца XV в. понятия, детализирующим пассажем, в котором используются слова: «судити» (в Киевской летописи появляется только в значении божь-

его суда (Там же. Т. 2. Стб. 431, 437, 530)), «урокъ» ('штраф') и выражение «людей продавати», не встречающиеся в тексте Киевской летописи, а также развивает сюжет о тиунах Всеволода. Так как лексика детализирующего эпизода Московского летописного свода, рассказывающего о крестоцеловании киевлян Ольговичам, чужда киевскому тексту Ипатьевской летописи за XII в., то он, со всей очевидностью, является поясняющей вставкой книжника XV века.

Эта вставка служит и другой функции — она сглаживает резкий контраст между двумя разнохарактерными частями летописи, текст первой из которых показывает лояльность Ольговичам, а второй — Изяславу Мстиславичу. В Киевской летописи рубеж проходит по фразе «и не оугодень бысть кияномь Игорь...» (Там же. Т. 2. Стб. 322), которая противоречит предшествующему тексту, повествующему о том, что киевляне и Игорь благополучно договорились. В Московском своде эта логическая нестыковка сглажена замечанием автора о том, что Игорь не придерживался приведенных в вышеупомянутой вставке условий: «Игорь же тако обѣщася. И яко же обѣщався и вниде въ Къевь, и не поча по тому чинити, яко же люди хотяху, и не угодно бысть имь. И послашся в Переяславль къ Изяславу Мъстиславичу...» (Там же. Т. 25. С. 37).

Интерес автора Московского свода XV в. к истории взаимодействия правителя и жителей различных городов, в том числе к деталям соглашений и крестных целований, среди которых были и правовые вопросы, отмечался разными исследователями (*Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 298; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 255–258), очевидно он и побудил автора развить и пояснить изначально краткий сюжет статьи 1146 г., однако книжник использовал термины и выражения, которые отсутствовали в первоначальном киевском источнике и выдают его работу.

А.К. Лагунов
асп. Исторического ф-та ИАИ РГГУ

Интерпретации символики Комуца в воспоминаниях

В событиях Гражданской войны в России символика занимает особое место по причине того, что нередко через неё современники считывали смыслы, которые вкладывали её создатели. Обычно, при рассмотрении темы Гражданской войны исследователями, большее внимание обращается непосредственно к ходу событий, хотя в последние годы актуализируется тенденция анализа символов Белого

движения, рассматривая их в историческом контексте и интерпретируя смыслы данных символов (*Фоломеев С.Н.* Триколор как символ Белого движения в смысловом и историческом контексте // Креативная экономика и социальные инновации. 2020. Т. 10. № 4. С. 137).

Символика Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), правительства, чья власть была установлена в Самаре в 1918 г., среди антибольшевистских сил занимает особое место, так как их символы во внешней и смысловой составляющей крайне отличались от других символов антибольшевистского сопротивления. Это отличие нашло отражение в воспоминаниях участников Белого движения, которые они оставили после себя уже в эмиграции.

В рамках настоящего исследования предполагается проанализировать воспоминания современников о символике Комуча на предмет выявления и анализа её интерпретации мемуаристами. Следует отметить скупость источникового материала как среди мемуаров, так и документов, введённых в научный оборот по данной теме.

Важность символов обусловлена тем, что порой именно через них идёт первое восприятие деятельности правителя или правительства. Ярким примером этому служат воспоминания К.В. Сахарова, одного из известных командующих Белой Сибири. Он впервые столкнулся с Народной Армией Комуча в Бузулуке. Мемуарист сразу обратил внимание на детали униформы, а именно отсутствие погон, наличие георгиевской ленточки вместо кокарды на фуражке и щитком «на подобию чешского» на рукаве. Обобщая, мемуарист характеризует внешний вид бойцов Народной Армии как «полотоварищеский» (*Сахаров К.В.* Белая Сибирь: Внутренняя война 1918–1920. М., 2017. С. 23). Только позднее мемуарист начнёт критику эсеровского правительства Комуча и организацию армии. В настоящем случае примечательно обстоятельство, что негативное отношение к Комучу начинается именно с анализа символов правительства.

Другой мемуарист, А.Г. Ефимов, командир Ижевско-Воткинской бригады, описывает иной символ правительства, красный флаг, который был поднят в Самаре над зданием Комуча. По версии мемуариста, данный знак обозначал, что цель эсеров после уничтожения большевиков заключалась не в сворачивании революции, а в её продолжении, что вызвало решительное неприятие в офицерской среде (*Ефимов А.Г.* Социалисты-революционеры в борьбе с правительством адмирала Колчака // С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 26).

Для понимания закладываемых смыслов в символах следует обратиться к корпусу документов Комуча. Например, зацепившая внимание К.В. Сахарова георгиевская лента вместо кокарды интерпретировалась членами Комуча как символ «беззаветного мужества», выразителем которого является «воин, добровольно принявший на себя обязательство защищать свободу и родину от насилия» (ГАРФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь – октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 156).

Красное же знамя, поднятое в Самаре над зданием Комуча, интерпретировалось как «символ борьбы угнетённых против угнетателей, восстания народа против большевиков и немцев». Примечательно, что Комуч не рассматривал вопрос о национальном флаге, так как предполагалось, что данный вопрос разрешит только Всероссийское Учредительное собрание (Вестник Комитета. 1918. 19 июля. № 9 // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 324).

Следует подчеркнуть, что данные символы были популярны и в период правления Временного Правительства. Красный флаг был известным символом событий Февраля 1917 г. (*Пчелов Е.В.* Российская государственная символика: учебное пособие для старших классов. М., 2022. С. 116.). Сходство подчёркивается и тем, что Временное Правительство точно так же, как и впоследствии Комуч, оставил вопрос о принятии государственной символики до созыва Учредительного собрания (Там же). Таким образом, следует констатировать демонстрацию преемственности Комуча от «традиций» Временного Правительства. Подчёркивает этот курс и один из первых приказов Комуча, согласно которому проводилась агитация в армии для чего было необходимо получить «в спешном порядке» три знамени с надписью «Власть народу — власть Учредительному собранию» для последующего вручения войскам Народной Армии и казаков (ГАРФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 148).

Параллели с Временным Правительством проводил и К.В. Сахаров, хотя его выводы основывались больше на ситуации в Самаре, но символы подчёркивают эту параллель (*Сахаров К.В.* Белая Сибирь: Внутренняя война 1918–1920. М., 2017. С. 24). Курсом на «углубление революции» считал и А.Г. Ефимов, придя к подобному выводу именно после поднятия красного флага, что подчёркивает важность символики в восприятии правительства мемуаристами

(Ефимов А.Г. Социалисты-революционеры в борьбе с правительством адмирала Колчака // С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 26).

Такой курс вызвал ожесточённое неприятие со стороны офицерства и консервативных кругов, влияние которых было велико, что и предопределило в том числе последующие поражения Народной Армии на фронте как один из факторов. Они видели в Комуче реинкарнацию Временного Правительства (Swain G. The origins of the Russian civil war. L.; N.Y., 1996. P. 190).

В качестве итогов исследования необходимо подчеркнуть, что символика является важным элементом репрезентации как правительства, так и правителя. Именно через символы широкая общественность интерпретирует в первую очередь политический курс правителя или правительства. Интерпретация мемуаристами Комуча является тому наглядным подтверждением.

Д.В. Лусейцев
д.и.н., г.н.с. ИРИ РАН

Сметные списки Печатного приказа 1630–1650-х годов

К числу центральных ведомств России XVII в., изучение истории которых находится в начальной стадии, относится выполнявший функции органа государственного нотариата Печатный приказ. Опубликованы лишь наиболее ранние из сохранившихся документов этого ведомства (Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. (Столбцы Печатного приказа). М., 1915; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1994); работы о нём стали выходить только в последние десятилетия (Федорин К.Д. Печатный приказ как тип государственного учреждения допетровской России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995. С. 267–270; Иванова Е.В. Книги Печатного приказа 1613–1649 гг. как исторический источник. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2004). Большинство оформлявшихся в Москве документов приобретали силу лишь после приложения к ним печати, за что взималась особая печатная пошлина. Документация Печатного приказа XVII в. хранятся преимущественно в фондах 233 («Печатный приказ») и 371 («Преображенский и Семёновский приказы») РГАДА. Пошлинные и беспошлинные книги, столбцы и «входящие» документы (памяти

и челобитные об освобождении от пошлин) — представляют собой массив ценных сведений по истории России XVII в. Особого внимания заслуживают сметные списки Печатного приказа.

Анализ материалов Печатного приказа позволяет проследить годовые колебания сборов пошлин этим ведомством. По завершении Смуты, в 1620/21 г., здесь получили чуть менее 3,3 тыс. руб. В 1632/33 г. Печатному приказу удалось собрать уже около 5 тыс. руб., что при желании можно считать показателем восстановления страны, хотя с выводами торопиться не следует. Середина 1630-х гг. ознаменовалась резким взлётом сборов пошлинных денег: в 1635/36 г. приказ обогатил казну на 8,9 тыс. руб., а годом ранее сумма оказалась и вовсе рекордной для рассматриваемого периода — 10,8 тыс. руб. (и это на фоне плачевного состояния экономики на выходе из Смоленской войны, когда для спасения бюджета пришлось дважды собирать пятинные деньги). Со второй половины 1630-х гг., однако, наблюдается резкое снижение сбора пошлин, и эта тенденция сохранялась до конца 1640-х гг. В 1636/37–1647/48 гг. денежные сборы «у Печати» колебались от 4,4 тыс. руб. (1646/47 г.) до 7,6 тыс. руб. (1644/45 г.). С 1648/49 г. заметно увеличение сборов, стабилизировавшихся в начале 1650-х гг. на отметке 10,5–10,7 тыс. руб. Цифры вновь соблазняют начать разговор об экономическом подъёме, но анализ смет Печатного приказа показывает: реальная картина была сложнее.

При составлении годовых смет руководству Печатного приказа приходилось отчитываться о причинах случившихся недоборов «против прошлого года». В частности, вину за резкое (почти на 3 тыс. руб.) падение сбора денег в 1636/37 г. подьячие возложили на фискальную политику правительства, которое стало отдавать кабаки и таможи в откуп на 2–3 года вперёд. Вследствие этого в 1635/36 г. пошлины за них взыскали и на следующие годы: «во 144-м году многие кабаки и тамги отдаваны в откуп откупщиком годы на два и на три впредь... и печатные пошлины на те на все годы взяты в одном во 144-м году». Падение сборов составители сметы объяснили также ухудшением экономической ситуации: «А ко 145-му году многие кабаки откупщики для великих недоборов и для хлебной дороговизны отказали», и отсрочками в делах служилым людям из-за угрозы вторжения крымско-османских войск: «всяким служилым людям в судных и во всяких делах для службы отсрочено, и грамот у печати было меньше» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 26. Л. 247).

При динамике сборов денег в Печатном приказе следует учитывать ещё одно обстоятельство. Его невозможно заметить при работе с пошлинными книгами приказа, но в сметных списках оно

неизменно отражалось. Подводя финансовые итоги года, подьячие непременно указывали и общую сумму денег, которые в приказе не были взяты вследствие освобождения челобитчика от уплаты печатной пошлины. Учитывались и копившиеся из года в год «доимки». В 1644/45 г., например, Печатному приказу удалось собрать относительно скромную сумму — около 6,5 тыс. руб., но с «доимочными» и «отданными» (т.е. прощёнными челобитчику) деньгами годовой сбор перевалил бы за 12 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 26. Л. 187–189). И, как показывают сметные списки, резкое повышение сборов с 1649 г. в основе своей имеет существенное сокращение случаев освобождения челобитчиков от уплаты пошлин: если ранее прощалось от 2,4 до 3,5 тыс. руб. в год, то в 1651/52 г. государева щедрость едва преодолела отметку в 200 руб. (РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 40. Л. 88, 132, 183, 210, 220). Отрадно было бы считать, что правительство молодого царя взялось экономить бюджетные средства, но отражённые в сметах расходы печатных денег, увы, вновь портят картину. До конца 1640-х гг. эти деньги тратились преимущественно на потребности, которые условно можно назвать государственными (на жалование служилым людям в Разрядный, Стрелецкий и Иноземский приказы). С 1649 г. почти монопольным получателем «сэкономленных» Печатным приказом денег стало семейство Милославских. Соответствующие перемещения средств в приказе фиксировали характерными записями вроде «Вверх к боярину к Илье ж Даниловичю Милославскому... 600 рублей, а те деньги ко государыне царице и великой княгине Марье Ильиничне в хоромы». На приобретение для государыни одной «золотой запоны с камением» (500 руб.), было потрачено лишь немногим меньше, чем на годовое кормовое содержание всего кремлёвского стрелецкого караула (568 руб.) (РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 40. Л. 151, 173, 174). Сухие цифры приказных смет, таким образом, способны дать пищу для размышлений и относительно причин социальных взрывов «бунташного века».

А.Ф. Литвина
к.филол.н., доц., НИУ ВШЭ
Ф.Б. Успенский
д.филол.н., чл.-корр. РАН, ИРЯ РАН

Когда же родился Владимир Андреевич Старицкий?

Как это ни удивительно, дата появления на свет Владимира Андреевича Старицкого — единственного кузена Ивана Грозного

по мужской линии — в источниках фиксируется крайне редко. Объясняться такое небрежение может разными, почти взаимоисключающими причинами: простым отсутствием интереса ко всему, что происходит за пределами московской правящей семьи, или сознательным нежеланием привлечь дополнительное внимание к появлению на свет потенциального династического конкурента. Не случайно главным источником наших сведений об этой дате оказывается так называемый Постниковский летописец — текст, заведомо не принадлежащий к традиции официального летописания.

Собственно, именно благодаря этому источнику у исследователей была возможность указать точную дату рождения этого внука Ивана III. Искать здесь какие-либо разночтения или противоречия до поры до времени не возникало необходимости — автор летописца со всей определённой сообщает: «Того же лета [7043/1535] июля в 9 [ѿ] день родися князю Андрею Ивановичю в Старице сын Владимир» (РГАДА, Собр. М.А. Оболенского, ф. 201, № 42 (старый номер — 164), л. 50 об.; ПСРЛ, т. XXXIV, с. 25), а источников с иной датировкой этого события как будто бы и не было.

Между тем, чем больше мы узнаём о принципах имянаречения этой эпохи в династии и за её пределами, тем страннее кажется процитированное свидетельство. В самом деле, у нас есть множество подкрепляющих друг друга данных, согласно которым злосчастный старицкий князь обладал ещё одним христианским именем — *Иакинф*, т.е. он, подобно своему отцу, Андрею / Евсигнию, деду, Ивану / Тимофею, дядьям, Василию / Гавриилу и Дмитрию / Фоме, и кузену, Ивану / Титу Грозному, был носителем светской христианской двуимённости.

Вся совокупность наблюдений над функционированием этой традиции говорит о том, что если ребенку давали два христианских имени, то одно из них выбиралось по дате его появления на свет — он становился тёзкой одного из святых, чья память праздновалась в этот день. Так, Иван Грозный сделался *Титом* потому, что родился на память апостола Тита (25 августа), Василий III появился на свет то ли на Благовещение, то ли на Собор архангела Гавриила и стал *Гавриилом*, Дмитрий Внук (кузен Владимира Андреевича, скончавшийся задолго до его рождения) был ещё и *Евламтием* именно потому, что родился 10 октября, на память мученика Евлампия Никомидийского. Подобная практика никоим образом не ограничивалась династией — так же действовали и подданные Рюриковичей в тех случаях, когда намеревались наречь детей двумя христианскими именами.

Известные нам случаи отступления от неё выражаются лишь в минимальном и при том легко объяснимом календарном сдвиге. Весьма выразительна в этом отношении история имянаречения одного из сыновей Дмитрия Донского, реконструированная А.А. Туриловым. Ребёнок, согласно летописям, появился на свет 14 августа и сделался *Максимом* и *Андреем*. В большинстве дошедших до нас месяцесловов память Максима Исповедника приходится не на 14, а на 13 августа, однако в отдельных календарях она помещена всё же под 14 числом. Помимо всего прочего, подобный однодневный сдвиг мог порождаться неоднозначностью в проведении границы суток, длительностью процесса родов и т.д. и т.п.

Если же мы обратимся к дате 9 июля, то убедимся, что на этот день не выпадает ни память св. равноапостольного князя Владимира, ни память кого-либо из свв. Иакинфов, нет её и в канун этого дня и на следующий день после. Как известно, память св. Владимира празднуется 15 июля, тогда как память одного из свв. Иакинфов — Иакинфа Амастридского — отмечается 18 июля, а память другого, Иакинфа Кесарийского, приходится на 3 июля. Ребёнок, родившийся в один из этих дней, 3 или 18 июля, и сделавшийся *Иакинфом*, легко мог бы получить и имя *Владимир* — традиция христианской двуимённости подразумевает, что публичное имя для новорождённого чаще всего подбирается в календарных окрестностях дня его рождения. Однако дата 9 июля как день рождения Владимира / Иакинфа Старицкого как будто бы опрокидывает все эти построения.

Следует ли признать, что сложившаяся эмпирическая картина правил имянаречения в данном случае не работает и наследник старицкого князя получил имя *Иакинф* без буквальной ориентации на календарь?

Как кажется, однако, у нас нет необходимости говорить здесь о нарушении общепринятой и многократно подтверждённой практики, благо Постниковский летописец всё же не является единственным источником XVI столетия, где указана дата появления Владимира / Иакинфа на свет. Интересующие нас данные содержатся в так называемом Безднинском летописце, введённом в научный оборот М.Н. Тихомировым и В.И. Корецким, причём здесь рождение княжича помещено под 3 [г'] июля, т.е. совпадает с празднованием Иакинфу Кесарийскому (ОР РГБ, Собр. С.О. Долгова, ф. 92, № 3, л. 8 об.). Такая датировка всё ставит на свои места и позволяет утверждать, что Владимир Андреевич был наречён двумя христианскими именами в полном соответствии с той моделью, что и его

царственные родичи — великий князь Василий / Гавриил и будущий самодержец Иван / Тит Грозный.

Можно было бы возразить, что Постниковский летописец по времени ближе к интересующим нас событиям, однако, как показывают недавние исследования, это не делает его свободным от ошибок, тем более если учесть, что свой окончательный вид он, судя по всему, приобрёл лишь два, а то и три десятилетия спустя после рождения Владимира Старицкого. «Мемуарист» мог, к примеру, запечатлеть не самую дату рождения, а лишь день, в который ему стало об этом событии известно, не говоря уже о возможности простой аберрации памяти, особенно вероятной потому, что именные торжества, связанные со старицким князем, были приурочены, скорее, не к дате рождения, а ко дню его именин — 15 июля (память равноапостольного князя Владимира).

Таким образом, на сегодняшний день 3 июля представляется наиболее вероятной датой появления на свет Владимира / Иакинфа Старицкого.

А.С. Литвинов
магистрант Исторического ф-та ГАУГН

Дамские печати и печати аббатис средневековой Вестфалии (XIII–XV вв.)

Печать, как инструмент репрезентации своего владельца, использовалась в Средние века широкими массами населения и самыми различными социальными слоями: благородными, как из высшей знати, так и из низшей, духовенством, простолюдинами, различными корпорациями. Зачастую мы можем увидеть общие черты на разных печатях в зависимости от того, к какому сословию принадлежат их владельцы. Свои иконографические традиции есть у членов цехов, клира, благородных, но не только у них. Общие черты можно найти у этнических групп, которые идентифицируют себя не только в рамках сословной системы. Например, у евреев, чьи печати имеют ярко выраженную иконографию, указывающую на социальный статус владельца. К подобным группам можно и отнести женщин, чьи печати также имеют определенную иконографическую традицию.

Вестфальский корпус печатей, собранный Фридрихом Филиппи в конце XIX в. (*Die Westfälischen Siegel des Mittelalters*. Н. 1–4 Bearb. von Friedrich Philippi. Münster, 1882. [Электронный ресурс] URL.:

<https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/titleinfo/979261>) содержит большое количество различных по социальному статусу своего владельца печатей. Среди этих печатей встречаются и печати, принадлежащие женщинам, то есть печати дам и печати аббатис.

Но одного только гендерного признака для этой категории явно недостаточно. В силу того, что оба данных типа печатей имеют общие черты, так как репрезентируют женщин, пусть принадлежащих к разным, на момент создания печатей, сословиям, мне видится интересным и логичным сравнить эти типы печатей. Печати дам — это печати, которые принадлежали женщинам благородного сословия, с которым они связаны через своего отца или мужа, на что периодически делаются указания на самих печатях.

Печати аббатис принадлежат женщинам, которые, по своей сути, смогли достичь высокого для женщины уровня церковной католической иерархии. При этом зачастую сами аббатисы происходили из благородного сословия. Видится закономерным тот факт, что и дамские печати, и печати аббатис имеют конкретные общие иконографические черты.

Обязательным изображением для обоих типов печатей является изображение владелицы. Этот факт закономерен, так как и дамские печати и печати аббатис являются печатями личными и должны указывать на конкретную личность. Мною засвидетельствована лишь одна печать, принадлежащая женщине, на которой отсутствует изображение владелицы — это печать аббатисы Маргарет фон Херфорд, где присутствует только герб. Филиппи обозначает этот герб как герб Херфордской церкви, но я склонен думать, что это личный герб Маргарет: львы во 2-й и 3-й четверти явно указывают на родную семью Маргарет, на род фон Гляйхен. Общим для обоих этих типов печатей является и форма самой печати — она чечевицевидная, хотя бывают и исключения, и она может быть и круглой.

И печати дам, и печати аббатис содержат явные иконографические указания на сословия, к которым они принадлежат. На печатях дам наиболее примечательным является изображение шлема, который указывает на то, что её отец или муж является воином, то есть принадлежит к благородному сословию, а следовательно, к нему принадлежит и сама дама. На печатях дама, как правило, этот шлем держит в руке. Другим атрибутом благородного сословия на дамских печатях становятся изображение охотничьих собак и птиц (печати типа «охота»), так как охота была привилегией, недоступной простолюдинам. В случае с аббатисами атрибутами духовенства становились монашеское одеяние и то, что на их печатях достаточно часто присутствуют изображения церковной архитектуры,

хотя последнее свойственно уже довольно поздним печатям, которые относятся к концу XIV в. и позже. При этом детальных и сложных изображений архитектуры и чего-то подобного на печатях дам мы не увидим. Иным визуальным образом на печатях аббатис становится Дева Мария, главный женский христианский персонаж.

И дамские печати, и печати аббатис зачастую имеют изображение гербов, хотя это не является чем-то обязательным. На печатях дам, в случае если герб изображен, то это или герб отца или же герб мужа, хотя есть печати, где могут находиться оба герба и одна печать, где герб, пусть, и не изображен напрямую, но владелица явно стремилась дать указания на герб своей матери (точнее на герб её рода, а не на личный). Дама может держать герб или геральдическую фигуру в руке, герб может находиться и просто сбоку от дамы, иногда под наклоном. В случае с печатями аббатис, то на них гербы появляются лишь в XIV в., в то время как самые ранние печати относятся к началу XIII в. Аналогичную тенденцию я проследил в печатях епископов, на которых гербы впервые появляются тоже лишь в XIV в. К сожалению, пока мне не удалось выявить её причины.

На печатях аббатис встречается то, чего нельзя встретить на печатях дам — это изображение, судя по всему, личного герба. Подобное можно видеть на печати Бонисет фон Херфорд, где присутствует герб, в 1-й и 4-й четвертях которого изображен герб Лимбурггов (родной семьи Бонисет), а в 2-й и 3-й четвертях — герб Херфорда.

Возможно, что стоит обратить внимание на то, что гербы на печатях аббатис расположены иначе, чем на дамских. На печатях дам герб, как правило, расположен по правую или по левую руку от изображения самой дамы. А на печатях аббатис мы можем видеть, что герб подчас находится под изображением самой аббатисы. На печатях, где гербы располагаются по бокам от изображения аббатисы и имеются изображения церковной архитектуры, гербы могут быть изображены так, чтобы они словно закреплены на стенах и являются частью самой церкви.

При всем внешнем сходстве дамских печатей и печатей аббатис, в них присутствуют пресловутые иконографические черты, которые хорошо были заметны современникам и учитывались при сигиллографической практике.

Кельтские имена в древнеисландских генеалогиях

В древнеисландской «Книге о занятии земли», по праву считающейся основным источником сведений генеалогического характера периода ранней истории Исландии, присутствует множество упоминаний выходцев не со Скандинавского полуострова, а из других регионов. К их числу можно отнести «финнов» (*finnar*, так именуют в сагах и «Книге» саамов, см. подробнее: Джаксон 2023. С. 26–61), бьярмов, фламандцев и др. Но больше всего среди них кельтов. Тема кельтского влияния на становление исландского этноса давно и подробно изучена (см. знаковые работы с библиографией: Gíslí Sigurðsson 1988; Ulf-Møller 2016), равно как и проблема различия в освещении роли кельтского элемента в заселении Исландии между разными редакциями «Книги» (Long 2017. P. 59; см. также: Литовских 2020).

В генеалогических перечнях «Книги» принадлежность первопоселенцев к кельтам можно определить по характерным именам. Из примерно 880 имен (не персонажей, тех в «Книге» более 3,5 тысяч, но среди них, безусловно, были тезки), присутствующих в генеалогиях первой редакции «Книги», кельтскими (или гипотетически кельтскими) являются чуть больше 30: Аванг (*Ávangr*), Бейган/Бекан (*Beigan/Bekan*), Брандакс (*Brandax/Brandakr*), Бьолан (*Bjólan*), Бьоллок (*Bjollok*), Бьяртмар (*Bjartmar*), Вивиль (*Vífill*), Вигбьод (*Vígbjóðr*), Гльомаль (*Gljómall*), Грелёд (*Gréloð*), Дравд(р)итт (*Drafd(r)ittr*), Дуван (*Dufann*), Дувтак (*Dufþakr*), Кадаль (*Kaðall*), Кадлин (*Kaðlín*), Кальман (*Kalman*), Килан (*Kýlan*), Кньюк (*Knjúkr*), Кодран (*Koðrán*), Кори (*Kóri*), Кормак (*Kormakr*), Кормлёд (*Kormloð*), Кьяран (*Kjaran*), Кьярваль (*Kjarvalr*), Мабиль (*Mábil*), Маддад (*Maddaðr*), Мельдун (*Meldún*), Мелькорка (*Melkorka*), Мельпатрек (*Melpatrekr*), Мюрголь (*Murgjöl*), Мюркьяртан/Кьяртан (*Mýrkjartan/Kjartan*), Мюрун (*Mýrún*), Ньяль/Дувньяль/Дувналь (*Njáll/Dufníall/Dufnall*), Раварта (*Rafarta*), Скевиль (*Skefill*), Эрп (*Erpr*). Большинство этих имен — единичные, ни разу больше в исландских генеалогиях не встречающиеся. Только пять из них — женские, что ставит под сомнение нередко декларируемую массовость кельтских наложниц.

Обращает на себя внимание и полное отсутствие частотных кельтских имен (они должны были бы встретиться в силу своей распространенности). Кроме того, в «Книге» нет никаких упоминаний

о людях, названных в честь кельтских святых, хотя последние (особенно св. Патрик и св. Колумбан) были известны в Исландии.

Часть из приведенных имен обозначена мною как гипотетически кельтские в силу того, что они настолько изменились в исландской традиции, что четко идентифицировать кельтские имена (а зачастую даже корни) не представляется возможным. Некоторые из них, вполне вероятно, возникли в качестве объяснения неясного топонима, поскольку единичны и не сохранились в саговых генеалогиях (например, Вивиль).

Достоверная информация имеется лишь о некоторых носителях кельтских имен. Упомянутая в гл. 100 Кормлэ́д, дочь Кьярвала, это — Гормлет инген Мурхада (*Gormflaith ingen Murchada*, ок. 960–1030), которая родилась в Нейсе (совр. графство Килдэр, Ирландия) и была дочерью не оссирийского короля Кеарбала Мак Дунгала (*Cearbhall Mac Dunghall* (842–887/888)), а короля Лейнстера Мурхада Мак Финна и сестрой его преемника Маэл Морды Мак Мурхады, второй женой, а затем вдовой Олава Сигтругссона Кварана, предводителя скандинавской общины Дублина и Нортумбрии. Кьярваль встречается в генеалогиях нескольких исландских родов (*Landn. K.* 64, 66, 95, 100).

Личность Гльомаля из гл. 37 идентифицировать невозможно, его имя предположительно образовано из кельтских имен *Gilo* и *Amal*. Имя его дочери — Мюргьоль (д.-исл. *Murgjöl* из д.-ирл. *Muirgheal*, совр. *Muriel*) — достаточно широко распространено на Британских островах, что также затрудняет ее идентификацию. Ср. аналогичное отсутствие каких-либо подробностей, касающихся жены Аудуна Заики — ирландки Мюрун (гл. 31). Ее имя (д.-ирл. *Muirenn*) также широко распространено, а ее отец (*Maddaǫg* по редакции *Sturlubók*; *Vjadmǫg* от д.-ирл. *Beadhmac* по всем остальным редакциям, включая *Hauksbók*) ни с кем из ирландских королев не идентифицируется.

Также невозможно однозначно идентифицировать короля Мюркьяртана из гл. 39 «Книги», поскольку ирландских королев с именем *Muircheartach* было несколько. Скорее всего, это — Муиркеартах, правивший южной Ирландией в 1086–1119 гг. В роду его исландских потомков имя сократилось до «Кьяртана», один из них был главным действующим лицом «Саги о людях из Лососьей Долины».

Заслуживает внимания пример разночтений в ранних редакциях «Книги», касающийся кельтских предков первого исландского христианина-отшельника Асольва. В редакции *Hauksbók* (гл. 15–16) прядь более подробно касается даже родственных связей Асольва,

в том числе названы имена его родителей: это Эдна (Една), дочь Кеттиля Бресасона, и ирландец Кональ. Не только имя «Кональ» (д.-исл. Konáll, д.-ирл. Conall) является кельтским, но и «Эдна», как полагают исследователи, — это исландское переосмысление д.-ирл. имени E(i)thne (Hjalte Hugason 2000. Bls. 26). Кроме того, в редакции *Hauksbók* активно используется прозвище Асольва — alskik. Его значение спорно, как дискуссионно и его кельтское происхождение (Bryan 2021. P. 94). Хотя само имя «Асольв» уже не ирландское, а исландское.

Затрудняет «национальную» идентификацию и тот факт, что в ряде случаев даже те первопоселенцы, которых «Книга» определяет как «ирландцев» (írskar), носят западно-скандинавские имена (ср. гл. 45, где ирландских рабов зовут Тормод, Флоки, Кори, Сварт и Скорри).

Следует отметить, то кельты очень быстро растворились в исландской среде, что напрямую отразилось в генеалогиях: уже дети кельтских первопоселенцев все без исключения носят исландские имена. В итоге в средневековом исландском ономастиконе сохранилось мало имеющих кельтские корни имен (Ньяль, Кормак, Кьяртан, Кодран), и они не стали частотными, скорее функционировали в статусе родовых, встречаясь в генеалогиях через два-три колена.

А.Л. Лифшиц
к.ф.н. НИУ ВШЭ, зав. ОРКиР НБ МГУ
Е.В. Святохина
студентка НИУ ВШЭ

Русские глоссы в немецком Маттиоли

Культурные взаимодействия России и Европы XVII в., особенно второй половины столетия, продолжают оставаться актуальной областью исследований. Литературные тексты пересказываются, иногда, преображаясь так, что поиск оригинала становится крайне затруднен. Научные и популярные в Европе квази-научные сочинения, как, например, «Книга тайнств женских», которую традиция приписывает Альберту Великому, переводятся порой неоднократно на протяжении десятилетия.

При этом в некоторых случаях лишь знакомство с соответствующим европейским изданием позволяет понять, что имел в виду русский переводчик. Одной из причин невнятности текста оказывается отсутствие русской терминологии, способной адекватно

передать содержание источника. Переводчик иногда придумывает слова, иногда использует заимствования, иногда прибегает к способам, изобретенным или принятым в Речи Посполитой — разные стратегии перевода могут смешиваться в одном тексте в прихотливой пропорции.

Русская историческая лексикография и вообще с заметными пропусками фиксирует обилие новых слов или новые значения старых лексем, но тут не поспекает за разнообразием текстов, многие из которых не вошли в источниковую базу словарей. Отдельную проблему для лексикографии представляет бытовая лексика, которая даже на синхронном уровне описывается не всегда удачно. Применительно же к прошлому исследователь вынужден предлагать довольно расплывчатые формулировки или предполагать заранее, что точность избранного им толкования может быть сильно ограничена во времени. То же касается разнообразных номенклатур, которые бывают подвижны в пределах десятилетия и для элементов которых весьма непросто найти верное определение.

Ботаническая номенклатура одна из них. Встреченное в тексте, особенно рукописном, название растения далеко не всегда может быть соотнесено с ботанической реальией. И так обстоят дела не только в русском языке. Определение «растение, встречавшееся в окрестностях Кракова» — не анекдот, а печальная реальность.

Тем интереснее оказывается найденный в Научной библиотеке МГУ экземпляр немецкого издания книги Пьетро Андреа Маттиоли (Pietro Andrea Gregorio Mattioli; 1501–1578) «Новый травник с самыми красивыми и художественными фигурами всех видов, подобных которым еще никогда не было ни на одном языке», увидевшего свет в 1563 г. (*Mattioli P.A. New Kreüterbuch mit den allerschönsten und artlichsten Figuren aller Geweuchß, dergleichen vormals in keiner Sprach nie an Tag kommen. Prag, 1563*).

Этот том содержит в себе значительный объем русских глосс, которыми переводятся немецкие и латинские названия растений. Палеографические особенности письма позволяют датировать его концом XVII – началом XVIII в., а наличие действительно точных гравированных изображений позволяет надеяться, что хотя бы для этого времени мы получим данные о названиях нескольких сотен ботанических видов.

Голицынские часовни в некрополе Донского монастыря

Старинной усыпальницей рода князей Голицыных была Троице-Сергиева лавра. С конца XVII в. местом последнего упокоения был выбран Богоявленский монастырь в Москве, где Голицыны хоронились вплоть до «чумного» 1771 г., когда 25 марта 1771 г. по именному указу было запрещено «хоронить внутри города» (О прекращении появившейся в Москве заразной болезни: именной, данный графу Салтыкову // Полное собрание законов Российской империи: собрание первое, № 13586 от 25 марта 1771 г. СПб., 1830. Т. XIX. С. 244–245).

Первые захоронения князей Голицыных в Донском монастыре появляются в 1771 г. Частью некрополя князей Голицыных здесь были три часовни. Самая ранняя из них является по времени постройки и самой ранней часовней монастырского некрополя. Эта часовня, построенная над захоронением княгини Александры Андреевны Голицыной (ум. 1843), урожденной Хрущовой, с правой стороны Малого собора, имела четырехугольную форму и стояла на помосте из белого камня и была покрыта листовым железом (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7756. Л. 107 об.; Ф. 421. Оп. 1. Д. 5605. Л. 20 об.).

Княгиня А.А. Голицына была женой подполковника князя Алексея Ивановича Голицына (1765–1807) (Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892. С. 164). Под захоронением княгини А.А. Голицыной был склеп, где были погребены ее мать — Наталья Семеновна Хрущова, урожденная княжна Волконская (ум. 1776), жена бригадира Андрея Ивановича Хрущова, и сестры — Софья Андреевна (ум. 1775) и Екатерина Андреевна Хрущовы (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7756. Л. 107 об.; Ф. 421. Оп. 1. Д. 4892. Л. 7; *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. С. 625).

Позже в часовне были погребены: сын княгини А.А. Голицыной коллежский советник князь Петр Алексеевич Голицын (1796–1847) и его жена княгиня Евдокия Михайловна Голицына (1790–1862), урожденная Нарышкина, сестра декабриста М.М. Нарышкина (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5638. Л. 14; Ф. 2125 Оп. 1 Д. 1846. Л. 337 об. – 338). Ухаживал за часовней в конце XIX в. князь Петр Николаевич Туркестанов, муж княгини Варвары Александровны Туркестановой, племянницы княгини Е.М. Голицыной. Его иждивением в

1881 г. в часовне был перестелен пол из плит и внешняя площадка (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6691. Л. 10). Часовня была сломана после 1928 г. В фотокаталоге ГНИМА им А.В. Щусева сохранилась ее фотография А.Т. Лебедева 1928 г. (ОФ-1569/204. Колл. V – 42956). К часовне примыкало захоронение старшего сына княгини А.А. Голицыной титулярного советника князя Ивана Алексеевича Голицын (1787–1812) (на памятнике сохранилась стихотворная эпитафия и слова «От скорбящей матери — нежнейшему сыну») (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7756. Л. 106 об. – 107).

В конце XIX в. традиционные формы мельчают, среди крупных надгробных памятников начинают преобладать часовни. Среди «разнообразных и дорогих памятников», украсивших некрополь Донского монастыря в конце XIX в. И.Е. Забелин особенно выделял две каменные часовни князей Голицыных («Михайловичей»), расположенные по сторонам западного входа в Большой собор (*Забелин И.Е. Историческое описание Московского Ставропигиального Донского монастыря. М., 1893. С. 98*).

Одна из них, по правую сторону паперти, была сооружена в 1888 г. действительным статским советником князем Дмитрием Михайловичем Голицыным (1827–1895) («Митридатом»), почетным попечителем 1-й Градской больницы, над захоронением дочери княжны Анны Дмитриевны Голицыной (1859–1886), фрейлины двора Ея Императорского Величества. За постройку часовни (5 кв. м. 4 арш.) было заплачено в марте 1888 г. 2015 р., и за откупленные свободные 2 места 430 р. (ОР РГБ. Ф. 881 Д. 29. Л. 51 об. – 52; ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6745. Л. 7 об.). В дальнейшем здесь был погребен и князь Д.М. Голицын (ум. 1895) (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7049. Л. 161 об.).

Вторая часовня, по левую сторону паперти Большого собора, — была построена по плану архитектора Д.Н. Чичагова в 1890 г. княгиней Александрой Осиповной Голицыной (1841–1913), урожденной Гладковой, первой женой князя Сергея Михайловича Голицына (1843–1915), владельца известных подмосковных усадеб Влахернское–Кузьминки и Дубровицы. Часовня была поставлена над захоронением сына княгини А.О. Голицыной князя Михаила Сергеевича Голицына (1867–1890) (она была рассчитана на 4 места, купленных по 1 разряду за 2500 р.). В обеспечение ремонта часовни княгиней было дано 800 р. процентными бумагами (ОР РГБ. Ф. 881 Д. 29. Л. 70 об. – 71; ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6842. Л. 1 об., 2). Обе часовни были сломаны в сентябре 1924 г. (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 148. Л. 68, 71).

Libellum scripsit de constitutione politica:
«Наставление Траяну» и его рецепция в «Истории Испании»
Альфонсо Х Мудрого

В 192-й главе «Истории Испании», составленной по приказу и с участием Альфонсо Х Мудрого (1252–1284), рассказывается о событиях первого года правления императора Траяна. Отдельный пространственный экскурс в составе главы посвящен отношениям Траяна и Плутарха, бывшего, по утверждению хронистов, наставником и учителем императора. В свою очередь, внутри этого экскурса фигурирует рассказ о том, что Плутарх написал для Траяна книгу «о наставлении в добрых обычаях, в которой объяснял, каким должен быть всякий сеньор» и краткий — на 250 слов — пересказ ее содержания.

«Книга», о которой упоминают в «Истории Испании» есть не что иное, как достаточно широко известное «Наставление Траяну», текст, приписывавшийся Плутарху, однако составленный, по всей видимости, в IV–VI вв. (Kloft, Kerner, 1992; Elsmann, 1994), или же позже, в эпоху Каролингов (Desideri, 1958). Сохранился этот текст только в составе «Поликратика» Иоанна Солсберийского, что заставляет усомниться в том, не является ли Шартрский прелат его непосредственным автором (Марей, 2019). Основной вопрос, возникающий перед исследователем в данном случае, заключается в том, чтобы установить, каким путем образ из «Поликратика» попал в текст «Истории Испании» Альфонсо Х.

Наиболее простым вариантом кажется предположить непосредственное заимствование испанскими хронистами информации из текста Иоанна Солсберийского. Более того, в данном случае даже есть прецедент — можно вспомнить, например, диссертацию Ирины Нану, в которой она высказывала предположение о возможных заимствованиях из «Поликратика» в текст «Второй Партиды» Альфонсо Х (Nanu, 2013). Однако принять это предположение за основу мешает два фактора: во-первых, отсутствие в библиотеке Альфонсо Х (насколько мы можем ее восстановить, разумеется) рукописей шартрского прелата, во-вторых же, то, как в тексте «Истории Испании» описывается книга Плутарха, ставшая исходной точкой для данного рассуждения. В то время, как Иоанн Солсберийский определяет «Наставление Траяну» как *политическое установление* (constitutio politica), авторы «Истории Испании» смещают акцент

на описание в этой книге *добрых обычаев*, то есть, на этику. Логичнее кажется предположить, что непосредственным источником для этого пассажа 192 главы «Истории Испании» стала 48-я главка 11-й книги «Исторического зеркала» Винсента из Бове, в которой как раз идет речь о наставлении Плутарха Траяну.

А.В. Матисон
д.и.н., доц. Школы исторических наук НИУ ВШЭ, с.н.с. ГПИБ

Синодальный обер-секретарь и государственный преступник Михаил Дудин: его предки и потомки в XVII–XVIII вв.

Исследователи истории России XVIII в. традиционно немало внимание уделяют генеалогии и биографиям вельмож и сановников, занимавших первенствующие места в системе управления империей: президентов коллегий, сенатских и синодских обер-прокуроров и др. Существенно хуже известны история и родословие чиновников «второго ряда», особенно если они по своему происхождению не принадлежали к дворянству. Это заключение в полной мере применимо к Михаилу Осиповичу Дудину, ставшему во второй четверти XVIII в. видной фигурой в чиновном мире Санкт-Петербурга. Подобно многим другим деятелям государственного управления, он пострадал в царствование императрицы Анны Иоанновны, будучи привлечен к суду по громкому политическому делу, и одновременно оказался обвинен в многочисленных финансовых преступлениях. Несмотря на эти обстоятельства, имя Дудина редко встречается в отечественной историографии, а о его происхождении и судьбах потомков и вовсе ничего не известно.

Михаил Дудин сделал довольно быструю карьеру в синодальных структурах. Он был принят на приказную службу в Святейший Синод, вероятно, сразу после образования этого учреждения: в 1722 г. Дудин уже упомянут здесь канцеляристом. Несомненные способности позволили ему уже через год стать одним из синодальных секретарей, а в 1731 получить звание обер-секретаря, оказавшись, таким образом, вторым по значимости светским чиновником Синода (после обер-прокурора). Выгодное место позволило Михаилу составить значительный капитал, приобрести дом в Санкт-Петербурге и дом в Москве, а также населенное имение Аристово в Московском уезде. В 1736 г. Дудин был привлечен по делу тверского архиепископа Феофилакта (Лопатинского), отстранен от должности и взят под арест. В ходе следствия, которое длилось два

года, он был уличен в многочисленных злоупотреблениях и взятках, которые брал у заинтересованных в его протекции лиц, представлявших верхушку регионального церковного управления России (среди них было немало епархиальных архиереев и настоятелей крупных монастырей). По итогам следствия Михаил Осипович в 1738 г. был приговорен к «политической смерти», бит кнутом, отправлен в Сибирь, а имение его оказалось конфисковано. После воцарения Иоанна Антоновича Дудин в 1741 г. был прощен и возвращен из Сибири, но уже через год скончался (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13. Л. 585; Д. 14. Л. 127; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее — ОДДАС). СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. С. 932; 1878. Т. 3. С. 427; 1903. Т. 11. С. 644; 1906. Т. 16. С. 315).

Михаил Дудин происходил из старинной приказной семьи, подвизавшейся на службе у суздальских архиереев. Его отец Осип Дмитриевич в начале XVIII в. был дьяком Суздальского архиерейского дома, а к 1715 г. получил должность приказного правителя, возглавив, таким образом, весь штат местного архиерейского дома (в документах приказные правители, как правило, именовались просто — приказными). В конце 1720-х гг. он упоминается в источниках уже как судья Суздальского архиерейского дома. При этом, если его старший сын Михаил был принят на службу в Синод, то второй сын Осипа — Матвей наследовал отцовскую должность в Суздале и в 1740-е гг. упоминается как приказной правитель архиерейского дома (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 392. Л. 14 об.; Д. 396. Л. 13; Оп. 2. Д. 3436. Л. 15; ОДДАС. СПб., 1913. Т. 9. С. 493).

В своей сказке, поданной в 1701 г., Осип Дмитриевич Дудин показал, что его дед служил Василию Ивановичу Толстому (вероятно, был холопом), а в 7157 (1648/49) г. был принят архиепископом Серапионом на службу в Суздальский архиерейский дом. Там же должность приказного занимал и отец Осипа — Дмитрий (*Давыдов М.И.* Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. (URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/10108564/>).

Если предки Михаила Осиповича Дудина принадлежали к архиерейской приказной среде, то занятое им самим высокое положение позволило обеспечить потомкам продвижение по социальной лестнице. Его дочери были выданы за представителей дворянского сословия. Одна из дочерей Дудина (Прасковья) была женой поручика Ивана Алфимова, а другая (Матрена) — женой секретаря Коллегии иностранных дел Ивана Бакунина. Последний усиленно хлопотал о возвращении тестя из Сибири в начале 1740-х гг. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13. Л. 153-153 об; ОДДАС. СПб., 1911. Т. 23. С. 580).

Малолетние сыновья Михаила Дудина после ареста отца оказались приняты для обучения в Александро-Невскую семинарию, но позднее, были переведены в кадетский корпус. Оба стали офицерами: Дмитрий умер бездетным (его чин не известен), а Александр служил в чине капитана в Калмыцкой роте в Астрахани и имел семью. Однако судьба Александра сложилась трагически, поскольку он был «увлечен калмыками при побеге их в Китай, и долженствовал скончать жизнь свою в тяжкой неволе». Один из сыновей Александра Михайловича служил в конце XVIII в. в Ямбургском кирасирском полку в чине майора. В царствование Павла I вдова и дети Александра Михайловича подали прошение на имя императора о возвращении конфискованного более 50 лет назад сельца Аристовва, принадлежавшего их деду, которое и было удовлетворено в 1798 г. (РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 542. Л. 72-75 об.; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 394. Л. 202). Автор выражает благодарность А.А. Шумкову, собиравшему данные по документам РГИА).

Таким образом, несмотря на трагическое завершение карьеры самого Михаила Осиповича Дудина, его потомки заняли прочное положение в среде дворянства и благодаря «монаршей милости» смогли вернуть себе, казалось, безвозвратно потерянное имение.

А.Г. Мельник

д.и.н., зав. сектором ГМЗ «Ростовский кремль»

Богомольные грамоты времени царя Ивана Грозного как источник по истории русской религиозности XVI в.

Богомольные грамоты направлялись от лица московских государей и церковных иерархов в монастыри для того, чтобы насельники последних возносили молитвы за этих государей. Анализ богомольных грамот свидетельствует о следующем.

В XVI в. монахи воспринимались более приближенными к Богу, чем все мирские люди и в том числе русские цари. Поэтому считалось, что в отличие молитв светских людей молитвы монахов лучше доходили до Бога.

В богомольных грамотах царь Иван Васильевич не приказывал возносить молитвы за себя, а выступал в роли просителя перед монашествующими о таких молитвах. Например, он так обратился в 1562 г. к монахам Троице-Сергиева монастыря: «Темь же азъ молю преподобие ваше, да подвижется со тщаниемъ на молитву, да вашихъ ради святыхъ молитвъ презреть наша великая беззакония

и подастъ намъ оставления греховъ, и даруетъ намъ разумъ и разсуждение и мудрость, якоже годѣ Его святой воли правити и строити Богомъ преданное ми стадо Христовыхъ словесныхъ овецъ всего православнаго христіанства». Какъ видим, царь считал, что посредствомъ монашескихъ молитвъ онъ получитъ оставление своихъ греховъ, а также разумъ и мудрость въ управленіи православными людьми.

Въ представленіи царя монахи могли вымолить у Бога «душевное спасение и телесное здравіе» ему, членамъ его семьи и всемъ православнымъ христіанамъ, «изобильство во всемъ», благоприятную погоду «на умноженіе плодовъ земныхъ», изобиліе этихъ плодовъ, и чтобы «царство бы наше пребыло во всякомъ устроеніи безмятежно».

Важнейшей причиною написанія и рассылки богомольныхъ грамотъ по монастырямъ являлись военныя дѣйствія противъ внешнихъ враговъ. Царь просилъ монаховъ молиться, чтобы Богъ «намъ бы въ помощь и въ заступленіе послалъ Архангеловъ, и Ангеловъ, и Великомучениковъ, и всехъ Святыхъ», то есть целое небесное воинство. Мы видимъ, въ чемъ должна была выражаться помощь Бога на войнѣ въ представленіи царя и русскихъ людей XVI в. — русскому войску посылается въ помощь небесное воинство. Въ этомъ воинствѣ состоятъ не только небесныя силы, наделенныя военной функцией, и великомученики, некоторые изъ которыхъ въ земной жизни были воинами, а и святые, прожившіе вполне мирную жизнь.

Бога следовало молить также о дарованіи «намъ (царю. — *А. М.*) и нашей братѣ, нашимъ бояромъ и воеводамъ и всему православному христіанскому воинству, противу сихъ безбожныхъ языкъ мужество, и храбрость, и крепость, дабы свое отечество отъ мысленныхъ сихъ волковъ защитити и словесное стадо Христовыхъ овецъ изъ рукъ ихъ исхитити, въ ихъ же земляхъ и на нихъ даровати намъ победу и одоленіе».

Какъ видимъ, монашество мыслилось въ XVI в. какъ исключительно могущественное сообщество, способное своими молитвами повліять практически на все стороны жизни людей того времени.

Монахамъ предлагалось молиться «соборно и по кельямъ». Значитъ, въ представленіи людей той эпохи важна была не только общая молитва иноковъ въ храмѣ или другихъ мѣстахъ, а и индивидуальная молитва каждаго изъ нихъ въ отдельности. Молитвы въ монастыряхъ полагалось возносить «въ божественныхъ литоргіяхъ, и на молебнехъ, и на литіяхъ и въ псалмопѣніихъ». Такимъ образомъ, молитвы монаховъ за царя и царское дѣло не должны были имѣть разовый характеръ. Монахи призваны были молиться за это практически постоянно. Правда, не ясно на протяженіи какого времени.

За данные молитвы монахам от царя выплачивалось особое вознаграждение – милостыня: «А мы вамъ (монахам. — А. М.) челомъ бьемъ; а милостины есми къ вамъ послали двадцать два рубли и двадцать алтынъ две денги». Причем в некоторых грамотах специально оговаривалось, чтобы эти деньги были розданы всем монахам «по рукам», то есть каждому в руки. Значит, подобные молитвы за царя не воспринимались как обычная бесплатная обязанность монашествующих.

Судя по сохранившимся богомольным грамотам, особенно ценились молитвы монахов тех монастырей, в которых хранились мощи своих прославленных святых. Вероятно, считалось, что молитва этих монахов благодаря содействию упомянутых святых быстрее доходит до Бога. Поэтому в указанных грамотах в качестве адресатов молитв после имен Бога, Богоматери и некоторых великих чудотворцев фигурируют имена святых соответствующих обителей. Если грамота посылалась в Троице-Сергиев монастырь, то в ней значились Сергей и Никон Радонежские, если в Кирилло-Белозерский монастырь, то Кирилл Белозерский, если в Соловецкий монастырь, то Зосима и Савватий Соловецкие.

Кроме этих святых в некоторых богомольных грамотах предлагается молиться русским святым митрополитам Петру, Алексею и Ионе, которые названы великими чудотворцами. Еще реже в таких грамотах фигурируют Леонтий Ростовский, князь Владимир, Борис и Глеб.

Богомольные грамоты мыслились как некая полумера, частично заменявшая царские паломничества в монастыри. В подобной грамоте царя Алексея Михайловича эта мысль выражена вполне определенно.

М.П. Мироненко
к.и.н., с.н.с. ИнСлав РАН

Генеалогия и геральдика в письмах к В.С. Арсеньеву в послереволюционные годы в ОПИ ГИМ

В личном архивном фонде Арсеньевых в ОПИ ГИМ (Ф. 43) хранится переписка выдающегося генеалога, историка, в прошлом — псковского вице-губернатора В.С. Арсеньева (1883–1947) с различными корреспондентами, среди которых преобладают близкие ему по роду научной деятельности генеалоги, геральдисты, историки и литературоведы. Среди них — геральдист и генеалог В.К. Лу-

комский; выдающийся генеалог и нумизмат А.А. Сиверс; историк, краевед, палеограф, археограф И.М. Сибирцев; историк, филолог и генеалог С.Н. Плаутин, исследователь генеалогии Древней Руси, эмигрировавший в Париж в 1919 г.; пушкинист М.А. Цявловский; адвокат, библиограф, литературовед, сотрудник Дома-музея в Ясной Поляне И.В. Ильинский; художник и создатель серии экслибрисов, а впоследствии авиаконструктор А.А. Крутлый; пушкинист и историк литературы, архивист Л.Б. Модзалевский; историк книги и библиограф И.Ф. Масанов; выдающийся калужский историк и краевед Д.И. Малинин; библиограф, генеалог, некрополист И.М. Картавцев; археограф, генеалог, библиограф, В.И. Чернопятков; директор и хранитель музея В.Д. Поленова его сын Д.В. Поленов.

Исследователь гербов и создатель Гербового музея В.К. Лукомский рассказывал о создании коллекции гербов: «Я очень настойчиво продолжаю собирать всякие предметы с гербами (у меня более 300 печатей-матриц, среди них — арапа Петра Вел[икого] — Ганнибала, канцлера Бестужева, кн. А.Б. Куракина, атамана Платова, несколько Долгоруких, Голицыных, Трубецкой; 3 дюжины тарелок с разными гербами; десяток чашек (в том числе с гербом гр. Аракчеева), несколько десятков пуговиц...). Все это собрание я надеюсь еще при жизни передать и устроить в Гербовом музее, [...] дав, таким образом, показательную картину геральдики в русском быту прошлого времени». Он отмечал, что Гербовый музей не коллекционирует экслибрисы, так как надеется получить в дар полную коллекцию гербовых книжных знаков от его хранителей. В его письмах содержатся многочисленные описания дворянских гербов, в том числе четыре вида гербов Арсеньевых, приводятся их описания и рисунки. В письме 1928 г. содержится рассказ о проведенной им экспертизе герба с мраморного надгробия в Енисейске, которая позволила ему отнести захоронение к правителю Иркутского наместничества, генерал-поручику М.М. Арсеньеву.

Заведовавший Калужским губ. архивом и возглавлявший объединенный Калужский музей Д.И. Малинин посылал сведения об Арсеньевых и их родственниках по Перемышльскому, Тарусскому и др. уездам, сообщал о малоизвестных калужских изданиях, в которых могли содержаться генеалогические сведения, рекомендовал такой важный для генеалогии источник как ревизские сказки, часто игнорируемый исследователями, и сетовал: «В настоящее время архив Казенной палаты, где они были, находится в состоянии разгрома. Более того, у меня нет уверенности, уцелел ли он от архивного потока и разграбления, т. е. не попали ли они на фабрику». Тема уничтожения старых изданий постоянно возникает в его пись-

мах: «с писаной бумагой в провинции расправляются варварски», «в провинции журналы и вообще старые книги постепенно утекают на фабрику или уничтожаются иным путем».

Очень подробные генеалогические сведения и поправки к трудам присылал С.Н. Плаутин. Он сообщал о подготовке русскими генеалогами в Париже генеалогического сборника на французском языке, и приглашал к сотрудничеству: «Цель наша дополнить существующие родословные книги Долгоруковых, Лобанова-Ростовского и Руммеля новыми поколениями и исправить старые погрешности».

А.А. Сиверс в 1926 г. советовал в поисках материалов об Арсеньевых обратиться к истории Пажеского корпуса, который, как он предполагал, находился в Историческом архиве, доступ в который был сопряжен с большими трудностями. Он беседовал с Б.Л. Модзалевским о предложении передать в Пушкинский Дом масляные портреты Арсеньева и карандашный Н.В. Арсеньевой.

Интересны и подробны письма Д.В. Поленова, которого связывали с В.С. Арсеньевым давние дружеские отношения. Он присылал генеалогические росписи, в его письмах много сведений о Боткиных, потомстве Львовых, родословной Яковлевых (предков Герцена). В 1927 г. он с иронией писал: «Отец получил анкету от Эвгенического общества о размножаемости, как член ЦЕКУБУ. Отец не стал отвечать, а я написал. Там была просьба нарисовать свое родословное древо. Я нарисовал родословную таблицу дворян Поленовых и народного художника РСФСР В.Д. Поленова, у которого среди предков 1 окольников, 8 стольников, 9 стряпчих, 1 степенный ключник, 2 думных дьяка, 2 бригадира, 4 майора, 2 действительных статских советника, 1 генерал-майор. Каково?».

Арсеньев пытался помочь пожилым ученым, оказавшимся в послереволюционные годы в трудном материальном положении. Среди них был И.М. Сибирцев, скромно писавший о себе: «Ученых трудов у меня немного, но много трудов мною было положено на создание и заведывание Ц[ерковно]-археологического музея и Ц[ерковно]-археологического комитета», причем «в настоящее время мои печатные и письменные труды покрываются архивной пылью, а предметы созданного мною древлехранилища “запечатаны”». В.С. Арсеньев, бывший членом правления ЦЕКУБУ и клуба Дома ученых, в 1926 г. присылал ему анкеты для прикрепления к ЦЕКУБУ, что могло бы улучшить его положение, однако и через три года Сибирцев (член-корреспондент Академии наук!) писал о том, что эти хлопоты не увенчались ничем. В.И. Чернопятаву, с которым Арсеньев ранее вместе работал над многотомным изданием «Дворянское сословие Тульской губернии», он также посылал

анкеты ЦЕКУБУ, но тоже безуспешно: в 1933 г. тот писал, что его семью выселяют из квартиры, а жена близка к самоубийству.

Хранящаяся в ОПИ ГИМ переписка со знатоками и любителями генеалогии в тяжелые для науки годы показывает не только широту научных связей В.С. Арсеньева, его преданность науке и после нескольких арестов, но и его человеческие качества, стремление прийти на помощь в трудную минуту, наконец, просто участие в нелегкой жизни ученых.

А.А. Митрофанов
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Визуализация закона во Франции конца XVIII века: образ скрижалей в революционной эмблематике

Французская эмблематика периода Революции XVIII в. все еще остается для нас *terra incognita*, несмотря на обилие специальных работ и статей на эту тему. Французские, английские, американские исследователи анализируют аллегории, данные нумизматики, сигиллографии, бонистики, фалеристики и приходят к разным, часто весьма противоречивым выводам (*Agulhon M. Esquisse pour une archéologie de la République. L'allégorie civique féminine // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1973. № 1. P. 5–34; Benzaken J.-Ch. L'allégorie de la Liberté et son bonnet dans l'iconologie des monnaies et médailles de la Révolution française (1789–1799) // La Gazette des archives. 1989. № 146–147. P. 338–377; Hunt L. Hercules and the Radical Image in the French Revolution // Representations. 1983. № 2. P. 95–117; Jourdan A. L'allégorie révolutionnaire, de la Liberté à la République // Dix-huitième Siècle. 1995. № 27. P. 503–532; Richard B. Les emblèmes de la république. Paris, 2012*). Для одних эмблематика Революции — это визуализация идентитарного процесса, для других — только визуализация политических конфликтов. Количество исследований по этой большой теме все еще так и не переросло в качество.

Попытаемся проследить эволюцию образа одного из важных элементов — скрижалей, которые перманентно присутствуют в визуальных образах важных для понимания процесса формирования коллективной идентичности во Франции конца XVIII века.

В самом начале Революции этот образ, явно отсылающий к библейским временам, не имеет еще никакого статуса в знаково-геральдической системе. Он используется при каждом удобном

случае как визуализация «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.). Впоследствии эта эмблема становится почти непременным атрибутом аллегорий Свободы и Республики. Эмблема имела множество вариаций. В сентябре 1792 г. она была включена в композицию государственной печати наряду с женской аллегорией Свободы, фасциями и колпаком свободы. В 1793 г. эмблема приобретает самостоятельное значение как специальная аллегория якобинской Конституции 1793 г. Не исчезает она и после падения монтаньяров в июле 1794 г.: ее активно используют термидорианские элиты как форму репрезентации своих политических притязаний и доказательство стабильности нового политического режима. На этот раз скрижали становятся эмблемой новой Конституции, принятой в сентябре 1795 г. Библейские аллюзии окончательно исчезают в эпоху Директории. Дольше всего эмблема скрижалей закона будет сохраняться на государственной печати Франции, монетах и официальных виньетках органов исполнительной и законодательной власти (вплоть до провозглашения империи в 1804 г.).

С Революцией и упадком религиозной иконографии народные массы и мелкая буржуазия становятся страстными любителями патриотических образов: они поддерживают свой революционный энтузиазм, в то же время делая его видимым в частном и публичном пространстве.

Поскольку под давлением событий и патриотических лозунгов религиозные символы утрачивали свою актуальность, возникла необходимость заменить их новыми символами, несущими в себе патриотические и революционные надежды. И действительно, в иконографии появляются такие символы, среди которых особое место занимают скрижали закона.

Эта эмблема была сознательно выбрана из-за ее семиологического содержания. Само название эмблемы, переданное французским языком, сыграло важную роль в ее выборе. По-французски произносят «Tables de la Loi» (скрижали закона). Слово «Закон» играет в этом выражении главную роль. Это выражение стало чрезвычайно распространенным во французском языке, не знаящем для него синонима, в отличие от английского, где очень часто используется термин «Скрижали Завета». Эмблема скрижалей закона, по самому своему названию, становится, таким образом, носителем послания, адаптированного к революционной идеологии: равного для всех закона, противостоящего королевскому произволу или злоупотреблениям, приписываемым духовенству. Отсюда и отождествление с самого начала Революции скрижалей закона и

Декларации прав человека и гражданина; затем, немного позже, между скрижалями закона и Конституцией, которая должна быть гарантией соблюдения законов. Скрижали закона являются наглядным воплощением идей основоположников революционной идеологии.

Отсюда происходит и широкое распространение «Декларации прав человека и гражданина», воплощенной в форме скрижалей закона. Декларация от 26 августа 1789 г. появилась в конце 1789 г. в довольно наивном стиле, на широко распространенной гравюре. Центральную часть гравюры занимают Таблицы закона, на которых мы можем прочитать Преамбулу Декларации и 17 статей, составляющих ее. Сами таблицы помещены в рамку. Справа и слева нарисованы две колонны, на которые опираются два воина, вооруженные пиками, которые, таким образом, словно защищают Декларацию. Верхнюю часть рамы увенчивают два женских изображения: одно называют Францией, в руках она держит разорванную цепь; другую – Силой и Добродетелью, у нее широкие крылья и она указывает на скрижали закона. Между двумя женщинами фронтиспис, увенчанный глазом и солнцем.

Скрижали не являются светским или языческим символом. Здесь референтна не языческая античная древность, а Библия. Однако в христианской Франции XVIII в. религиозное послание было связано с церковной символикой, которую революция отвергла. Поэтому революционное сознание ищет символизм, который не был бы христианским, но который был бы достаточно религиозным, чтобы удовлетворить глубокое религиозное чувство. Но помимо старых убеждений, которые было трудно искоренить, существовал еще и политический прагматизм. Исключение любого религиозного знака из числа популярных образов могло быть опасным. Скрижали закона идеально подходили для удовлетворения определенной квазирелигиозной потребности, не предполагая при этом принадлежности к духовной сфере.

Таким образом, скрижали закона играют важную роль в иконографии Революции. Они позволяют придать новым идеям и их эмблемам квазирелигиозную окраску, но в, так сказать, «нейтральном» тоне идеалам справедливости, равенства, подчинения закону. Поражение королевского произвола и появление Конституции, гарантирующей права человека, очень четко символизируются скрижалями, что объясняет их постоянное место в иконографии этой бурной эпохи.

**К вопросу историко-экономического районирования СССР
в период сталинизма: опыт анализа межрегиональных
перевозок каменного угля в 1940-х – 1950-х годах**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект № 22-78-10159)*

Исследуя экономическую историю Советского Союза, историки неизбежно сталкиваются с необходимостью вычленения в качестве объектов исследования отдельных регионов СССР. В первую очередь, при этом, перед ними встает вопрос определения территориальных рамок исследования. В большинстве случаев исследователи вынуждены определять такие рамки границами административно-территориальных единиц и/или экономических районов заданных сеткой Госплана СССР в изучаемый период (См., например: Государственно-территориальное устройство России / Под. ред. А.Г. Гранберга, В.В. Кистанова. М., 2003). Следует учитывать, что границы экономических районов, утвержденные правительством СССР, отнюдь не всегда соответствовали реальной картине территориального размещения производительных сил страны, менявшейся под давлением как внешних, так и внутренних факторов. Более того, формальные границы экономических районов могли устанавливаться «на перспективу» с учетом правительственных проектов и планов по экономической реорганизации той или иной территории, что осознавалось в том числе современниками (*Алалтчиев П.М. Экономическое районирование СССР. М., 1959*).

Таким образом, профессиональным сообществом востребованы материалы, позволяющие зафиксировать систему действительных межтерриториальных экономических связей СССР, проследить ее динамику, отметить возникавшие в ней изменения. Ценным источником для таких исследований, на наш взгляд, являются материалы транспортной статистики, а именно статистические материалы сектора железнодорожного транспорта, отдела транспорта и связи Центрального статистического управления СССР по форме ЦО-16. Названная форма представляет собой косую таблицу в которой сведены данные по межрегиональному обороту различных, в том числе каменноугольных грузов на советских железных дорогах с точностью до отдельной области/края/автономной республики. Эти формы отчасти были изданы Наркоматом/Министерством путей сообщения СССР в начале 1940-х и середине 1950-х гг. для служебно-

го пользования, однако большая их часть доступна для исследователей в фонде ЦСУ СССР Российского государственного архива экономики. К настоящему времени известно лишь об одной ограниченной попытке введения этого источника в научный оборот, предпринятой в 1950-х гг. экономгеографом И.В. Комаром для изучения внешних связей Уральского экономического района (*Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959. С. 187*).

В качестве примера, демонстрирующего потенциал указанного источника, вкратце приведем результаты произведенного нами анализа динамики межрегиональных связей угольных бассейнов СССР в 1940, 1946 и 1953 гг. Территории пяти советских угольных бассейнов рассматриваются нами в границах следующих административно-территориальных единиц: Донецкий бассейн — Сталинская и Ворошиловградская обл. Украинской ССР, Подмосковский бассейн — Московская и Тульская обл., Кузнецкий бассейн — Кемеровская (до 1942 г. Новосибирская) обл., Карагандинский бассейн — Карагандинская обл. Казахской ССР, Печорский бассейн — Коми АССР. Несмотря на то, что в 1940–1953 гг. границы указанных регионов претерпевали изменения, статистика угольной промышленности по ним достаточно точно соотносится с данными угледобычи по названным бассейнам.

С точки зрения историко-экономического районирования наибольший интерес обращает на себя то обстоятельство, что не все индустриально развитые и плотно заселенные регионы СССР имели доступ к близлежащим каменноугольным бассейнам (промышленные предприятия Ленинграда, индустриальный Урал), одновременно ряд угольных бассейнов располагался на недостаточно освоенных в промышленном отношении территориях (Кузбасс, Печора, Караганда) и вынужден был отправлять свою продукцию на дальние расстояния. В частности, пример Ленинграда фиксирует зависимость этого крупного индустриального центра от топлива Донецкого бассейна в 1940 г. (5,1 млн тонн), Подмосковского в 1946 г. (2,5 млн тонн) и Печорского бассейна в 1953 г. (4,6 млн тонн). Это, в свою очередь говорит об изменениях в территориальной организации экономики Северо-Запада, в конечном итоге «закрепивших» ресурсы Полярного Урала за так называемым «Ленинградским промышленным узлом». Одновременно статистика фиксирует увеличение зависимости индустрии Урала от угольных бассейнов Кузбасса и Караганды. Поставки угля на Урал из двух регионов в 1940 г., 1946 г. и 1953 г. соответственно составили: 3,3 и 7,0 млн тонн; 4,1 и 10,9 млн тонн; 9,2 и 17,1 млн тонн. При этом Карагандинская область, в процентном соотношении, постепенно сокращала свои связи

с другими регионами Казахской ССР, все более тяготея к промышленности Урала экономически.

Полагаем, что представленный материал демонстрирует перспективы использования транспортной статистики СССР для осуществления всестороннего историко-экономического районирования Советского Союза, при условии аналогичных исследований применительно к иным хронологическим периодам и прочим категориям грузов в дальнейшем.

М.В. Мусеев
к.и.н., с.н.с. ИРИ РАН

Отписки дипломатов как источник по хронологии посольских миссий (на примере турецкой посольской книги № 1 из собрания РГАДА)

Одной из проблем при изучении русской внешней политики эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени является слабая фиксация абсолютных дат осуществления дипломатической деятельности. Нередко послания, направляемые иностранным монархам, имеют указания только на год и месяц написания грамот. Еще хуже обстоят дела с информацией о протекании русской посольской миссии за рубежом. Решить эту проблему позволяет обращение к отпискам и статейным спискам русских послов. Объектом нашего анализа станут отчеты русских послов в Османскую империю в первой трети XVI в. Это миссии Михаила Иванова сына Алексеева (1512–1513), Василия Андреева сына Коробова (15.03.1515 – 19.02.1516), Бориса Голохвастова (март 1519 – 08.01.1521), Василий Третьяк Михайлов сын Губина (20.06.1521 – 18.05. 1522) и Ивана Семенова сына Брюхово-Морозова (30.03. 1523 – 1524).

Каждый из посланников имел свою стратегию описания своей миссии, обращал внимание на детали важные для него и, как следствие, несмотря на отчетный характер этих документов, говорить о полной стандартизации содержания не приходится. Это в полной мере отразилось и на системе хронологических описаний. Так, к примеру, Борис Голохвастов придерживался при описании своей миссии абсолютных дат (РГАДА. Ф.89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 123,126, 127, 132об.). Впрочем, это исключение. Обыкновенно в отписках мы сталкиваемся с относительными датировками. Рассмотрим их подробнее.

Миссия В.А. Коробова началась весной 1515 г. и, следовательно в системе датирования ключевая роль отводилась Пасхе (Вели-

кому дню). Так, дата прибытия посольства в Азов определяется следующим образом: в отписке Коробова доставленной из Азова в Москву 29 мая 1515 г. есть следующее хронологическое указание: «Приехали есмя, гсдрь, в Азов с Камалом и с товарищы на третьей неделе по велице дни в пятницу». В 1515 г. Великий пост шел с 19 февраля по 7 апреля, на 8 апреля приходилась Пасха (Великий день), следовательно послы приехали на третьей неделе после этой даты, то есть 27 апреля. Из Кафы в Константинополь они оправились 3 августа (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 75об.), указано, что в Каффе пробыли 8 недель. Следовательно, должен был прибыть или во 2 неделю 4–10 июня 1515 г. или же третью — 11–17 июня.

Более интенсивно привязки к церковным праздникам использует В.М. Губин. «вышли есмя из Азова здорово на Успение Святыя Богородицы, ночевали, есмя, гсдрь, на устье на донском, а назавтрее есмя сели и на корабль» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 190 об.) То есть из Азова русское посольство вышло 15 августа 1521 г. Далее «до Кафы есмя пришли здорово в первое воскресенье по Оспожине дни» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 203). Оспожин день — это Рождество Пресвятой Богородицы, празднуется 21 сентября, первое воскресенье после этого праздника в 1521 г. — 22 сентября, следовательно именно в этот день посольство оказалось в Каффе. Следующее упоминание касается прибытия в пункт назначения: «пришли есмя, гсдрь, во Царьгород поздорову за неделю до Покрова» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 206). Покров Пресвятой Богородицы — 1 октября, поэтому осторожно предположим, что в султанскую столицу они прибыли или 23 или 24 сентября.

Хронологическая сетка обратного пути миссии Губина выглядит следующим образом. «А пришли есмя, гсдрь, в Перекоп после Рождества Христова на пятой неделе» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 206 об. – 207). «А царя, гсдрь, в Перекопи нет: царь в Киркоре. И мы, гсдрь, пошли в Кафу, и пришли есмя, гсдрь, в Кафу на всеедной неделе» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 207). Итак, Великий пост в 1522 г. шел 8 февраля – 25 марта, Пасха – 26 марта. Получается, что в Перекоп они прибыли в конце января 1522 г. (числа 30 или 31), а вернулись в Кафу на Масленичной неделе 1–7 февраля. «И в Перекопи были месяц. А царь, гсдрь, был в Киркоре, и как, гсдрь, приехал царь в Перекоп, и нас отпустил на вербной неделе в среду из Перекопи» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 207). То есть 9 апреля 1522 г. были в Перекопе, где хан провел церемонию отпуска послов. «в Путивль, да и мы все поздорову после Велика дни на другой неделе в четверг». Пасха была 20 апреля 1522 г., следовательно

в Путивль они прибыли на второй неделе после пасхи, то есть 1 мая 1522 г. 18 мая в Коломне (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 209).

И.С. Брюхово-Морозов в своих отписках сочетает как относительные, так и абсолютные даты. Относительные датировки характерны для промежуточных отчетов, а в итоговом используется преимущественно абсолютная датировка. Приведем для примера сведения из промежуточного отчета о пути в Константинополь. «И пошли из Донкова в другую неделю по Велице дни в неделю мироноситцкую — апреля». Итак, имеется в виду вторая неделя после Пасхи, которая в 1523 г. приходилась на 5 апреля, а день жен-мироносиц — 19 апреля. Вероятно, речь идет о периоде с 13 по 19 апреля 1523 г. «Да на завтрее (Скиндерь) Рождества Христова пошел в Кафу», а жил с Иваном в Перекопи 5 дней (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л.256об., 268 – 268об.). Итак, Искандер Сака уехал из Перекопа 26 декабря 1523 г., следовательно, в Перекоп они пришли 21 декабря.

А вот так выглядит итоговый отчет. «Божию милостию и твоим гсдрьским здоровьем приехали есмя в Царьгород августа 26. А салтана, гсдрь, в Царегороде нет. А были есмя, гсдрь, у салтана на стану впервые августа 29 на италейской стороне, верст з десять от Царягорода; а вдругие, есмя, гсдрь, у салтана были на отпуске в том же стану сентебря 13 день. А всего есмя, гсдрь, в Царегороде были пять недель, а корму, гсдрь, нам давали дватцать ден. А из Царягорода, гсдрь, отпустил нас салтан сухим путем на Белгород сентября 30 [...]А в Белгород, гсдрь, приехали, есмя октяб[ря] тридцаты ж» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 273).

Итак, послы в своих отписках используют разные описательные стратегии. При выстраивании хронологической сетки они могут опираться как исключительно абсолютные даты, так и на относительные или же комбинируя эти оба способа. Внимательное использование методов хронологического исследования позволяет довольно надежно датировать деятельность посольской миссии.

*В.В. Мурзин-Гундоров
н.с. Географического факультета МГУ*

Родственное окружение М.Ю. Лермонтова в стенах подмосковного Нового Иерусалима и его поэтические строки о посещении обители

В 1830 г. шестнадцатилетний поэт М.Ю. Лермонтов вместе с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой (ур. Столыпиной) бабушкой со стороны матери, посетивший подмосковную Воскресенскую

обитель, оставил литературный след об этой поездке (*Висковатый П.А. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т. VI. М. 1891. С. 101; Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. Л., 1979. С. 108–109*).

Стихотворение «Оставленная пустынь предо мной...», согласно свидетельству самого поэта, запечатлено им на стене скита (пустыни) патриарха Никона (*Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения / Отв. ред. тома Н.Г. Охогин. СПб., 2014. С. 98–99*). Первую часть произведения впервые опубликованую в 1859 г. в журнале «Отечественные записки», относят к 1830 г. (*Лермонтов М.Ю. В Воскресенске (Жилище Никона) // Отечественные записки. Т. 127. № 11. Отд. 1. СПб., 1859. С. 253*). В тексте присутствует пометка: «(В Воскресенске)» (город Истра с 1930 г.). Вторая часть стихотворения «Передо мной готическое зданье» (без последней строфы) была издана старанием П.А. Висковатова в журнале «Русская мысль» в 1882 году (*Лермонтов М.Ю. Передо мной готическое зданье // Русская мысль. № 2. М. 1882. С. 179–180*).

Строки М.Ю. Лермонтова посвящённые обители, зримо повествуют и о монастырском некрополе: «...Высокая полынь — все, все без слов / Нам говорит о таинствах гробов. — ... <...> ... Хотя он свеж, на нем печать могил / Тех юношей, которых пережил. — ... <...> ... Он тех людей узрит гробницы. / Их эпитафии пройдёт, / Времен тогдашних небылицы / За речи истинны почтёт...».

Возможно, при посещении обители юным поэтом и его бабушкой со стороны матери Е.А. Арсеньевой (ур. Столыпиной), их поездка преследовала не только паломнические цели, но и посещение могил родственников. Именно о них прозрачно упоминает поэт в своих строках. На момент 1830 г. в дворянской части некрополя было погребено не менее одиннадцати человек из трёх аристократических фамилий родственников поэту по линии матери (*Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. М., 2006. С. 165–166, 293*). Все эти лица являются родственниками князя Александра Андреевича Черкасского, мужа княгини Анны Дмитриевны Черкасской (ур. Арсеньевой), приходящейся двоюродной сестрой Михаилу Васильевичу Арсеньеву деду поэта.

Старый князь А.А. Черкасский, переживший свою жену (ум. 02.11.1817), и его дочь княжна Надежда Александровна (23.12.1798–30.10.1860), попечительница школ в Москве (Черкасской богадельни в Петровском парке) упоминаются в стихотворении Лермонтова «Булевар» датируемом тем же 1830 г. Там Черкасская названа поэтом сорокалетней княжной, хотя на момент напи-

сания, она была девицей тридцати двух лет (*Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения / Отв. ред. тома Н.Г. Охотин. СПб., 2014. С. 112).

Первая родственная поэту семья в некрополе фиксирует пять погребений: троюродную сестру отца князя А.А. Черкасского, Н.Н. Бутурлину (ум. 15.09.1792), её супруга П.М. Приклонского (ум. 25.10.1778), двух их дочерей и зятя (*Мурзин-Гундоров В.В.* Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: место князя А.А. Челакаева (Челокаева) в фамильном некрополе Бутурлиных — Приклонских — Волынских — Вульф — Сухово-Кобылиных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 2. Волгоград. 2016. С. 79–88; *Семевский М.И.* Русская родословная книга). Вторая семья в некрополе представлена погребениями двух членов семейства Загряжских — князей Черкасских. Это троюродная племянница кн. А.А. Черкасского, Екатерина Михайловна Загряжская (ур. княжна Черкасская) (09.06.1756–22.03.1782), и её супруг ктитор Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Борис Александрович Загряжский (10.07.174[?]-24.04.1809), генерал-майор, предводитель дворянства Волоколамского уезда (1792). (ГИХМ. Ф. 1, Оп. 1, Д. 508; Черкасский Б.М. Родословная кабардинских князей Черкасских 1460–2003 // Генеалогия Северного Кавказа № 7. Нальчик. 2003. С. 69, 81, 88). Третья семья в некрополе представлена погребениями семейства троюродного племянника князя А.А. Черкасского — князя Шаховские: князь Пётр Александрович (ум. 12.03.1816), его супруга княгиня Мавра Климентьевна (ум. 07.03.1817) и их дети князь Михаил Петрович (ум. 06.12.1809) и князь Алексей Петрович (ум. 17.06.1810) (*Петров П.Н.* История родов русского дворянства: Кн. 1. М., 1991. С. 75–78). Не исключено, что именно в стихотворении 1830 г. «Оставленная пустынь предо мной...», строки поэта «...печать могил / Тех юношей...», говорят о родственных поэту молодых князьях Михаиле и Алексее Шаховских.

Согласно Л.Н. Шаталовой, впечатление от поездки в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, в дальнейшем проявило отразилось в творчестве поэта на протяжении последующих лет, в романе «Вадим», поэмах «Исповедь», «Демон» и «Мцыри» (*Шаталова Л.Н.* «В уме своём я создал мир иной...» (М.Ю. Лермонтов – художник) / «Люблю Отчизну я...». М., 2004. С. 90–93).

Об атрибуции картины А.И. Ладюрнера «Лагерь Лейб-гвардии Сапёрного Батальона у деревни Тентелево», 1844 г.

На рубеже XIX–XX вв. в русской императорской армии начали появляться полковые музеи, создание которых было связано, как правило, с предстоящими юбилеями воинских частей. В состав полковых музеев включались коллекции живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, имевшиеся в офицерских собраниях. Прежде всего, это касалось гвардейских полков, составлявших элиту армии и расквартированных в столице и её пригородах.

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи выявлено 47 живописных полотен из собрания музея лейб-гвардии Сапёрного батальона, первой гвардейской инженерной части русской армии, отметившей своё столетие 27 декабря 1912 г. (здесь и далее даты приведены по старому стилю).

Картины украшали помещения офицерского собрания батальона, располагавшегося в отдельном трёхэтажном здании по Преображенской улице (с 1935 г. улица Радищева), в доме № 37 (АВИМАИ-ВиВС. Ф. 52. Оп. 110/27. Д. 85. Л. 27).

Сообщение посвящено атрибуции не публиковавшейся ранее картины художника Адольфа Игнатьевича Ладюрнера (1798–1855) из собрания батальонного музея: «Лагерь лейб-гвардии Саперного батальона у деревни Тентелево». Картина подписная. 1844 г., холст, масло, 69 x 97,5 см.

А.И. Ладюрнер работал в России с 1831 г. по приглашению императора Николая I и пользовался исключительной благосклонностью монарха. Будучи представителем батального жанра, он изображал не битвы и драматические эпизоды военной истории, а парады, смотры, караулы, сцены лагерных работ, расквартирования воинских частей и другие сюжеты повседневной военной жизни в мирное время. Несмотря на обширное наследие, творчество художника недостаточно изучено (*Подстаницкий С.А., Леонов О.Г., Попов С.А.* Русская гвардия в картинах А.И. Ладюрнера. М. 2017. С. 6).

В 1830-х – 1840-х гг. Ладюрнер выполнял по заказу императора картины жизни и быта гвардейских полков (Там же. С. 12). Рассматриваемая здесь картина была написана, скорее всего, для этой серии.

12 января 1845 г. император повелел заплатить из Кабинета его величества 1142 рубля 85 копеек серебром профессору Ладюрнеру «за написанные им две картины, изображающие: гвардейских саперов и стрелков финляндского батальона» (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 405. Л. 13).

Изображённое на картине событие имело место в реальной жизни. В 1830-х – 1840-х гг. лейб-гвардии Сапёрный батальон участвовал в практических работах по испытанию «трубной системы» обороны крепостей, разработанной выдающимся инженером-изобретателем генералом К.А. Шильдером (1785–1854). Для противодействия осадным работам противника, мины закладывались в подземные узкие скважины («трубы») и подрывались при использовании гальванической батареи и электрозапалов. В Петербурге опыты проводились «в лагере за Московской заставой», у деревни Тентелево (Тентелева), находившейся в нынешнем Кировском районе города. (Описание опытов обороны крепостей 1834–1846 гг. // КП ИДФ 2949 ИДФ 22-827).

В «Описи имущества бывшего музея лейб-гвардии Сапёрного батальона», составленной в 1920-х гг., указано, что картина была подарена в батальон императором Александром II и имеет название: «Осмотр батальона у деревни Тентелевой генералом Витовтовым» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Д. 1. Л. 1 об). В центре композиции действительно изображен склонившийся над планом крепости генерал-майор Павел Александрович Витовтов (1797–1876), бывший командир лейб-гвардии Сапёрного батальона, назначенный 7 апреля 1843 г. на должность начальника инженеров Гвардейского корпуса (*Волькенштейн А.Е., Случевский К.К.* История лейб-гвардии Сапёрного батальона 1812–1876. С кратким обзором участия лейб-гвардии Сапёрного батальона в русско-турецкой войне 1877–1878. Приложение 11. СПб, 1879. С. 53).

Слева от него, в сюртуке и кивере с чехлом, стоит действующий командир батальона генерал-майор Андрей Андреевич фон Цур-Милен (1794–1864) (Список генералам по старшинству. Исправлено по 17 марта 1844. СПб. 1844. С. 380). Сюртук командира украшает орден св. Георгия 4 класса (1837) и орден св. Станислава 2 степени с императорской короной (1841) (Там же).

Слева от Цур-Милена – фигуры трёх обер-офицеров и фельдфебеля. Два офицера в мундирах и киверах, один в сюртуке и фуражке. Изображённый анфас обер-офицер в мундире, с эполетами капитана, определяется как Николай Павлович Волков (1812–1866).

Н.П. Волков служил в батальоне с 1831 по 1847 г. В 1844 г. он капитан, ротный командир (Адрес-календарь или общий штат Рос-

сийской империи на 1844 год. СПб. 1844. С. 88). К этому времени он был награждён орденами св. Станислава 2 степени (1843) и св. Владимира 4 степени (1839); как участник польского похода, имел знак отличия за военное достоинство (*Virtuti military*) и медаль за взятие Варшавы (*Волькенштейн А.Е., Случевский К.К.* Указ. соч. Приложение 13. СПб, 1879. С. 137. Список генералам по старшинству. Исправлено по 16 июля 1855. СПб. 1855. С. 456). На мундире упомянутого выше капитана видны именно эти награды.

В левой части картины – солдаты 1 сапёрной роты, частью в мундирах и киверах, частью в специальном «рабочем платье» и фуражках. Приказом от 9 мая 1844 г. в русской армии вместо киверов были введены каски (ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 19. 1844. № 17907. СПб, 1845. С. 330). Снабжение войск новыми головными уборами производилось не сразу, а «по мере заготовления касок» (Там же. С. 331). Картина была написана, скорее всего, в мае-июне, в начале лагерных работ, и батальон ещё носил кивера. Император, как известно, строго следил, чтобы изображение формы на картинах полностью соответствовало действительности на момент их написания.

На заднем плане видны два флага на высоких флагштоках, указывающие на проведение взрывных работ. У нижнего края картины живописно расположены символизировавшие труд сапёров предметы: топор, лопата, багры, а также вязанки прутьев и плетёные корзины без дна – фашины и туры, использовавшиеся как защитные приспособления от огня противника на протяжении XVIII и большей части XIX века.

Т.А. Опарина
к.и.н., проф. РАЖВиЗ Ильи Глазунова, с.н.с. ИРИ РАН

Сын чеуша в России: «греченин» Фома Константинов

В первой половине XVII в. важную роль в переселении «гречан» в Россию играли дипломатические миссии. Как русские, так и османские посольства готовы были брать с собой подданных султана, желающих добраться до Москвы. Так, в состав посольства Муслы-оги вошла целая группа «выходцов гречан, которые едут на государево имя» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 7. Л. 131). Уже в пути фиксировался социальный статус иммигрантов. Одним из них был Фома Константинов, «уроженец в Румеле городе (предположительно, Румелихисары, крепость на Босфоре). А отец у него был служивой чеуш» (Ф. 89. Оп. 1. 1633 г. Д. 7. Л. 23). «Гречаном» выдавались

средства на содержание — 7 денег на день (Ф. 89. Оп. 1. Кн. 7. Л. 128).

Османские дипломаты, двигавшиеся вместе с русскими послами, Яков Дашков и Матвей Сомов (Ф. 89. Оп. 1. 1633. Д. 2), добрались до Москвы в конце 1633 г. В Посольском приказе они вновь поведали о своем происхождении, нередко используя уже другие термины: «Фома Константинов сказал, что отец его был у салтана во дворянх, а он де после отца служил в ряду и имал корм» (РГАДА. Ф. 52. 1635 г. Д. 12. Л. 2. Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 321). В соответствии со статусом «гречаном, которые «выехали на государево имя с турским послом с Муслы-агою» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 290. Л. 103) было определено вознаграждение за принятие русского подданства. Фоме Константинову назначили «камку и сорок куниц» (Ф. 138. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 321). На Казенном дворе 20 октября 1633 г. ему выдали дары, заменив отсутствующие меха куниц на соболинные: «8 аршин камки адамашки лазоревой мелкотравной по 30 алытн аршин, вместо куниц по 40 соболеи по 12 рублей сорок» (Ф. 396. Оп. 2. Кн. 290. Л. 103). Верстание также прошло в Посольском приказе. Поместно-денежный оклад Фомы Константинова составил 300 чети и 13 рублей (РГАДА. Ф. 52. 1635 г. Д. 12. Л. 2; Ф. 138. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 322), поденный корм — 2 алтына (Ф. 52. 1635 г. Д. 12. Л. 15). Еще в период оформления подданства Фома Константинов заключил брак с дочерью некой некой вдовы Алены: «В нынешнем... во 143-м году женился я ... у вдовы у Олены Остафьиовой жене на дочери на ее» (Ф. 52. Оп. 1. 1635. Д. 2. Л. 17). Ссылаясь на прецеденты своих попутчиков по посольству Муслы-аги, он просил увеличить жалованье для содержания супруги, что и было исполнено, ему добавили 4 деньги (Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. Д. 2. Л. 17об.).

С этим жалованьем он был направлен на службу в Иноземский приказ в «греческую роту» в начале 1634 г.: «В нынешнем во 143-м году выехал с турским послом... Фома Костянтинов. По 300 чети по 13 рублей. Корму ему и з женою по 2 алтына по 4 деньги на день» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 91 об., 92). «Греченин» исправно выполнял поручения, основными из которых была оборона границ на Туле (Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 97). На смотре 1641 г. он продемонстрировал вооружение: «На коне с саблею да с карабином». В 1639 г. вместе с земляками, в том числе, Остафием Власовым выступил в роли «знатца», подтвердив показания нового иммигранта — «греченина» Юрия Иванова (Ф. 210. Оп. 12. Стб. 135. Л. 69).

В 1641 г. в «греческой роте» произошел конфликт ротмистра Юрия Трапезундского с подчиненными. Фома Константинов с чело-

битчиком Дмитрием Николаевым Селунским был направлен на Тулу для участия в разбирательствах и дачи показаний (Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 55).

В 1642 г. ротмистр спровоцировал еще более значительный конфликт в «греческом» сообществе. Юрий Трапезундский со своими сторонниками: Остафием Власовым и Петром Волошенином, предложил землякам подписать бумаги, назвав их поручной челобитной на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Фома Константинов согласился, но, будучи неграмотным, передал право подписи Петру Остафьеву (Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 85). Вскоре выяснилось, что документ был подан властям в качестве извета на братьев Алибеевых-Макидонских. Началось расследование, в ходе которого «гречане» составили общирную коллективную челобитную против Остафия Власова и Петра Волошенина. На ней за Фому Константинова (Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 118) расписался его сослуживец — Иван Абрамов Селунский. Кроме того, «гречане» стали подавать явочные челобитные. Фома Константинов наряду с Аргиром Захарьевым и Петром Юрьевым Царегордцким, примкнул к коллективной явочной челобитной (Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 97). В ее составлении, видимо, основное участие принял образованный Иван Абрамов Селунский. В челобитный говорилось о неосведомленности ее составителей в цели челобитной, так им принесли лишь чистые листы, ротмистр угрозами лишиться жалованья заставлял их оставить свои подписи, которые были поставлены в их отсутствие (Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 97, Л. 156). В сути самого конфликта они не разбирались, не будучи знакомы ранее ни с Алибеевыми-Макидонскими, ни с Альбертусами-Далмацкими, «Турская земля велика» (Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 97).

Фома Константинов во время очной ставки с Остафием Власовым и Петром Волошениным подтвердил свои слова — явочной челобитной (Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 155–157) и вскоре был оправдан. Он продолжил службу в Иноземском приказе (Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650 г. Л. 425). В 1651 переведен в «польское» подразделение (Ф. 210. Оп. 6. Кн. 53. 1651 г. Л. 398), в 1653 г. — возвращен в «греческую роту», причем с окладом в 400 чети и 17 рублей, наиболее вероятно, повышенном за участие в строительстве Белгородской черты окладом в (Ф. 210. Оп. 6. Кн. 54. 1653 г. Л. 25об., 31). На следующий год «греческая рота» была расформирована и следы Фомы Константинова теряются.

Выражаю благодарность В.Г.Ченцовой за помощь при работе.

Неизвестная переделка фрагмента книги второй Еноха в славяно-молдавском Часослове с дополнениями первой четверти XVI в. (Овч. 201)

В составе славяно-молдавского Часослова с дополнениями первой четверти XVI в. была обнаружена неизвестная переделка фрагмента апокрифической книги второй Еноха (РГБ, Ф. 209. № 201. Л. 188 об.–189 об.), сохранившейся только в славянском переводе. Особенностью этого фрагмента является не только архаичность исходного и достаточно редкого текста, который был, судя по всему, не всегда понятен переписчику, но и своеобразная его переработка, заключающаяся в компиляции двух текстов — этого отрывка книги второй Еноха и отрывка из какого-то варианта слова Иоанна Златоуста «О суетном житии, и о ползи душевной, и о умилении».

Приведем целиком этот текст, сопровождаемый пометой переписчика на полях (Ѣнн^х глѣ^т) полностью:

Въсѣшествиѣхъ прѣхож^аенїа. и въ ѣ сѣл^а неч^анаго и лоу^ннаго. и раздѣмѣхъ шествиа и^х. и сложихъ. сѣтъ и^х и видѣхъ се^аморичеѣ сѣтъ има^т сн^анце па^че лѣна крѣгъ емѣ^ѣ и колесо емоу на нем же шествѣетъ въз^ае. тако вѣтръ прѣходациѣхъ прѣчю^аножъ мрззостижъ и нѣ^ѣ покожъ днѣъ и ноцѣъ хож^аенї емѣ^ѣ и вѣрѣцение емоу. Четыры свѣзды великыѣ. а каздаа свѣзды има^ѣ по^а собоѣ ꙗ свѣзды подь собоѣ и ѣце дѣ свѣзды има^ѣ по^а собоѣ ꙗ свѣздъ. и вѣхъ въкѣпѣ исходацие сѣ снѣцемъ и пазѣтъ его въ днѣъ и въ ноцѣ. (Ѣ) тѣ^а а въ ноцѣ тысацы исходѣтъ агг^алзъ прѣ^а коло^а снѣномъ крылзъ въ пламы огньны. въгараетъ и жежѣ^ѣ снѣце. рѣ агг^алѣ а имена и^а Фнизи, и хлебъ и^а кедрѣ, чю^анни и дивни. и образомъ лѣвы. ногы впашъ и глава конѣдѣлова. и вѣдѣние и^а вѣагрено тако дѣга вѣла^анаа. Ѣ мѣрзъ крыла и^а агг^алѣаа оу каж^аого по бѣ кри^а иже пазитъ и те^ѣе^ѣ сѣ снѣце^ѣ. носаче его тако повелѣ и^а Бѣтъ тако и вѣрацѣа^а и нисходи^ѣ и ходи^ѣ на нѣси и по^а землеѣ сѣ свѣтомъ снѣчно^ѣ те^ѣе^ѣ ние те^ѣе^ѣ непрѣстан^ѣно и похож^аъ сѣ мѣцемъ идеже агг^алѣи трѣпѣцатъ. идеже поставлени бѣдѣ^ѣ страшнии рѣтоли. идеже книги наши^а дѣлзъ вѣвѣрѣ^ѣты бѣдѣ^ѣть. идеже по^ѣпѣ^ѣе^ѣ река вгньнаа въса пожигаѣце. идеже чрѣвѣ лють писѣтъ бажитъ члѣка. идеже тѣма прѣ^ѣстои^ѣ. иде^ѣ среже^ѣ зѣбнии идеже плачъ и възпачъ. идеже непрѣстаѣцѣа слззы. идеже непрѣстанное стагнание и въздыханїе идеже безъ вѣвѣта печаль. идеже скрѣвѣ безъ конѣца. идеже нѣ^ѣ смѣха нѣ пла^ѣ. идеже нѣ^ѣ радѣ^ѣ нѣ горестъ. и горекъ трѣсѣ члѣчѣскыи.

Первая, основная часть текста — это фрагмент из описания четвертого неба во время путешествия Еноха на небесах, который текстуально очень близок к соответствующему фрагменту текста Пространной редакции слова второго Еноха из славяно-молдавской рукописи XVI в. (БАН. 45. 13. 4. Л. 96 об.–97), который приводим также для сравнения:

..взѣшествїа и прѣхожѣніа. и взѣ лоуча свѣта слнчнанаго и лоунна. и размѣрих шествїа их. и сложих свѣт их, и видѣх сеаморицеж свѣт има слнце па лоуны, крѣ емоу и колеси емоу на неже шествоуетъ възсегла, тако вѣтрз прѣходациа възсегла прѣхуна брззостїѣ, и нѣ емоу покоа днѣ и ноцѣ. хожаєніе емоу и вбрацєніе емоу, и дѣ свѣзды велїкыѣ. кождо свѣзда има поа имаце поа совож га свѣзъ. одесны коло слнчное. и дѣ вшоуж имаци кождо поа совож га свѣзъ, вѣ възкоутѣ ѣи, и ходациє сѣ слнце винѣ, и пазат его въз днѣ еи тѣм, а въз ноци га, и ходаат агглы прѣа коло слнчное с крылаты въз пламене вгныѣ, и възгарѣт и ражѣже слнце р агглъ И дѣхы летѣще стїхїи слзнѣныи, имена и^м Финизи и Халкєдри. стоуныи и дивныи вбразо^м лъво^м. и вгєи впашь. и глава коркодилова, вїдѣнне их вбагрено тако дѣга вблачнаа. величѣствїа их цѣ мѣрь, и крыла их. агглѣса кождо, по вї криль, иже пазитѣ и течѣт сѣ слнцемь носа знои и росѣ, тако же повелѣно и^м є ѿ Бга. тако вбрацѣт и нисходи^т и възходи^т по нѣси, и поа землѣж сѣвѣто^м лоу^ѣ свои^х, и тоу вѣ сѣ течєніемь вєпрѣстанно. И вѣнесошѣ ма мѣжїє вны на възтѣк врат слнчныѣ. идеж нисходи^т слнце по оуставоу вѣрменны^м. и по вѣхожаєніи мѣцамь лѣта възє...

Очевидно, новый найденный фрагмент сохранил много «темных», непонятных для переписчика мест. Так, например, вместо правильного названия имен Финизи и Халкєдри читаем оригинальное прочтение а имена и^м Финизи, и хлєвѣ их кєдри, вместо глава коркодилова — глава конєдїлова, вместо брззостїѣ читаем совсем уж не соответствующее контексту — мрззостїѣ. Подобные искаженные и ошибочные написания, совокупно с частичными пропусками текста, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что молдавский копиист не только не очень понимал достаточно хорошо содержание славянского фрагмента, но и имел под руками уже испорченный предыдущими переписками текст в рукописи, возможно, к тому же, и поврежденной.

Вторая часть, начинающаяся словами идеже аггли трѣпцатѣ, неизвестным средневековым компилятором достаточно умело, и в общем-то соответствуя содержанию предыдущего повествования, в продолжении его сюжета, была добавлена к фрагменту книги второй Еноха как выписка из какого-то варианта слова Иоанна Златоуста «О суетном житии, и о ползи душевной, и о умилении». В качестве

примера приведем фрагмент из этого слова по одному из многочисленных известных списков этой гомилии — из Сборника XV в. (РГБ. Ф. 304. I. № 753. Л. 355 об.–356):

...такѡ прѣдстанемъ на томъ велицѣмъ и страшнѣмъ пришествіи. и не дѡропрѣемлимѣмъ и мѡучилищи. идеже престоли страшны стоѡтъ. идеже книги разгываютьсѡ дѣлѡ наши^х. рѣка огна негасимаго. идеже непрестающее въздыханіе. идеже несѡгрѣемаѡ гроза. идеже неѡукротимы ѡчервь. идеже непрестающаѡ слезы. идеже неѡутѣшимое сѣтованіе. идеже нѣ^{ст} смѣха но плачь. идеже нѣ^{ст} величаніѡ но трепетъ. идеже не^с радости но плачь. идеже пища но слезы и въздыханіе. поистинѣ страшно есть слышати. страшнѣ еже бѡудеть видѣніе...

*А.М. Паиков
д.и.н., проф., ПетрГУ*

Метаморфозы герба города Сортавала

Сортавала является старейшим городом на территории Республики Карелия. Начало его основания положил эдикт шведского короля Густава II Адольфа, подписанный 17 июня 1632 г. Но в силу ряда обстоятельств реальная работа по созданию города началась с 1643 г., когда было выбрано место для города и началось переселение туда сельских торговцев. В 1646 г. шведская королева Кристина даровала Сордавале городской устав, содержавший ряд торговых льгот. В те времена королевская власть практиковалась раздачу земель дворянам за службу. 26 марта 1651 г. королева Кристина возвела за военные заслуги отца в графский титул сына фельдмаршала Йохана Банера Густава Адама и даровала ему Сортавалу и окрестные земли, которые были преобразованы в Сортавальское графство.

Все мужчины рода Банеров служили в кавалерии. Поэтому в городской печати Сортавалы появился элемент родового герба Банеров — два перекрещенных турнирных копыя с кавалерийскими флажками. Сохранилось три оттиска такой печати, датированные 1673, 1690 и 1697 гг. Из городской печати этот элемент перешел в шведский герб Сортавалы (*Бойко Д. А. Геральдика Великого княжества Финляндского. Запорожье, 2013. С. 270–278*).

В ходе Северной войны 1700–1721 гг. Сортавала была разорена, потеряла статус город и только в 1788 г. Екатерина II вновь даровала Сердоболю (так город стал называться после 1721 г.) статус уездного города и городской герб. По указу Екатерины II от 4 октября 1788 г. все города Выборгского наместничества, среди которых

был и Сердоболь, получили старые шведские гербы. О гербе Сердоболя было сказано: «Сердобольский старый. На голубом поле на золотых древках красные знамена, положенные крестообразно» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 22. № 16716. С. 1114–1115). Можно добавить, что в этом варианте герба (его иногда даже называли «русский герб») копыя на гербе больше похожи на казачьи пики, чем на рыцарские турнирные копыя. Этот герб с незначительными изменениями просуществовал до конца XIX в. Но в конце XIX в. в условиях пробуждения финского национального самосознания выборгский губернский архитектор Ивар Аминов (Aminoff) предложил вернуться к старейшему шведскому гербу Сортавалы, как он изображен на печати 1673 г., добавив ленты на кончики копий. Этот вариант герба впервые появился на карте Сортавалы 1892 г., автором которой был И. Аминов и в книге Г. Гранфелта «Городские гербы Финляндии» (*Granfelt G. Finlands städers vapenbok. Helsingfors, 1892. S. 26–27*). По некоторым данным, этот герб был официально утвержден в декабре 1917 г., сразу после получения Финляндией независимости. Именно этот герб официально использовался в Финляндии в 1917–1940 и в 1941–1944 гг. и окончательно потерял свой официальный статус в 1949 г., когда была распущена община сортавальских беженцев в Финляндии.

После окончательного присоединения Северного Приладожья к Советскому Союзу в 1944 г. у Сортавалы до 1991 г. не было своего герба. В условиях «хрущовской оттепели» в СССР сформировался интерес к городскому герботворчеству. Этот процесс затронул и Сортавалу. Весной 1975 г. был объявлен конкурс на создание нового герба Сортавалы, но эта инициатива ничем не закончилась.

В условиях перестройки в июне 1989 г. на сессии Сортавальского городского совета было высказано предположение рассмотреть вопрос о восстановлении старого герба Сортавалы. Официально герб был принят на заседании малого совета народных депутатов Сортавалы 29 декабря 1991 г. За основу изображения был взят герб, помещенный на карте города 1892 г. И. Аминова (*Пашков А. М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 278–279*).

Но в связи с утверждением герба Сортавалы в Государственном геральдическом регистре он был доработан. За основу был взят герб 1788 г. Эта версия герба была утверждена постановлением администрации Сортавальского поселения от 25 февраля 2020 г. и зарегистрирована в Государственном геральдическом регистре под № 12888.

Описание герба Сортавалы, утвержденного в феврале 2020 г., звучит так: «В лазоревом (синем, голубом) поле накрест два золотых копыя с червлеными (красными) значками, перевитые червленой

лентой. Щит увенчан муниципальной короной установленного образца» (Герб города Сортавала [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://geraldika.ru/s/42573>).

Таким образом, на протяжении всего периода существования герба города Сортавалы существовало своего рода противоборство шведской и российской традиций в его изображении. Поэтому постановление администрации Сортавальского поселения от 25 февраля 2020 г., зарегистрированное в Государственном геральдическом регистре под № 12888, отражающее российскую традицию изображения герба Сортавалы, представляется вполне обоснованным и правомерным.

К.В. Переходенко
магистр истории, с.н.с.

К вопросу о функциях значиков ремесленных цеховых управ в Российской империи

Определяя функции ремесленных значиков, в первую очередь необходимо определить вид этого класса предметов как таковых. «Словарь русского языка XVIII века» определяет слово «значик» как разновидность написания слова «значек», то есть маленький знак. В источниках XVIII века это слово воспринималось не только в современном понимании знака/значка, но и как флажок, вымпел, прапор, малое знамя. Таким образом, исходя из внешнего вида, наименования, а также того факта, что в обиходе изначальный термин «значик» часто заменялся на «знамя», мы можем смело отнести значики к одной из разновидностей знамен.

Знамена же наряду с гербами и рядом подобных им личных и коллективных знаков имеют репрезентативную, идентификационную и декоративную функции. Насколько эти ключевые функции были реализованы в российских ремесленных значиках? Для этого имеет смысл попытаться определить их статус и статус их обладателей.

В России цеховое ремесленное управление сложилось в результате узаконений верховной власти. Законы, изданные Петром I, Екатериной II и Павлом I, полностью сформировали структуру, права и обязанности ремесленных управ, затронув вопросы от общих до мельчайших — таких, например, как вопрос о том, где и как ремесленный старшина должен хранить печать управы. На управы были возложены фискальная функция (сбор налогов, контроль повинностей), судебного и полицейского надзора. При этом до определенной

степени система ремесленных управ играла роль, сходную с крестьянской общиной, защищая и помогая своим отдельным членам и следя за целостностью ремесленного сообщества. На практике же формирование ремесленного цехового устройства столкнулось с многочисленными проблемами, его зачастую не принимали на местах ввиду непонимания ремесленниками необходимости создания подобного органа или слабого развития ремесел. Цеховые ремесленные управы создали у себя не более 20% городов Российской империи. Создание их растянулось до середины XIX столетия, а уже к 1914 году подавляющее большинство их было упразднено верховной властью.

Ремесленная управа как орган сословного управления в системе городского самоуправления, практически единственная среди прочих, изначально имела свою систему официальных знаков — не только печать управы и трость старшины с городским гербом, но и «ремесленный значик», а впоследствии «все знаки цехов». Это было закреплено в Ремесленном положении и Уставе цехов.

Возвращаясь к вопросу о функциях ремесленных значиков, из ранее сказанного мы видим, что репрезентация цеховой организации ремесленного сословия полностью укладывается в понятие официального символа. Обязанность иметь цеховые знаки была установлена государственным законодательным актом; была определена сфера использования знаков: «Управе иметь все знаки цехов ремесленных употребляемые в церемониях». В то же время, ввиду ряда факторов, таких, как нахождение ремесленного сословия внизу социальной лестницы и подчиненность ремесленных управ городскому самоуправлению, ремесленным значикам государственная власть больше внимания не уделяла. Внешний вид этих знамен, материалы для изготовления, порядок использования в церемониях — все это оставалось на усмотрение самой ремесленной управы. Однако сам факт внимания и установления официальных репрезентаций для ремесленных управ свидетельствует с одной стороны о знакомстве с подобными традициями в зарубежном цеховом устройстве, с другой — о попытке встроить ремесленные управы в систему органов государственного управления, пусть и на местном уровне.

Вопрос о том, насколько ремесленные значики реально существовали и использовались, во многом остается открытым. На данный момент известные ремесленные знамена представляют около 10% всех существовавших ремесленных управ. Известны прямые свидетельства того, что ремесленные значики использовались в различных церемониях в Санкт-Петербурге, Москве, Вятке. Время создания знамен, как правило, не соответствует времени создания ре-

месленных управ и приурочено к какому-либо знаменательному событию. Таким образом, обязанность иметь знаки репрезентации реализовывалась не везде и не сразу, то есть не по закону, а по внутреннему пониманию необходимости.

Что касается выполнения ремесленными значиками задачи идентификации того или иного цеха, то данная функция практически везде была выполнена традиционно и прямолинейно. Символика знамен впрямую наследовала изображения рекламных вывесок, отдавая предпочтение одному из легко узнаваемых сюжетов: изображению товара, производимого цехом, используемых инструментов или жанровых сцен, изображающих мастера за работой. Единственным исключением стала смоленская ремесленная управа, в европейской традиции поместившая на свои знамена изображения святых покровителей ремесла. Никаких сложных аллегорий и образов ремесленные знамена не воплощали.

Ряд ремесленных управ при создании своих знамен поместили изображения государственного и городского гербов, подчеркнув таким образом свою принадлежность к органам власти. Изображение городского герба обозначало управу как часть местного самоуправления, в то время как изображение герба государственного, по всей видимости, напоминало о том, что само существование ремесленного самоуправления освящено волей императора.

Отдельный вопрос — насколько была реализована функция ремесленных значиков как объекта декоративного искусства и украшения. Знамя — это прежде всего визуальный признак, причем знак, функциональность которого не сводится исключительно к информационной роли. Восприятие значика как знамени, оформление с учетом традиции, предназначение для использования в торжественных церемониях — все это играло важную роль в его воплощении.

Внимание к их оформлению в разных городах было реализовано в разной степени. Дорогие знамена цехов столичного Санкт-Петербурга превосходят по красоте, качеству выделки, яркости гораздо более скромные значики провинциальных ремесленников, например, вятские, представляющие собой расписанные жестяные пластины размером 24 x 30 см или подобные им угличские. В провинциальных городах и задачи визуализации ремесленных цехов были скромнее. Масштаб празднования, количество участников церемонии, уровень приглашенных чинов и конечно же благосостояние ремесленного сословия и обывателей в целом — все это влияло на тот уровень декоративности и торжественности, который предъявлялся к ремесленным значикам.

Значики ремесленных цеховых управ в Российской империи требуют двух подходов. С одной стороны, этот уникальный для государства вид гражданских знамен, возникший благодаря императорской воле, на уровне общегосударственных законов был определен как официальный знак местного сословного управления. С другой стороны, сам факт создания этих знамен, их использование и внешний вид подчинялся насущной необходимости и желанию саморепрезентации ремесленного сословия на том уровне, на который местное сообщество было готово.

М.С. Петрова
д.и.н., доц., г.н.с. ИВИ РАН

К вопросу о реконструкции типа аттического (афинского) гражданина

В докладе обсуждается методика, демонстрирующая, как, основываясь на избранных текстах Аристофана (V–IV вв. до н.э.), яркого представителя древней аттической комедии, и иных релевантных источниках (Thyc., Hist., Jones, Powell, eds. 1942, repr. 1967–1970; Hen., Hel., Marchant, ed., vol. 1. 1900, repr. 1968; русск. пер.: Фукидид 1915; Ксенофонт 1935), относящихся к эпохе Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.), возможно реконструировать тип афинского (аттического) гражданина. К рассмотрению привлекаются «Ахарняне», «Всадники», «Облака», «Осы», «Мир», «Богатство» (Coulon; van Daele, eds., vol. 1–2, 5. 1923–1924; repr.: 1963, 1967–1969; Dover, ed. 1968; repr. 1970; MacDowell, ed. 1971; русск. пер.: Арист. 1983, 2000). Обращено внимание на фабулу произведений Аристофана; анализируются и сопоставляются строки и отдельные фрагменты его комедий с целью воссоздания типа афинского гражданина (занимающегося сельским трудом, горожанина; народа в целом).

Показано, что предложенную методику возможно применить к другим комедиям Аристофана (или сочинениям других авторов далекого прошлого — будь то Античность, Средние века или Новое время), изучаемым, например, с целью выявления характерных черт одного человека (или группы лиц) иного социального круга; построения индивидуальной или коллективной биографий (когда задействуются методы и методики просопографического исследования).

Австро-венгерская топонимия Земли Франца-Иосифа

Земля Франца-Иосифа — архипелаг в Северном Ледовитом океане, состоящий из более чем 200 островов, общей площадью более 16000 квадратных километров, самая северная территория Российской Федерации. Топонимия архипелага интересна тем, что формировалась благодаря иностранным экспедициям, и практически все крупные объекты к моменту прихода российских и советских полярников уже имели названия. Кроме того, архипелаг не был затронут волнами переименований, которые прошли по большей части территории страны в XX веке.

Большинство иностранных наименований в российской Арктике принадлежат в первую очередь норвежским (или шведско-норвежским), английским и американским экспедициям. На Новой Земле существует также ряд голландских названий, появившихся вследствие плаваний Баренца в конце XVI века. Поэтому австро-венгерские топонимы — уникальное для региона явление.

Если не считать экспедиции графа Ганса Вильчека, работавшей в 1872 г. на Новой Земле и оставившей крайне небольшое количество топонимов (гора Вильчека и озеро Зюсса, в честь начальника экспедиции Ганса Вильчека и австрийского геолога Эдуарда Зюсса), единственным крупным полярным проектом Австро-Венгерской Империи была экспедиция по поиску Северо-Восточного прохода под руководством Юлиуса Пайера и Карла Вайпрехта, открывшая 30 августа 1873 года новый полярный архипелаг, названный ими Землёй Франца-Иосифа.

Спонсорами экспедиции выступили как император, так и многие представители австрийской и венгерской аристократии, которым посвящено 12 наименований. Верноподданнические и комплиментарные чувства выразились в том, что в топонимах архипелага были увековечены представители правящей династии Габсбургов: император Франц Иосиф I, наследник кронпринц Рудольф, эрцгерцог Райнер Австрийский.

К представителям монарших и медиатизированных династий, в честь которых названы географические объекты, относятся: принц Константин Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, принц Альфред Зальм-Зальм, великий герцог Карл Александр Иоганн Саксен-Веймар-Эйзенахский.

Из представителей аристократии можно отдельно выделить двух наиболее крупных финансистов экспедиции: графа Ганса Иоганна Вильчека и графа Эдмунда Зичи, в честь которых были названы два главных острова архипелага (Пайер считал, что архипелаг состоит из двух больших островов и пролива, названного Австрийским, между ними).

Нетипичным явлением для арктической топонимии является большое количество наименований, посвящённых городам. Они составляют 15% от общего числа топонимов. Это столица империи Вена, главные города Венгрии Буда и Пешт (мыс Буда-Пешт), а также места, в которых родились или с которыми как-то были связаны участники экспедиции: Брюнн, Винер-Нейштадт, Клагенфурт, Кремсмонстер, Теплиц, Триест, Фиуме, Шёнау, а также Тироль — в честь региона в Австрии. Отдельно стоит наименование, посвящённое Франкфурту-на-Майне, жители которого оказывали материальную помощь экспедиции. Следующие две экспедиции Бенджамина Ли Смита в 1880–1881 гг. и Фредерика Джексона в 1894–1897 гг. продолжили эту традицию (5 и 1 топоним), но после них на архипелаге больше не появлялось «городских» топонимов.

Из 80 рассматриваемых топонимов, 44 (55%) посвящены учёным из 8 стран.

Больше всего представлено немцев и австрийцев (около 66%), по 15 и 14 наименований, что является отражением тесной связи между научными сообществами этих стран (Ю. Пайер участвовал в германской арктической экспедиции). Четверо из них не являлись современниками для участников экспедиции, научная деятельность семерых так или иначе связана с Арктикой.

Ещё четыре страны представлены только связанными с Арктикой учёными: Великобритания — шесть топонимов, США — три, по одному — Франция и Швеция. Все они, за исключением американского полярного исследователя Элиша Кейна (1820–1857), — современники Ю. Пайера.

Российская Империя представлена именами трёх учёных (все современники участников экспедиции). Это Ф.П. Литке, А.Ф. Миддендорф и К.М. Бэр. Все трое являются выдающимися учёными и путешественниками и занимались изучением Новой Земли. Кроме того, Бэр и Миддендорф некоторое время работали в Германии и Австрии.

Италия представлена Христофором Негри — основателем и президентом Итальянского Географического общества.

Таким образом, имена современников составляют более 85%, а учёных, связанных с Арктикой — 50%.

Типичными для Арктики являются топонимы, посвящённые судам, в данном случае это «Германия», «Ганза» — суда германских арктических экспедиций, на которых ходил Ю. Пайер, и «Тегетхов» — корабль экспедиции Ю. Пайера и К. Вейпрехта.

Отдельно нужно выделить наименование, посвящённое иностранной королевской особе — Земля Короля Оскара, названная в честь короля Швеции и Норвегии Оскара II, взойшедшего на престол в год начала экспедиции (1872). Данная территория, как и Земля Петермана (на которой находится мыс Вена), замеченная и нанесённая на карты Ю. Пайером, на самом деле не существует. Это окончательно было доказано лишь в 1914 г. российским штурманом В.И. Альбановым, прошедшим через места их предполагаемого нахождения к Земле Франца-Иосифа.

Называть открытые или исследуемые земли в честь правящих монархов — очень старая традиция. В арктических и антарктических регионах — начиная с плаваний Виллема Баренца в конце XVI века и заканчивая открытием в 1913 г. Земли Императора Николая II. Также до сих пор территории называют в честь монарха в связи с началом или юбилеем правления (например, в 2012 г. в Антарктиде появилась Земля Королевы Елизаветы). Поэтому, в данном случае монархические топонимы абсолютно вписываются в общемировую тенденцию.

Так как экспедиция формировалась в основном за счёт средств аристократии, появился целый ряд топонимов, посвящённых знатным персонам. Также большое количество наименований, посвящено городам, как столицам Австро-Венгрии, так и родным для исследователей архипелага. Кроме того, Ю. Пайер и К. Вейпрехт добавили на карту Арктики имена ряда европейских учёных XIX века. Всё это говорит об определённой уникальности топонимической картины, созданной австро-венгерской арктической экспедицией.

*Е.Д. Подвальнов
н.с. Таманского музейного комплекса,
аспирант ЕГУ им. И.А. Бунина*

Идеология в древнерусской словесности: «адресат» и формы (ре)презентации эпохи Ярослава Мудрого

В домонгольской Руси, как и на остальном пространстве европейской *Rex Christi*, церковь занимала главенствующее положение

ние в деле осмысления и культивирования идеологии (как совокупности «идей, ценностей и норм, определявших поведение и действия людей» (*Kerner M. Zum Ideologieproblem im Mittelalter. In: Ideologie und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 1982. S. 13.*)). Еще И.В. Киреевский отмечал, что в Средние века именно духовенство выполняло роль координации и распространения в обществе идей, выстраивая «одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни» (*Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Полное собрание сочинений в 3-х т. Т. 1: 1816–1839. СПб., 2018. Т. 1. С. 163–164*). Несмотря на столь частое словоупотребление идеологии в историографии и акцентуации внимания исследователями на вопросах ее содержания, следует констатировать, что по существу до сих пор неизвестны характеристики этого явления: как оно функционировало в обществе? Был ли связан генезис и развитие идеологий с неким «политическим заказом», или это происходило непреднамеренно (а может и вовсе случайно)? По каким причинам, с какой целью формулировались те идеи, которые исследователи признают идеологиями? Кто был «потребителем» этих доктрин? Какие (государственные и официальные, массовые или элитарные, церковные, феодальные и т.д.) идеологии были? Этот небольшой список вопросов только маркирует часть более обширной проблематики, ориентированной на область функционирования идеосферы в средневековом обществе.

Одним из первых памятников древнерусской словесности, в котором по общему признанию ярко выражена идеологическая доминанта, является «Слово о законе и благодати» (далее — Слово) митрополита Илариона Киевского, именуемое в историографии также «политическим трактатом» (*Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С. 10.; Кореневский А.В. Политическая мысль Византии и Руси // История политических учений. Ростов н/Д.; Таганрог, 2017. С. 124*). Примечателен этот текст по целому ряду причин. Во-первых, его творческое влияние обнаруживается и в другом тексте—«современнике» — «Повести временных лет» (*Розов Н.Н. Иларион и первые русские летописи // Альманах библиофила. Вып. 26. 1989. С. 89–93*). Во-вторых, мало того, что в Слове сформулированы те идеологемы (концепты «Нового Иерусалима», богоизбранного народа и т.д.), которые красной нитью проходят через всю историю Руси, так еще в нем и указан точный «адресат» в отличие от летописания: «Ни къ невѣдущимъ бо пишемъ, нъ прѣзлжиха насытъишемся сладости книжныа, не къ врагомъ Божиемъ иновѣрнымъ, нъ самѣмъ сыномъ его, не къ страннимъ, нъ къ наслѣдникомъ небеснаго царь-

ства» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 28). Потенциальным «потребителем» иларионовской идеологии выступает та категория людей, что разделяет веру Христову и подкована в книжной грамоте. Очевидным образом данные указания сужают круг реципиентов до духовной и светской элиты Руси. Только она — узкая прослойка власть имущих — была способна не только прочесть текст, но и осознать всю полноту заложенных смыслов, раскрывающихся при фиксировании и понимании библейских метаотсылок, парафразов и реминисценций, содержащихся в сочинении митрополита. Примерно в это же время складывается особая культура познания книг, отраженная в «Слове нѣкого калугера о чьтении книгъ» (Там же. Т. 2. СПб., 1999. С. 406, 408.), что способствовало глубокому изучению и усвоению трудов древнерусских авторов.

Однако есть нюанс, заключающийся в том, что произведение Илариона — это лишь выражение идеологии того времени на бумаге. Предполагается, что в основу Слова легла речь митрополита, произнесенная на освящении или киевского Софийского собора, или Благовещенской церкви на Золотых воротах (*Лихачев Д.С.* Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром // Исторический журнал. Кн. 7 (119). 1943. С. 33; *Ужанков А.Н.* Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о законе и благодати» // Герменевтика древнерусской литературы. № 7-1. 1994. С. 75–106). Фактически идеология эпохи Ярослава Мудрого была представлена через все доступные каналы информации — в т.ч. через монументальное строительство и устную речь, которые обладают большой «императивностью оклика» (по выражению Р. Барта). «Считывать» конгениальные сюжеты и практики через образы и посвящения храмов, через речи — устный нарратив — могло несоизмеримо больше людей, чем воспринимать ту же идеологию, но обличенную Иларионом в письменную форму. Хотя, так или иначе, между всеми вариантами (ре)презентации отмечается самая тесная связь (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 416–417; *Лихачев Д.С.* «Слово о законе и благодати» Илариона // Альманах библиофила. Вып. 26. 1989. С. 53–54), служившая единой цели — распространению конкретных ценностных ориентиров среди политически активного населения.

Книги из церковных библиотек в фондах Тотемского музейного объединения

В настоящее время в фонде «Редкая книга» Тотемского музейного объединения» (далее ТМО) насчитывается 3989 книг. Это издания, поступившие из учебных заведений города, из частных собраний, городских организаций, а также из церковных библиотек.

При описании и атрибуции коллекции зачастую возникают сложности с определением владельца издания. Прежде всего, это связано с тем, что в музейных книгах поступлений подобная информация указывалась не всегда. Во-вторых, книги поступали в различном состоянии сохранности, в том числе без переплётов, с вырванными страницами, где могли наноситься владельческие записи, кустоды, печати, штампы, наклейки и т.д. В отношении церковных книг ещё одной проблемой являлось то, что в 1920–1930-е гг. они поступали из закрытых храмов в Тотемский уездный (с 1929 г. районный) финансовый отдел, а уже оттуда в музей. Поступали книги их архивного бюро, милиции.

В настоящий момент в коллекции «Редкая книга» выявлено поступлений из Троицкой Зеленой церкви — 110 ед., 22 книги из Спасо-Суморина монастыря и две из приписной к нему Троицкой Дедовой пустыни, три — из Успенского храма, 16 — из Богоявленского собора и одна — из Владимирской кладбищенской церкви, по одной ед. из Петропавловской и Сретенской, Входаиерусалимской церквей города. Ещё четыре поступили из сельских храмов. Это богослужебная литература, богословские труды, синодики, периодическая печать.

В 1928 г. в музей из Уездного архивного отдела передали два Евангелия — 1744 и 1759 годов. Благодаря вкладным записям на книгах удалось установить, что находились они в Богоявленском соборе. Там же указаны имена сдатчиков — купцы Пановы и воевода Фёдор Порошин, а также дата вклада. В книге Н. Голубкова (*Голубков Н.* Богоявленский собор в г. Тотьме. Вологда, 1884. С. 25) имеется описание драгоценных книжных окладов из серебра, утраченных после революции.

Из библиотеки Тотемской Троицкой Зеленой церкви первое поступление зафиксировано в 1921 г. Это «Записная книга денежного сбора» 1768–1791 гг., рукописное издание объёмом 18 листов. В книге фиксируются денежные суммы, пожертвованные жителями

Тотьмы и Зеленской слободы на внутреннюю отделку храма и устройство иконостаса. Вторая книга поступила в 1925 г. Это синопдик с лубочными картинками, датированный XVII в.

Остальные 108 ед. хр. официально поступили в музейный фонд только в 1981 г. До этого они находились в библиотеке музея, поэтому именно он указан в качестве сдатчика.

Из 108 ед. хр. 33 — это книги кириллической печати, самая ранняя из которых датируется 1719 г. Это «Апостол», напечатанный в Москве в Синодальной типографии. 73 ед. — журналы «Вологодские епархиальные ведомости» и «Вологодские губернские ведомости». Одна книга рукописная, одна — гражданской печати.

В 1930 г. значительная часть имущества Троицкого храма предназначалась для передачи в антирелигиозный отдел музея (ГА-ВО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 29. Л. 26). Из книг в описи упоминается только Евангелие 1789 г. «с приспособленной к нему медной доской и украшениями» (Там же. Л. 34). В фондах ТМО есть подобная книга, украшенная медным чеканным окладом. Поступила она также в 1981 г. из музейной библиотеки, но на ней не обнаружено отливок печати, вкладных записей и других отметок, свидетельствующих о том, что Евангелие находилось именно в Троицкой церкви.

Особый интерес представляют записи в книгах. Среди них можно обнаружить имена дарителей книг, священников, церковных старост, место и дата приобретения, на какие деньги куплена, имена читателей. Встречаются поучительные надписи, например: «Ся книга богоспасаемая на путь истинной вѣры христианской — кто сию познаеть тотъ Христа узнаеть». На книгах также отмечали наблюдения за погодой, и даже даты прибытия первых пароходов.

Библиотека Тотемского Спасо-Суморина монастыря насчитывала более чем 1000 томов. Наиболее полная информация об этом книжном собрании изложена в статье Н.Н. Фарутиной (*Фарутина Н.Н.* Книжное собрание Спасо-Суморина монастыря // Преображение в веках: исследования и материалы по истории Спасо-Суморина монастыря. Вологда, 2007. С. 75–89).

В фонде «Редкая книга» ТМО выявлено 22 книги, поступившие из монастыря, одно издание находится в музейной библиотеке. В основном это журналы: «Вологодские губернские ведомости» и «Вологодские епархиальные ведомости». Ещё две книги были переданы в музей в 1923 г. из приписной к монастырю Троице-Дедовой пустыни. Это Евангелия 1711 и 1764 гг. в окладах из серебра и белого металла.

В 20–30-е гг. XX в., когда церкви закрывались, прихожане переносили утварь и книги в другие храмы. Поэтому в учётной доку-

ментации может быть обозначен как сдатчик один храм, а записи и книжные знаки указывают на другой. В 1940 г. в Тотемский музей из Успенской церкви поступило Евангелие 1657 г., изданное в Москве. Надпись же на книге сообщает о том, что в 1660 г. она была вложена в церковь Рождества Христова — ныне действующий храм, расположенный в центральной части Тотмы. Приход был ликвидирован в 1928–1929 гг.

В настоящее время продолжается разбор и изучение фонда «Редкая книга», архива и библиотеки ТМО. Поэтому сведения о количестве книг из церковных библиотек могут меняться. Установлению информации о происхождении тех или иных изданий могут способствовать описи церковного имущества церквей из фондов Государственного архива Вологодской области.

И.Г. Пономарева
к.и.н., доц. МГУ

О количестве браков и времени рождения Ивана Калиты

Определение количества жен, их имен, времени заключения браков важно не только для пополнения генеалогии династии в части, непосредственно связанной с ее матримониальной составляющей. Эта информация помогает также устанавливать факты материнства, время рождения того или иного члена рода. При этом иногда она становится объектом дискуссий. В отношении жен Ивана Калиты подобных споров до сих пор не возникало. В историографии зафиксированы два брака Ивана Калиты. Известны имена жен: Елена и Ульяна (каноническое — Юлиания) (Синодик Успенского собора Московского Кремля // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. М., 1788. С. 443). О Елене известно, что она умерла 1 марта 6839/1332 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 46). Имени своей предполагаемой вдовы Калита в завещании не называет, но, очевидно, что среди наследников фигурирует Ульяна (ДДГ. № 1; Кучкин В.А. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. 2013. Т. 4. № 151. С. 13). Время свадьбы с Еленой неизвестно. Понятно, что второй брак состоялся не ранее марта 6840/1333 г.

Дата рождения Ивана Калиты летописанием не зафиксирована. В.А. Кучкин, исходя из факта его вокняжения в Новгороде в 1296 г., полагает, что к этому времени князь должен был достичь дееспособного 12-летнего возраста. По наблюдениям, московские Рюрико-

вичи женились примерно в 17 лет. Старший брат Ивана Юрий женился в 1297 г. Так как последовательность рождения его младших братьев источники показывают по-разному (Иван 2-й или 4-й из братьев), получается, что он родился в 1281–1284 гг. (*Кучкин В.А.* С. 9–12). Н.С. Борисов относит рождение Ивана ко времени около 1288 г., ссылаясь на малолетство его деда и дяди (8 и 9 лет) на момент интронизации в Новгороде (*Борисов Н.С.* Иван Калита. М., 2005. С. 34–39; *Борисов Н.С.* Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999. С. 100–101). Уточнению искомой даты не помогает применимое к широкому возрастному промежутку определение летописцем Ивана, в начале 1305 г. участвовавшего в крещении будущего митрополита Алексия, юным (*Пономарева И.Г.* Уточнения к датировке рождения митрополита Киевского и всея Руси Алексия // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXV Всероссийской научной конференции. М., 2023. С. 275–277). Итак, согласно предложенным датировкам в 1296 г., Ивану было от 21 до 24 (мнение В.А. Кучкина) или 17 лет (мнение Н.С. Борисова). В 1305 г. при верности первого варианта он должен был иметь жену, при втором — недавно женился или готовился к свадьбе.

Родовая легенда Квашниных сообщает о наличии у князя Ивана в 1304 г. супруги (ПСРЛ. Т. 43. С. 111). В ней описываются события, порожденные «замятней», охватившей русские земли после смерти 27 июля 1304 г. великого князя Владимирского Андрея Александровича. Претендующие на престол князья: Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский поехали в Золотую Орду за ярлыком. Брата Бориса Юрий Данилович направил в Кострому, где тот был схвачен и отправлен в Тверь. Брат Иван поехал в Переяславль на княжение. Туда подошло тверское войско. 8 июня 1305 г. состоялся жестокий бой, выигранный князем Иваном (*Кузьмин А.В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-восточной Руси в XIII – середине XIV в. Т. I. М., 2014. С. 285.). То, что князь Иван не погиб в этом бою, похоже, решило судьбу московской династии: ему единственному из братьев довелось оставить мужское потомство. В родовом предании Квашниных, содержащем ряд подробностей, выпавших из летописания, сказано, что в Переяславль князь Иван прибыл с женой (ПСРЛ. Т. 43. С. 111). Логично предположить, что это была Елена. Но так ли это?

Старший из известных сыновей Ивана Калиты — Семен (Симеон) родился 7 сентября 1317 г., через 12 лет (!) после Переяславского боя. Если его матерью была Елена, то столь долгое отсутствие детей можно объяснить тем, что ей на момент заключения брака было предельно малое количество лет (12–13), сначала у нее рождались дочери, не были включены в родословцы умершие в детстве сыновья. Известно о трех дочерях Калиты. О старшей знаем, что она вышла замуж за ростовского князя Константина Васильевича до 1328 г. (Редкие источники по истории России. М., 1977. С. 13–14). Несомненно, она родилась до 1317 г. При всем этом младший сын Калиты, Андрей, появился 4 июля 1327 г.

Предположим, Калита женился лет в 17, и его невесте Елене было 12. Если он родился в 1281–1284 гг. (вариант А.В. Кучкина), то женился в 1298–1301 гг., и Елена родила Андрея лет в 40, что сомнительно. Если Калита родился в 1288 г. (вариант Н.С. Борисова), то женился до 1305 г. (в Переяславль князь приехал с женой в 1304 г.). Тогда Елена родила Андрея в возрасте около 35 лет или позже. С.Н. Борисов определил вероятным днем рождения Ивана Даниловича 1 октября. В этом случае он женился рано (в 1304 г. ему исполнилось 16), это маловероятно. В обоих случаях рассмотрен предельно малый возраст Елены при бракосочетании. Принимая также во внимание дату рождения Семена, приходится признать, что вряд ли женой Калиты в начале XIV в. была она.

Отсутствие упоминаний о предшественнице Елены (если таковая была) объяснимо. Летописанием фиксировалась значимая, по большей части политическая, информация, куда не вписывались сведения о рождении и браках первых членов московского княжеского дома. Так, в нем нет сведений ни о Елене, ни об Ульяне. В синодик первая из трех жен Калиты могла не попасть по причине отсутствия у нее потомства.

Если Иван Данилович был женат трижды, его первая жена, чье имя затерялось, разделила с ним критические события 1305 г., чуть не стоивших жизни ее мужу, но ей не довелось стать свидетельницей и соучастницей будущих свершений: она умерла молодой из-за болезни или неудачных родов, промелькнув в истории рода едва уловимой тенью. Известие о существовании у Ивана Калиты жены в 1304 г. при практике заключения княжеских браков примерно в 17 лет, показывает, что Иван Калита, скорее всего, родился ранее 1287 года.

Топонимический мартиролог как исторический источник

*Исследование выполнено по гранту РНФ № 23-28-01737
«Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе:
социолингвистический аспект»*

Топонимическая система (топонимикон) любого региона России формировалась на протяжении столетий. С течением времени многие наименования географических объектов (топонимы) исчезли из официальных документов и активного употребления по разным причинам: переименование, исчезновение самого географического объекта, слияние, выделение населенных пунктов и др. За каждым таким случаем обязательно стоит конкретный нормативный правовой акт — указ Президиума Верховного Совета РСФСР, постановление Правительства Российской Федерации, решение законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и т.д.

В различные периоды отечественной истории государственная топонимическая политика по идеологическим соображениям требовала массовых переименований как населенных пунктов, так и внутригородских объектов: улиц, бульваров, проспектов, площадей, скверов и т.д. В итоге с 1917 г. по настоящее время в России исчезли или были переименованы тысячи населенных пунктов и других географических объектов. В исчезнувших топонимах были отражены особенности исторического развития региона, «законсервированы» следы материальной и духовной культуры, взаимопроникновения культур различных эпох и народов, в связи с чем сегодня возникла острая необходимость зафиксировать и исследовать ушедшие географические названия, чтобы передать потомкам культурно-историческую информацию о нашей стране, зафиксированную в топонимах.

Для обозначения исчезнувших наименований географических объектов нами был введен в научный оборот термин «топонимический мартиролог» (от греч. *μάρτυρολόγιον*, *μάρτυς* — свидетель, мученик и *logos* — слово, сказание; лат. *martyrologium* — перечень жертв преследований или гонений; в более широком смысле этим словом обозначают перечень умерших или погибших людей; таким образом, *топонимический мартиролог* — перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов)).

Для составления топонимического мартиролога региона в первую очередь необходимо обнаружить нормативный правовой акт, зафиксировавший исчезновение топонима. Ссылки на реквизиты ряда подобных документов по официальному запросу можно получить на сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) и подведомственной ему организации — Федерального научно-технического центра геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных.

На сайте в свободном доступе размещен информационный бюллетень «Изменения в наименованиях географических объектов Российской Федерации (1998–2022 гг.)». Согласно этим данным, только за указанный период в Российской Федерации было переименовано 507 географических объектов. Данное издание содержит сведения об изменениях в наименованиях географических объектов, официально принятых в период с 1998 по 2022 годы в рамках действия Федерального закона от 18 декабря 1997 года № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов». С середины XX века по 1998 год также было переименовано немалое количество населенных пунктов, однако официальная статистика за данный период отсутствует.

В настоящее время можно получить перечень названий географических объектов Российской Федерации, снятых с учёта как прекративших существование, сделав соответствующий официальный запрос в публично-правовую компанию «Роскадастр», подведомственную Росреестру.

По состоянию на середину февраля 2023 года в автоматизированном государственном каталоге географических названий (АГКГН) зарегистрированы алфавитные списки названий географических объектов Российской Федерации, снятых с учёта как прекративших существование, на каждый вид географических объектов: 5 будок, 5 курортных поселков, 6 поселков при станции, 8 казарм, 13 кордонов, 14 станций, 15 станиц, 20 городов, 28 железнодорожных станций, 28 разъездов, 30 дачных поселков, 34 участка, 36 местечек, 41 рабочий поселок, 43 слободы, 101 аул, 101 выселок, 228 починков, 245 улусов, 263 поселка городского типа, 2361 хутор, 2629 сёл, 9784 поселка, 28336 деревень, — всего 44374 населенных пункта.

Сделав выборку из колоссального массива предоставленных данных по регионам, можно подготовить топонимический мартиролог любого субъекта Российской Федерации. Структура предоставленной официальной информации, следующая: регистрационный номер в АГКГН, название географического объекта, варианты на-

звания (при наличии), административно-территориальная (муниципальная) привязка, реквизиты нормативного правового акта, географические координаты (широта, долгота, привязка к другим географическим объектам), номенклатура листа карты масштаба 1: 100 000. Например, 518526, дер. Аблыстем (Аблыстем-Можга), Удмуртская Республика, Вавожский район, Указ Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР от 07.07.1970, 56°54', 51°47', О-39-116.

Подача информации в таком виде неудобна для топонимических исследований и для конечного потребителя — заинтересованного читателя, поэтому для полноценной научно-исследовательской и просветительской работы необходимо на базе топонимического мартиролога субъекта Российской Федерации составить и опубликовать большим тиражом региональный «Словарь исчезнувших топонимов», с включением в него культурно-исторической и энциклопедической информации по населенному пункту (дата основания, владельцы, первопоселенцы, знаменитые уроженцы, население в разные годы и т.д.) и указанием основной используемой литературы и источников.

Таким образом, топонимический мартиролог служит надежным источником исторической и лингвокраеведческой информации о прошлом как всей нашей страны в целом, так и её отдельных регионов.

Е.М. Попова
к.и.н., ст. преп. НовГУ им. Ярослава Мудрого

Топонимы Московского государства начала XVII века в письмах Якоба Делагарди к Акселю Оксеншерне

Период наместничества шведского военачальника Якоба Делагарди в Новгородской земле в начале XVII в. хронологически совпадает с переходом в использовании в Шведском королевстве от старошведского языка (*yngre fornsvenska*) к старому новошведскому (*äldre nysvenska*). Это была попытка упорядочить письменный язык и привести его к единому образцу, тем самым создав полноценный государственный язык («*riksskriftsspråket*). Однако стоит отметить, что в начале XVII в. *äldre nysvenska* находился в непосредственном процессе формирования и являлся сочетанием разговорного и литературного языков, поэтому шведский язык находился в «орфогра-

фическом хаосе» и испытывал сильное влияние немецкого и датского языков.

Вариативность написания отдельных слов зависела от нескольких факторов: отсутствие единой упорядоченной языковой нормы (подобная вариативность присутствует и в русских источниках начала XVII века, например, в документах Новгородского оккупационного архива можно встретить несколько устойчивых форм написания Новгорода: Ноугородское (Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2, 147, fol. 1r), Новгородское (Ibid., 180, fol. 2v), Навгороцка государства (Ibid., 193b, fol. 1r) и т.д.), влияния разговорного шведского языка на письменный (по принципу «как слышим, так и пишем»). Разные варианты написания встречаются как существительных нарицательных, так и собственных. Рассмотрим варианты написания топонимов Московского государства начала XVII в. в письмах шведского военачальника Якоба Деллагарди к риксканцлеру Шведского королевства Акселю Оксеншерне, а также сравним написание некоторых названий географических объектов в письмах Якоба Деллагарди и Густава II Адольфа.

Так как шведский военный контингент находился на русском северо-западе, то в письмах отразились топонимы преимущественно этой территории, а именно Псковской и Новгородской земли. Одним из упоминаемых географических названий графом Деллагарди был город Гдов, который в своих письмах он пишет, как: Augdo (Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevexling / Utgifna av kongl. Vitterhets-historie och antiqvitets academien. Senare afdelningen. Femte bandet. Jacob De la Gardies bref 1611–1650. Stockholm: P.A. Norstedt & söners förlag, 1893 (далее – Jacob De la Gardies bref), p. 44, 132), Augdou (Ibid., p. 42, 96, 133), Augdow (Ibid., p. 54, 83) дополняя название города начальным звуком «ау». Стоит заметить, что написание могло различаться даже в тексте одного письма. Тихвин шведский военачальник писал тоже по-разному: Tiphin (Ibid., p. 42, 54, 56), Tiphnin (Ibid., p. 54) или Tiphnie (Ibid., p. 45, 47, 56, 102), Thifin (Ibid., p. 47). Псков в текстах Деллагарди пишется как Plesko (Ibid., p. 87, 91), Pleschou (Ibid., p. 37, 42, 44, 45, 115, 119). В то же время своих письмах Густав II Адольф пишет Псков как Pleskow (Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevexling / Utgifna af kongl. Vitterhets-historie och antiqvitets-akademien. Senare afdelningen. K. Gustaf II Adolfs bref och instruktioner. Första bandet. Stockholm: P.A. Norstedt & söners förlag, 1888 (далее – Gustaf II Adolfs bref och instruktioner), p. 33, 79, 86, 277). Упоминаемый в письмах у Густава II Адольфа Ивангород – крепость, напротив Нарвы - Ivangorod (Ibid., p. 212), Якоб Деллагарди пишет иначе: Iwanogorodt (Jacob De

la Gardies bref, p. 20), Iwangrod(t) (Ibid., p. 25, 32, 44, 55, 112). Использование букв «w» и «v» в данном случае не является серьезным расхождением и, в принципе, взаимозамена этих букв была допустимой нормой. Больше всего разных написаний использует Деллагарди в связи с упоминанием Новгорода: Nougord (Ibid., p. 2, 4, 11, 12, 16, 18, 21, 24, 26, 29, 32, 34-37, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 52, 54, 55, 65, 73, 74-77, 83, 90, 107, 110, 113, 114, 118, 120), Nogord(h) (Ibid., p. 91, 92, 103) – пропущена «и», однако сложно считать это машинальной опиской, т.к. подобное написание встречается несколько раз в тексте одного письма. Также встречаем Nowgord (Ibid., p. 13, 58, 61, 70, 105, 118), Nåugord (Ibid., p. 38, 53, 56, 57, 60, 66, 71, 94, 97, 100, 101, 114, 116), Nougård (Ibid., p. 30), Nåwgord (Ibid., p. 54), Neugardt (Ibid., p. 99), Nougårdh (Ibid., p. 19). В последнем случае мы можем заметить в конце слова глухое «h», которое часто использовалось в то время в разных словах для «украшения». Густав II Адольф пишет или Novgord, или Nougård (Gustaf II Adolfs bref och instruktioner, p. 3, 6, 38, 51, 63, 76, 82, 89). Без изменений в названии обошлась крепость Копорье: Coporie (Jacob De la Gardies bref, p. 31, 32, 44, 81, 107, 112), а также Ям – Jama (Ibid., p. 44, 112) и Старая Русса – Stara Russa (Ibid., p. 113). Ладога у Деллагарди встречается также в одной форме: Ladga (Ibid., p. 44, 70, 93, 94, 116, 120, 122), как и у Густава II Адольфа (Gustaf II Adolfs bref och instruktioner, p. 2, 33, 91, 92).

Встречаются и более отдаленные от нахождения Деллагарди места, но связанные с политическими событиями эпохи Смуты. Например, Звенигород, упоминаемый в контексте с деятельностью воеводы Салтыкова, в тексте письма именуется как Isswenigorodt (Jacob De la Gardies bref, p. 19). Ярославль Якоб Деллагарди пишет, как Jeroslaffve (Ibid., p. 10), в то время как Густав II Адольф пишет Jeresslau (Gustaf II Adolfs bref och instruktioner, p. 64). Расхождение у двух корреспондентов и в написании Москвы / московский: шведский король пишет название столицы Московского государства как Moskwa (Ibid., p. 63 o.f., 82), а шведский военачальник Muschou (Jacob De la Gardies bref, p. 4, 9, 10, 19, 24, 26, 30, 34, 36, 90, 93, 115), Moschow (Ibid., p. 19), Moskow (Ibid., p. 19), Musko (Ibid., p. 103). Неидентично оба пишут и Смоленск – Smolensk (Gustaf II Adolfs bref och instruktioner, p. 738) и Smolenssk (Jacob De la Gardies bref, p. 17, 18), Smålenssk (Ibid., p. 18, 19).

Таким образом, мы можем заметить, что топонимы Московского государства Якоб Деллагарди пишет часто отлично от написания тех же самых названий у своего соотечественника — Густава II Адольфа, иногда по-разному названия он пишет даже в одном и том

же тексте своего письма. Однозначно причины подобной вариативности установить сложно. Во-первых, вероятно, что подобное написание связано с проникновением устного восприятия слова в письменную речь, во-вторых, с пока еще формировавшимися и до конца не оформленными нормами письменного шведского языка периода äldre nysvenska. Также стоит заметить, что причина может крыться и в недостаточной грамотности Якоба Делагарди, который хоть и имел довольно высокое происхождение, но должного образования так и не получил.

В.П. Пушков
к.и.н., с.н.с. МГУ

Связь Новгородской земли с Московским Печатным двором в XVII в. (по архиву Приказа книгопечатного дела)

Введенные в научный оборот археографической лабораторией исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова документы архива Московского Печатного двора (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1-3) свидетельствуют о прочной и многогранной связи Новгородской земли с главным книгоиздательским центром страны XVII в.

При патриаршестве Никона (с 1652 г.), духовные «власти» для более оперативного снабжения своих епархий «новоисправленными» богослужебными книгами сами нередко посещали Печатный двор. Например, 7 февраля 1656 г. первым 200 Служебников в типографской лавке на Никольской улице приобрел Макарий митрополит Новгородский и Великолуцкий, тогда как в тот же день только по 100 Служебников взяли архиепископы Маркел Вологодский, Мисаил Рязанский и Иосиф Суздальский, а Лаврентий Тверской купил 50 экз. этой книги. Через год 20 февраля 1657 г. тот же «преосвященный» Макарий купил в лавке 50 сборников духовных произведений «Скрижалей» («книг церковных»), а через десять дней 3 марта им же было приобретено 150 экз. второго исправленного и дополненного переиздания нового Служебника (*Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры: 1652–1700 гг. Исследования и публикации. В трех книгах. Кн. 1. М., 2007. С. 303, 316, 325). Простые священники и прихожане также нередко приобретали новоизданные церковные книги для своих храмов. Так, 13 августа 1656 г. один экз. «Скрижали» купил «новгородец» (видимо, торговый человек) Василий Проезжалов, а 9 марта следующего 1657 г. «поп

Гарасим» из Знаменской церкви Новгородского уезда и «новгородец» Константин взяли по одному экз. этой книги (*Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушкиков В.П.* Московский печатный двор. Кн. 1. С. 313, 317).

Представители Новгородской земли не только увозили печатные книги из Москвы, но из своего огромного рукописного наследия снабжали Печатный двор самой драгоценной его частью — пергаменными («харатейными») книгами. Они лишь в малой степени использовались для редакционно-издательской работы в Правильной палате, большую часть всего XVII в., к великому сожалению, приобретались Печатным двором в качестве расходного материала для комплектации некоторых узлов печатного стана — фрашкетов и тимпанов, а также для переплетных работ. Показательно, что 7 из 10 иногородних частных харатейных продавцов представляли старинные северо-западные земли: трое были из Великого Новгорода, два из Костромы и по одному из Галича и Свирского Александровского монастыря. Так, 14 марта 1653 г. харатей продала «старица» новгородского Десятинного монастыря Улита Негодяева (несколько пергаменных книг в 197 тетрадей по 1,5 коп. за тетрадь), а в декабре 1677 г. священник новгородской Анастасьевской церкви Никита продал три большие («дестевые») книги в составе 65 тетрадей по 12 коп. за тетрадь (*Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушкиков В.П.* Московский печатный двор. М., 2011. Кн. 2. С. 365). Скорее всего подобные продажи пергаменных рукописей согласовывались с церковными старостами и монастырскими настоятелями, так как приносили некоторый доход. Для открытой при Печатном дворе школы 12 октября 1683 г. у «новгородца» Богдана Деревецкого за «полтину» был куплен «Апостол харатейной в среднюю десть в дватцать в пять тетрадей» (показав свою грамотность, этот человек сам расписался за проданную им книгу) (*Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушкиков В.П.* Московский печатный двор. Кн. 2. С. 582).

Яркой чертой русской книжной культуры XVII в. явились своеобразные формы книгораспространения по предварительным запросам и бесплатное их распределение, что лишним раз подчеркивает особую роль Книги в русском «культурном коде». Например, 4 января 1623 г. по челобитной с пометой думного дьяка Федора Лихачева один переплетенный экземпляр нового издания Минеи февральской был «дан» в Успенский Кольский монастырь, причем эту книгу для передачи челобитчику «взял» игумен кремлевского Богоявленского монастыря Илья. Данный факт хорошо иллюстрирует прочность связи Москвы и Великого Новгорода с самыми удаленными форпостами православной духовности: «...из Великого

Новгорода ко Пречистой Богородицы Успению Кольского монастыря Минея месяца февраль в переплете...» (*Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор. С. 345). По сложившейся традиции в русском книгоиздательском деле Московский печатный двор весь XVII в. для бесплатного распределения книг «по церквям и монастырем» регулярно передавал в Приказ Большого дворца (ПБД) определенную часть своего тиража (как правило, 50 экз.) каждого нового издания. Так, по «Книге безденежной продажи» за 1650–53 гг. есть запись о том, что 31 января 1652 г. «по памяти за приписью дьяка Смирново Богданова» игумен Нафанаил из небольшой Теребенской пустыни в Новгородском уезде по своей челобитной получил из ПБД для монастырской Никольской церкви полный годовой комплект («круг») месячных служебных Миней стоимостью в 12 руб. (игумен лично «взял» книги и расписался в их получении) (*Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры: 1618–1652 гг. Исследования и материалы. М., 2001. С. 413). А 26 февраля 1675 г. по царскому указу из ПБД был «дан» Пролог (первая половина) в церковь Михаила Архангела и чудотворца Моисея Сковординского монастыря «с приписью при игумене Пахомии» (Московские кириллические издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 3. 1651–1675 / сост. Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. М., 2003. № 89.5). Царь Алексей Михайлович регулярно указами из своей «казны Печатного двора» приказывал «безденежно» раздавать новые книги высшей церковной власти, устанавливая при этом строгую градацию. Так, 4 августа 1670 г. из 14 архиереев по 100 новоизданных книг «О священстве» получили лишь патриарх Иоасаф и митрополит Новгородский и Великолуцкий, ближе других к которым стояли лишь митрополиты Рязанский и Ростовский (соответственно 80 и 70 экз.), тогда как остальные десять довольствовались 40–50 книгами (*Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П.* Московский печатный двор. Кн. 2. С. 532).

Е.В. Пчелов
к.и.н., зав. кафедрой ВИДиА ИАИ РГГУ

В.А. Жуковский и герб Александрии

24 декабря, накануне Рождества 1829 г. Николай I утвердил флаг собственной Ея Императорского Величества дачи Александрии (ПСЗРИ-2. Т. IV. № 3374, с. 953). Флаг представлял собой по-

лотнище, на котором помещалось изображение герба Александрии, почему эта дата считается в литературе также датой официального утверждения этого герба, хотя такового утверждения и не было непосредственно. Герб этот, насколько можно судить, не имеет официального описания, но по изображению на флаге представляет собой следующую композицию: в щите французской формы в лазуревом поле с тонкой золотой каймой венчик из девяти белых роз, сквозь который проходит серебряный меч с золотой рукояткой, поставленный вертикально остриём вверх (тинктуры на рисунке обозначены шраффировкой).

Изображения этого герба украшают интерьеры и различные предметы, связанные с дачей Александрия в Петергофе, которая принадлежала императрице Александре Фёдоровне. При этом в ряде случаев эти изображения отличаются заметной вариативностью. Так, на капителях колонн из столовой дворца «Коттедж» гербовый щит имеет вырез в верхней части, что делает его похожим на щит так называемой английской формы. В самом щите, по бокам от гербовых фигур помещён девиз «За веру, царя и отечество». На предметах из стеклянного собственного сервиза дворца «Коттедж», создание которого датируется 1827–1829 гг., герб Александрии имеет уже чисто английскую форму щита, а девиз в поле щита выполнен золотыми буквами, причём слово «вера» написано со строчной буквы, а «Царь» и «Отечество» с прописных (Легенды Кремля. Русский романтизм и Оружейная палата. М., 2023. №№ 21–26. С. 78–84). На аналогичном фарфоровом сервизе, созданном в то же время, гербовый щит смешанного типа – французский с вырезом наверху, а девиз вписан чёрными буквами в кайму, причём в верхней части каймы представлен орнамент из двух веточек с листиками. Такой же тип герба изображён на фарфоровом сервизе яхты «Александрия» (1830е и последующие годы), но здесь меч мог быть полностью золотым (Тенихина В. Императорские яхты / ГМЗ «Петергоф». СПб., 2005. С. 7–9). Иными словами, щит герба мог приближаться к английской форме, а также в него мог быть вписан тем или иным способом девиз «За веру, Царя и Отечество». Можно думать, что английская форма щита с вырезом наверху как бы лучше подходила к тому готическому стилю, в котором были выполнены здания и их интерьеры в самой Александрии — стилю рыцарских времён, поклонницей которого была императрица.

Создателем герба был учитель русского языка Александры Фёдоровны и наставник наследника престола великий русский поэт Василий Андреевич Жуковский (1783–1852). Дворец Коттедж в Александрии был построен в 1826–1829 гг. архитектором

А.А. Менеласом (шотландцем по происхождению). Флаг с гербом официально утверждён в самом конце 1829 г. Исходя из этого, можно полагать, что герб Александрии был создан Жуковским между 1826 и 1829 гг., возможно, ближе к началу этого периода. Повидимому, вариант с девизом являлся первичным, но при официальном утверждении девиз (расположение которого ни в поле щита, ни на кайме не соответствовало, конечно, правилам геральдики) был убран. Что послужило эмблематической основой для этого герба?

Хорошо известно, что символом императрицы Александры Фёдоровны, с тех времён, когда она была ещё прусской принцессой Шарлоттой, являлась белая роза. Причиной этого послужила постановка при прусском королевском дворе (по случаю двадцатилетия кронпринца Фридриха-Вильгельма) в 1815 г. сцен из романа Фридриха барона де ла Мотт Фуке (1777–1843) «Волшебное кольцо», в которой участвовали члены королевской семьи. Сам роман увидел свет незадолго до этого события, в 1812 г. в Нюрнберге. «Волшебное кольцо» имеет подзаголовок «Рыцарский роман». Среди его действующих лиц — девушка Бланшфлёр («Белая роза»), роль которой и исполняла принцесса Шарлотта (*Сидорова А.Н., Сидорова М.В.* Два «цветка завета» императрицы Александры Фёдоровны // В царстве Флоры. Растительные мотивы в искусстве первой половины XIX в. / ГИМ. М., 2016. С. 168–170; авторы почему-то называют героиню «Бланшфлур»). Итак, венки из белых роз означал флористический символ императрицы, а меч отсылал к рыцарским временам и традициям — это вполне понятные, известные и очевидные вещи. Но герб Александрии перекликался с ещё одним, вполне условным гербом.

В 1829 г. российская императорская чета присутствовала на торжествах по случаю бракосочетания старшего брата Александры Фёдоровны, принца Вильгельма (будущего германского императора Вильгельма I) и принцессы Августы Саксен-Веймар-Эйзенахской, которая по своей матери Марии Павловне, приходилась племянницей Николаю I. В день рождения Александры Фёдоровны 13 июля в Потсдаме было устроено великолепное празднество в виде рыцарского турнира — «Волшебство белой розы», в котором участвовали члены королевской семьи и представители других монарших династий и аристократии в образах средневековых рыцарей. У каждого из рыцарей на щите был его личный герб, и прусский принц Вильгельм имел лазуревый щит с тонкой золотой каймой, на котором изображался серебряный рыцарский меч с золотой рукояткой, поставленный вертикально остриём вверх. Над мечом располагался

девиз, написанный чёрными буквами — «Gott mit uns.», то есть «С нами Бог», который, собственно, и был девизом герба Прусского королевства (см.: Кавалькада принцев и рыцарей. Третья кадриль. Литография // Легенды Кремля... № 18. С. 75; акварель Ф. Крюгера «Портрет принца Вильгельма Прусского в турнирном костюме», 1829 г., из собрания ГМЗ «Петергоф»). Близость этого герба с гербом Александрии позволяет предполагать их связь. Возможно, герб Александрии выступал здесь своего рода изобразительным прототипом.

Спустя десять лет, 21 июля 1839 г. был утверждён герб самого В.А. Жуковского. Здесь в нижней, золотой части пересечённого щита изображён «червлёный, состоящий из семи о шести лучах звезд и семи роз, венок». Можно думать, что розы в венке (хотя и другого цвета) отсылали к гербу Александрии, который был символом августейшей ученицы Василия Андреевича.

Е.В. Пчелов

к.и.н., проф., зав. кафедрой ВИДиА ИАИ РГГУ

К.С. Худин

к.и.н., доц. ИАИ РГГУ

Ода и герб М.М. Хераскова

Род Херасковых, к которому принадлежал выдающийся русский поэт и деятель просвещения Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807) имеет валашские корни. Как сказано в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи», он «происходит от бывших в древние времена в Княжестве Воложском Вельможами первых степеней, за коими в оном Княжестве состояло немалое недвижимое имение». Херасковы выехали в Россию при Петре Великом (по-видимому, в контексте тогдашних связей с Молдавией и Кантемирами), а уже в 1785 г. у старших братьев Михаила Матвеевича Александра и Петра имелся дворянский герб, который и был позднее (с некоторыми, несущественными для нашей темы изменениями) утверждён и внесён во вторую часть «Общего гербовника» (1798 г.).

Щит этого герба «разделён горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображены золотое Солнце, серебряная Луна, рогами обращённая в правую сторону и чёрный Орёл с золотым на носу его Крестом, стоящий на золотом Драконе, означенном в нижней части в красном поле».

Совершенно очевидно, что в основу этого изображения был положен хорошо известный герб Валахии. Зафиксированный, по крайней мере, с конца XIV в. он представлял собой изображение обернувшейся птицы с крестом над нею, а также полумесяцем и звездой. Под птицей первоначально подразумевался ворон, который уже в XVII в. трансформировался в орла, в полном соответствии с идеей о римском происхождении румын. Орёл держал крест в клюве и сидел на можжевелевой ветви, в более поздних вариантах герба «превратившейся» в зелёную гору. Звезда также трансформировалась — в солнце, и таким образом вместе с полумесяцем образовала вполне понятную и традиционную пару «солнце и луна». Все эти фигуры и вошли в херасковский герб, подчёркивая валашское происхождение этого рода. Однако единственным и весьма существенным отличием от валашского геральдического прототипа стало наличие в гербе Херасковых дракона, на котором, собственно, и стоял орёл.

Каким образом гора трансформировалась в дракона? Трудно в данном случае предположить некое визуальное сходство или непонимание (незнание) создателями герба, очевидно, самими Херасковыми, того, что изображалось в валашском гербе. Скорее, замена фигуры была сделана сознательно (возможно, и с целью достичь отличия от самого валашского герба). Вполне вероятно, что орёл с крестом в клюве, стоящий на драконе, то есть таким образом подпирающий его, мог символизировать превосходство или победу христианства над иноверцами, в контексте истории Валахии и Молдавии — над турками, под чьим протекторатом находились княжества. Сопряжение дракона с иноверцами (мусульманами) или язычниками (к которым также могли причислять мусульман) — вполне традиционно для европейской культуры, начиная с сюжета противоборства святого Георгия с драконом, и воплотилось в ряде визуальных образов, включая дракона на фантазийном флаге «татарского цесаря», представленном в ряде изданий рубежа XVII–XVIII вв.

Такая трактовка, что примечательно, находит подтверждение и в поэтическом творчестве самого Михаила Матвеевича. Так, к возвращению Г.А. Потёмкина с театра военных действий русско-турецкой войны в начале 1791 г. Херасков написал оду, а, точнее, «Песнь его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому на знаменитые его подвиги противу Оттоманской Порты». В ней Потёмкин сравнивается с орлом: «Но князь Потемкин, как орел / К Бендерам быстро прелетает, / Перуны вслед перунам шлет / И град к его стопам падет; / Орлы, парящи вокруг стадами, / Покрыли падший град крилами». Здесь явно имеется в виду не

двуглавый российский орёл, а одноглавый, «римский», держащий в лапах пучки молний (перуны). Побеждённая Порта же сопоставляется с драконом: «Познав российский меч дракон / Ползет в горах пускает стон; / Себя которым исцеляет, / Себя тем жалом уязвляет». И далее: «Но гордый мыслями Селим / Глаголам праведным не внемлет / Еще вступает за Крым, / Он дерзкое чело подъемлет; / Взревел и в твердый Измаил, / Как змий, главу свою сокрыл; / Но храбрые с тобою россы / Привыкли разрушать колоссы». Змий, то есть дракон – символ «врагов Христовых», турок, побеждённых российскими орлами под водительством главного «орла» — Потёмкина. Эта бестиарная метафорика прямо перекликается с символикой герба самого Хераскова, что подтверждает возможность ранее высказанной его интерпретации.

Примечательно и то, что боевые действия 1789–1790 гг., которыми руководил Потёмкин, велись, в том числе, и на территории Молдавского княжества, а ставка князя находилась в Яссах, то есть в соседнем с Валахией государстве, из которого родом были предки Хераскова. Возможно, эта географическая локализация военного противостояния России и Турции также могла обусловить обращение поэта к упомянутым символам, воплощённым, к тому же, и в его гербе.

С.В. Рассказов

*к.г.н., н.с. Международного научного комплекса
«Астана» (Астана, Казахстан)*

**«Каменной брод, речка Чиганама, Тныркуль озеро
и камень частохолм...»: посольство Фёдора Скибина и его
сведения на картах Семёна Ремезова — ещё раз о характере
ремезовских чертежей и их источниках**

В 1980 году Е.А. Княжецкая — петербургский историк, историко-географ и библиограф в статье для одного из академических сборников пишет: «Русский картограф XVII в. Семен Ульянович Ремезов при составлении своих атласов Сибири, как известно, широко пользовался расспросными сведениями, полученными им от местных жителей и путешественников. Без их участия не могли бы появиться многие подробные данные на его чертежах, так как сам он побывал далеко не во всех местностях, отраженных в его картографических работах» (*Княжецкая Е.А. Путешествие тоболь-*

ского казака Фёдора Скибина в Казачью Орду в 1694–1696 гг. // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. 22. Кн. 2. С. 66).

Таким образом, предваряя рассказ о посольстве тобольских служилых людей Фёдора Скибина и Матвея Трошина к казахскому хану Тауке в 1694 г., Е.А. Княжецкая как бы на полях ставит вопрос о характере источников *чертежей* Ремезова. Имея реалистичные и вполне логичные представления по данному вопросу — охватывая почти весь север Евразии эти *чертежи* не могут не быть вторичными, не могут всюду опираться на оригинальную ремезовскую съёмку, а потому, скорее всего, опираются на путевые описания, переписные, фискальные и другие нарративные источники — она, кажется, вынуждена не развивать в дальнейшем эту тему. Далее, по тексту статьи, после подробнейшего изложения всех приключений Фёдора Скибина и его товарищей, задержанных в ставке хана, бежавших и вернувшихся в Сибирь в 1696 г., а также историко-географического комментария к «Сыскному делу» Скибина, автор лишь скромно отмечает, что «многие из собранных Скибиным сведений отразились на чертежах С.У. Ремезова», ссылаясь при этом на пять работ, ни одна из которых не является багровской публикацией «Хорографической книги Сибири», на л. 112, которой, как мы легко можем убедиться, и отражены сведения тобольского служилого.

Политические препятствия, не позволившие Е.А. Княжецкой, ещё в 1969 г. опубликовавшей первую работу о Скибине и, кажется, неплохо знавшей о том, как именно его сведения отразились на чертежах Ремезова, прямо сослаться на нидерландскую публикацию «Хорографической книги» (The Atlas of Siberia by Semyon U. Remesov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. s`Gravenhage, 1957), к счастью, не касаются нас в наше время. И мы можем легко сравнить нарративные «Распросные речи ... Скибина...» (Распросные речи возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами в Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию // Русский Архив. 1867. Кн. 3. С. 396–402) с атласом Ремезова, доступным, благодаря усилиям тобольского энтузиаста А.Г. Елфимова, не только в библиотеках, но и онлайн ([https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$1j](https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$1j)).

Займствования Ремезова из Скибина довольно прямолинейные. Там, где у Скибина «на вершину Ишима реки на Каменный брод, ходу дней с 10; [...] А с вершины Ишима реки, перебредши Каменный брод до Казачьей Орды до Тевки-ханова Туркестана города, дорога лежит прямо на зимний полдень, [...] через речки

Терсазёр Сары-су, влеве камень Улутау до речки Чиганамана, ходу 4 дня; а с Чиганамана степью через Тарганскую вершину до Тныркуля озера, а над тем озером камень частохолм не высок, и многие де с него в Тургай речку пади, а ходу де 3 дня; и у того де озера воровские воинские люди, воевавши по слободам, покидают телеги, арбы и кошевую посуду дальнего похода. А от Тныркуля озера по камню чрез речку Кынырю подле нея до большой речки Кынырбая ходу полтора дня, а Кынырбай де речка течет с востока из под камня от Нор-Ишимских озер, [...], а устьем де пала с левой стороны в Сары-су реку; а на устьи в мысе чудской кирпичный город Сургана развалился, а осталось де еще 3 палаты целых; да в Кынырбай же с левую сторону от Торганских вершин речка Кындыр пала устьем выше Буюганы, ходу на 3 дни. А переехав Кынырбай реку камнем, а подле рынь-пески до мечети Каменной Палаты ходу 3 дни...», у Ремезова обозначены «каменной брод» через Ишим, прямое направление на «полдень», «р.Чиганам», хребет, обозначенный как «(к.) Улу», и хребет «(к.) частохолмъ», к западу от которого расположено озеро Тиниркуль, подпись рядом с которым рассказывает о «покинутых телегах», а с самого хребта стекают многочисленные потоки, направленные рукой картографа к реке Тургай, «р. Кынырь» и «р. Кынырбай», «мечеть», «Рынь-пески» и строение с подписью «Буюгана». К чести сибирского картографа, можно отметить, что на л. 112 «Хорографической книги» наблюдается некоторая вариативность в отображении данных информатора (видимо, по итогам расспросов и проверки), а также дополнительная информация, почерпнутая у кого-то ещё, но общий вывод более чем ясен.

В 2017 г. года мы уже пришли к похожим выводам о вторичности данных Ремезова по участку куда более близкой сибирскому Леонардо сельской местности между Туринской слободой и городом Туринском (*Корандей Ф.С., Рассказов С.В.* Историко-географический атлас Юго-Западной Сибири: опыт картографирования Тюменско-Верхотурской дороги, 1666–1771 // Изв. РАН. Сер. географ. 2017. № 1. С. 137–146). Рассмотренный случай — ещё один аргумент в пользу тезиса о широком использовании Ремезовым нарративных и, видимо, устных данных от информаторов при составлении своих чертежей. Далее он неким образом трансформирует эти данные и собирает в единую картографическую картину. Но это тема отдельного исследования.

М.В. Рыгалова
к.и.н., доц. Алтайского ГУ (Барнаул)
Е.А. Брюханова
к.и.н., доц. Алтайского ГТУ им. И.И. Ползунова
Н.В. Иванова
к.и.н., доц. Алтайского ГУ (Барнаул)

**База данных по материалам адрес-календарей
сибирских губерний 1897–1917 гг. как источник
для генеалогических исследований**

*Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда
№ 19-78-10020 (<https://rscf.ru/project/19-78-10020/>)*

Генеалогические исследования в последние несколько лет не только остаются актуальными, но и набирают популярность, создавая определенный социальный запрос на оцифровку и/ или перевод в цифровой вид исторических источников, содержащих персональные сведения. В таком контексте представляет интерес создание баз данных и онлайн ресурсов на основе комплекса источников с персонализированными данными разных временных периодов.

Результатом реализации проекта по изучению населения городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. стала информационная система (<https://person1897.histcensus.asu.ru/>), основой которой стали материалы переписных листов переписи 1897 г. Развитие проекта требовало расширения источниковой базы и информационных возможностей для поиска и анализа персональных данных по нескольким временным срезам.

Основными источниками сведений для базы данных послужили адрес-календари и памятные книжки. Адрес-календари являются официальными справочниками, которые издавались централизованно в масштабах Российской империи и на местах, в губерниях. Памятные книжки также являются официальным погубернским изданием, содержащим разноплановую описательную и статистическую информацию о губернии, один из разделов состоял из адрес-календаря. В адрес-календарях содержится информация о чиновниках различных ведомств, а именно фамилия, имя, отчество, звание, чин, должность, иногда сведения о наградах, принадлежности к общественным организациям. Кроме общегубернских адрес-календарей, периодически публиковались отраслевые, например, Епархиальные адрес-календари, издававшиеся региональными Епархиями. Соответственно, в них содержатся данные о священно-

и церковнослужителях (о сане, должности, образовании, времени пребывания на службе, а также периодически сведения о жаловании и наградах). Таким образом, адрес-календари стали основой просопографической базы данных по населению городов Сибири. В настоящее время в базу внесены около 2500 записей, работа по внесению сведений продолжается.

База данных состоит из нескольких разделов: «Персоналии», куда занесены данные из источников и специальные технические сведения (код в базе данных, фамилия, имя, отчество, источник, год, административно-территориальная единица, учреждение, подразделение, чин, должность); «Источники» (список источников, из которых взяты сведения для базы данных); «Профили» (в этом разделе предполагается объединять информацию об одной персоне, собранную из разных источников, например, из общеимперских адрес-календарей и губернских или из одного источника, но встречающуюся несколько раз в разных разделах).

Информацию базы данных можно использовать для отслеживания индивидуальных траекторий служащих различных ведомств, карьерных продвижений. В контексте просопографических исследований рассмотреть на основе одного или нескольких объединяющих факторов (должность, титул, город, занятие, принадлежность к одному общественному учреждению). А, кроме того, использовать как вспомогательную базу для составления генеалогического древа.

В ходе работы над наполнением базы данных выявились некоторые трудности. В случае совпадения данных (фамилия, имя, отчество) каждый раз необходимо в индивидуальном порядке уточнять данные о том, принадлежат они одному человеку или разным. В случае обнаружения факта представления информации об одной персоне данные будут объединены в разделе «Профили» для того, чтобы собрать исчерпывающие сведения о служащем, включая не только его основное занятие (должность, служебное положение), но и вспомогательные (участие, членство в общественных учреждениях, например, благотворительных). Иногда в источнике встречаются неполные персональные данные (инициалы вместо имени и отчества). В ряде случаев это затрудняет конкретизацию персоны (когда в одном случае имеются только инициалы, в другом полные данные, но при этом совпадает другая информация). Для установления детальных сведений необходимо привлечь дополнительные источники. Трудностью в установлении персональных сведений является и отсутствие фамилий церковнослужителей, схожие имена затрудняют отслеживание в хронологической перспективе служебных перемещений, а также выявление потенциальных родственных связей.

Таким образом, созданная и наполняемая на основе адрес-календарей база данных по населению городов Сибири может служить как самостоятельным, так и дополнительным источником сведений для исследования различных аспектов населения на персональном уровне, проследить тенденции карьеры, составить портрет городского чиновника, выявить преемственность должностей.

Е.В. Савченко
специалист РГАДА, магистрант МГУ

Картографическое определение южных границ Новороссийской губернии в 1760–1770-х годах

В 1764 г. Екатериной II в районе среднего течения Днепра была учреждена Новороссийская губерния. Первоначально она была образована из земель Новой Сербии и Новослободского казачьего полка, затем в ее состав вошли земли Славянсербии и бахмутских казаков, Украинская линия, Кременчуг, Власовка (ПСЗ, т. XVI, № 12099 от 22 марта 1764; ПСЗ, т. XVI, № 12180 от 11 июня 1764; ПСЗ, т. XVI, № 12236 от 6 сентября 1764). В 1765 г. был изменен состав малороссийских местечек в северной части губернии (ПСЗ, т. XVII, № 12339 от 26 февраля 1765; ПСЗ, т. XVII, № 12367 от 26 марта 1765).

Наибольшие вопросы вызывает южная граница Новороссийской губернии, отделявшая ее от территории Запорожской сечи. В законодательных актах нет подробного описания того, как проходила эта граница, она обозначена всего четырьмя точками — местечком Орел на р. Синюхе, впадением р. Самоткань в Днепр (граница Елисаветградской провинции), а также урочищами рек Самара и Луганчик (граница Екатерининской провинции). Территория сечи не была включена в состав новой губернии, в отличие, например, от земель Донского войска, которые, обладая особым статусом, формально относились к Воронежской губернии. С юга Запорожская сечь была ограничена линией, установленной по русско-турецкой межевой записи 1705 г., которая проходила от впадения Синюхи в Южный Буг до впадения Каменки в Днепр (*Эварницкий Д.И.* История Запорожских казаков. СПб., 1892. Т. 1. С. 4–5.). На севере запорожские казаки соседствовали с сербскими поселенцами, однако четкого разделения земель сечи с Новой Сербией не проводилось. Таким образом, вопрос о южной границе Новороссийской губернии интересен по двум аспектам — эта линия должна была провести

окончательные территориальные рамки Запорожской сечи, а также определить пределы, на которые распространялась власть губернской администрации.

Восстановить примерный облик южной границы Новороссийской губернии можно, обратившись к картографическим материалам 1760-х – начала 1770-х гг. Появление в империи нового административного субъекта требовало составления актуальной картографической базы. К сожалению, официальной карты, сопровождавшей указ о создании Новороссийской губернии, в нашем распоряжении нет.

Одна из самых ранних карт, фиксирующих Новороссийскую губернию, — «Карта малороссийских и слободских полков, також Новороссийской губернии» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 16194). Эта карта отражает короткий промежуток в истории Новороссийской губернии после ее учреждения в марте 1764 г. (ПСЗ, т. XVI, № 12099 от 22 марта 1764) и до включения в ее состав Славяносербии в июне 1764 г. (ПСЗ, т. XVII, № 12180 от 11 июня 1764). Южная граница губернии на правом берегу Днепра представляет собой почти прямую линию от р. Сухой Ташлык до р. Самоткань. Вряд ли эта граница в действительности была настолько прямой, ведь зона расселения запорожского казачества ранее не была четко определена. Кроме того, карта ошибочно не включает м. Орел у р. Синюхи в границы Новороссийской губернии. Карта, вероятно, предназначалась для использования полковой администрацией, ее основной целью было изображение малороссийских и слободских полков, что может объяснить неточности в описании границ Новороссии.

«Карта всей Елисаветградской и Екатерининской провинций дачь також прикосновенных двух государств в смежности владений» (Отдел картографии ГИМ) 1767 г. изображает южный рубеж Новороссии детальнее. На правом берегу Днепра граница уже не представляет собой прямую линию, она углублена севернее в верховья Ингула. Судя по всему, в процессе освоения Новороссийской губернии граница между ней и Запорожской Сечью была уточнена. Верность нанесения этой черты подтверждают и карты Елисаветградской провинции. На «Карте Елисаветградской провинции Новороссийской губернии с прилегающими землями» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губ. № 2. Ч. 2, после 22 марта 1764 г.) граница нанесена схожим образом, а линия сопровождается подписями — от Орла до верховья Ингула «оная черта по опробованной карте в отреску значит из дач запорожских казаков которая за препятствием непройдена», от верховья Ингула до впадения Самоткани в Днепр — «вновь по опробованной карте пройдена черта и признаками означена 1764 году». Похожие надписи под южной линией со-

держит также «Карта Новороссийской губернии Елисаветградской провинции» 1774 г. (БАН. Карт. осн. 565). Составители обеих карт упоминают о том, что казаки препятствовали прохождению границ.

Южную границу Екатеринбургской провинции можно установить также по «Карте всей Елисаветградской и Екатеринбургской провинций дачь». Карта изображает линию между урочищами Самары и Луганчика несколько выступающей на юг в районе р. Волчьей. Эта черта подписана как «проведенная применяясь к опробованной ея императорского величества о границах Новороссийской губернии к карте». Карта, вероятно, ссылается на опробованную карту, прилагавшуюся к высочайше утвержденному докладу от 11 июня 1764 г.

Хотя южные границы Новороссийской губернии реконструируются на некоторых картах 1760-х гг., это не всегда принималось во внимание другими картографами. Так, «Пограничная карта Российской и Турецкой империи и Польши, сочиненная Я.И. Шмидтом в 1769 году», обозначает южную границу Елисаветградской провинции как прямую линию, не включающую в себя м. Орел, граница на юге Екатеринбургской провинции не обозначена вовсе. Эта карта создавалась в Географическом департаменте Академии наук, подотчетном Сенату. Тот факт, что на такой карте южная граница Новороссийской губернии показана с явными неточностями, может говорить о том, что правительство не стремилось к ее окончательному установлению, что могло быть связано с вышеозначенной реакцией Запорожской сечи.

Картографические изображения Новороссийской губернии 1760 х – начала 1770-х гг. позволяют не только более детально установить ее южную границу, но и сделать выводы о логике правительственных решений по этому поводу и об обстоятельствах, осложнявших процесс установления границ Новороссии.

*А.Ю. Самарин
д.и.н., доц., зам. ген. дир. РГБ, г.н.с. ИИЕТ РАН*

Экслибрис Д.В. Ульянинского: распространение среди современников

Знаменитый библиофил и библиограф рубежа XIX–XX веков Дмитрий Васильевич Ульянинский сформировал уникальную библиотеку, перешедшую после его смерти в собственность государства (Самарин А.Ю. Как библиотека Д.В. Ульянинского поступила в Государственный Румянцевский музей // Библиотековедение. 2021.

Т. 70. № 6. С. 635–641). Коллекционер собирал не только книги, но экслибрисы. К концу его жизни его собрание книжных знаков превышало 1700 позиций (*Самарин А.Ю.* Новонайденный рукописный каталог собрания русских экслибрисов Д.В. Ульянинского // Библиотека: мосты искусства: к 100-летию Российской государственной библиотеки искусств: XV Международные научные чтения «Театральная книга между прошлым и будущим». М., 2023. С. 188–195).

Имел Д.В. Ульянинский и собственный, очень интересный, экслибрис. На нем был воспроизведен внешний облик его библиотеки. Сам книгособиратель так охарактеризовал его: «Библиотека моя имеет свой специальный ex-libris, представляющий вид ее. Ex-libris этот исполнен с большой фотографии работы Шерер, Набогольц и К^о (Ал. Ив. Мей) офортом, в первоклассном художественном заведении Ch. Wittmann в Париже <...>. По художественности работы это – настоящая миниатюра, и я смело могу рекомендовать названную фирму для подобных заказов. Хотя они и не дешевы, но достоинство работы с избытком вознаграждает понесенные расходы» (*Ульянинский Д.В.* Среди книг и их друзей. Репринт. изд. М., 1979. С. 11–12). Эти сведения дополняются У.Г. Иваском, следующим образом, описавшим этот книжный знак: «Кн. ярл. 4-гр. 96x111 д. однцв. офорт с видом библиотеки Д.В. Ульянинского и его факсимиле “Моя библиотека. Дим. Ульянинский. Москва”. Ex-ibris исполнен в 1902/1903 гг. <...> и напечатан двух цветов: черный и коричневый» (*Иваск У.Г.* Описание русских книжных знаков. (Ex-Libris). М., 1905. [Вып. 1]. С. 289).

Благодаря находке в отделе редких книг (Музее книги) РГБ рукописной тетради, содержащей каталог поступлений экслибрисов в коллекцию Д.В. Ульянинского (Подробнее об этом документе см.: *Самарин А.Ю.* Новонайденный рукописный каталог...), мы можем узнать и том, каким образом библиофил распространял собственный экслибрис среди современников.

На одном из последних его листов имеется небольшой список: «Мой ex-libris послан» и далее идут даты без указания года имени. Можно предположить, что экслибрис рассылался в 1903 г., когда было закончено его изготовление. Его получили 12 человек и одна редакция.

Первыми 31 мая получателями стали москвичи — букинист П.П. Шибанов и антиквар Н.С. Какурин. Им было отправлено по четыре экземпляра, видимо, с тем расчетом, чтобы они смогли пустить часть в продажу. 2 июня два экземпляра были подарены искусствоведам и библиофилу В.Я. Адарюкову, 6 июня книжный знак от-

правился питерскому коллекционеру экслибрисов М.Я. Ария, столичному антиквару-букинисту В.И. Клочкову (2 экз.), коллекционерам и создателям экслибрисов А.Е. Фелькерзаму (2 экз.) и У.Г. Иваску (2 экз.), нумизмату и библиофилу В.К. Трутовскому (1 экз.), рязанскому собирателю А.В. Селиванову (1 экз.). 7 июня экслибрис был отправлен собирателю книжных знаков В.А. Верещагину (2 экз.), в журнал «Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф» (1 экз.), московскому букинисту А.М. Старицыну (2 экз.). И, наконец, 8 июня экслибрис «ушел» к библиографу А.Д. Торопову.

Посылка в журнал объясняется тем, что он регулярно воспроизводил на своих страницах изображения книжных знаков. Опубликовал он и экслибрис Д.В. Ульянинского (Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1904. № 2. С. 19).

Четверо получателей экслибриса были букинистами или антикварами, которые регулярно поставляли Д.В. Ульянинскому объекты его библиофильских интересов (книги, журналы, отдельные оттиски, экслибрисы, портреты). Остальные восемь адресатов дарения были известными библиофилами, собиравшими, в частности, и экслибрисы. С ними Д.В. Ульянинского связывали многолетние контакты, они дарили друг другу разнообразные издания и книжные знаки. У.Г. Иваск и В.А. Верещагин использовали собрание Ульянинского при подготовке своих классических справочников о русских книжных знаках. А.В. Селиванов продал Д.В. Ульянинскому в апреле 1907 г. свою коллекцию экслибрисов (более 450 шт.).

За последующие годы рукописный каталог поступлений экслибрисов зафиксировал только четыре случая, когда Д.В. Ульянинский использовал свой книжный знак для обмена. 2 января 1904 г. он получил за свой экслибрис «от Niebel из Франкфурга/М» книжный знак «Ризенкампа». Отсутствие инициалов и дополнительной информации не дает возможности понять о каком конкретно носителе данной фамилии идет речь (*Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700–1918. М., 2010. С. 702).

27 февраля 1904 г. он отдал свой экслибрис, чтобы получить у известного искусствоведа и коллекционера П.Д. Эттингера два типа его экслибриса. 16 июля состоялся обмен с Л.В. Щастным собирателем книг по истории и этнографии из Волынской губернии. Описание его книжного знака, приведенное у С.И. Богомолова, дает представление об интересе к нему со стороны Д.В. Ульянинского. На нем был представлен «вид украинского хутора и пахаря с волами; украинца в национальной одежде», который был дополнен декорированной надписью «с видами кабинета владельца» (*Богомолов С.И.* Указ. соч. С. 932).

И, наконец, 9 декабря 1917 г. Д.В. Ульянинский получил экслибрис Э.П. Юргенсона, помощника библиотекаря Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и коллекционера книжных знаков, в обмен на свой. На данном экслибрисе находился «портрет владельца» (*Богомолов С.И.* Указ. соч. С. 947).

Таким образом, можно утверждать, что в течение своей жизни Д.В. Ульянинский передал 29 экз. своего экслибриса 17 различным адресатам. История распространения этого книжного знака свидетельствует о его большой редкости и дает новые сведения о коммуникациях в среде коллекционеров книжных знаков и библиофилов Серебряного века.

И.В. Сахаров
к.геогр.н., президент РГО, дир. Центра генеалогии РНБ

Генеалог В.Г. Сениютович-Бережный (1902–1992)

Вячеслав Георгиевич Сениютович родился 15 июня 1902 г. в Токрях — имении своей матери в Лохвицком уезде, на Полтавщине. Отец его, Георгий Павлович Сениютович-Бережный (1877–1929, в Югославии), окончил юридический факультет Киевского университета, был адвокатом, служил юрисконсультком Полтавского губернского земства. Мать — Вера Федоровна, урожденная Запорожская.

Среднее образование Вячеслав получил во 2-ой Полтавской мужской гимназии, которую окончил в 1919 г. В том же году по занятии Полтавы Добровольческой армией он вступил добровольцем в ее ряды, в 1-ю батарею лейб-гвардии Конной артиллерии, и был сразу определен на действительную службу в команду разведчиков при батарее как умевший ездить верхом и владевший оружием. Принимал участие в многочисленных боях до февраля 1920 г., когда был по делам службы послан в Новороссийск, где заболел тифом и находился на излечении в госпитале Белого Креста, с которым был эвакуирован на пароходе «Константин» в Сербию, где в то время нашли приют и его родители.

По выздоровлении изъявил желание вернуться в свою часть и был отправлен в Крым через Варну и прибыл в Севастополь на пароходе «Русь». Первой гвардейской Конной батарее в составе белой армии уже не существовало, так как при отступлении из Новороссийска водным путем орудия и кони не могли быть вывезены, да и из личного состава сохранились в живых немногие. Сениютович

(далее, как нередко, для простоты, делал он сам, я буду называть его по неполной фамилии) был прикомандирован к Сергеевскому артиллерийскому училищу, в составе которого, при оставлении Крыма, был эвакуирован на пароходе «Родион» в Константинополь. Оттуда, как имевший родителей в Сербии, он, вместе с несколькими другими юнкерами и капитаном Побыванцем, был отправлен в Сербию на пароходе «Сегед». Прибыл в Дубровник, откуда по получении документов Державной комиссии для русских беженцев уехал в Белград и явился для регистрации к Русскому военному агенту полковнику Базаревичу.

В 1925 г. он окончил философский факультет Белградского университета по историко-литературному отделу и поступил на службу чиновником в Ядранско-Подунавский банк, где благодаря знанию иностранных языков был назначен в дивизное отделение и прослужил в этом банке до 1941 г. В 1928 г. женился на Анастасии Русановой, дочери статского советника доктора медицины Николая Николаевича Русанова. В 1932 г. супруги развелись. 12 сентября 1938 г. Сенютрович вступил во второй брак с врачом Евгенией Александровной Фроловой (1895–1985).

Во время короткой войны с немцами служил в Третьей конной батарее югославской армии младшим фейерверкером (поднарядник). Был взят в плен вместе с батареей на территории Хорватии, но через несколько дней, пока еще не была проведена регистрация пленных, бежал из лагеря и после разных приключений добрался до Белграда.

Осенью 1941 г. был депортирован вместе с женой на работу в Германию (Мюнхен) и устроен в баварский Ипотечный и Вексельный банк, в котором прослужил до прихода американцев. Еще в Белграде вступил в Гетманскую организацию. Был членом Гетманской Украинской Громады в Мюнхене, а 21 декабря 1944 г. был принят в Союз Гетманцев Державников и назначен начальником его отдела в Мюнхене, на каковой должности пробыл до сентября 1948 г., когда выехал во Францию. Во время жизни в Мюнхене занимался научной исторической работой частным образом и при Украинском вильном университете (УВУ) в Праге.

В 1947 г. защитил диссертацию на тему «Шляхта земли Вольнской и ее участие в исторической и культурной жизни Вольни», получил степень доктора философии от УВУ, назначен ассистентом профессора Наталии Дмитриевны Василенко-Полонской и одновременно читал лекции по геральдике и генеалогии. При переезде во Францию работал чиновником в Апостольской Визитатуре и состоял сотрудником архива Украинской эмиграции, находившегося при Школе восточных языков в Париже.

Осенью 1952 г. эмигрировал с женой в США, где больше года жил в Массачусетсе, занимаясь физической работой. В 1954 г. Вячеслав Сенютович обосновался в Нью-Йорке, где устроился чиновником банкирской конторы «Грин, Еллис и Андерсон», в которой и проработал до ее ликвидации в 1964 г. Оказавшись в Нью-Йорке, он сразу включился в жизнь российской эмигрантской общины: он вступил в члены Русского историко-генеалогического общества в Америке, возглавлявшегося Леонидом Михайловичем Савеловым-Савелковым, перенесшим в Нью-Йорк из Греции также издание основанного им историко-генеалогического журнала «Новик», который вскоре стал выходить под редакцией Николая Дмитриевича Плешко. В 1954 г. в «Новике» появилась статья Сенютовича, завершенная в выпуске этого журнала за 1955 г. В ней он основательно исследовал процесс включения верхушки казачьего общества в состав российского дворянства — процесс, начавшийся в середине XVIII в. и практически завершившийся в начале XIX в.

С этого времени статьи и заметки Сенютовича стали появляться в каждом выпуске журнала. Так, в 1956 г. он напечатал заметку об обстоятельствах женитьбы гетмана Ивана Брюховецкого в 1665 году и статью, в которой дал сравнительную характеристику рыцарства в Западной Европе и на Руси, в 1957 г. — исследование по истории и генеалогии рода Гоголей и заметку о том, был ли герб у дочери Киевского князя Ярослава Анны, ставшей, как известно, в 1049 г. королевой Франции, женой Генриха Первого; в 1958 г. опубликовал обстоятельную биографию этой французской королевы. Там же он поместил статью, посвященную литовско-русскому князю Федору Несвицкому, жившему в первой половине XV в., и его месту в генеалогии Рюриковичей и Гедиминовичей того времени; в 1959 г. появились его статьи, посвященные украинским родам Апоستолов и Легодовских.

В конце 1959 г. скончался главный редактор «Новика» Н.Д. Плешко, и этот пост был предложен Сенютовичу. Он горячо взялся за дело. Под его редакцией в 1960 г. вышел очередной выпуск журнала, и в нем он поместил свой очерк, посвященный Великому княжеству Литовскому XV–XVI вв., когда оно успешно соперничало с Москвой и когда в его состав входили обширные территории, населенные славянами. В 1961 г. он опубликовал в «Новике» статью о родовых знаках и эмблемах Юго-Западной Руси — в частности, о том, как волынскому дворянству удалось сохранить свою геральдическую традицию, не переименовав свои гербы на польские. Тогда же из-под его пера вышел очерк истории рода Владиславичей-Рагузинских — выходцев из Далмации — и их потомков

на Украине и в России. В «Новике» за 1962 г. была помещена его статья о старинном волынском роде Гулевичей.

В 1963 г. по семейным обстоятельствам Сеньютович с женой покинули Нью-Йорк и переселились в Калифорнию, где, находясь на пенсии, с 1966 г. обосновались в Санта-Барбаре, там же в феврале 1992 г. В.Г. Сеньютович и скончался в возрасте 89 лет. Его отъезд для журнала, а также и для Русского историко-генеалогического общества в Америке в целом оказался роковым — выпуск «Новика» за 1963 год стал последним, и само это Общество тоже вскоре прекратило свое существование.

Однако сам Вячеслав Сеньютович продолжил свои занятия историей и генеалогией. Эти труды не были им опубликованы, впрочем, некоторые из них не были им вполне завершены. Однако мы знаем о неопубликованном творческом наследии Сеньютовича благодаря тому, что его архив сохранился.

Интересуясь его научными исследованиями и его биографией, я находил документы, связанные с его жизнью и деятельностью, и в архиве Колумбийского университета (в знаменитом Бахметьевском собрании, где хранится, в частности, его *curriculum vitae*, легший в основу написания настоящего биографического очерка), и в архиве Русского дворянского союза в Америке (до того, как он был передан в Джорданвилльский православный монастырь). Однако главный массив его бумаг, включающий как материалы о его биографии, так и его историко-генеалогические труды, равно как материалы его отца (в том числе подробные воспоминания последнего — около 500 рукописных листов) находятся в Бельгии: его личный архив был отправлен на хранение сыну его младшего родного брата Георгия (1904–1971), жившего в Бельгии и скончавшегося там, Георгию (Жоржу), который любезно полностью его ксерокопировал и передал мне.

Документы, отложившиеся в личном архиве Вячеслава Сеньютовича, свидетельствуют о том, что круг вопросов, интересовавших его как ученого, имел свою специфику.

Во-первых, обращает на себя внимание, что в центре его интереса стояла история Украины, ибо он, не отказываясь демонстративно от своей русскости, вместе с тем ощущал себя украинцем, и это нашло свое отражение не только в тематике его научных трудов, но и в его общественной деятельности. Так, в своем *curriculum vitae* он писал, что с 1948 г. состоял действительным членом Украинского историко-филологического общества в эмиграции, с 1949 г. — рядовым (звычайным) членом Научного общества имени Шевченко (Наукового товариства имени Шевченко), а с 1952 г. — его действитель-

тельным членом. С 1949 г. Сенютович был членом правления Украинской Родовидной Установы.

Во-вторых, в центре его внимания как ученого была история и генеалогия его собственного рода. Следует сказать, что надежно документированное прошлое его собственной семьи прослеживается вглубь лишь до начала XVIII века. При этом и его отец, и дед, и прочие прямые предки, *de facto* несомненно принадлежавшие к российскому дворянскому сословию, *de jure* свою принадлежность к высшему сословию не оформили. С одной стороны, это объяснялось нехваткой необходимых документов, которые доказывали бы их принадлежность к древнему дворянству. С другой стороны, состоя на государственной службе, они занимали в ней по своим чинам скромное положение и не могли претендовать на возведение в дворянское достоинство по собственным заслугам.

Иными словами, будучи видным деятелем Русского историко-генеалогического общества в Нью-Йорке, вращаясь в дворянской среде и принадлежа к ней по своей культуре, мировоззрению, образу жизни, Сенютович, тем не менее, формально дворянином не был и, в условиях эмиграции, заслужить законное право на обретение дворянского статуса не мог (хотя, между прочим, в виде исключения он был принят в число членов Русского дворянского союза в Америке). Поэтому он приложил большие усилия для того, чтобы изучить историю древнего (известен с середины XV века) польско-украинского дворянского рода Сенют, от которого, по его мнению, Сенютовичи произошли — в надежде найти недостающее звено, те колена рода, которые соединили бы Сенютовичей с Сенютами в рамках единой родословной. Более того, он даже сделал попытку соединения обеих поколенных росписей, которая представляется достаточно правдоподобной, но которая документально не подтверждена и тем самым юридической силы не имеет.

Сенютович, к сожалению, был лишен возможности работать в архивах России и Польши. Было бы замечательно, если бы нашлся современный польский, российский или украинский генеалог, который, в память о своем собрате, попытался бы проверить, достоверна ли предложенная Вячеславом Сенютовичем версия происхождения его рода. В любом случае, многие материалы личного архива Вячеслава Георгиевича Сенютовича как таковые заслуживают доработки и опубликования.

Проблема корректуры старообрядческих богослужебных певческих книг на Освященных Соборах старообрядческой Церкви в начале XX века

Пение издревле является важным сопровождением богослужения. В старообрядчестве существует несколько видов распевов: демественный, знаменный или столповой, путевой, наонное или хомовое пение.

Так как старообрядчество в период гонений разделилось, в каждом из регионов сформировалось свое понимание канонического распева. Установить единые нормы по мнению старообрядцев Белокриницкого согласия мог только Освященный Собор — высший орган управления Церковью. В связи с этим на Собор стали обращаться с просьбами объяснить, какого распева придерживаться. Просители указывали, что люди отказываются посещать храм, где введены новые напевы.

Для распространения правильного напева в приходах требовалось единообразно обучать будущих певцов, для чего, в свою очередь, необходимо было организовать соответствующие училища, школы или хотя бы курсы. А для этого нужны были соответствующие издания, хорошие, проверенные книги. На свой страх и риск издатели стали массово выпускать книги. Однако внимательные читатели нашли в изданиях множество ошибок. Таким образом, перед старообрядцами отчетливо встала проблема корректуры богослужебных певческих книг.

Впервые этот вопрос был поднят на Соборе 1907 г. Тогда выяснилось, что перед выходом в печать книги не проверялись и не сверялись со старинными образцами. Архиепископ Иоанн издал извещение о том, что такими книгами пользоваться нельзя (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 55. Л. 110–110об). Собор вынес соответствующее постановление (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 44. Л. 30об).

28 августа 1909 г. Собор постановил назначить комиссию для исследования и избрания лучших и наиболее правильных древних певчих книг, с которых в последующем можно было бы печатать копии и распространять по приходам. Благословение на пользование теми или иными изданиями, после ознакомления с результатами работы комиссии, мог дать только архиепископ Иоанн (Постановления Освященных Соборов... М., 1913. С. 106–107). Редакторы журнала «Церковное пение» отмечали, что соборное постановление ре-

шало только вопрос о книгах, но совершенно не предусматривало разность напевов (сложившихся местных мотивов, пения на слух, а не по указанным в книге крюкам), так как разница в самих книгах была минимальна (Вопрос о старообрядческом крюковом пении на Соборе Епископов // Церковное пение. 1909. Сентябрь-октябрь. № 9–10. С. 235–236).

Высказывалось мнение о причинах разночтений: «старообрядчество находилось 250 лет под запрещением и поэтому не имело своих типографий» (Старообрядческий собор // Петроградские ведомости. 1911. 30 авг. № 193. С. 4), а имеющиеся древние книги конфисковывались (В совете съездов // Церковь. 1911. № 29. С. 704).

Крупнейший издатель певческих книг Л.Ф. Калашников (изданиями которого пользуются до сих пор) дал подписку, что его книги проверены комиссией с Рогожского кладбища, утвержденный текст изменениям не подлежит, а оригиналы, по которым проводилась проверка, Калашников обязуется передать в библиотеку Рогожского кладбища (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 33. Л. 37–38). Он исправно присылал рукописи архиепископу на проверку перед тем, как отправить их в печать, а также уже изданные прежде соборного постановления книги, и в случае негодности просил присылать верный текст на некоторое время (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 225. Л. 19, 27–27об). Чаще всего книги архиепископу не нравились («благословения на печать не даю» (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 225. Л. 20), «особенно дерзко вы поступили, напечатав обедницу с архиерейским приложением» (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 225. Л. 28), и он перевел дело вновь на усмотрение Собора.

Иван Староверов из Нижнего Новгорода нашел в «киевском издании Калашникова подозрительные заставки подозрительного художника-архитектора Вл. фон Эйснера на ирмосах» (Церковное пение. 1909. Янв. № 1. С. 4), которые предлагал Собору тщательно осмотреть (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 274. Л. 39–40).

30 августа 1911 г. архиепископ Иоанн заявил Собору, что в певческих книгах, изданных в Киеве, оказалось много неточностей и уклонений от старинных распевов. Обвинение было доказано на месте: архиепископ принес на Собор экземпляры киевских и древних книг и при всех провел сравнение. Собор подтвердил полномочие архиепископа в проверке певческих книг (Собор старообрядческих епископов // Московский листок. 1911. 31 авг. № 200. С. 2).

В 1915 г. Л.Ф. Калашников вновь обратился к Освященному Собору (Епископ Геронтий (Лакомкин). Собрание сочинений: Воспоминания. Послания. Проповеди. Статьи. Тверь. 2020. С. 596–597). Оригиналы были утверждены и пожертвованы библиотеке Рогож-

ского кладбища. Несмотря на это, изданные книги все равно подвергались нареканиям со стороны архиепископа (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 47. Л. 76–77об).

«Морозовские» книги (изданные А.И. Морозовым) архиепископом критиковались как «несогласные с другими», то есть в них сохранились ошибки, были изменены слова, являвшиеся «измышлениями» отдельных переписчиков (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 414. Л. 94).

Исследователь С. Алексеев отмечал, что «певчие крюковые письменные книги, разработанные известными беливскими писцами братьями Феодором и Матфеем Батулиными ... обладают массовыми ошибками, благодаря незнанию Батулиными крюкового пения, но по художественности письма — это самые лучшие письменные певчие книги». Работы по переписыванию крюковых книг беливскими мастерами прекратились только с началом работы киевского издательства «Знаменное пение» (Церковь. 1909. № 40. С. 1157).

Обилие ошибок в богослужебных певческих книгах, изданных в частных старообрядческих типографиях, привело к появлению ряда Соборных постановлений, регулирующих процесс верификации текстов. Однако, соборные меры решили проблему лишь частично: теоретическое желание издавать книги по правилам с выверенным текстом не могло быть реализовано по причине отсутствия значительных практических усилий в этом направлении.

Д.В. Сень
д.и.н, проф. Ин-та истории и международных отношений ЮФУ

Мировщики османского Азова и Войска Донского: «ненужные люди» XVIII века?

Доклад продолжает исследование автором истории пограничных взаимоотношений Войска и османского Азова, вписанной в контекст традиционного для обеих сторон «замирения» / «розмирения». Анализ указанного исторического явления позволяет уяснить историю пограничного соседства донских казаков и турок-османов, заинтересованных не только в регулярном нанесении ущерба противнику, но также во взаимном диалоге. Культура пограничного диалога являлась органичной частью не только мирных османско-казачьих отношений и межкультурной коммуникации населения казачьего Дона и османского Азова. Ее стоит отнести к числу устойчивых факторов, обеспечивавших существование донского казачества и функционирование пограничного Азова на протяжении длительного времени, начиная со второй половины XVI века.

Автором поставлены новые исследовательские вопросы, без которых перспективное изучение темы весьма проблематично. Так, необходимо составить максимально полный перечень мировщиков с обеих сторон — включая имена и прозвища / фамилии, установив, по возможности, их этнический и социальный состав (социальный статус), языковые и иные профессиональные компетенции, частотность упоминания имени конкретного мировщика в документах, оценки их эффективности современниками и пр. Сегодня можно утверждать, что часть мировщиков была хорошо знакома обеим сторонам: как правило, доверяли конкретным мировщикам, именно к их посредничеству обращались казаки и азовцы в первую очередь. Случайных лиц среди мировщиков не было; они регулярно занимались подобной коммуникацией, совершенствуя мастерство, обзаводясь связями и т. п. Можно утверждать, что, например, значительная часть казачьих мировщиков была представлена так называемыми лучшими людьми; а если говорить об этническом составе азовских мировщиков, то немалая их часть, как установил автор, оказалась представлена ногайцами (азовскими татарами).

Еще один актуальный вопрос состоит в том, насколько все эти люди оказались нужны своим сообществам в новых исторических условиях? После Азовских походов резко усилилось значение в жизни Войска Донского новой азовской, уже — российской, администрации. В течение этого периода (даже раньше, если говорить о периоде после 1671 г.) деградируют / исчезают многие политические и иные традиции Войска Донского, в том числе связанные с богатейшим опытом его отношений с государствами и пограничными сообществами Европы и Востока второй половины XVI в. — начала XVIII в. Яркая составляющая подобных традиций — «замирение»/«розмирение» Войска Донского и османского Азова, которая, полагаю, просуществовала минимум до 1720-х гг. К слову, еще в конце XVII в. казаки мировщики ездили с Дона для заключения мира с кубанскими ногайцами (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 117. Л. 167). Не исключено, что прекращение контактов казаков с Азовом после 1696 г. привело к активизации усилий донских мировщиков на соседнем, «кубанском», направлении. Ситуация изменилась для Войска Донского после возвращения Азова Османской империи в январе 1712 г. Несмотря на то, что жизнь Войска Донского уже *системно* контролировалась российскими структурами, донцы не забыли о предыдущем невоенном опыте взаимодействия с турками-османами. Важно отметить, что вскоре после возвращения турок-османов в крепость казаков и азовцы быстро вернулись к традиционному опыту своих вековых взаимоотношений. В войсковой отпис-

ке, поданной казачьей станицей 24 марта 1713 г. в Посольском приказе, описано нападение азовских бешлеев на донские верховые городки в феврале того же года, после чего Войско Донское отправило в Азов своих мировщиков к Резепу-паше (Служба, быт и бунт донских казаков, XVIII век: материалы по истории и генеалогии казачества / Волгоград, 2022. Вып.15. С. 150). Резеп-паша отказался признать вину, прислав 17 февраля 1713 г. в Черкасск «розмирное» письмо с татаринном Хаджи Арасланом (Служба... Вып. 15. С. 151).

Еще 14 января 1713 г. донцы отправили в Азов «*по древней своей обыкности*» (выделено мною. — Д. С.) к новому приезжему в Азов везиру Резеп паше мировщиков своих Андрея Лопатина (который являлся войсковым старшиной, а позже стал войсковым атаманом. — Д. С.), Лаврина Андреева с письмом о заходящих... обидях от крымцов и от кубанцов» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1713 г. Д. 6 Л. 3 об.). Резеп-паша позитивно отреагировал на приезд мировщиков в Азов: «...с ними быть в миру он рад, токмо де Москва несправедливо с нами обходитца...». После этого у мировщиков состоялся откровенный разговор с янычарским алхаджи Селимом-агой. Причем, судя по контексту, казачьи мировщики общались с пашей и янычарским агой без посредников (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1.1713 г. Д. 6. Л. 3 об.-4). Необходимо отметить, что интенсификация мирных контактов обеих сторон примерно совпала во времени с заключением очередного (но не первого ли после возврата Азова туркам-османам в начале 1712 г.?) замирения именно в 1713 г., после чего азовцы, «сохраняя мирное постановление... оказывают к ним... всякую дружбу и всякие ведомости на писме о походе... кубанцов им дают; и для покупки хлебных запасов и харчу к ним в Черкасской приезжают, и свои товары всякие привозят» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1713 г. Д. 18. Л. 9 об.). В войсковой отписке 1717 г. на имя Петра I сообщалось о ситуации, связанной с попытками Войска Донского договориться с азовскими «начальными людьми» о более выгодных, чем ранее, условиях рыбной ловли казаками в Дону и Северском Донце (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 10–20 об.). В решении исключительно важной для себя проблемы донцы вновь прибегли к услугам мировщиков; на этот раз им стал войсковой старшина А. Лопатин, ранее выполнявший подобные функции. Из отношения коменданта нового Транжаменты бригадиру и коменданту российской крепости (1719 г.) узнаем об *обыкновении* разбирать несогласие между казаками и азовцами «так называемыми мировщиками, посылаемыми обеими сторонами» (Опись актам и запискам, собранным в архивах Донском, крепости св. Дмитрия, Азовском Таганрогском, крепости Новохоперской и Астраханском // Донские войско-

вые ведомости. 1865. № 4 (26 января). Раздел официальный. С. 24–25). Полагаю, что постепенное угасание института мировщиков в регионе не было связано с его т. н. архаикой или с запретом со стороны имперских властей. Вероятно, еще в 1720-е гг. он оставался существенным фактором коммуникации между Войском Донским и османским Азовом.

А.В. Сергеев
к.и.н., зав. каф. ЧОУ ДПО
*«Институт промышленной безопасности,
охраны труда и социального партнерства»*

Новые сведения о Стародубских Рюриковичах в родословных книгах XVI–XVII веков

Настоящая работа является продолжением доклада автора, в котором выяснялось, какие редакции родословных книг наиболее информативны для историко-биографических исследований, то есть, содержат наиболее полный и достоверный состав фамилий, а также важные биографические пометы (*Сергеев А.В.* Биографические пометы родословных книг различных редакций как источник новых сведений о лицах княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII международной конференции (11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия). М., 2023. С. 207–208).

Рукописи и опубликованные родословные книги для просмотра выбирались с учетом предложенной М.Е. Бычковой классификации по редакциям (*Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 19–121). Таким образом, выборочно учтены сведения разных редакций, каждый список «представляет» одну из них. Рассмотрение велось на примере глав, посвященных князьям Стародубским. На выбор именно этой ветви рода Рюриковичей повлияли ее относительная «компактность» (16 фамилий) в сравнении с князьями Ярославской, Оболенской ветвей (*Сергеев А.В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII века. СПб., 2023. Т. 2. С. 200, 259, 329), а также значительный состав фамилий и малая изученность в историко-биографическом аспекте. По итогам предварительного просмотра 16 рукописных и опубликованных родословных книг была сделана выборка для более детального сопоставления родословий князей Стародубских: (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 129–142; № 67. Л. 47–51; № 186. Л. 154–166 об.; № 187. Л. 187 об.–201 об.; ОР РНБ.

Список ОЛДП. Q. 32 (XXXII). Л. 90–97 об.; Ф. 885. Эрмитажное собрание. № 508. Л. 51–59 об.; № 515. Л. 49 об.–56 об.; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. Ч. 2. М., 1787. С. 59–85; Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 68–75).

В результате выявлены приведенные ниже новые, неизвестные по иным источникам, сведения о Стародубских Рюриковичах. Установлено наличие прозвища «Бобль» у князя Ф.И. Пожарского Меньшого (РГАДА. Ф. 181. № 186. Л. 156).

К новым данным относится также прозвище «Харя» у князя Ф.И. Кривоборского (ОР РНБ. Список ОЛДП. Q. 32 (XXXII). Л. 94 об.), указывающее на его книжность: «харита» — крюковой знак (*Морозова Л.Е.* Семен Иванович Шаховской-Харя // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 154). Косвенное подтверждение этой интерпретации – существование «Летописца князя Ф.И. Кривоборского» («Летописец князя Кривоборскаго. Список с подлинного списка, подписанного рукою князь Федора Ивановича Кривоборскаго от сотворения света в 7112 году от Рождества 1604. Подлинник у комиссара Крекшина» (ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собрание. № 405). Указанный сборник сохранился в копии XVIII в. Он представляет собой подборку выписок из летописей с «Повести временных лет от Ноя и от его сынове како разделиша землю и отколе стала Русская земля» до возвращения Ивана Грозного в Москву после похода на Казань в 1552 г. Этот «конволют», вероятно, принадлежал князю Ф.И. Кривоборскому. Возможно, князь Ф.И. Кривоборский был одним из книжников конца XVI в., но о нем нет сведений в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 4: Указатели. СПб., 2017), а также в работе А.С. Усачева (Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1–2).

Установлено наличие у князя Силы Гагарина прозвища «Пьяной» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 132), объясняющее скорое прекращение его служебной деятельности. Вероятно, он спился и умер, не успев состариться, не оставив потомства и, возможно, даже не вступив в брак.

Уникальны сведения о «зарезанном на кабаке» сыне князя Михаила Борисовича Пожарского, записанного в родословной «Митка» (РГАДА. Ф. 181. № 186. Л. 157; *Бычкова М.Е.* Указ. соч. С. 51). Его полное имя могло быть Дмитрий или Никита (Микита). В первом случае он являлся полным тезкой своего четвероюродного брата знаменитого князя Дмитрия Михайловича.

Интересны подробности гибели князя Ивана Федоровича Татеева в 1634 г. (ОР РНБ. Список ОЛДП. Q. 32 (XXXII). Л. 95 об.; *Бычкова М.Е.* Указ. соч. С. 71), а также сообщение об окольниковстве князя Степана Ивановича Татеева (Памятники истории русского служилого сословия... С. 74), не зафиксированное в книге М. По, содержащей наиболее полные данные о носителях думных чинов в 1613–1713 гг. (*По М.* *The Russian Elite in the Seventeenth Century.* Helsinki, 2004 . Vol. 1. P. 440).

Важное уточнение касается родословной князей Тулуповых: указан отец (Владимир Иванович) князей Никиты, Андрея, Ивана (ОР РНБ. Эрмитажное собрание. № 515. Л. 56). Г.И. Студенкиным в справочнике князя А.Б. Лобанова-Ростовского родителем этих братьев записан князь Владимир Васильевич (*Лобанов-Ростовский А.Б.* *Русская родословная книга: в 2 т.* СПб., 1895. Т. 2. С. 298). Г.И. Студенкин в этом случае, как и в ряде других, вероятно, использовал книгу П.Н. Петрова (*Петров П. Н.* *История родов русского дворянства.* М., 1991. Кн. 1. С. 270). В этой работе ссылки на источник данных нет и, очевидно, отмеченное выше сообщение в одном из списков родословной «разрядной редакции» более достоверно.

В случае князей Стародубских и, возможно, других княжеских родов наиболее информативными в отношении биографических сведений являются следующие родословные книги: «Бархатная книга» (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч. 1–2. М., 1787); редакции «в 81 главу» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173 и др.); «редакции в 43 главы с приписными» (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011; РГАДА. Ф. 181. № 186 и др.); родословные «патриаршей» (ОР РНБ. ОЛДП. Q. 32 и др.) и «разрядной» (ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собрание. № 515 и др.) редакций.

Е.И. Серебрякова

с.н.с. Отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ

Из истории рукописей Пафнутиева-Боровского монастыря: вклады митрополита Макария с «возвратными» записями времен Смуты

В 1928–29 гг. из ликвидированного музея в Пафнутьево-Боровском монастыре научным сотрудником ОР ГИМ К.М. Асафовым были привезены несколько рукописей конца XV–XVII вв.: Евангелие 1530–1534 г. митрополита Макария и Евангелие Вилен-

ской печати 1600 г. в драгоценных окладах включили в Музейское собрание, а семь памятников присоединили к Епархиальному собранию. Из них к кругу митрополита Макария относятся четыре памятника: «Потребъник Мокарья митрополита» конца XV – начала XVI в. (Епарх. 733) и три четвх кодекса — Минеи четвх на июнь (Епарх. 728), июль (Епарх. 729) и «Соборник» (Епарх. 731), все 20–30-х гг. XVI в., в подлинных переплетах того же времени.

На переплетном листе «Соборника» есть выполненная полууставом XVI в. запись: «Сия святая книга Съборник. Дал в дом Пречистой Богородици и великому чудотворцу Пафнутью преосвященный Макарий митрополит всея Руси по своей души. И по своих родителей в вечной поминак». Основные филигранные «Соборника» — несколько гербовых щитов под короной с комбинациями латинских литер и лилий указывают на рубеж 1520–1530-х гг. Среди житийных и учительных текстов (более 7 почерков) можно обнаружить отдельные строки, близкие крупному почерку известных автографов Макария (*Попов Н.П.* Автографы митрополита Макария. Собиранья Великих Миней. СПб., 1913), но запись о вкладе выполнена, вероятно, книгохранителем монастыря. Ниже вкладной читается запись беглой скорописью XVII в.: «Сию книгу викупил (*так!*) у Литви греченин Мануйло Михайлович Паламедин, дал в дом Пречистой Богородици и великому чудотворцу Пафнотию по своей души вечной поминок»; запись повторена еще раз более разборчивым полууставом, при этом добавлено: «...и выше сего так подписано».

Отметим сходство судеб «Соборника» Епарх. 731 и попавшего в собрание Н.П. Румянцева знаменитого сборника конца 20-х – начала 30-х гг. XVI в с «Книгой на новгородских еретиков» Иосифа Волоцкого, вложенного митрополитом Макарием в Пафнутьев-Боровский монастырь (РГБ, ф. 256, Рум. 204). Помимо близости филигранной бумаги и наличия вкладной — автографа Макария, там присутствует и «возвратная» вкладная: «дал вкладу колуженин посацкой человек Яков Андреев сын Щеплина, а преж сего та книга была того ж Пафнотиева монастыря. А дал в лето 7128 сентября в 5 день (1619 г.) при игумене Иосифе и подписал своєю рукою» (*Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. Стр. 270-274). В подробном исследовании памятника М.В. Печников предполагает, что сборник Рум. 204 был вложен Макарием во время посещения Пафнутьевской обители зимой 1544 г. (*Печников М.В.* Сборник XVI в. — вклад митрополита Макария в Пафнугиев-Боровский монастырь // Боровск — страницы истории. № 5. Боровск, 2005. С. 94–107). Возможно, тогда же могли быть привезены в монастырь и наши «Соборник» и Минеи на июнь

и июль, послужившие, как и Румянцевский кодекс, подготовительными этапами к составлению Великих Миней Четых.

Обратившись к Минеям Епарх. 728 и Епарх. 729, укажем, что календарное наполнение обеих рукописей текстами идет по принципу, характерному для структуры Софийского комплекта ВМЧ: при введении похвального Слова либо иной версии жития зачеркиваются начало или конец соприкасающихся текстов, воспроизводимые затем редактором в особых вставках. Основным водяным знаком бумаги Епарх. 728 и 729 является литера В (лат.) под короной с двойным 4-лепестковым цветком (1530-е гг.). В июньской Минее Епарх. 728 с л. 1 по л. 34 идет запись: «Лета 7121 декабря в 14 день (1612 г.) дал сию книгу глаголемую Минею Четью июнь в дом Рождства Пречистые Богородицы и чудотворцу Пафнутию после разоренья монастырсково от Литвы пафнутьевской игумен Иона по своих родителей, а выкупил под Москвою в Коломенском у Островских тотар, а выкупал из Высоково монастыря из Серпухова, быв в ту пору в архимаритех».

Среди календарных текстов июльской Миней Епарх. 729 особое внимание привлекает вставка под 9 июля Жития св. Федора Едесского, переписанного особым каллиграфическим крупным полууставом с изящными кинноварными инициалами. Под концовкой Жития на л. 122 находим строку мельчайшей грецизированной вязи: «Молитвами государя нашего преосвященного архиепископа Великаго Нова города и Пскова владыки Мокария, умножи Господи лета живота его», что еще раз подтверждает создание рукописи писцами макариевского скриптория. На лл. 1–11 есть вкладная запись: «Лета 7120 го месяца июня в 6 день (1612 г.) дал в дом Пречистыя Богородицы и великаго чудотворца Пафнотья Василей Елеуферьев сын Попов сию книгу Менею Четью по своем отце Елеуферьи и по своих родителей в вечной поминок а подписал я Василь сам своею рукою». Аналогичная запись 1612 г. руки Василия Елеуферьева читается на служебной Минее на месяц ноябрь 1493 г., одной из 13-ти рукописей Пафнутьева монастыря, еще в 1909 г. переданных в библиотеку Архива Святейшего Синода в С.-Петербурге и подробно описанных А.И. Никольским (РГИА, фонд 834, №№ 3754 – 3765, 4025; *Никольский А.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшаго правительствующего Синода. Том. II. вып. второй. СПб., 1910. С. 516–542, 893–899).

Рукописи, возвращенные благочестивыми вкладчиками после времен Смуты в Пафнутьев-Боровский монастырь нашли отражение в «Описи книг степенных монастырей» 1653 г. (*Ундольский В.М.* Опись книг степенных монастырей//ЧОИДР. 1848. Кн. VI, отд. IV,

смесь, С. 1-44). Среди 30 книг Пафнутьева монастыря присутствуют несколько «Сборников писменных в лист» и Минеи четьи на июнь и июль; ряд названий возможно идентифицировать с рукописями, переданными в библиотеку Синода. Но хочется обратить особое внимание на запись «Описи» — «Книга Нифонт в лицах писменная». Не скрывается ли за этим пребывание в Пафнутьеве лицевого Жития св. Нифонта (ГИМ Муз. 340), приобретенного Историческим музеем в 1898 г. у антиквара П.И. Силина? Как известно, основная филигрань Жития — литера В (лат.) под короной с 4-лепестковым цветком (*Щепкин В.Н.* Житие св. Нифонта лицевое XVI века // Имп. Рос. Ист. Музей им. Имп. Александра III. Описание пам-ков. Вып. II. М., 1903). По нашим наблюдениям, она идентична бумаге Минеи на июнь и июль Епарх. 728 и 729. Было бы логичным присоединить утративший записи о происхождении и бытовании знаменитый памятник новгородской миниатюры к группе вкладов митрополита Макария в обитель своего пострижения — Пафнутьев-Боровский монастырь.

И.И. Синчук
науч. конс. изд-ва «Белорусская энциклопедия» (Минск)

Изразцы с геометрическим орнаментом: от реальной глубины к глубине «оптической»

При попытке определения идей, приведших к формированию распространенных в большом ареале изразцов XVI в. с геометрическим орнаментом типов круг, вписанный в квадрат, и квадрат, вписанный в квадрат, выявилось, что имеет место как геометрический, так и изобразительный генезис изразцов с геометрическим орнаментом.

1. Ортогональная проекция.

Горшковые изразцы открытого типа с квадратным и квадратифольным устьем встречаются в ареале наблюдений (Речь Посполитая, Священная Римская империя Германской нации). Например, такие изразцы XIV–XV вв. найдены в Киеве на Подоле, в белорусском Лидском замке, Вильнюсе. Со временем высота изразцов уменьшилась и появилась физическая возможность наносить на донце декор пальцами — концентрические кольца или примитивный цветок защипами.

Надо полагать, что коробчатые так называемые «медальонные» изразцы с круглыми в плане центральными выпуклостями или загибаниями являются по своему происхождению ортогональными

проекциями дна горшкового изразца с квадратным устьем на плоскую наружную поверхность коробчатого изразца. При графической фиксации найденных в Лидском замке изразцов с квадратным устьем вид сверху на устье и дно практически неотличим от аналогичного вида «медальонного» изразца (*Трусаў А.А., Угрыновіч У.В.* Тыпалогія і храналогія лідскай кафлі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Мінск, 1989. С. 197, мал. 96:7–8). Возможно, идея выпуклости/углубления была заимствована из практики изготовления германских горшковых изразцов со сферическим дном (*Ambrosiani S.* Zur Typologie der älteren Kacheln. Stockholm, 1910. S. 104–105, Fig. 4–5). В XVI в. круглые рельефные / контррельефные части декорируются закрученными лопастями или лепестками цветов.

Замечательно подтверждают предположение о параллельном прямоугольном проецировании чешские изразцы середины XV в. окружностью, вписанной в четырехлучевую звезду (*Тымоновá М.* Kachlové soubory z Frýdku // *Archaeologia historica*, 2016. Roč. 41. Č. 2. S. 426, obr. 9:5) — контуры ее лучей не что иное, как неуловимые грани перехода обращенного вниз усеченного конуса нижней части в плоскости квадрата верхней части. Именно так выглядят на виде спереди и сзади переходы из конуса основания в квадратное устье на фотографиях чешских изразцов ок. 1500 г. из собрания музея в Миккулове (*Pavlík Č.* Gotické a renesanční kachle pod Ždánickým lesem // *RegioM : sborník Regionálního muzea v Mikulově*, 2007. S. 82).

Также является прямым подтверждением практик получения изображений проецированием квадрифольное изображение на лицевой пластине белорусского лидского и польского из г. Ярослава Подкарпатского воеводства коробчатых изразцов (*Трусаў А.А., Угрыновіч У.В.* Тыпалогія і храналогія лідскай кафлі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Мінск, 1989. С. 197, мал. 97:12; *Broszko M.* Kafle z Jarosławia jako źródło do dziejów badań nad wykonywaniem szesnastowiecznych kafli // *Archaeologia historica*, 2014. Roč. 39. Č. 1. S. 216, Рuc. 9), которое явно восходит к горшковым изразцам с квадрифольным устьем.

2. Художественная перспектива.

Изразцы с геометрическим орнаментом типа квадрат / прямоугольник, вписанный в квадрат / прямоугольник, уверенно для Литвы датируются третьей четвертью XVI в. Один изразец с монограммой великого князя литовского и короля польского Сигизмунда II Августа (1529/1530–1572) встречен при раскопках на территории бывшего «Дворца Великих князей Литовских» в Вильнюсе в нижнем ряду печи вместе с названными изразцами (*Rackevičius G.* Lietuvos

Didziosios Kunigaikštystės valdovų rūmai Vilniuje. XVI a. Koklinių krosnių rekonstrukcija. XVI a. koklių katalogas. Vilnius, 2012. P. 40, ill. 23).

В большом количестве «геометрические» изразцы были обнаружены при раскопках Мирского замка, такие же были найдены в Лидском замке, в Вильнюсе и ряде других мест. Подобные изображения встречаются не только блоками по четыре квадрата, но существуют изразцы с таким же рисунком на все поле.

Прямая перспектива в XIV–XV вв. прочно заняла свое место среди изобразительных приемов в работах художников и теоретических трактатах (*Флоренский П.А.* Обратная перспектива // Соч. в 4-х тт. Т. 3. Ч. 1. М., 1999. С. 66–67). Правильная линейная перспектива предполагает, что для создания эффекта расстояния дальние объекты должны быть меньше тех, что расположены на переднем плане. Линии «геометрических» изразцов, соединяющие углы большого и малого внутреннего прямоугольника друг с другом, указывают на глубину расположения внутреннего объекта.

Моравский изразец из миноритского костела в Брно первой половины XVI в. являет собою пример построения правильной линейной художественной перспективы. В центре интерьерного изображения оказывается задняя стена в виде небольшого прямоугольника. Центральный прямоугольник и два откоса равны $\frac{1}{2}$ каждый. Высота верхнего «откоса» изразца равна $\frac{2}{3}$ от нижнего, т.е. точка схода поднята вверх, вероятно, для компенсации нависающей на переднем плане порталной арки (*Jordánková H., Loskotová I.* Kachlová kamna v prostorách minoritského kláštera v Brně // *Archaeologia historica*, 2005. Roč. 30. Č. [1]. S. 450, obr. 8).

Следы расчета построения изображения обнаруживаются на ряде изразцов. Лаконичные изображения собственно геометрических изразцов демонстрируют кратными соотношениями построительные процедуры, точка схода всегда по центру. Например, такие соотношения характерны венгерским прямоугольным изразцам с центральным прямоугольником из Колошвара (*Benkő E.* Kolozsvár magyar külvárosa a középkorban. A Kolozsvárba olvadt Szentpéter falu emlékei. Kolozsvár, 2004. O. 114, 24. Tábla; O. 74, 16. kép.; O. 113, 23. Tábla).

Рабочее предположение, что декор «квадрат в квадрате» неслучаен и является фронтальной перспективой, выдерживает проверку материалом. В итоге удалось предложить непротиворечивое объяснение появлению двух типов геометрического орнамента на изразцах XVI в., следуя оставленным на артефактах следам интеллектуального процесса их создателей.

О датировке описания церковно-монастырских владений и имуществ начала XVIII века

В историографии XIX – начала XX в. проблема хронологии описания церковно-монастырских владений и имущества по указу Петра I от 31 января 1701 г. практически не рассматривалась. Так, М.И. Горчаков лишь констатирует: «Перепись, начавшаяся в 1701 году, продолжалась несколько годов» (*Горчаков М.И.* Монастырский приказ. (1649–1725 г.): опыт историческо-юридического исследования. СПб., 1868. С. 138). В монографии И.А. Булыгина при внимательном чтении обнаруживаются два варианта датировки описания – 1701–1704 гг. и 1701–1705 гг. (*Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 35, 37, 100). Альтернативная точка зрения изложена в ряде работ последних лет. Так, в новейшем коллективном труде декларируется: «Исследователь (И.А. Булыгин. — *Н.С.*) установил сроки проведения переписи — 1701–1705 гг. Однако эта датировка подтверждения пока не получила. Все известные на сегодняшний день переписные книги архиерейских домов и монастырей были составлены в 1701–1703 гг.» (*Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 38). В приведенной цитате нашло отражение основополагающее представление авторов о датировке описания начала XVIII в. как производном от «времени составления» «переписных книг архиерейских домов и монастырей». Ни корректность датировки последних, ни репрезентативность имеющейся в их распоряжении выборки как источниковедческие проблемы исследователями, похоже, не осознаются.

В настоящем исследовании используется понятие «описные / отписные книги», на мой взгляд, более точно отражающее происхождение и содержание источника. Под описными книгами подразумевается не рукопись / кодекс / конволют в нынешнем их составе, а опись «единицы учета» согласно наказам Монастырского приказа, — церкви/собора, архиерейского дома, монастыря, церковно-монастырской вотчины, городского двора, лавки, мельницы и др.

Наказ предписывал оформлять такую опись в отдельных тетрадях и не мешкая отсылать в Москву. Обязательным было «заглавие» с датой (совр. преамбула). Дата поступления описи в Монастырский приказ фиксировалась в пометах дьяков. Наличие в изу-

чаемой рукописи лишь одного из этих хронологических маркеров, как правило, означает его «применение» и к самой описной книге, и к описанию, в ходе которого она создана. Но такая датировка является, в лучшем случае, приблизительной, а при определенных обстоятельствах – вообще носит «гипотетический» характер.

Для иллюстрации последнего тезиса обратимся к описным книгам Благовещенского собора в Соли Вычегодской. Опись была подана в Монастырский приказ 28 февраля 1702 г. Но стольнику А.М. Вешнякову было предписано сделать новую, так как «в сих книгах заглавия у него не написано». Преамбула новой рукописи содержит дату 23 апреля 1702 г. Можно предположить, что новое описание не производилось; черновые записи были еще раз перебелованы в соответствие с требованиями приказа, снабжены скрепой стольника и рукоприкладствами. И если бы в нашем распоряжении оказались только эти (вторые) описные книги, — не имеющие приказной пометы, но, судя по другим описям Вешнякова из того же конволюта, привезенные в Москву не раньше 1703 г., — датировка описания солевычегодской соборной церкви оказалась бы еще менее корректной (РГАДА. Ф. 237. Д. 44. Л. 537, 593 и др.).

При работе с описными книгами, где присутствуют оба маркера, интерпретации требует большой (типологически или применительно к конкретному объекту) разрыв между датами в преамбуле и приказной помете. Рассмотрим подобную коллизию на примере описных книг стольника Ивана Андреевича Большого Дашкова. Преамбула описи Московского Донского монастыря традиционна: дата — 6 апреля 1701 г., ссылка на царский указ и наказ из Монастырского приказа за приписью дьяка Ивана Шапкина, имя переписчика и т.д. Вопросы возникают после знакомства с приказной пометой: «1703-го году марта во 2 день поданы с отпискою». Но та же дата читается и в других источниках. Иными словами, нет каких-либо оснований сомневаться, что описные книги И.А. Дашкова (18 тетрадей «в десть») были поданы в Монастырский приказ подьячим Донского монастыря Терентием Воиновым лишь 2 марта 1703 г. Время описания *de facto* позволяют установить имеющаяся в самом источнике дата чтения в монастыре царских указов, а также «тетрати» с датированными записями за период с 10 июля 1702 г. по 23 февраля 1703 г., в которых фиксировалось, был ли стольник в монастыре, сколько работал и что им было сделано (ЦГА г. Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 60а). Можно думать, что появление этих тетрадей связано, хотя и опосредованно, с царским указом от 6 мая 1702 г. и последовавшим за ним изменениями в системе выплаты содержания переписчикам (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6524).

Преамбула подлинных описных книг Московского Воздвиженского монастыря со скрепой того же переписчика («Сто|лнии|к| Иван| Ан|дре|ив| сын| Бол|шой| Да|шко|в») содержит знакомую дату — 6 апреля 1701 г. И, как оказалось, к описанию этого монастыря он также приступил не сразу. Согласно помете дьяка Монастырского приказа Герасима Потопиева, описные книги поданы 24 августа 1702 г.; царские указы стольник читал 20 апреля 1702 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6375). С высокой вероятностью, в обоих случаях дата была переписана в преамбулу из документа, определявшего полномочия И.А. Дашкова, скажем, наказа за приписью дьяка Ивана Шапкина. Следовательно, применительно к рассматриваемым описным книгам данный хронологический маркер не является датирующим.

Подобные частные наблюдения свидетельствуют об актуальности проблемы датировки описных книг. Очевидна необходимость критического и дифференцированного подхода к датам преамбул, их верификации другими маркерам в самом тексте, в том числе косвенными, независимыми источниками. В данном контексте пересмотра требует практика распространения («по умолчанию») даты преамбулы описи на описание как таковое.

Я.Г. Солодкин
д.и.н., проф. Нижневартовского ГУ

**Почему вдову «освятованного» Федора Ивановича
«мнихоцарицу» Александру называли «равноангельной»?
(К интерпретации некоторых документов
избирательной кампании 1598 г.)**

В послании царя Бориса патриарху Иову из Серпуховского похода и приведенной в «Утвержденной грамоте» (далее — УГ) Земского собора 1598 г. речи бывшего правителя, согласившегося принять скипетр по благословению старицы Александры (которая «пострижесе во иноческий чин» вскоре после смерти мужа — «крестоносного» Федора Ивановича), говорится о ее «пресветлом равноангельском лице»; в окружной грамоте Бориса Федоровича о трехдневном молении по случаю коронации недавно овдовевшая сестра нового государя названа «равноангельной». В составленной же в феврале 1607 г. «разрешительной» грамоте Иова (к тому времени уже оставившего кафедру московского первосвященника) сказано о том, что царица Ирина восприняла «равноангельный» («ангелопеп-

ный») «иноческий чин» (ААЭ. СПб., 1836. Т. II. С. 11, 34, 56, 151). Лексемы, открывающиеся таким образом, например, «равнобожество», «равнославен», «равночестных», «равноточные», «равнобратоубийство», в древнерусской книжности употреблялись нередко (Там же. С. 16, 150; АИ. СПб., 1841. Т. I. С. 76; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 27, 80, 156; ПЛДР. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 78. Ср.: С. 94, и др.). Константина Великого и Владимира Святославовича, напомним, признавали равными апостолам, а о Василии Великом говорили, что он «вмале апостолом» «равностоятелен» (ААЭ. СПб., 1836. Т. I. С. 312; Там же. Т. II. С. 15, 17, 104, 165. Ср.: С. 22; Там же. СПб., 1836. Т. IV. С. 225; АИ. Т. I. С. 35, 63, 116, 118, 138, 292, 293, 320, 494, 515, 550; ПСРЛ. СПб., 1903. Т. XIX. Стб. 476). Иноческий «образ» или «чин» часто назывался ангельским, порой святым, светлым, пресветлым, великим, святолепным (ААЭ. Т. I. С. 70. Ср.: С. 54, 242; Там же. Т. II. С. 1, 13, 19, 20, 24, 30, 54, 55, 86, 105. Ср.: С. 153; АИ. Т. I. С. 373, 377, 381. Ср.: С. 378, 392; Там же. СПб., 1841. Т. III. С. 5; АЮБ. СПб., 1857. Т. I. Стб. 559; Временник ... С. 28, 99, 100; ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 47, 273; Там же. М., 1965. Т. 29. С. 219; Там же. М., 1978. Т. 34. С. 161. Ср.: С. 243; ПЛДР ... С. 76, 136; *Курбский А.* История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М., 2015. С. 168, 170). Хотя праведников считали равными («равночестными») ангелам (АИ. Т. I. С. 378, 540), лишь вдова «достохвалного» Федора Ивановича, «державшая» в течение девяти дней «скифетр Росийскаго государства» «под правительством единокровного своего брата Бориса» (ПЛДР ... С. 362. Ср.: С. 118, 120; ААЭ. Т. II. С. 19, 55; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 39; Псковские летописи/Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. II. С. 265; ПСРЛ. Т. 34. С. 198, 201; *Платонов С.Ф.* Смутное время. СПб., 2001. С. 299, 380, 381, и др.), удостоилась подобной оценки, и то всего несколько раз; большинство современников восторженно отзывалось о «всёя Росии» госпоже (Временник ... С. 54, 62), но в следующих выражениях: «свет и надежа», благонравная, блаженная, «всечестная и предобрая», поревновавшая святому и праведному мужу «во всем благочестии», «добродетелию и верою к Богу»; Александра, оставшись без «прекроткого» Федора, оказывается, «жестоце житие в посничестве» (или «жестокое воздержательное ... вся дни иноческого своего бытия») провела, «свято и праведно, и все исправила по преда[нь]ю святых отец», обнаружив «великую» или «многую добродетель», так что «благоутробный» или «благоюродливый» преемник Ивана Васильевича с «христоролюбивой» же-

ной очутились «душами вкупе на небесех у престола Господня» (ААЭ. Т. II. С. 1, 11; Временник ... С. 28, 164; ПСРЛ. Т. 34. С. 198, 200, 204, 235; ПЛДР ... С. 112, 126, 318, и др.).

Согласно УГ, Федор Иванович «во всем бысть земный ангел» (ААЭ. Т. II. С. 19. Ср.: АИ. Т. I. С. 541). Так однажды определил своего главного героя автор «Жития и преставления великого князя Дмитрея Ивановича, царя русскаго». Там же о московском государе, прослывшем Донским, читаем: «ангельски живяше», «в плоти суца ангельски пожил еси», «просветися лице его (когда скончался. — Я. С.), аки ангелу» (ПСРЛ. Т. 34. С. 138–140, и др.). Но едва ли «мнихоцарица» Александра (это имя было нередким в династии Рюриковичей, см.: АИ. СПб., 1841. Т. II. С. 99, 140; ПСРЛ. Т. 34. С. 115, 136, 152, 228; Казаков А.А., Несин М.А. Новгородский помянник начала XVI в.// Novogardia. 2019. № 4. С. 372–374), сопоставленная в Пискаревском летописце с Февронией Муромской, удостоилась ранее не привлекавшей внимания исследователей оценки, и то, насколько известно, в 1598 г., лишь как «богозаконная» супруга прослывшего «светом милостивым» праведного, «святожительного», «миропреподобного», «святым сопричастного» царя, который «паче всех Бога предпочте», «весь возложися Христови», «ревностию возревнова по святым», жил лишь «в постех и молитвах», «в духовных подвизех» (ААЭ. Т. II. С. 9, 11, 19, 25; АИ. Т. III. С. 451, 452; Временник ... С. 25–27, 35, 39, 46–47, 57, 60, 151, 164; ПЛДР ... С. 318, 422, и др.). Во многом эти отзывы мы вправе отнести и к сестре Бориса Годунова – избранного на царство в феврале 1598 г. «мудрого и милостивого» (а также, как заключил А.Г. Мельник, набожного) «пестуна» прежнего государя.

Но «равноангельной» она могла считаться и за свою красоту (повторим, что младший брат недавно овдовевшей Александры говорил о ее лице). Про «равноангельсти[и] лица», кстати, упоминается и в «Житии ...» Дмитрия Донского и летописном повествовании о Куликовской битве (ПСРЛ. Т. 34. С. 125, 141, и др.). В знаменитой «хартийце» дьяка Ивана Тимофеева однажды читаем, что первенец «всегрозного» царя Ивана Васильевича Дмитрий был «видоангелен» (Временник ... С. 20). В этой связи можно вспомнить, что Арсений Елассонский и остающийся неизвестным автор Летописной книги о Смутном времени восхищались красотой дочери Бориса Годунова Ксении (ПЛДР ... С. 378, 424, 599, и др.).

Головной убор как атрибут свободы

Колпак свободы (*Liberty Cap*) — знак, хорошо известный не только специалистами, но и широкой общественности. Он закрепился в культурном сознании именно как французская революционная эмблема и до сих пор является символом свободной Франции. Анимированный колпак был даже выбран в качестве талисмана будущей Олимпиады-2024 в Париже, что лишь подтверждает однозначную его узнаваемость.

Тем не менее, этот знак, появился далеко не во Франции, и история его перемещений отнюдь не ограничивается путешествием из борющихся за независимость Соединенных Штатов, как полагают некоторые исследователи (*Korshak Y. The Liberty Cap as a Revolutionary Symbol in America and France. 1987*).

Свобода — не достояние современности. Это неувядающая концепция, присутствующая в дискурсе мыслителей всех эпох, воспринимавших и трактовавших ее по-разному и прибегавших к совершенно разным визуальным образам для ее воплощения. Тем не менее, среди таких образов, кажется, есть и довольно универсальные. Одним из таких и является Колпак свободы.

Еще с III в. до н. э. римляне почитали Свободу (*Libertas*) как богиню и посвящали ей храмы на своих семи холмах. Свобода частенько появлялась на монетах республиканской и имперских эпох: динарий Марка Порция Лека (125 г. до н.э.) несет изображение Свободы, управляющей квадригой, простирающей вперед руку с колпаком. Похожий образ появляется на монетах Клавдия, Гальбы, Требониана Галла и других. Фигура Свободы держит эту шапку в правой руке на монетах Антония Пия (145 г. н.э.). (*Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. London, 1842. Pt. 2*).

Визуально головной убор, сопровождающий римскую Свободу очень похож на тот, что использовали французский революционеры. И восходит он в обоих случаях, вероятнее всего, к греческому пилосу (*pileus*) — наиболее популярному и простому в изготовлении головному убору из валяной шерсти. По свидетельству античных историков, именно этот головной убор вручался освобожденным рабам, которые должны были носить его в знак обретенной свободы (*Diodorus Siculus Exc. Leg. 22 p625. Ed. Wess.; Plaut. Amphit. I.1.306; Persius, V.82*). Так он и стал атрибутом богини Свободы и самостоятельным визуальным воплощением свободы.

Вероятно, самая знаменитая монета, на которой пилос со своим значением предстаёт уже сам по себе, без образа богини — это Монета Брута EID MAR, изображающая два кинжала остриями вниз, между которыми изображен пилос, однозначно сообщая, что убийством Цезаря Рим был освобожден (*Orlin Eric M. Social and Cultural History of Republican Rome. [S.l.]: Wiley-Blackwell, 2021*).

Однако не французы и не американцы вспомнили об этом античном сюжете и стали впервые пользоваться этой визуализацией свободы. Шляпа — на сей раз широкополая на голландский манер — появилась на голове Девы Голландии, персонификации этой страны, ставшей особенно популярной при Филиппе II в начале восстания. Сначала Дева изображалась сидящей в Голландском Саду (*Hollandse Tuin*) — вся композиция олицетворяла Голландию, сохраняющую свои границы, и вероятно восходила к изображениям Девы Марии в *hortus conclusus* (*Calvete de Estrella J.C. El felicísimo viaje del muy alto y muy poderoso príncipe Don Felipe (1552). Villa de Anuers: en casa de Martin Nucio, 1552*). Потом, однако, шляпа стала все чаще появляться в руках у Девы, или насаженной на копье, не оставляя сомнений в ее символическом значении (*Women and Gender in the Early Modern Low Countries, 1500–1750. (Studies in Medieval and Reformation Traditions, 217). Brill, 2019*).

Видимо, у голландцев (судя по датам источников) перенял шляпу в качестве атрибута свободы и поместил в свою «Иконологию» Чезаре Рипа. Его шляпа также не античная, широкополая, к тому же кардинальская (*Ripa C. Iconologia, ouero, Descrittione di diuerse imagini cauate dall'antichità, & di propria inuentione. Roma: Appresso Lepido Facij, 1603*).

Головной убор на копье как атрибут свободы вместе со многими другими веяниями и прогрессивными идеями была перенята англичанами в Славную революцию (*Dunthorne H. From Revolt to Riches: Culture and History of the Low Countries, 1500–1700. London: UCL Press, 2017*).

Из метрополии идеи свободы были переняты борющимися за независимость Соединенными Штатами Америки. Как отличались представления о свободе в новой стране, так отличалась и визуализация. Для американцев атрибутом свободы стал не напыщенный античный пилос, а народные шапки и кепи, носимые рядовыми американцами (*Rausser A. Death or Liberty: British Political Prints and the Struggle for Symbols in the American // Oxford Art Journal. Vol. 21, Issue 2, 1998. P. 151–171*).

Именно на новом континенте сложилась и концепция, и визуализация свободы, которая переключалась в революционную Францию,

где оформилась в целый набор эмблем из Фригийского колпака, Майского древа, цветных кокард и тому подобных, после чего снова вернулась в Америку. Таким образом, в случае Франции и США процесс был взаимен (*Митрофанов А.А.* «Война кокард»: эмблема и народное воображение революционной Франции // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2018.* / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского, при участии О.Е. Кошелевой. М: Индрик, 2018. Вып. 13. С. 208–222).

Приведенные исторические примеры подкрепляют идею о том, что головной убор с античных времен являлся практически универсальной визуализацией свободы. Он видоизменялся в зависимости от территориальных и временных особенностей, но сохранил свою семантику до наших дней.

Ю.В. Степанова
к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН

Источники по исторической географии Бельского княжества (уезда) XV–XVII веков

Историко-географические реалии эпохи раннего Нового времени ряда западных территорий Русского государства остаются плохо изученными. К таким регионам относится территория Бельского княжества, которое с первой половины XIV в. находилось в составе Великого княжества Литовского, а в начале XVI в. перешло в состав Московского государства. В период Смуты г. Белая и ее волости были утрачены Русским государством. В 1618 г. они перешли к Речи Посполитой, и в 1625 г. город Белая получил привилей на магдебургское право. В ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. город переходил в руки русского гарнизона, однако по Поляновскому миру 1634 г. остался в составе Речи Посполитой. В том же и следующем году было произведено размежевание польско-российской границы на участке соприкосновения Торопецкого, Ржевского и Зубцовского уездов с Бельскими волостями. В состав Русского государства Белая с волостями перешла лишь в ходе военной кампании 1654 г. По итогам Андрусовского перемирия 1667 г. Белая с волостями осталась в составе Русского государства.

Бельские волости перечислены в перемирных грамотах 1503 и 1522 гг. К Белой в этих документах отнесены лишь три волости — Болшево, Шоптово, Верховье (Верхонье), а также Моневидова слобода. Центры этих волостей можно найти в картографических мате-

риалах XIX в. Волостные центры и пределы Бельского княжества в составе Великого княжества Литовского были отражены на картах, составленных В.Н. Темушевым. Однако описания этих территориальных единиц в составе Бельского княжества XV в. неизвестны. Не сохранились и описания территории бельских волостей в составе Русского государства XVI в.

Наиболее раннее описание Бельского уезда датируется 7165 (1657) г. Это сохранившаяся в копии XVIII в. переписная книга дворцовых волостей переписи С.Н. Племянникова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 596. Л. 1–70 об.). Она охватывает волости Понизовскую, Клемятинскую, Лодыжскую, Чичатовскую, Верховскую, Днепровскую, Шоптовскую, Жукоповскую. С.Н. Племянниковым была описана также вотчина Алексеевского монастыря в Бибиревской волости. В следующем 7166 (1658) г. С.Н. Племянниковым была проведена новая перепись дворцовых владений Бельского уезда. В нее, помимо ранее описанных и взятой в дворцовые Бибиревской, вошли территории Роженской, Жарковской (Старковской), Монинской, Березовской, Юрьевской волостей (Там же. Л. 71–115 об.).

Отметим, что в этих описаниях имеются указания на более раннюю перепись уезда И.И. Замыцкого (ум. в 1646 г.), которая была использована в качестве приправочной.

Наиболее ранним источником, характеризующим территорию уезда, охваченную землевладением служилых людей, является переписная книга Бельского уезда смоленских стрелецкого головы Данилы и капитана Василия Чернцовых 1668 г., то есть вскоре после заключения Андрусовского перемирия (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 597). В ней характеризуются маестности смоленской и бельской шляхты в Понизовской, Роженской, Дубровской, Жарковской (Старковской), Монинской, Егорьевской (Юрьевской), Клемятинской, Лодыжской, Березовской, Пониклинской, Шоптовской, Верховской, Чичацкой, Болотовской, Усачерской, Симоновской, Лустьской волостях. Описание Пустоподлеской и Днепровской волостей в книге 1668 г. отсутствует. Соответственно, можно полагать, что эти территории были заняты в основном дворцовым землевладением.

В 1678 г. дворцовые земли Бельского и Дорогобужского уездов описывал П.С. Косминский (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 596. Л. 161–217). Его перепись охватила Монинскую, Шоптовскую, Пониклинскую, Пустозалесскую, Днепровскую, Жарковскую волости.

Жукоповская волость была приписана к уезду Ржевы Володимеровы. В 1678 г. ее описание составили Ф. Изъединов и подьячий Ф. Бишов (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2, ч. 5. Д. 3598).

«Бельская припись» выделяется в составе уезда Ржевы Володимеровы во второй половине XVI века. Бельские части Волговской и Ртищевской волостей охарактеризованы в писцовой книге Ржевского уезда 1588–1589 гг. письма Д.А. Салтыкова (*Фролов А.А. Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой (половина князя Дмитрия Ивановича)*. М.; СПб., 2014).

Расположение западной границы Бельского уезда XVI в. позволяет уточнить описание соседнего Торопецкого уезда 1540 г. (Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // *Писцовые книги Новгородской земли*. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-х – 1540-х гг. / Сост. К.В. Баранов. С. 501–682).

Таким образом, составить представление о территории бельских волостей, вошедших в состав Русского государства в начале XVI в., а затем во второй половине XVII в., позволяет детальное исследование комплекса разновременных переписей Бельского, Торопецкого и Ржевского уездов.

Актовый материал, характеризующий развитие землевладения и географические реалии Бельского уезда XVI–XVII вв., немногочислен, требуется его дальнейшее выявление. В материалах переписей имеются указания на привилегии 1620–1630-х гг., характеризующие земельные раздачи в бельских волостях в этот период. Материалы переписей и акты свидетельствуют, что после вхождения Белой в состав Русского государства во второй половине XVII в. значительная доля шляхты сохранила земли, которыми она обладала в польский период. Конфискации коснулись крупных церковно-монастырских землевладений, в частности витебского Алексеевского монастыря в Бибиревской волости.

Л.В. Столярова
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН

Инвокация как компонент формуляра древнерусских выходных записей

Подобно духовным и некоторым данным грамотам, большинство древнерусских выходных записей XI в. открывалось инвокацией (по терминологии А.С. Лаппо-Данилевского, принятой С.М. Каштановым, — богословием). В отличие от актов — как западных так и русских, — начинавшихся с оборота «Во имя Отца, Сына и Святого Духа»; «Во имя святые живоначальные Троицы»

(*in nomine Trinitatis, in Gottes namen*) богословие выходных записей XI в. выражалось в формулах «Слава Тебе, Господи, Царю небесный», «Помощию Христовою» и «Господи Боже, отец наших Авраамов, Исаковль, Ияковль и семене их праведьнааго съподоби-выи...». Богословие древнерусских выходных записей XI в. не совпадает и с богословской преамбулой жалованных грамот, в которых священное имя также не всегда обозначает Бога-Троицу, а выражается в формулах «Святого для Благовещения», «Святыа деяя Богородицы», «Бога деяя и святого деяя Юрия», «Святого деяя Спаса», и др. Исключение составляет выходная запись лазаревской Миней на июль, в которой содержится двойная invocatio: словесная (с призыванием Бога-Троицы) и символическая (четырёхконечный крест). Символическая invocatio открывает текст записи. Словесная помещается после указания писца и заключает в себе упоминание Бога-Троицы: «...не аз бо своею худост[и]ю написахъ и брат, но силою святыа Троицы...». Богословие с упоминанием Бога-Троицы включается в структуру текста древнерусских выходных записей только во второй половине XIV в. Тогда же оно появляется в духовных и некоторых данных грамотах. Отсутствие словесной invocatio в жалованных актах компенсируется invocatio символической. В выходных же записях XI–XIII вв. символическая invocatio встречается крайне редко.

В сербских кодексах invocatio в качестве компонента формуляра выходных записей известна со второй половины XIII в., когда в русских записях она как будто исчезает. В выходной записи на сербской Кормчей 1262 г. богословская формула открывается, так же, как и в записи на Милятином евангелии, словом «помощию». Однако в отличие от русских записей призывание священного имени не ограничивается обозначением Бога-Сына, а является обозначением Бога-Троицы. В записи на сербском Шестодневе Иоанна, экзарха болгарского 1263 г. находим богословие, тождественное invocatio древнерусских духовных и жалованных грамот, и лишь начальным оборотом «Слава тебе, Господи» напоминающее богословие записи Упыря Лихого 1047 и дьякона Григория 1057 г. Наряду с призыванием Бога-Троицы в богословии Шестоднева 1263 г. обозначены имена Спаса, Богородицы и Святого Духа. К концу XIV в. в сербских выходных записях преобладает invocatio, напоминающая тот же компонент формуляра записей 1047 и 1057 гг.: «Слава свьвершетелю Богу въ векы».

Богословие выходных записей болгарских кодексов известно начиная с рубежа XIII–XIV вв. (запись на т.н. Лобковском паремейнике ок. 1294–1320 гг.), также близко invocatio записей 1047 и

1057 г., но связано с призыванием Бога-Троицы. В целом богословие выходных записей южнославянских рукописей тождественно инвокации западных актов и древнерусских духовных и некоторых данных грамот. Инвокация древнерусских выходных записей более напоминает богословскую преамбулу жалованных грамот и, подобно русским иммунитетным грамотам, в чистом виде в XI–XIII вв. не встречается. Если богословская преамбула жалованных грамот представляет идеальную цель их составления (предлог «для», «для», «ради»), а богословие в строгом смысле является обращением к Богу-Троице, то богословская формула выходных записей либо сводится к прославлению Господа, побудившего писца к созданию кодекса («Слава Тебе..., яко сподоби мя написати»), либо к благодарению за совершившееся книгописание («Помощию Христоваго написаша...»).

В формуляре выходных записей середины – второй половины XIV в. наметилась тенденция к возрождению словесной инвокации. В записях Евангелия 1362/63 г. и Минеи служебной на март 1369 г., переписанных по заказу новгородского архиепископа Алексия, инвокация содержит обращение к Богу-отцу и Святому Духу: «изволением Божиимъ, а поспешениемъ Святого Духа». Инвокация записи Паремейника 1369 г. не ограничивается обозначением Бога-Троицы и содержит обращение к Богородице. Данная формула представляет, скорее, идеальную цель составления кодекса (предлог «ради»), что сближает ее с богословской преамбулой древнерусских жалованных грамот. Пожалуй, инвокативную формулу записи Паремейника 1369 г. можно сравнить со специфическим богословием записи 1381 г. на списке Пандектов Никона Черногорца. Оно также представляет идеальную цель создания кодекса, но не содержит обозначения Бога-Троицы: «...въ честь и въ славу пречистой Матери Божии честнаго ея зачатья...». В записи Тактикона Никона Черногорца 1397 г. в инвокативной части содержится обращение к «Богу и пречистей Его матери... Рожеству». Несмотря на отсутствие здесь предлогов «для, для, ради» и наличие оборота «во славу», этот компонент формуляра, выражая цель создания кодекса, также близок богословской преамбуле жалованных грамот. Соответствие богословия записей Евангелия апракос 1358 г., Паремейника 1369 г. и Лаврентьевской летописи 1377 г. инвокации актов делает этот компонент формуляра отличным от богословских формул выходных записей XI–XIII вв. Так, инвокация записей XIV в. начинается с оборота «в честь и в славу», «во славу...», «милостивыя ради великия живоначальная Троица...», «а со всеми нами хрестьяны Христос Бог наш, сын Бога живаго...». Выражение «...Ему же слава, и

держава, и честь, и покланя[нь]е со Отцом и с [Сыном] и Святымъ Духомъ», продолжающее начальную часть записи 1377 г. Лаврентьевской летописи, близко по форме обороту «в честь и въ славу Отцу и Сыну и Святому Духу» записи Евангелия 1358 г. и обороту «во славу [Богу] и пречистеи Его Матери владычице нашей Богородици честному ея Рожеству» записи 1397 г. Богословский компонент записей Евангелия 1358 г. и Лаврентьевской летописи завершается оборотом «и ныня и присно въ веки векомъ» и «ныня, и присно в веки». Выражения «Помощию Христовою...», «Слава тебе, Господи, царю небесный» и др., свойственные invocativному компоненту выходных записей XI–XIII вв., в записях XIV в. отсутствуют. Впрочем, богословие записи Минеи служебной 1365 г. близко invocativному компоненту записей XI в.: «Слава Богу благоволившему о всемъ». В записи 1381 г. Пандектов Никона Черногорца invocativный компонент выражен слабо: «милостью пречистыя Матери [Божия]...». Ни в одной из записей XIV в., содержащих invocацию, этот компонент формуляра не является начальным. Invocация либо следует за датой, либо является завершающим компонентом формуляра, либо предшествует аппрекации. В единичных случаях она либо предваряет просьбу не клясть, либо указание имени заказчика. Символической invocации в выходных записях XIV в. нет.

Таким образом, invocация выходных записей представляла собой неразвитый компонент условного формуляра, как будто исчезнувший в рукописях XII – первой половины XIII в., но возродившийся во второй половине XIII – начале XIV в. в виде, подобном богословию духовных грамот. В тайнописных текстах словесная invocация фиксируется вплоть до XVI в. В южнославянских кодексах богословие просуществовало до конца XV в.

*И.Е. Суриков
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, проф. РГГУ*

К просопографии афинских демагогов времени Пелопоннесской войны

*Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда
№ 23-28-00024 (<https://rscf.ru/project/23-28-00024/>)*

Демагоги являлись интегральным структурным элементом афинской радикальной демократии (см. об этом в классической статье: *Finley M.I. Athenian Demagogues // Past & Present. 1962. Vol. 21. P. 3–24*); особенно возросла их роль в полисе в последней трети V в.

до н.э., после смерти Перикла. Правда, Аристотель уже и самого Перикла причислял к демагогам (Arist. Ath. pol. 27. 1–3), но нас здесь будут интересовать демагоги, так сказать, классического типа. Самым ярким из них был, бесспорно, Клеон, и часто его считают моделью демагога как такового, воплотившей в себе все его характерные черты. Клеон был незнатен, но богат, являлся выходцем из торгово-ремесленной среды (имел кожевенную мастерскую). В манерах он проявлял грубоватую развязность, чем импонировал народной массе (Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуусобиц. М., 2011. С. 81–82). Желая занимать лидерскую позицию в государстве, он стремился быть избранным на высокую должность стратега и во второй половине 420-х гг. до н.э. неоднократно добивался этого. Однако, не имея военного опыта, командовал он в целом неудачно и в конце концов, проиграв сражение при Амфиполе (422 г. до н.э.), сам в нем погиб.

Действительно ли все демагоги были, так сказать, Клеонами того или иного масштаба? На самом деле, как показывает просопографический анализ, картина была более сложной, а самое главное — со временем она изменялась. Демагоги первого периода Пелопоннесской войны и вправду принадлежали к тому же типу, что и Клеон. У этого последнего имелось два предшественника (Aristoph. Equ. 129 sqq.). Непосредственным являлся Лисикл — незнатный и богатый торговец скотом. В 428/427 г. до н.э. он был избран стратегом, но вскоре пал в одной из кампаний (Thuc. III. 19. 2). Еще раньше встречаем некоего Евкрата, торговца пенькой, который стал стратегом в 432/431 г. до н.э. (IG. P. 365. 5). Похоже, он тоже быстро погиб (иначе трудно объяснить его внезапное исчезновение с политической сцены).

А вот демагоги 410-х гг. до н.э. уже не являют собой столь однородную массу. Ближе всего из них к «классическому клеоновскому» типу торговец лампами Гипербол (Карюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 75–99), но это во многом объясняется тем, что он начал свою карьеру еще в 420-е гг. до н.э., во времена Клеона. С другими демагогами дело обстоит несколько иначе, что особенно наглядно демонстрирует пример Андрокла. Он не имел каких-либо связей с торгово-ремесленной средой и был небогат, если не беден (Schol. Aristoph. Vesp. 1187). Нельзя говорить и о его низком социальном происхождении: в другом месте (Суриков И.Е. Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III). М., 2021. С. 364–372) мы на ономастико-просопографическом материале показали, что Андрокл с большой степенью вероятности принадлежал к одной из вполне

респектабельных афинских семей, возможно, даже являвшейся периферийной ветвью аристократического рода Филаидов.

Далее, два демагога — Писандр и Харикл — привлекают к себе внимание тем, что они сменили свою политическую ориентацию: в 415 г. до н.э. считались «людьми в высшей степени преданными народу (εὐνοῦστατοι εἶναι τῷ δήμῳ)» (Andoc. I. 36), а позже перешли в олигархический лагерь и даже стояли в нем на крайних позициях (Thuc. VIII. 90. 1; Xen. Mem. I. 2. 31 sqq.). Применительно к этим двоим тоже ничего не сообщается об их связях с торговоремесленной сферой и об их незнатности.

Зато уж кого постоянно попрекали пресловутой безродностью — так это Клеофонта, ведущего демагога 400-х гг. до н.э. (Aelian. Var. hist. XII. 43). Однако ложность этих утверждений была выявлена данными найденных в ходе археологических раскопок остраконов — надписанных черепков для остракизма. Они, кстати, показали, что Клеофонт был политически активен и влиятелен уже в 410-х гг. до н.э., о чем ранее и не подозревали. Но самое сенсационное открытие заключалось в том, что этот демагог, который в произведениях комедиографов предстает просто-таки «варваром», то есть даже не греком (например: Aristoph. Ran. 679 sqq.), оказался сыном Клеиппида — видного политика перикловской эпохи, серьезного конкурента самого Перикла. Ни о каких социальных низах в связи с этой семьей, таким образом, и речи быть не может. Кстати, из надписей на остраконах специалисты узнали, что к той же семье принадлежал и еще один демагог — Филин (его деятельность хуже отражена в источниках). На черепках-«бюллетенях» и он фигурирует как сын Клеиппида, а, стало быть, Клеофонту приходился братом (к проблемам, связанным с семьей Клеиппида, Клеофонта и Филина см.: *Vanderpool E. Kleophon // Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; Raubitschek A.E. Philinos // Hesperia. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71*).

У Клеофонта была мастерская по производству музыкальных инструментов (Andoc. I. 146). Это демонстрирует, что демагогов «новой генерации» нельзя категорически противопоставлять демагогам 420-х гг. до н.э. Черты сходства между ними, безусловно, имелись. Но эти черты сходства как раз и ранее акцентировались в литературе, а вот черты различия, тоже наличествовавшие, как-то упускались из виду, потому мы именно на них здесь и сосредоточились. Демагог 410-х гг. до н.э., в отличие от своего предшественника, уже, как правило, не является нуворишем-парвенно; он принадлежит к кругам более уважаемым, может быть даже связан со знатью, хотя имеется в виду знать не самого высокого уровня. Этот

демагог нового типа почти никогда не стремится быть стратегом, отличаться на военном поприще (возможно, плачевный опыт таких людей, как Лисикл и Клеон, имел определенное значение для подобной перемены подхода); его родная среда — это судебная сфера, в которой он чувствует себя воистину «как дома».

О.И. Тогоева

д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН

Противоречивая космография Джона Мандевилля

Сочинение, о котором пойдет речь, было создано в Западной Европе в середине XIV столетия, а точнее — около 1356 года. Его название на протяжении всего бытования — как в виде рукописей, так и в форме первопечатных изданий — отличала крайняя неустойчивость: в различных копиях мы можем встретить и просто «Путешествия» (*Les voyages*), и «[Трактат] о состоянии Святой Земли и о чудесах, которые там можно увидеть» (*De l'estat de la terre sainte et des merveilles que il y a vues*), и «Жесту сира Жана Мандевилля о чудесах света» (*Le geste de sire Jehan Mandeville de merveille de mounde*), и «Книгу о заморских странах» (*Le livre des parties d'oultre meir*).

Подобная вариативность наименований оказалась связана, прежде всего, с тем обстоятельством, что «Книга путешествий» дошла до нас в огромном количестве списков: только от XIV–XV вв. их сохранилось около 250. При этом практически сразу, уже в середине XIV в., в распространении сочинения Мандевилля выделились две основные рукописные традиции — более ранняя островная и континентальная. Как полагает большинство исследователей, «Книга» и была, вероятно, изначально написана на англо-нормандском диалекте французского языка, а уже затем последовали ее многочисленные переводы. К 1400 г. ее списки появились на основных европейских языках, к 1500 г. — на чешском, датском и голландском. В отдельную группу специалисты выделяют также латинские рукописи сочинения Джона Мандевилля, появившиеся позднее: в них вновь различают две традиции — континентальную и островную.

«Книга путешествий» рассказывала о странствиях Джона Мандевилля по странам Ближнего Востока, Африки и Азии, предпринятых (или якобы предпринятых) в 1322–1356 годах. В историографии данное произведение традиционно относят к жанру траве-

лога или хорографии. Его отличают необычайно живой и увлекательный стиль повествования, использование авторской личной интонации, а также многочисленные описания совершенно незнакомых европейцам далеких (и часто выдуманных) народов: жителей Ливии и Эфиопии, Индии и Монголии, но также амазонок, гермафродитов, песьеглазцев и многих других.

Несмотря на популярность сочинения Джона Мандевиля и обширную историографию, посвященную этому произведению, многие связанные с ним вопросы остаются до сих пор нерешенными. Специалисты пока не пришли к единому мнению относительно личности автора «Книги», его происхождения и социального статуса. Как следствие, по-прежнему остается неизвестным, где и в каких условиях создавалось сочинение, стало ли оно описанием реального путешествия или являлось всего лишь умело выполненной компиляцией. Наконец, до сих пор в специальной литературе не получила внятного объяснения противоречивость космографической теории Джона Мандевиля, которая для его сочинения является основной.

Именно этой проблеме и планируется посвятить настоящий доклад. В нем я остановлюсь на известных обстоятельствах возникновения «Книги путешествий», ее рукописной традиции и ее структуры, которая — независимо от того или иного манускрипта — всегда неизменно включала в себя две части: описание путей, по которым европейские паломники могли попасть в Иерусалим, и описание собственно путешествия, предпринятого автором в далекие страны (вплоть до владений «Великого Хана» и земель пресвитера Иоанна).

Что же касается космографии Джона Мандевиля, то в докладе будут рассмотрены следующие вопросы:

1. Проблема линейного и точечного пространства применительно к описанию Ближнего Востока и более далеких, но менее знакомых европейцам территорий.
2. Античная и средневековая теории климатов и их противоречивая трактовка в тексте Джона Мандевиля.
3. Проблема двойной перспективы в географии «Книги путешествий».
4. Проблема соотношения космографии Джона Мандевиля с традиционными средневековыми *mappa mundi*.

«Типичный» соборный старец XVI века — Измаил (Сназин)

*Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда
№ 20-18-00218 (<https://rscf.ru/project/20-18-00218/>)*

Рассмотрение, казалось бы, малопримечательной персоны порой интересно именно ее «типичностью». Речь идет о «норме», которой нередко не соответствовали «выдающиеся» фигуры, на которых сосредотачивают свое внимание исследователи. К числу таких фигур можно отнести не самого известного соборного старца Иосифо-Волоколамского монастыря — Измаила (Сназина).

В документах обители Измаил фиксируется в роли соборного старца с 1563/64 г. по 1591 г. На Соборах 1580 г., 1584 г. и 1589 г. Измаил представлял обитель Иосифа, выполняя и хозяйственные поручения.

Небогатые служилые землевладельцы Сназины располагали владениями на территории различных регионов, в частности, на территории Новгородской земли, с которой был тесно связан Волоколамский уезд, который до середины XVI в. входил в состав Новгородской епархии. Вероятно, Сназины происходили от потомков тверских бояр. Однако в отличие от своих более успешных однокоренцев — Собакиных, Нагих и Нащокиных — по службе они не продвинулись и в рассматриваемый период представляли захудалый провинциальный служилый род. Его «родовое гнездо» изначально находилось на территории Переславского у. Позднее, как и представители многих других родов Центра и Северо-Востока страны Сназины получили поместья на территории Новгородской земли. С обителью были связаны и родичи Измаила. Так, 1 мая 1589 г. его племянники дали «на молебен полполтины».

Сназины располагали владениями и в уездах, которые многими социальными и экономическими нитями были крепко связаны с обителью Иосифа. Судя по тому, что тысячник Яков Михайлович и Василий Иванович Сназины фигурирует в роли послуха в рузских и волоколамских актах (1549/50–1550 гг.), они, скорее всего, располагали владениями на территории соответствующих уездов. Во всяком случае, жена Вешняка Владимиров Озерова-Сназина в 1567/68 г. Екатерина (дочь местного вотчинника Федора Григорьевича Ракитина) располагала деревней в Городском ст. Рузского у.

Купчую на земельные владения в Волоколамском у. 1549/50 г. составил писец Яков Михайлов сын Сназина. В относящейся к тому

же году купчей на земельные владения Иосифо-Волоколамский монастыря в Рузском у. Яков уже выступает в роли послуха. В этой же роли выступает и упоминаемый выше Василий Иванов сын Сназина, владения которого, по-видимому, не ограничивались территорией Шелонской пятины. Яков выступил в роли послуха и в купчей 1550 г. на владения монастыря в Волоколамском у. Духовная волоколамского инока Елисея Васильевича Бибикова 1579/80 г. упоминает 30 руб. и имущество, которое ему задолжал Яков Сназин (2 коня взамен полученного ранее иноходца, «щит» «турской», а также одежда). Нетрудно заметить, что речь идет об относительно небогатом служилом человеке, личных средств которого, по-видимому, не хватило на приобретение дорогого коня и престижного личного оружия. В 1558–1559 гг. Яков Михайлович Сназин служил головой в Большом полку. Возможно, приобретение несоответствующих уровню его достатка иноходца и «турского» щита было связано с желанием Якова снарядить себя в поход в соответствии с весьма высокой для его генеалогического статуса командной должностью. К числу значимых назначений Сназиных можно отнести службу Федора Григорьева Сназина головой в 1539/40 г. и головой в Переводе полку в 1557/58 г.

На протяжении всего XVI в. некоторые измельчавшие Сназины служили более состоятельным лицам. Под 1517/18 г. в Площевской вол. Кинельского ст. Переславского у. упоминается посельский кн. Александра Владимировича Ростовского — Григорий Сназин. Около 1533–1538 гг. Яков (Григорьевич?) Сназин служил исключительно влиятельному фавориту Елены Глинской кн. Ивану Федоровичу Овчине Телепневу-Оболенскому. Вкладчик обители Иосифа Иван Сназин 9 июня 1590 г. являлся слугой Б.Ф. Годунова (вклад был дан на молебен — гривна). 21 мая 1592 г. он дал на молебен еще полполтины. Вероятно, родство Измаила со слугой самой влиятельной персоны в России этого времени могло укреплять его позиции в обители.

На весьма средний достаток Сназиных указывает и размер вкладов Измаила. Сначала он дал 10 руб. (точная дата вклада неизвестна; вероятно, он был сделан при поступлении в обитель Иосифа), в 1563/64 г. — еще 5 руб. 21 августа 1589 г. Измаил дал 1 руб. «написати родители его в сенаник десять душ». Лишь к 4 ноября 1589 г. он получил возможность довести общую сумму своих вкладов до необходимых для внесения в вечный Синодик 50 руб. (в этот день он дал 35 руб.). Вклад Измаила по, вероятно, близкому к нему лицу — «багарадному понамарю» Денису (вероятно, клирику спиловского Богорадного монастыря) и его родителям (8 июня 1576 г.)

— также достаточно скромен: 3 руб. 10 алтын. Скромн и вклад Измаила по двум неизвестным лицам — полтина (20 декабря 1592 г.). Ничем иным кроме недостатка личных средств нельзя объяснить выдачу Измаилу «в заем гривны денег» 13 сентября 1592 г.

Как видим, соборный старец являлся выходцем из древнего, но к рассматриваемому периоду измельчавшего рода. Отдельные наиболее успешные его представители, по-видимому, располагали владениями в Рузском и Волоколамском у., а также на территории Новгородской земли, становились наместниками в далеко не самых значимых населенных пунктах. Другие — менее успешные — поступали на службу к более состоятельным лицам. Хотя мы не располагаем данными о статусе Измаила до пострига, очевидно, что он был невысок. Речь шла об одном из многих тысяч представителей «класса служилых землевладельцев», которые с детства учились воевать и управлять сравнительно небольшими населенными пунктами, своими владениями и владениями своих патронов. Эти навыки были востребованы в обители, располагавшей очень значительной вотчиной. Почти на три десятилетия Измаил вошел в ее администрацию, получив высокий статус и определенные социальные гарантии. Очевидно, что его статус в обители был гораздо выше, нежели в миру. Итоги изучения перечней соборных старцев Троицы, Симонова, Чудова и иных монастырей Центра страны показывают, что такие, как Измаил, среди этой группы иноков преобладали.

И.А. Устинова
к.и.н., с.н.с. ИРИ РАН

Делопроизводственные документы Патриаршего казенного приказа о смерти и погребении патриархов XVII века

Феномен смерти в Средневековье вообще и в русском Средневековье в частности, на протяжении многих десятилетий привлекал внимание исследователей (*Гуревич А.Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей: Человек в истории.* 1989. М., 1989. С. 114–135). Болезнь, смерть, погребение и посмертное почитание русских архиереев в последнее время также стали предметом специальных исследований (*Морохин А.В.* Об обстоятельствах смерти патриарха Филарета Никитича // *Российская история.* 2017. № 3. С. 31–36; *Беляев Л.А., Капитонова М.А.* Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г.

// Российская археология. 2013. № 4. С. 99–108; *Морохин А.В., Устинова И.А.* Смерть патриарха Иоакима и выборы главы русской православной церкви в 1690 г. // Российская история. 2021. № 5. С. 61–70 и др.).

В этом контексте, как и всегда актуальным остается поиск и введение в научный оборот новых источников по проблеме или комплексное исследование ранее известных материалов с новой точки зрения. Подготовка к переходу в мир иной, смерть высших духовных иерархов и следовавшие за ней обряды в России XVII в. фиксировалась во множестве разнообразных по типу и виду документов — сочинениях современников, житиях святых, чинах погребения, частной переписке, духовных завещаниях и других источниках. Они, как правило, и находились в центре внимания исследователей, затрагивавших эту проблематику. Между тем в архиве Патриаршего Казенного приказа сохранились очень ценные с информационной точки зрения расходные записи, которые велись непосредственно в дни смерти и посмертного утروения тел глав русской церкви — патриархов (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12, 75, 78, 134, 178). Эти записи выделены в самостоятельный раздел приходных книг за 1640/41 (Иоасаф I), 1671/72 (Иоасаф II), 1672/73 (Питирим), 1689/90 (Иоаким Савелов), 1699/1700 (Адриан). Частично записи о «похоронных» расходах были опубликованы (*Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы М., 1884. Ч. 1; *Устинова И.А.* Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII в.: Расходная книга 1640/41 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2 (29–30). С. 5–97). Примечательно, что записи о расходах на патриаршие похороны отсутствуют в расходной книге Патриаршего Казенного приказа 1632/33 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 8), когда умер патриарх Филарет Никитич Романов. В книге есть упоминания о совершении над патриархом обряда елеосвящения (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 8. Л. 59), несколько записей о последующих поминальных раздачах в феврале — апреле 1634 г. Однако о непосредственных приготовлениях на Патриаршем дворе к погребению патриарха записи предельно лапидарны — указаны покупки черного пояска к погребенью и «двух губок» грецких к омовенью патриарха (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 8. Л. 220, 220об.). Такая ситуация, вероятно, объясняется тем, что основные расходы на погребение Филарета Никитича были сделаны из государственной казны его сыном. Еще один пробел в делопроизводственной истории патриарших похорон — смерть патриарха Иосифа в 1652 г. Расходная книга 1651/52 г., в которой должны были быть зафиксированы траты на его похороны, отсутствуют в

довольно хорошо сохранившемся комплексе делопроизводственных материалов Патриаршего Казенного приказа. Наиболее вероятно, что это произошло в связи с активным личным участием царя Алексея Михайловича в организации похорон патриарха. Ход дела был предельно подробно описан царем в письме Новгородскому митрополиту Никону (Письмо царя Алексея Михайловича Никону о смерти патриарха Иосифа; Статейный список о преставлении патриарха Иосифа // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. С. 299–313). Ввиду такого развития событий весьма вероятным представляется предположение о том, что «похоронные» расходные книги 1652 г. отложились в одном из делопроизводственных комплексов Государева двора и до настоящего времени не обнаружены исследователями. В архиве Патриаршего Казенного приказа также отсутствуют записи о похоронах патриарха Никона, организацией которых, как известно, занимался царь Федор Алексеевич.

Несмотря на эти лакуны, общая сохранность «похоронных» расходов после смерти русских патриархов весьма высока. Записи о расходах на похороны патриархов очень подробны и содержат сведения о покупке тканей на облачение тела, материалов для изготовления гроба (деревянного временного и каменного саркофага), подготовку каменной летописи и оплату других работ по изготовлению надгробия и «устроению» места упокоения владыки. Анализ расходных записей показывает, что все необходимые действия по смерти патриарха производились и оплачивались в кратчайшие сроки — один-два дня. Из записей можно узнать какого качества, цвета и размера ткани использовались не только для облачения патриарха, но и для внутреннего наполнения гроба, какими красками расписывали каменную летопись жизни владыки. Особый блок записей составляют списки раздач милостыни на похоронах патриарха, а также по случаю первых памятных дат по его смерти (9 дней, 40 дней и далее) — они содержат подробные сведения о размерах денежных затрат, подробные списки лиц, присутствовавших на этих мероприятиях. Сравнение смет расходов на похороны патриархов в течение XVII в. позволяет говорить о росте статусности этого события, усложнении материально-бытовой стороны вопроса. Об этом же свидетельствуют и археологические исследования захоронения патриарха Никона, проведенные Л.А. Беляевым (*Беляев Л.А., Кипитанова М.А. Указ. соч. С. 108*).

**О роли заказчика Доментиана и писца Феодора Грамматика
в создании Шестоднева Иоанна экзарха 1263 г.
(ГИМ, Син. 345) и значении этого списка**

Сербский список Шестоднева, выполненный на Афоне в 1263 г., уже полтора столетия занимает видное место в исследованиях славистов. Единственный писец Феодор Грамматик оставил в рукописи две пространные записи, ставшие хрестоматийными. В первой (л. 142г–143г) сообщается о времени и месте создания памятника. Во второй (л. 267б–268б) писец повествует о трудностях и гонениях, которые его постигли на Святой Горе. Проведенный нами комплексный анализ особенностей рукописи позволил нам выдвинуть ряд новых гипотез о ее создании:

1. Текст первой писцовой записи не принадлежит Феодору Грамматику: его автор — заказчик этого списка хиландарский книжник иеромонах Доментиан. Феодор лишь записал его. Об этом свидетельствует почти точное совпадение большей части текста записи с послесловиями Доментиана в созданных им в Хиландаре других сочинениях — Житии св. Саввы Сербского и Житии преп. Симеона. Кроме того, из второй записи известно, что Доментиан был заказчиком книги, а Феодор — нанятым им писцом, поэтому писец не мог от своего лица писать о своем будущем поминальном вкладе этой рукописи туда, «где их положу», и проклятию взявшему ее оттуда. Эти слова могут принадлежать только заказчику и реальному владельцу рукописи — Доментиану. Наш вывод подтверждает и заметная дистанция в восхвалении заказчика в обеих записях: во второй Феодор неоднократно превозносит покровителя «отца своего» Доментиана, в первой же записи единственный добавленный Феодором эпитет «преподобный отец» вычеркнут киноварью из скромности, вероятно, самим иеромонахом.

2. Характер работы над этой рукописью был иным, чем представляется до сих пор в историографии. Полагаем, что здесь мы имеем дело не с простой перепиской, а с последовательной редактурой раннего болгарского списка Шестоднева по греческому тексту. На это указывают обстоятельства создания Син. 345, его графико-орфографические и текстологические данные. При чтении второй записи обращает на себя внимание удивительная настойчивость Доментиана в привлечении к переписке именно Феодора. Высланного с Афона писца Доментиан находит в Солуни, увозит обратно в Хи-

ландарский монастырь и поручает ему переписку Шестоднева. После случившегося вскоре ложного обвинения писца защищает его на «совете старцев» и при повторном удалении Феодора со Святой Горы отсылает его в один из хиландарских метохов, где писец заканчивает рукопись. Такая привязанность к именно к этому писцу, тогда как в Хиландаре было достаточно профессиональных книгописцев, должна быть чем-то обусловлена. При выяснении места работы Феодора Грамматика по расплывчатым указаниям записи мы пришли к выводу, что во время переписки Син. 345 он жил и работал вместе с Доментианом — в Карее в хиландарской келье св. Саввы Патерица с церковью Преображения. Тремя десятилетиями раньше здесь жил в безмолвии основатель монастыря св. Савва († 1236 г.), а после его смерти поселился его последний ученик Доментиан для работы над Житием св. Саввы (1243 г.) и Житием св. Симеона (1263–1264 гг.). Союз выдающегося сербского книжника и нового писца был неслучаен и обусловлен тем, что, согласно записи, Феодор был «грамматиком», то есть помимо писцовых он имел особые лингвистические знания и высокий уровень грамотности. Мы полагаем, что Доментиан не только работал над новыми Житиями, но и задумал проверить и исправить древний болгарский перевод Шестоднева, который местами был темным для понимания. Для этих целей он нашел не просто писца, а хорошо знающего греческий язык и особенности перевода с него на славянский язык помощника. Именно исключительная лингвистическая образованность Феодора делала его незаменимым сотрудником для задумавшего правку Шестоднева Доментиана, что обусловило его борьбу за писца. Согласно записи, рукопись создана «рукою грамматика Феодора, а повелением и трудом преподобного отца Доментиана». Здесь писец четко разделил свою работу («рукою») и Доментиана-редактора («трудом»).

3. Наши выводы подтверждают текстологические и палеографические особенности кодекса. Он делится на две части в соответствии с обстоятельствами его написания. Первая (л. 1в–142г; Слова I – часть IV) — совместная работа Доментиана и Феодора над редактурой древнего болгарского списка с использованием греческого. Именно в этой части находятся все существенные вставки, пропуски и разночтения текста ранних редакций Шестоднева (Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. Г.С. Баранкова. М., 2008. С. 19–24). В Син. 345 ее отличает полнота воспроизведения греческого текста, восполнение лакун остальных редакций (например, Син. 345, л. 1136/1–115в/3; ср.: Шестоднев. С. 273–274), заметное число новых лексических замен, грамматическая и синтаксическая правка, изменение в словообразовании. Вто-

рая часть рукописи (л. 144–267в, часть Слова IV–VI), созданная Феодором уже в метохе вдали от Доментяна, демонстрирует не просто точное копирование писцом антиграфа, но воспроизведение на первых листах (л. 144а–146а) его болгарской орфографии и даже графики. Почерк в начале этой части изменяется настолько заметно, что при первом знакомстве с ним возникает вопрос, тот ли это писец? Стилистически эта манера письма Феодора напоминает графику Изборника 1073 г., присутствие же йотированных большого и малого юсов, а также отразившаяся в Син. 345 утрата в антиграфе начала и конца текста подтверждает его древность. Характер текстологических разночтений в этой части иной. Свойственных только этому списку отличий практически нет, его особенности преимущественно совпадают с Чудовской ветвью ранней русской редакции. Син. 345 считается древнейшим и наиболее авторитетным списком, поэтому при издании «ранней русской редакции» он рассматривался как эталонный, хотя текстологически ни один из остальных списков не схож с ним (Шестоднев. С. 18) В свете новых данных текстология разных редакций Шестоднева нуждается в дополнительном исследовании, однако уже сейчас можно сказать, что Син. 345 содержит не древнейший перевод, а его новую афонскую редакцию, созданную сербскими книжниками Доментяном и Феодором Грамматиком в 1263 г. Возможно, ранняя русская редакция более точно отражает первоначальный болгарский текст.

А.В. Ушаков
м.н.с., асс. НовГУ им. Ярослава Мудрого

«Ревельские гости» Любека в документах Галлиннского городского архива последней трети XV века

В позднесредневековом Любеке существовало больше десяти специализированных купеческих объединений, заинтересованных в торговле на конкретных европейских рынках: «новгородские гости» (*Nowgorodfahrer*), «рижские гости» (*Rigafahrer*), «бергенские гости» (*Bergenfahrer*), «шоненские гости» (*Schonenfahrer*) и некоторые другие. Подобные «гостевые» корпорации функционировали и в других ганзейских городах. Среди купеческих объединений средневекового Любека привлекают внимание исследователя «ревельские гости» (*Revalfahrer*), о которых известно крайне мало, по всей видимости, любекские бюргеры, состоявшие в этой корпорации, отделились от «новгородских гостей», однако продолжили

сохранять единые коммерческие интересы в контексте противоречий между ганзейскими зонами («третьими»). Учитывая общую неизученность предпринимательской деятельности «ревельских гостей» Любека, на современном этапе исследования крайне важно определить круг источников, на основании которых представляется возможность осветить некоторые аспекты функционирования данной корпорации. Принимая во внимание, что «ревельские гости» не оставили после себя единого архива с купеческой документацией, подобного архиву «новгородских гостей», к примеру, для достижения поставленной цели необходимо обратиться к иным источникам ганзейского происхождения. Для поисковой работы была выбрана коллекция писем городского совета Любека к магистрату Ревеля, хранящаяся в Таллинском городском архиве (*Tallinna Linnaarchiv*, далее — *TLA*), в настоящее время разделенная на 16 томов, хронологический охват документов 1400–1600 годы (*TLA, f. 230, BB 40 I–XVI*). Наиболее ранние источники из данной коллекции, в которых упоминаются «ревельские гости» Любека, относятся к последней трети XV века.

В процессе работы с письмами городского совета Любека к магистрату Ревеля было выявлено пять документов, отражающих коммерческую деятельность «ревельских гостей»:

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 5 января 1474 г., в котором любекские ратманы передают просьбу олдерменов «ревельских гостей» отправить купеческие суда, предназначенные для отправки в Любек, весной как можно скорее, пока пираты не снарядят корабли и не выйдут в море, из-за чего оно станет снова беспокойным (*TLA, f. 230, BB 40 II, fol. 99v.–99r.*). Документ сильно поврежден, однако это в целом не сказывается на понимании его содержания. Источник опубликован (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag. 2018. № 186).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 28 июня 1484 года, в котором любекские ратманы сообщают, что «ревельские гости» отправили в Ревель судно шкипера Михаэля Штангена (*Michel Stangen*) с некоторым количеством наемников на борту, чьи имена перечислены в записке, вложенной в данное письмо (данная записка не была обнаружена, по всей видимости, не сохранилась). Любекские ратманы также передают просьбу заплатить наемникам за их работу два с половиной фердинга за каждую неделю, при этом «ревельские гости» были обязаны в последствие вернуть все затраченные средства (*TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 41v.–41r.*).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 28 июня 1484 г. идентичного содержания за тем исключением, что «ревельские гости» отправили в Ревель еще и судно шкипера Юриена Кетеля (*Jurien Ketel*), в остальном содержание данных двух документов полностью совпадает (*TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 42v.–42r.*).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 21 июля 1490 г., содержащее информацию о том, что «новгородские гости» и «ревельские гости» Любека отправили с купеческими судами в Ревель 43 солдат, которые должны получить соответствующее жалование из средств купцов. Кроме того, любекские ратманы передавали просьбу олдерменов указанных корпораций подействовать двум ревельским бюргерам, а именно Генриху Деллингузену и Гансу Грутеру (*Hinrike Dellingshusen, Hanze Gruter, juwe borgere*), а также двум любекским торговым приказчикам — Берндту Палю и Ульрику Корнику (*Berndt Pall unde Ulrick Cornick, Copesellen*) с выплатой жалования наемникам, а также с выгрузкой и погрузкой купеческих товаров (*TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 122v.–122r.*). Источник опубликован (*Ушаков А.В. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу торговли «новгородских гостей» последней трети XV века (из Таллиннского городского архива) // Саугус. 2023. Т. 2. № 2. С. 90.*

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 25 октября 1491 г., согласно которому, «ревельские гости» снарядили судно шкипера Фурхаке (*Vurhake*) и погрузили на него купеческие товары для отправки в Ревель. Шкипер должен был получить 600 рижских марок от купцов, в связи с чем любекские ратманы передавали просьбу олдерменов «ревельских гостей» выплатить шкиперу указанные деньги, которые в последствие будут любечанами возвращены (*TLA, f. 230, BB 40 IV, fol. 11v.–11r.*).

Несмотря на немногочисленность, указанные источники дают понимание характера предпринимательской деятельности «ревельских гостей», а также демонстрируют специфику взаимодействия купцов корпорации с городским советом Любека, являвшимся представителем их интересов перед магистратом Ревеля. Кроме того, важное значение имеет анализ торгового сотрудничества «новгородских гостей» и «ревельских гостей», так как, в первую очередь, они придерживались единых принципов выплаты жалования наемникам, а также, по всей видимости, зачастую совместно фрахтовали купеческие суда, о чем также сообщает письмо городского совета Ревеля «новгородским гостям» от 25 апреля 1492 г., в котором упоминается шкипер Фурхаке (*Ушаков А.В. «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы. 1409–1560. Великий Новгород, 2022. № 27.*

«Казни» царя Давида за Вирсавию в двух рукописях XVI века

В двух рукописях XVI в. — Псалтири с воследованием (ОР РГБ. Ф. 310. Д. 51. Л. 8 об.-9) и сборнике из собрания МГА-МИД (РГАДА. Ф. 181. Д. 478. Л. 88) пророк Гад, обличая царя Давида за грех с женой Урии Вирсавией, предлагает царю выбрать из трех наказаний одно: три года голода в Израиле, три месяца скрываться от врагов, три дня смерти в Израиле. Эта версия «казней» отличается и от библейского рассказа, и от вариантов других апокрифических сказаний о Давиде и Вирсавии. В Библии царя Давида за Вирсавию обличает пророк Нафан. Давид был наказан смертью сына, рожденного от Вирсавии. В апокрифических сказаниях выбрать из трех наказаний предлагает пророк Нафан. В Библии пророк Гад предлагает царю Давиду выбор из трех «казней», но не за грех с Вирсавией, а за перепись в Израили. То же писал и Иосиф Флавий (*Иосиф Флавий. Древности иудейские.* СПб., 1818. Т. 1. С. 391). В Исторической Палее из трех «казней» за перепись в Израиле царю Давиду наказание предлагает выбрать ангел (*Попов А.Н. Книга бытия небеси и земли // Чтения в Историческом обществе истории и древностей российских. М., 1881. Кн. 1. С. 171*). Славянская Историческая Палея является переводом греческой. В греческом тексте ангел также предлагает царю Давиду выбор из трех «казней» за перепись: «ισου ἔλτην σοι τρια ετη λιμος εν τη γη σου η τρεις μήνας φύγειν εχτρών η γενέσται τρεις ημέρας τανάτικον εν τη γη σου και εν το λαω σου» (*Vassiliev A. Anecdota graeco-byzantina. М., 1893. Р. 1. Р. 286–287*). Очевидно, в некоторых славянских апокрифах наказание за перепись было смешано с наказанием за грех с Вирсавией. Скорее всего, такое смешение произошло уже на славянской почве, так как греческой версии выбора наказания за Вирсавию нет. Вариант, когда выбрать из трех наказаний царю Давиду предлагает пророк Гад, а не Нафан, пока встретился только в двух рукописях XVI века.

Германские посмертные щиты (Totenschild). Особенности, проблемы, перспективы

Посмертный щит (нем. *Totenschild*, англ. *Funerary hatchment*) — это мемориальная доска с использованием геральдических элементов, личная, разработанная на основе семейного герба, которая устанавливается или вывешивается в церкви и предназначена для увековечения памяти усопшего.

В Германии традиция бытования посмертных щитов была распространена как среди знати, так и среди городского патрициата и просуществовала вплоть до начала XIX в. За это время она претерпела немало метаморфоз, однако присутствие основного аспекта — геральдического, оставалось неизменным. С чем связана такая устойчивость традиции, её особенности и истоки? Как современное гербоведение может использовать информацию подобного рода источников и с какими ограничениями сталкивается?

Практика вывешивания посмертных щитов произошла от древних обычаев погребения. В раннем Средневековье высокопоставленным усопшим клали в могилу их оружие, шлем и щит. Во времена Каролингов и с ростом христианизации эти старинные обычаи были преобразованы в пользу церкви: не усопший получал богатые дары, а церковь получала пожертвования. Щит и шлем, которые раньше хоронились с покойным, теперь вывешивались в храме над захоронением. Интересно сохранение элементов прежних обычаев: если в древнегерманские времена коня воина часто хоронили вместе с ним, то позднее, как сообщает Альбрехт III фон Ауфзесс (ум. 1356 г.) после смерти конь завещается церкви. Точно так же первоначально церкви передавалось настоящее оружие; в XII в. щит и оружие умершего рыцаря вешали на вечную память в местной церкви или часовне как элемент погребения. О том, как это выглядело, можно судить по часовне рыцарей-лебедей в Ансбахе. Она, к сожалению, в XIX в. была реконструирована под влиянием романтизма, и ныне происхождение и фактический возраст оружия из часовни неясны. В Кентербери известна гробница Эдуарда Черного принца, 1380 г. со щитом и шлемом с нашлемником (сегодня это копии). И в более поздние времена существовали специальные погребальные шлемы, примером которых является Тотенхельм императора Карла V (1500–1558), изготовленный Платтнером Антоном Пфэффенхаузером в 1559 г. и увенчанный закрытой короной (ныне в

Епархиальном музее в Аугсбурге). Но, как правило, в более поздние времена это всё чаще были деревянные копии, расписанные так же, как и оригиналы.

И если уж мы имеем дело с исполнением в дереве, то следующий шаг развития процесса был логичным: на деревянной опорной плите устанавливалась копия герба и оставалось место для напоминающей и благословляющей надписи по всему периметру. Так родился классический посмертный щит. Со временем простой расписной щит превратился в полноценный герб со шлемом, забралом и нащлемником; щиты становились все более роскошными. Материалом обычно было дерево, при необходимости оно обтягивалось пергаментом или кожей, загрунтованными и богато украшенными рисунками. Изменялась и форма, со временем ставшая круглой, ромбической или более сложной. Посмертный щит достиг своего расцвета в XVI в. — известны великолепные образцы барокко, но эта практика была отчасти заменена каменными эпитафиями, которые развивались в то же время.

Для понимания обычая важно помнить, что вывешивание подобных щитов всегда было общественной привилегией. Обычай знати очень скоро переняли члены городских советов имперских городов. То, как обращались с горожанами, в некоторой степени зависело от обстоятельств. В Нердлингене, например, горожане получили право на щиты, а в Ульме — нет. Это решалось по-разному в зависимости от города. Следует учесть, что классический посмертный щит предназначался только для мужчин; для женщины оставалась возможность быть представленной вспомогательным гербом. Священнослужители, как правило, не получали подобных посмертных щитов.

В контексте следует также вспомнить обычай рыцарских орденов (тевтонского, тамплиеров, рыцарей Святого Иоанна, Мальтийских и других), в которых «рыцарь» по сравнению со «священнослужителем» был явно на первом плане. И поэтому изготавливались щиты для клятвы, имевшие не только форму, но и функциональный аспект: те, кто был принят в Орден, практически уходили из светской жизни. Иногда под основным щитом находился еще один щит с гербом ордена, или щит был выложен из орденских и фамильных гербов. Это зависит от конкретного рыцарского ордена.

Практика посмертных щитов была воспринята турнирными обществами Германии, которые отчасти расширили их применение во время торжественных церемоний и месс того или иного общества. Турнирные общества тратили значительные суммы на их изго-

товление (что важно, как для усопших членов, так и здравствующих), ремонт и перемещение.

С чем связаны проблемы исследования посмертных щитов и их применения в других геральдических исследованиях? Прежде всего это проблемы реконструкции и сохранности щитов — многочисленные поновления и реставрации всегда чреваты ошибками или изменениями, что затрудняет атрибуцию щитов, особенно средневековых. Невозможно также достоверно восстановить расположение этих щитов в интерьере храма, особенно в том случае, если по тем или иным причинам они были сняты или перемещены в другую церковь. Также с горечью следует упомянуть о многочисленных утратах: в ходе инвентаризации в Ульмском соборе было подсчитано в общей сложности 134 щита, но раньше щитов было больше, в старых справочниках говорится ещё о 88 потерянных посмертных щитах, то есть всего 222 в более ранний период. Университетский музей истории культуры в замке Ландграфов в Марбурге теперь выставляет щиты XIII–XIV вв., которые раньше висели в церкви Святой Елизаветы. К сожалению, полноценного исследования и каталогизации посмертных щитов на территории Германии не проводилось, что оставляет много возможностей для такой деятельности.

Подводя итоги, можно сказать, что германские посмертные щиты интересны, однако сложный в обращении источник, открывающий новые перспективы по изучению различных сторон общественной жизни знати, городского патрициата, орденов, по изучению похоронных обрядов. В то же время источник накладывает значительные ограничения на исследователя и требует привлечения источников другого рода.

*Д.А. Хотимский
PhD, независимый исследователь (Бостон, США)*

О толмаче Димитрии, что был послом в Риме

Заглавие статьи — парафраз слов Сигизмунда Герберштейна о собеседнике, с которым он обсуждал плавание по Ледовитому морю. Сегодня этот человек известен нам как Дмитрий Герасимов — переводчик, дипломат, картограф и первооткрыватель Северного морского пути. Однако так уважительно называть его стали лишь в XIX в. При жизни владеющий языками простолюдин Димитрий был известен под полуименем Митя.

Весной 1525 г. Москву посетил итальянский купец Павел Чен-турионе. Он привёз в Москву письмо Римского папы, хотя ездил

«по другим делам». Отвечать посольством на приезд частного лица — унижение, поэтому послали гонца («человека с грамотой»), а выбрали на эту роль сословно близкого Павлу толмача Митю. Лишь в документах, связанных с поездкой, и появилось у Мити прозвище — Герасимов.

В Риме с Димитрием приключился казус. Его посчитали послом, прибывшим для переговоров об объединении церквей, и приняли с великим уважением и почётом. В ответ на «любопытствующие и ласковые расспросы» историка Павла Иовия толмач Димитрий поведал ему всё, что знал о Московии, включая её *religionem militiaeque instituta* (в русских переводах «военные институты» заменены «воинскими уставами»). Считается, что Герберштейн похвально отзывался о Димитрии: «переводчик весьма сведущий». В латинском же оригинале *interpretis locupletissimus* — тонкая литературная аллюзия и остроумная игра слов: читатель, погруженный в интеллектуальную среду XVI в., должен был услышать, что опытный дипломат поздравлял Иовия с тем, что в собеседники тому достался «толкователь весьма словоохотливый». Полагая, что его ироничный намёк будет ясен современникам, Герберштейн закрыл скобки символом :), позаботившись также и о читателях времён интернета и социальных сетей.

В первооткрыватели Димитрий попал посмертно в период «кампании по борьбе с низкопоклонством». Кабинетные полярники, которые в 1930-е годы не уделяли ему особого внимания, в конце 1940-х стали превозносить его в качестве автора идеи Северного морского пути. Повод нашли в словах Иовия: если выйти из устья Двины, то «держась правого берега, можно добраться на кораблях до границ Китая (*ad Cathayum*)». Эту фразу объявили «русским проектом» плаванья вокруг Азии. Между тем, морской путь вокруг Азии описал ещё Плиний; он был изображён, например, Вальдземюллером на гравированной карте мира 1507 года. Иовий, несомненно, воспользовался случаем проверить сведения древних мнением из первых рук. Димитрий отвечал уклончиво: добраться, наверное, можно, но только «если в промежутке не встретится какой-нибудь земли» (*nisi terra intersit*). Поскольку это условное придаточное полностью дискредитирует Димитрия как автора какого-либо проекта, для вящей убедительности при цитировании его стали опускать.

Однако слова Иовия по сути описывают вовсе не морской путь вокруг Азии, а Обский маршрут: из устья Двины на восток в Обскую губу, если промежутке не встретится какой-нибудь Новой Земли с Вайгачом, а дальше по Оби и Иртышу до самых границ «Ка-

тая». Именно этот путь описал в своей книге и изобразил на карте Герберштейн.

Обычно приводят два аргумента в подтверждение приоритета Димитрия. Первый — «знаменитая карта Баттисты Аньезе», найденная в 1884 г. скорым на выводы немецким историком Г. Миховым и якобы изготовленная в октябре 1525 года. На дату указывает титульная надпись, также сообщающая, что карта основана на сведениях «легата Диметрия». Утверждали, что на этой карте «огромная тысячеверстная береговая линия Ледовитого океана» символизирует мысль «легата» о пути вокруг Азии. Некомпетентность и самоуверенность Михова сослужили плохую службу науке. Однако уже в 1930-е годы стало ясно, что Баттиста Аньезе — не картограф, а мастер тиражирования на заказ декоративных карт. За свою длительную карьеру (1534–1564) он изготовил великое множество рукописных атласов, в 14 из которых входили выполненные по одному и тому же образцу варианты карты Московии. Их перечень с библиотеками и кодами хранения привёл Лев Багров в посмертно опубликованной статье (*Bagrow L. At the sources of the cartography of Russia // Imago Mundi. 1962. Vol. 16. P. 33–48*), которую цитировал, но так и не сумел прочесть Б.А. Рыбаков (*Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974*). Береговая линия на карте Михова не символизирует ровным счетом ничего. Это случайная декоративная форма, присущая именно этому произведению Аньезе, которую другие карты Московии его работы не повторяют. Отсутствует она и на печатном образце, которым пользовался мастер, — составленной Павлом Иовием карте, оттиски которой обнаружили в Италии Т. Сатмари в 1992 (с 1994 г. — в РГАДА) и Дж. Беллинджери в 2005 г. (*Marciana*). Титульная дата карты — октябрь 1525 г. — относится ко времени, когда Иовий вёл в Риме «ласковые расспросы» толмача.

Второй аргумент — опубликованное Джованни Баттистой Рамузио в 1550 г. свидетельство оставшегося безымянным gentil'huomo о карте, которую показал ему в Аугсбурге некий московский посол. Якобы это свидетельство подтверждает «русские корни» идеи Северного морского пути. Сборник Рамузио (*Primo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1550. P. 401v–402*) доступен в Сети (https://archive.org/details/bub_gb_iZ5TZHXOnYcC). Легко убедиться, что речь в Аугсбурге шла именно об Обском маршруте, а вовсе не о Северном морском пути вокруг Азии.

Участвовал ли Димитрий в составлении Иовием карты какими-либо графическими чертежами или набросками? Исследователи обращали внимание на перестановку местами рек Яузы и Неглинной

на карте Иовия, так и не объяснив такое явление. Эта инверсия позволяет строго доказать, что сведения, сообщённые Иовию Димитрием, были исключительно устными (*Khotimsky D. Comparative study of the two surviving copies of Paolo Giovio's 1525 map of Moscovia // ICNC'2022: <http://doi.org/10.54544/714>*).

Итак, филологические заслуги толмача Дмитрия велики и несомненны, дипломатические — нуждаются в переоценке, картографические — отсутствуют как таковые. Рассуждения и выводы о нём как об авторе идеи Северного морского пути суть фальсификации от первого до последнего слова.

К.С. Худин

к.и.н., доц. РГГУ, н.с. ИВИ РАН, сотрудник РГАДА

Изображение «зверя» на новгородской берестяной грамоте XIII в. (№ 199): попытка интерпретации

Берестяная грамота № 199 — первая в корпусе (№ 199–208, 210, 331) эпиграфических текстов и рисунков, созданных мальчиком Онфимом одновременно между 1224 и 1268 гг. (*Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 56*), и обнаруженных 13–14 июля 1956 г. (№ 331 найдена позднее) на Неревском раскопе в Великом Новгороде. Эта грамота, начертанная с обеих сторон овального донца тусека, помимо прочего, примечательна изображением животного (реального или мифологического), подписанного: «А звѣре» (то есть «Я — зверь») (большинство исследователей склоняется именно к такому прочтению, однако некоторые авторы предлагают читать это как «Ял (то есть «поймал, ранил или убил») зверя» (*Стаменова А., Данилевский И. Нарисовал на бересте и подписал в уголке... // Казус. 2018. С. 252*), а также нарисованной на тусеке «грамотой» со словами «Поклоно от Онфима ко Даниле», обведенными в прямоугольник. Однако, никто, насколько нам известно, пока не пытался определить прообраз изображения этого «зверя».

Стоит отметить, что слово «звѣрь» в Древней Руси обозначало, в первую очередь, дикого зверя (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 365–366), а «обозначение “лютый зверь”, как правило, подразумевало льва, но далеко не всегда» (Обширную историографию использования этого термина см. *Пчелов Е.В. Бестиарий Московского царства. С. 67, 188*). Оставляя в стороне языковой аспект этой грамоты, сосредоточимся на самом изображении «зверя» и особенностях его иконографии.

Вот как описывает его Арциховский, руководивший раскопками в Новгороде в год обнаружения находки и впервые опубликовавший источник: «Морда у него квадратная, уши кошачьи, язык высунут и заканчивается оперением, вроде оперения стрелы (а этот мальчик видел много стрел). Шея изображена одним штрихом, так же как туловище и четыре ноги, при этом шея длинее, чем туловище. Хвост загнут спиралью» (*Арциховский А.В.* Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. № 3. С. 218). Янин видит в изображении «страшного зверя с торчащими ушами, с высунутым языком, похожим на еловую ветку или на оперение стрелы, с закрученным в спираль хвостом» (*Янин В.Л.* Указ. соч. С. 56). Наконец, Стаменова и Данилевский полагают: «то, что А.В. Арциховский и В.Л. Янин только сравнивали со стрелой, как раз и могло быть изображением стрелы, которая вонзилась в голову животного и от которой осталось торчать одно лишь оперение», ничего, однако не добавляя к описанию животного целиком. Кроме того, авторы статье полемизируют с Арциховским и Янином относительно «языка-стрелы»: «Видел он (Онфим. — *К. Х.*), несомненно, и пронзенных стрелами животных и людей и хорошо знал, как они выглядят. И, в то же время, вряд ли Онфим когда-либо встречал животное, у которого язык был бы похож на стрелу или на еловую ветку...» (*Стаменова А., Данилевский И.* Указ. соч. С. 254). Справедливости ради, Янин прямо не утверждает, что Онфим изобразил животное, которое ему встретилось. (*Янин В.Л.* Указ. соч. С. 55-59)

Таким образом, как минимум и Арциховский, и Данилевский-Стаменова буквально исходят из того, что Онфим зарисовывал реальное (живое или мертвое) животное. Обратим также внимание, что все описания включают в себя следующие элементы: торчащие уши, высунутый язык (который, впрочем, Стаменова и Данилевский считают стрелой) и спиралевидный хвост — учитывая их, сравним рисунок Онфима с другими аналогичными.

В статье В.В. Зайцева и Б.Ю. Берковского приведены изображения двух свинцовых печатей: новгородской свинцовой печати великого князя Василия II (1456 г.) и печати Совета господ Великого Новгорода (XV в.), на оборотных сторонах первой находится изображение «четвероногого зверя, вправо, с загнутым над спиной хвостом с тремя завитками на конце», а на второй — «четвероногий зверь в геральдической позе, обращенный вправо или влево» (*Зайцев В.В., Берковский Б.Ю.* «Новгородский» тип печати великого князя Василия II Темного // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. М., 2018. С. 188–189). Исследователи определяют этих животных как льва (или «владимирского бар-

са)), и они весьма похожи на то, которое Онфим изобразил двумя столетиями ранее — заметим, что уже Арциховский отмечал «кошачьи» уши на этом рисунке. Кроме того, обратим внимание на деталь, которую опустили в своем описании Зайцев и Берковский, а именно на изображении с печати Василия II, расходящиеся из пасти зверя три луча, аналогичные «оперению стрелы» на рисунке Онфима.

Действительно, вряд ли Онфим «когда-либо встречал животное, у которого язык был бы похож на стрелу или на еловую ветку», но вот Стаменова и Данилевский не могли не встречать рукописей, выполненных в так называемом тератологическом («чудовищном») стиле. Иными словами, нам представляется, что вопреки мнению Стаменовой и Данилевского (а также, косвенно, Арциховского, который говорит о стреле, а не о звере), основой рисунка новгородского мальчика был не живой (или мертвый) зверь, а другое изображение, которое Онфим скопировал *de visu* или по памяти. Янин полагал, что Онфим «выписывая слова поклона <...>, скопировал начало чьего-то письма, случайно попавшего в его руки» (Янин В.Л. Указ. соч. С. 59), так почему же он не мог скопировать и изображение «зверя». Зверь такого вида — с высунутым языком (переданным весьма схематично) и закрученным спиралью хвостом — больше всего похож на эмблему, а не на реальное животное.

И самым логичным представляется искать этот прототип именно в рукописях, по которым, несомненно, мальчик изучал азбуку — мы обнаруживаем не только на этой, но и на его грамотах прописывание отдельных букв, слогов и небольших предложений — в том числе цитаты из церковных книг (№ 206). Такие изображения во множестве встречаются в буквицах (инициалах). В качестве примера приведем Евангелие апракос (полное) (XIII в.), которое, как считается, имеет псковское происхождение (благодарю Л.В. Мошкову за помощь в обнаружении этой рукописи), где мы находим многочисленных зверей с языками, похожими «на стрелу или на еловую ветку» (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 3, 4 об., 5, 10 об., 13, 22, 55 об., 65-66, 71 об., 73 об., 78 об., 85, 86, 87-88 об., 89 об.-91, 92, 92 об., 93 об., 94, 100 об., 103 об., 105, 143, 148, 153(!), 156, 158, 161, 162 об.). Но таковым могло стать и, к примеру, так называемое «Юрьевское» Евангелие (XII в.) (происходящее из новгородского Юрьева монастыря) (благодарю Е.Ю. Щеголькову за то, что обратила мое внимание на эту рукопись) или другие книги новгородского или псковского происхождения, которые бытовали в Великом Новгороде во второй четверти XIII в., когда маленький Онфим осваивал там грамоту и делал свои первые наброски.

Природно-географические предпосылки специфики территориального распределения позднесредневековых некрополей Белорусского Подвинья

Белорусское Подвинье — историко-культурный и этнографический регион на севере Беларуси. Он в основном совпадает с бассейном Западной Двины и её притоков. Известные нам погребальные памятники Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв. представлены сельскими и городскими могильниками. Большинство погребений на сельских кладбищах обозначены разнообразными каменными конструкциями: обкладками, вымостками, отдельными крупными валунами, каменными крестами (Археологія Беларусі. Мінск, 2001. Т. 4. С. 126, 136).

Изученные городские некрополи преимущественно расположены в Полоцке и Витебске. Сельские кладбища распределены неравномерно, образуя зоны с высокой концентрацией и «белые пятна». Большая часть могильников локализована на левом берегу Двины вдоль рек Дисна, Ушача, Улла и их притоков, а также на водоразделе Двины и Березины (Днепровской). На правом берегу они встречаются намного реже и концентрируются преимущественно в восточной и северо-восточной части региона (*Черевко В.В.* Погребальный обряд памятников с каменными намогильными конструкциями Белорусского Подвинья XIV–XVIII веков // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2020. Вып. 33. С. 234–237). Диспропорции в размещении позднесредневековых могильников обусловлены прямым и косвенным влиянием природно-географических условий.

Наличие погребальных памятников свидетельствует о существовании рядом синхронных поселений, жители которых и оставили могильники. Неравномерная плотность некрополей XIV–XVIII вв. соответствует неравномерной заселённости региона. Наличие в регионе «скоплений» (Л.В. Алексеев), «сгустков памятников» (О.Н. Левко), «поселенческих гнёзд» (М.В. Климов) неоднократно отмечалась исследователями (*Алексеев Л.В.* Некоторые вопросы заселённости и развитие западнорусских земель в IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 24, рис. 1; *Клімаў М.В.* Асаблівасці рассялення ў акрузе Полацка: X – сярэдзіна XVI ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. № 21. С. 128–129; *Левко О.Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-

восточной Беларуси. Минск, 2004. С. 12). Это связано с природно-ландшафтной спецификой Белорусского Подвинья. Локализация большей части могильников к югу от Двины указывает на бóльшую заселённость её левобережья.

К северу от Двины распространены дерново-подзолистые заболоченные почвы, менее пригодные для сельского хозяйства. Не случайно, основная масса шляхетских имений в Полоцком воеводстве располагалась к югу от Двины. К северу лежали обширные, но слабозаселённые государственные и магнатские владения (*Варонін В.А.* Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2000. С. 9; *Насевіч В.* Полацкае ваяводства // Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. Мінск, 2006. Т. 2. С. 448). Пространство к северу от Двины резко отличалось меньшим количеством и плотностью населённых пунктов, что хорошо видно на карте М.Ф. Спиридонова (*Спиридонов М.Ф.* Беларусь в конце XVI в. Карта-приложение к книге: *Спиридонов М.Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси XV–XVI вв. Минск, 1993).

Практически полное отсутствие позднесредневековых погребальных памятников на пространстве между Полоцком и Витебском объясняется слабой заселённостью территории, занятой лесами и вытянутыми в меридиональном направлении болотами (*Левко О.Н.* Средневековые территориально-административные центры. С. 12).

Специфику распределения известных нам некрополей XIV–XVIII вв. к северу от Двины необходимо связывать и со спецификой освоения этой территории, которая, в свою очередь, обусловлена природно-географическими условиями. Процесс развития сельских поселений в окрестностях Полоцка в X–XVI вв. детально изучен М.В. Климовым. Исследователь пришёл к выводу о наличии в регионе значительной части мелких малодворных поселений. Невысокое плодородие почв ограничивало количество людей, которые могли прокормиться за счёт обработанной земли. В XIV–XVI вв. значительную часть поселений в округе Полоцка составляли поселения в 1–3 двора. Часть из них размещалась на землях, которые очищались от вековых лесов и использовались для подсечно-огневого земледелия. Приглашая на эти земли свободных крестьян, землевладельцы на несколько лет уменьшали или отменяли налоги для них. Временность льгот и прикрепление крестьян к земле при их продолжительном проживании на землях одного феодала (50 лет до издания I Статута Великого княжества Литовского 1529 г.) определял и временный характер таких малодворных поселений. Не желая ухудшения своего социального статуса, крестьяне через некоторое

время покидали обжитые земли и переходили на новые. Это приводило к исчезновению поселений. Малодворные поселения почти не оставили следов, поэтому с трудом поддаются выявлению и фиксации (*Клімаў М.В.* Асаблівасці. С. 131–133; *Климов М.В.* Округа Полоцка XIV–XVIII вв. по письменным и археологическим данным // Полоцк. Минск, 2012. С. 330). Таким поселениям должны были соответствовать такие же небольшие кладбища, которые могли не сохраниться до нашего времени.

Таким образом, картографирование позднесредневековых погребальных памятников Белорусского Подвинья показывает неравномерность их размещения. Большая их часть находится к югу от Двины. На правом берегу Двины некрополи встречаются преимущественно в восточной и северо-восточной части региона. Неравномерность размещения памятников отражает неравномерную освоенность Белорусского Подвинья и различную пригодность отдельных микрорегионов для сельскохозяйственной деятельности. Скопления погребальных памятников обозначают наиболее освоенные микрорегионы. В значительной степени это может быть объяснено влиянием природно-географических условий.

М.С. Черкасова
д.и.н., проф. Вологодского ГУ

О материалах для письма на севере в XVII – начале XVIII в.

В ходе поисковой работы в Гос. архиве Вологодской области автору удалось обнаружить один любопытный документ. Это судное дело о взимании неправильно начисленных денег по налогам в вотчине вологодского архиерея в ряде деревень на Лежском Волоке в октябре 1680 г. Дело возникло на основании челобитной трех крестьян, опротестовавших архиепископу Симону начисленные на них взимания (ГАВО. Ф. 1260. Коллекция столбцов. Оп. 1. № 5627). Документ содержит необычную терминологию. В нём упоминаются «берестники» — выборные, собиравшие с крестьян «*берестные деньги*», записывая их на «*платёжное бересце*» / «*подписные бересца*». Конкретно названы земский дьячок Акинфей Куликов в одной деревне, Игнашка Аврамов — в другой, Силка Иванов — в третьей. По мере сбора денег берестники сдавали их мирскому старосте (в документе это Аврам Кондратьев), получая от него платежные отписи. Тот же, в свою очередь, вносил необходимые сведения в приходные книги, предъявляя их затем вотчинному приказчику (в данном случае — Филипу Караулову). Практиковалась также про-

верка («досмотр») платёжной документации на мирском сходе. При этом нередко случались споры и конфликты в отношении цифровых данных. Объяснялось это иногда субъективными факторами, неприязненными отношениями внутри крестьянского мира («ответчик и ищца в ссоре и в побранке, а то ведомо добрым людям»). Совершались и простые описки при составлении берестяных платёжных документов, переносе их сведений в недоплатные росписи или приходо-расходные книги. Росписи и книги составлялись на бумаге.

Данный документ свидетельствует о бытовании бересты как материала для письма у архиерейских крестьян Вологодского уезда в конце XVII в. В судебном деле 1680 г. «бересца-росписи-книги» вписаны в контуры деятельности крестьянской общины-мира в такой жизненно важной и чувствительной области, как налогообложение. В рассматриваемое время на податное население существенно усилилось фискальное давление со стороны государства и архиерейской кафедры. Дело ещё осложнялось негативными последствиями природно-климатических и иных факторов (неурожаи, голодные годы, пожары в деревнях, миграции населения).

Ещё один любопытный термин, отразивший особенности крестьянской документации в начале XVIII в., — *клочни*. Так назывались ведущиеся на клочках гербовой бумаги «клочневые росписи всякой мирской денежной держи», то есть, по сути, расходные книги. За 1700–1706 гг. в ГАВО в той же Коллекции столбцов сохранилась подобная книга мирского целовальника Коквицкой волости Яренского уезда Лазаря Иванова с. Ярукова (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 11279). Как и Лежский Волоч, Коквицы входили в состав вотчинных владений вологодских архиепископов. В ходе общинного делопроизводства, вероятно, большие листы гербовой бумаги делились на клочни, а те нарезались в столбцы. На это указывают ремарки типа: «Я, Максимко Костарев, за 6 столбцов от сих клочнев за свое письмо взял 4 алт. ...Макарко списывал с наказных памятей з двух списки взял 4 ден.» Дороговизной гербовой бумаги и недостаточной её распространенностью на севере в начале 1700-х гг. объясняется практика «гербовых столбцов», на которых велись делопроизводственные записи мирских целовальников. В расходной росписи усть-вымского целовальника Дмитрия Селякова 1706 г. отмечено: «...писал с отписей списки восемь столбцов», «за гербовый столбец взял 2 ден.» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 13058).

В комплексе архиерейской документации различаются виды и назначение бумаги, регулярно приобретаемой *стопами* и *десятами*: «писчая расхожая», «добрая для писма казенных книг в судный приказ и на отписки», «гладкая на письмо приходных книг», «гладкая

на список книги разрядной московской», «... куплено 5 дестей бумаги для домового всякого письма». Фигурирует также «бумага хлопчатая», покупаемая *фунтами* (Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома св. Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М., СПб., 2015. С. 430; Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома св. Софии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М., СПб., 2018. С. 626, 651, 667, 691, 711, 724, 727, 732 и др.). Иногда даже и чернильницы покупались брусками.

Для сравнения отметим, что в расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря преобладает в основном «бумага писчая», она тоже покупалась стопами и дестями. Лишь однажды фигурирует «бумага *книжная*» и «бумага писчая царского венца» (? — М. Ч.). Аналогией бумаге *хлопчатой* (из упомянутых выше вологодских документов), возможно, следует считать «бумагу *иштью*», которая также покупалась фунтами. Чернильницы не фигурируют, зато упоминаются чернильные орешки, измеряемые также фунтами. А к письменным работам могли иметь отношение приобретаемые штукарами, коробками и коробочками *очки* (Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М., СПб., 2010. С. 38, 42, 52, 102, 142, 152, 227, 287, 292, 322–323, 352, 376, 403 и др.).

Таким образом, материалы для письма на севере весьма вариировали, включая даже бересту, разновидности наименований бумаги бытовали на разных уровнях деловой письменности — архиерейской кафедры, крупного монастыря, крестьянской общины.

А.П. Черных
к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Герб притязания испанских Габсбургов в 1640–1668 гг.

В 1640 г. Португалия ушла из короны Габсбургов и восстановила национальную династию на троне. Герб точно отражает детали и оттенки статуса, но не всегда самым очевидным образом. Геральдическая история взаимоотношений Испании и Португалии хорошо видна по таким источникам, как печатные издания XVII в.

В Португалии геральдических перемен после 1640 г. не было, и португальцы продолжали пользоваться своим старым гербом, как и при Габсбургах. Естественно, что манифест об отложении Португалии вышел без всякого геральдического напоминания об Испании с португальским гербом на титульном листе (Manifesto

do Reyno de Portugal: No qual se declara o direito, as causas, & o modo, que teve para eximirse da obediencia del Rey de Castella, & tomar a voz do Serenissimo Dom Joam IV. do nome, & XVIII. entre os reys verdadeiros deste Reyno. Lisboa: Paulo Craesbeeck, 1641), как и другие подобного содержания книги в последующие годы.

Испанские издатели с начала 1590-х гг. на титульном листе многих книг помещали герб испанских Габсбургов с включённым щитком Португалии. Сначала он был помещён в четвёртой четверти старинного четверочастного леоно-кастильского герба на место одного из замков, то есть на место относительно малозначительное (*López Madera G. Excelencias de la Monarchia y reyno de Espana. Valladolid: Diego Fernandez de Cordoua, 1597*), а позднее, в издании 1625 г., в двух верхних четвертях — «поверх всего» (*López de Madera G. Excelencias de la monarquia y reyno de España... [Madrid]: Luis Sanchez impressor de su Magestad, 1625.*), то есть на более почётное и более привычное место, знакомое и по табарду из Музея истории искусств в Вене, и по нумизматическим источникам. Некоторая гарантированная Португалии автономность и отразилось в повышении «геральдического статуса» Португалии в гербе 1625 г. Этот вариант герба Габсбургов с изображением их последнего приобретения стал наиболее распространённым.

В большинстве португальских изданий 1580–1640 гг., даже казавшихся короля, помещался только португальский герб. Герб Габсбургов с включением португальского щитка изображался на изданиях до 1640 г. с полным основанием. После 1 декабря 1640 г. положение изменилось: Португалия претендовала на выход из состава короны Габсбургов и геральдически тоже позиционировалась вполне самостоятельно, а в Мадриде после 1640 г. даже не подумали менять геральдическую составляющую герба. Испанцы упорно отказывались признать отделение Португалии и гербы на титульных листах недвусмысленно свидетельствуют это. В 1606 г. Мадриде увидела свет книга Хуана Гутьереса, посвящённая практике королевского законодательства Испании, и на титульном листе был традиционный габсбургский герб со щитком Португалии в верхней части поверх всего (*Gvtierrez I. Practicarvm quaestionvm circa leges regias Hispaniae. Pt. I. Lib. I–II. Madriti, 1606*).

Вскоре после 1640 г. издали речь Ф. Монтеро на смерть Марии Медичи — с устоявшимся гербом отложившегося королевства (щиток в верхней части герба) (*Montero F. Oracion funebre predicada en el Conuento Real de la Encarnacion de Madrid... Madrid: Francisco Martinez, 1642*). Среди таковых и изданные в Мадриде «Предупреждения королям и государям» (*Benavente y Benavides Cr. de.*

Advertencias para Reyes, Principes, y Embaxadores ... Madrid: Franco Martinez, 1643), изданное в Сарагосе «Военное искусство» (*Bonières d'Auchy C. Arte militar deducida de sus principios fundamentales ... Zaragoza: Hospital Real, 1644*). Таково же руководство «Искусство стрельбы и охоты» в трёх книгах, повествующих о природе животных, о свойствах птиц и способах охоты на них (*Espinar A. Martinez de. Arte de ballestería y montería... Madrid: Imprenta Real, 1644*). Издания с гербом, включающим и португальский, могли быть и богословскими по 800 страниц (*Fuente G de la et alii. Armamentarium seraphicum & Regestum vniuersale tuendo titulo Immaculatae Conceptionis. Matriti: Typographia Regia, 1649*), и всего в одну страничку — только сонет в честь визита Анны Австрийской в Испанию (*Aguilar y Prado J. de. Anotacion historica contra el boraz tiempo... Trani, 1650*); переведённая на испанский «Апология Тертулиана» (*Apologia de Quinto Septimio Florente Tertuliano, presbytero de Cartago contra los gentiles en defensa de los christianos... Trad. por Fr. Pedro Manero Obispo de Taraçona. Madrid: Pablo de Val, 1657*) и книги о культе Богородицы (*Velazquez J. A. Al Rey Nuestro Señor, que Dios guarde, Raçon que da a su Magestad del Breve de N.S.P. Alexandro VII. En fauor del culto con que la S. Iglesia Romana celebra la Fiesta de la Inmaculada Concepcion de la Santissima Virgen Maria N. Señora. Madrid: Francisco Nieto, 1662*).

То есть это могли быть книги разнообразного содержания, никак не претендующие на выражение политической позиции верховной власти.

Это отразилось и в иностранных изданиях. В Брюсселе в 1668 г. была издана книга Ж.-Б. Кристина «Jurisprudentia heroica» (*Christyn J.-B. Jurisprudentia heroica sive De jure Belgarum circa nobilitatem et insignia... Bruxellis: Sumptibus Balthazaris Vivien, 1668*), где на предтитальной гравюре изображён герольд в табарде с гербом, в котором есть и щиток Португалии.

Такое же «запаздывание» присутствует и в русском «Титулярнике» 1672 г., всеобщем гербовнике, где среди гербов мировых сеньорий присутствует и герб габсбургского Испанского королевства. Герб «короля гишпанского» с португальским полем был неправомочен с 1640 г., и даже как герб притязания не должен был существовать с момента подписания испано-португальского Лиссабонского договора (13.2.1668 г.), который завершил войны Реставрации.

Испания продолжала пользоваться гербом с включением щитка Португалии, невзирая на её отложение в декабре 1640 г., вплоть до 1668 г., когда официально было признано самостоятельное существование Португалии вне габсбургской короны, но и ещё некоторое

время спустя. До 1640 г. это было законным, а после отложения щиток Португалии стал гербом притязания.

Гербы всё хуже играли свою старинную средневековую роль средства распознавания. У гербов, когда герб сеньории превращался в обобщённый образ государства, появились новые функции – декларации и пропаганды – которые доминировали над функцией распознавания. Геральдическое выражение притязания известно и в Средние века, но в XVII в. политическая декларация и территориальные геральдические притязания стали особенно тесно связаны.

*П.Н. Чечулин
зав. отделом «Музей Первого Совета»
ИГИКМ им. Д. Г. Бурьлина*

Две масонские печати из коллекции Ивановского историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурьлина

В настоящее время музейное собрание ИГИКМ насчитывает около 700 печатей (из них около 250 оттисков). Тематически их можно разделить на группы: 1) фабричные, производственные, деловые печати; 2) ведомственные гербовые; 3) печати-матрицы (книжные, церковные, для этикеток; 4) оттиски сургучные и восковые; 5) личные печати 19 века (с монограммой или гербовые) — этот вид представлен наиболее полно и художественно разнообразно.

У нас мало данных о путях складывания этой коллекции. В основе её лежит собрание «древностей и редкостей» Д.Г. Бурьлина (1852–1924) — иваново-вознесенского текстильного промышленника, мецената, основателя в 1914 г. Музея Промышленности и Искусства. Известно, что уже в 1903 г. на своей первой иваново-вознесенской выставке в здании Женской профессиональной школы он выставлял в том числе и «коллекцию печатей (до 100 штук)». Сохранились письма Брайны Мильман, владелицы магазина античных и древних вещей в Санкт-Петербурге, с которой Бурьлин состоял в переписке с 1894 по 1912 годы (ГАИО. Ф. 205. Д. 110). В одном из писем она предлагает приобрести 25 «интересных печатей разных» (Там же. Л. 29), в другом письме ещё 200 печатей (Там же. Л. 34).

Две масонские печати, связанные с биографией Ивана Гавриловича Колокольцева, ставшие объектом нашего рассмотрения, были переданы в музей в 1930 г. В. А. Глоцким, его потомком в третьем поколении. Речь идёт о резанной в камне личной печате-матрице с монограммой «ИГК» и о сургучном оттиске официальной печати

масонской ложи св. Георгия Победоносца, приложенной к грамоте. В настоящее время эти две печати являются уникальными масонскими памятниками сфрагистики в коллекции ИГИКМ, несмотря на то что в своё время масонская коллекция Бурulina считалась одной из крупнейших (более 1000 предметов), однако в 1920-е–1930-е годы она была передана в Государственный Эрмитаж и Музей истории религии.

И.Г. Колокольцев (1790–1858?) — участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. До войны окончил Казанский университет, но, будучи во Франции, обучался ещё в одном из парижских учебных заведений. В 1826 г. вышел в отставку в чине майора и поселился в своём имении Банево Тирибровской волости Александровского уезда Владимирской губернии. Какое-то время служил по судебному ведомству, став надворным советником. По воспоминаниям его сына, записанным и переданным в музей в 1930 г. В. А. Глоцким, тот отличался своим «либеральным духом» и отношением к крепостному праву: отменил телесные наказания для своих крестьян, треть из них отпустил на волю. В 1817 г. во Франции вступил в масонскую ложу св. Георгия Победоносца, став вскоре её секретарём: отвечал за правильность в проведении ритуалов, был хранителем всех документов и печатей.

Печать личная двусторонняя с масонскими знаками и инициалами «ИГК». Сердолик в латунной оправе. 2,9х3,6 см. ИОКМ 3567.

Художественно-символический план печати принадлежит, скорее всего, самому Ивану Колокольцеву: характерен крайне насыщенный знаковый ряд, отсылки к ветхозаветным книгам. В то же время печать отличается довольно примитивной работой резчика.

В верхней части матрицы на фоне расходящихся лучей изображение двух ветхозаветных скрижалей с обозначением десяти заповедей — символ божественного света, несущего людям истину. Под скрижалями в рамке надпись «Все́му грозит время». Два крыла, справа и слева от рамки, также указывают на неземное происхождение мудрости, нисходящей свыше. За рамкой два христианских символа: крест и копьё. В центре печати помещён целый набор масонских символов: живой цветок (возможно, намёк на ветвь акации, символизировавшей Солнце, жизненную силу, бессмертие), часы (как вечность времени и одновременно его текучесть, кратковременность, бренность человека и его существования), запечатанное письмо (идея тайного знания, доступного только избранным), горящая свеча (символ света, ясности, истины). Визуальным центром этой композиции является изображение гроба (с надписью на нём «Вот мой покой»), прикрывающего череп, — амбивалентный в сво-

ём значении образ: атрибуты смерти должны указать на бренность человеческого бытия и в то же время показать бесстрашие, презрение к смерти. По окружности матрицы надпись-девиз: «Помни последняя твоя / веки не согрешиши» («Во всех делах твоих помни о конце твоём, и век не согрешишь»). Фраза взята из ветхозаветной Книги Премудрости Иисуса, Сына Сирахова (7:39). Характерно, что в Русской православной церкви книга считается неканонической и не богодухновенной (хотя признаётся её полезность и назидательность). Внизу монограмма «ИГК». На оборотной стороне в центре монограмма «ИГК» и надпись сверху: «Божья сила с нами».

Оттиск печати масонской ложи св. Георгия Победоносца. Красный сургуч. D 4,5 см. ИОКМ 3571.

В центре изображение рукопожатия («рукопожатие мастера»: отличается тем, что конец большого пальца одного нажимает на место между пястно-фаланговыми суставами среднего и безымянного пальцев другого). По окружности надпись: «ПЕЧ. ГЕОРГИЯ ПОБЕД. 5817». Печать помещена в простую металлическую кустодию и крепится георгиевской лентой к грамоте о производстве Ивана Колокольцева в чин мастера (*maitre*) ложи св. Георгия Победоносца в 1818 г.

Создание ложи относится ко времени присутствия русских войск во Франции после взятия Парижа в 1815 г. Столицей Русской Франции считался город Мобёж, и здесь в соответствии с модой того времени появилось сразу несколько масонских лож, основанных выходцами из России. Образование ложи Георгия Победоносца в разных источниках относится к 1815 или 1816 г. (на грамоте Ивана Колокольцева указана дата основания 1816/5816 год). Даты 5816 и 5817 (на печати) также мифологические, связанные с представлением, что современные масоны унаследовали знание истины, впервые явленной ещё в 4 тыс. до н.э. (соответственно использовались две системы летоисчисления: от РХ и от «света», «просветления» — *lucis*).

*И.С. Чиж
гл. библиотекарь РГБИ*

К истории создания книги издательства «Искусство» (из переписки Л.Я. Гуревич и Н.Г. Зографа)

Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940) служила в издательстве «Искусство» со времени его основания. В первые дни работы она заключила договор с Театральным отделом на книгу «История рус-

ского театрального быта» — монографию, не утратившую своей актуальности и сегодня, о чем свидетельствует переиздание, осуществленное Книжным домом «ЛИБРОКОМ» в рамках серии «Школа сценического мастерства» в 2011 г. По замыслу Гуревич, итогом её писательского труда стало бы многотомное издание (в 3-х частях), раскрывающее отечественную театральную деятельность с самых разнообразных сторон: от момента зарождения до середины XX в. Однако планы писательницы не осуществились, а театральное сообщество получило лишь первый том книги с названием «История русского театрального быта. От середины XVII до начала XIX века» (М., 1939).

Очевидно, что с момента заключения договора до выхода первого тома прошло не менее трех лет, при том, что Гуревич целиком и полностью посвятила себя этой работе. Из её личной переписки с редактором издательства Н.Г. Зографом становится известным, что фактически первый том был написан к ноябрю 1937 г., но выход его из печати затянулся, несмотря даже на то, что, испытывая материальные трудности, Гуревич отвергала другие заказы издательства. Так, из переписки следует, что Любовь Яковлевна отказалась от работы над вступительной статьей к книге Сары Бернар, объясняя это таким образом: «...в виду обилия личных впечатлений и имеющихся у меня материалов, относящихся к этой очень крупной актрисе, я всё же решила твердо отказаться, т.к. принять его [заказ], значило бы нанести существенный ущерб работе над моей “Историей русского театрального быта”. Это было бы просто недобросовестно с моей стороны. Всё, что я могу позволить себе в виде дополнительной работы от “Искусства” — это какая-нибудь одна рецензия в месяц или две небольшие, по моей театроведческой специальности (РГАЛИ. Ф. 2723. Оп. 1. Д. 346. Л. 2).

Главной трудностью в работе над первым томом стал для Гуревич дефицит научного материала по истории. Обращаясь к Зографу с просьбами содействия в разыскании нужных источников, она восклицает: «Трудно представить, как я мучаюсь с добыванием книг!» (Там же. Л. 7). Любовь Яковлевна просит снабдить её удостоверением из редакции, что проводится «такая-то работа и получает столько-то в месяц [630 руб.] для доступа в Библиотеку МГУ». Поскольку библиотека МГУ не удовлетворяла всех запросов, Гуревич пришлось обратиться в Библиотеку Исторического музея, чтобы брать экземпляры на дом. Понадобилось гарантийное письмо с места работы, подтверждающее, что Любовь Яковлевна присылает за книгами «исключительно надежного, аккуратного человека, хорошо понимающего ценность книг».

Самолично посещать библиотеки писательница не могла в связи с серьезной болезнью сердца, исключающей возможность подниматься по лестницам. В письме Зографу от 15 июня 1937 г. она дает ответ издательству, почему первый том не готов к назначенным срокам: «Причины моего запоздания с книгой я изложу в строгом соответствии с правдой. Я сделала большую ошибку, вознадеявшись на то, что в текущем сезоне у нас выйдет какая-нибудь книга по русской истории... С конца XVIII в. у меня нет даже такого подспорья как Ключевский и Соловьев. Но ведь и они не были полным подспорьем. С XIX в., первую половину которого охватывает мой первый том, стало еще труднее. Я работала непрерывно над историей, и вообще совесть моя перед издательством или перед собственными обязанностями по отношению к нему чиста, но по результатам мне от этого не легче, а в последний месяц стало совсем тяжело, т.к. я “исписала” свою руку не сколько на свою книгу, сколько на выписки из разных книг и мемуаров по истории, которых нет у меня дома, и “плечная судорога”, которой я подвержена, заставила меня в последние 3–4 шестидневки дать отдых руке. К этому прибавились материальные трудности, так как в мае иссяк мой и без того исключительный аванс по книге» (Там же. Л.8 – 8 об.).

Управляющий издательством Осип Мартынович Бескин проявлял большой интерес к «Истории русского театрального быта» и запросил в ноябре 1937 г. у Гуревич готовую часть работы для ознакомления. Любовь Яковлевна не могла отказать, хотя ей пришлось предоставить свой труд (на тот момент были написаны 22 главы) в рукописи. В очередном письме Николаю Георгиевичу она жалуется, что ей не очень это нравится, так как, продолжая работу, есть потребность заглядывать в уже написанное: во-первых, чтобы избежать повторений, во-вторых, для сохранения и поддержания внутренней связи контекста. При этом она опасается, что почерк неразборчив, и что может утратить этот единственный авторский экземпляр рукописи: «Мало ли какие возможны случайности и при перевозке рукописи, и в суматохе самой редакторской жизни!» (Там же. Л. 8 об.).

В гораздо большей степени Гуревич волновало иллюстративное оформление книги. Как лучше: «... на бумаге книги или на вставных листах с двух сторон каждого из них?». Самой Гуревич нравился первый вариант: иллюстрации гораздо больше согласовывались бы с текстом, а не были бы размещены вне зависимости от него.

Особенности использования личных нотариальных знаков в нотариальной традиции Ареццо середины XII века

Нотариальные знаки (*signa tabellionatus*) являются одной из отличительных черт итальянских средневековых частно-правовых актов. В различных регионах Италии они помещались в разных местах документа: в начале акта перед начальными формулами, в конце акта перед удостоверяющей записью нотариуса, в составе удостоверительной записи или же после нее. Рисунок *signa* мог сильно различаться в зависимости от локальной нотариальной традиции. И место расположения, и сам вид нотариальных знаков указывают на разные источники их происхождения в разных нотариальных традициях (символическая инвокация, предваряющие подписи знаки креста, преобразованные в графические символы отдельные слова из текста нотариальной заверки, их сокращения или тахиграфическая запись).

В этой связи любопытным представляется пример нотариальной традиции Ареццо. Дж. Николай в своем диахроническом исследовании епископского нотариата (*Nicolaj Petronio G. Alle origini della minuscola notarile italiana e dei suoi caratteri storici // Scrittura e civiltà. 1986. Vol. X. P. 49–82; см. также: Allegria S. Stylisation graphiques des notaires arétins au XIe siècle // Cahiers de civilisation Médiévale. 2010. Vol. LIII (jan. – mar. 2010). P. 53–59, pl. I–VII*) зафиксировала распространение в Ареццо с начала XI в. корпоративного нотариального знака («*signum* как таковой»), введение в первой трети XII в. личных знаков в нотариальной заверке на основе хризмы или креста (у судей Гульельмо и Сарачено) и появление первого «подлинного нотариального знака» в 1137 г. (у судьи Неро).

Нами было предпринято синхроническое исследование, сосредоточенное на изучении трех поколений аретинских нотариусов, действовавших одновременно в епископстве Ареццо в 1140–1160-х гг. Было рассмотрено около 140 подлинных актов для 22 нотариусов, сохранившихся от этих трех десятилетий в фондах Камальдоли, Пратовеккьо, Санта-Мария-делла-Бадья (Бадья Фиорентина), коллекции актов аббатства Струми и собрания Мариотти из Государственного архива Флоренции. Было установлено, что первый личный *signum*, отражающий тенденцию, которая стала доминирующей в последующие периоды (то есть знак, идентичный для начала документа и для нотариальной заверки, а также сохраняющий свой рисунок

на протяжении всей карьеры нотария), появляется в 1126 г. у нотариуса Альберто.

Исследование также показало, что среди аретинских нотариусов превалировала тенденция иметь два личных знака с разными функциями и эволюционно с разными источниками. «Верхние» знаки возникали на основе символической инвокации (в виде креста или хризмы) или инициала *I* инвокации вербальной («*In Dei nomine*» / «*In Christi nomine*»). Есть так же множество примеров использования самого инициала в функции нотариального знака. «Нижние» знаки возникали как часть нотариальной заверки — на основе креста (традиционного личного знака в подписях церковных иерархов), на основе «знаков руки» из формул аллографических подписей, на основе первых слов текста удостоверительной записи («*Et*» или «*Ego*») или монограммы имени нотариуса. И если «нижний» знак мог использоваться независимо от типа документа как часть нотариальной заверки, то «верхний» знак, по-видимому, был жестко связан с грамотами по протоколу *carta* (в отличие от *breve* или жалованных епископских грамот, составленных теми же нотариусами).

Само использование личных нотариальных знаков было для Арrezzo 1140–1160-х гг. относительно новой идеей. Одновременно в епископстве действовали нотариусы, которые имели только «нижний» нотариальный знак, только «верхний» или не имели нотариальных знаков вовсе. Среди тех, кто использовал личные знаки как средство атрибуции собственных документов, идея о том, что знак должен сохранять один и тот же рисунок на протяжении длительного времени, все еще была довольно нова: по меньшей мере четверо нотариусов несколько раз меняли рисунок верхнего нотариального знака за короткое время. Одновременно с ними действовали нотариусы, выбравшие для себя следование архаичным образцам и использующие в качестве личного знака модифицированный вариант прежнего корпоративного знака аретинских нотариусов XI в. на основе сокращения от «*signa*» или «*subscripti*».

Просмотр нескольких фондов духовных учреждений соседней Флоренции показал, что среди флорентийских нотариусов этого же периода, использовавших те же типы актов (*carta* и *breve*) с аналогичными способами удостоверения грамот, преобладала тенденция использовать два одинаковых знака для начала документа и для заверки, построенных на основе большого креста, дополненного множеством декоративных элементов, или на основе сокращения от «*signa*» или «*subscripti*», только с более сложной композицией.

Отсутствие единой традиции внешнего оформления нотариальных актов в Арrezzo было вызвано особенностями формирования

аретинского нотариата при епископской резиденции, в том числе — высокой ролью личного вклада отдельных нотариев и их эстетических стратегий. На середину XII в. приходится упадок епископского нотариата Ареццо — в связи с ростом коммунального движения и усилением правовой школы Болоньи (см. об этом: *Nicolaj G. Storie di vescovi e di notai ad Arezzo fra XI e XII secolo // Il notariato nella civiltà toscana. Atti di un convegno (maggio 1981). Rome, Consiglio nazionale de notariato, 1985 (Studi storici sul notariato italiano, VIII). P. 149–170*). Так же это время начала трансформации, известной в историографии как переход от *carta* (диспозитивного документа) к *instrumentum* (документу, имеющему силу доказательства), которая привела к кризису *carta* и возросшей роли *breve* (в регионе Ареццо отмечено лишь для окрестностей Кастильон-Фиорентино). Следствием явилось заметное уменьшение числа грамот с 1150-х гг. по сравнению с предшествующим периодом, общее опрощение письма и большая вариативность в отношении использования личных нотариальных знаков.

И.Н. Шамина

к.и.н., с.н.с. ИРИ РАН

С.М. Шамин

д.и.н., г.н.с. ИРИ РАН, ВГИК

**Евангелие 1627 г. великой старицы иноки Марфы Ивановны
из книжного собрания Благовещенского Ширинского
(Шеренского) монастыря Кашинского уезда:
по переписной книге 1701 года**

Благовещенский Ширинский (Шеренский) мужской монастырь Кашинского уезда Тверской губернии находился при впадении речки Ширинки в Медведицу. Обитель, как и многие другие, была закрыта в 1764 г. Возникший на месте монастыря Ширинский погост попал в зону затопления. Исследователи чаще всего упоминали о монастыре в связи с тем, что он, якобы, находился близ Шеренского леса «в котором убит татарами в 1238 году святой Василий (Василько) Константинович, князь Ростовский» (*Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 516). Это легендарное отождествление, впервые сделанное в 1784 г. (*Соковнин С.П.* Опыт исторического словаря о всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью про-

славившихся святых мужах. М., 1784. С. 49), привело к тому, что обитель из Ширинской, как ее называют источники, превратилась в «Шеренскую».

Сколько-нибудь значимые данные о Ширинском монастыре в литературе представлены только с начала XVIII в. Так по переписным книгам 1700 г. за ним числилось 43 двора (*Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 344), а по состоянию на 1744 г. — 335 душ крестьян (*Милютин В.А.* О недвижимых имуществах духовенства в России М., 1862. С. 145). Об истории монастыря до 1700 г. достоверных сведений было выявлено мало, отмечались лишь имена некоторых игуменов с 1661 г. (*Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 482).

Редкие фактографические данные о монастыре появлялись в работах, посвященным другим темам. Так в указателе к описаниям городов зафиксировано наличие монастырского осадного двора в Кашине (1686 г., Описание городов европейской части России XVI–XVII вв. М., 2005. С. 106). Г.С. Гадалова в синодике Кашинского Воскресенского собора отметила запись «Род Ширинскаго монастыря монаха Сергия» (*Гадалова Г.С.* Лицевой синодик XVII–XVIII вв. Кашинского Воскресенского собора из фондов Российской национальной библиотеки // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 14. Тверь, 2022. С. 290). Впрочем, относится ли эта запись к XVII в., или уже к XVIII столетию, непонятно.

В 2007 г. на выставке в ГИМ было представлено хранящееся в Государственном музее-заповеднике «Царское Село» старопечатное Евангелие 1627 г., подаренное в марте 1916 г. императрицей Александрой Федоровной Николаю II к празднику Пасхи. Издание было приобретено в лавке у старообрядцев. До 2000 г. оно лежало среди неразобранных книг Павловского дворца-музея. В нем имелась запись о том, что в 1627 г. эту книгу вложила в кашинский Благовещенский монастырь мать царя Михаила Федоровича инокиня Марфа. Изданию посвящена статья И.И. Зайцевой. Исследовательница предположила, что вклад связан с рождением в апреле 1627 г. дочери Михаила Федоровича Ирины. Новых данных по допетровской истории обители ей найти не удалось. Зайцева опубликовала полный текст записи: «Лета 7136 году месяца октября в 18 день на память святого апостола и евангелиста Луки пожаловала государыня благоверная и христоролюбивая Великая старица инока Марфа Ивановна в дом Пречистой Богородицы честного и славного ее Благовещения и великого святителя Василия Кесарии Каппадокийской

в Кашинский уезд в Благовещенский монастырь книгу сию Евангелие тетр печатное на престольное, оболочено бархатом черным, евангелисты серебряны позолочены. При игумене Михее с братиею. А кто сию книгу Евангелие из дому Пречистой Богородицы вынесет или родимцу отдаст, или продаст, или заложит, или какую хитрость учинит, и того Бог судит на втором и страшном пришествии Господнем, да ответит перед Богом. А подписал игумен Михей своею рукою лета 7136». Исследовательница также привела краткие данные о внешнем виде издания: «сохранился подлинный переплет первой трети XVII в. и целы “евангелисты серебряны позолочены” — гравированные фигурные наугольники, а также средник — “Распятие с предстоящими” на верхней крышке» (*Зайцева И.И.* Евангелие из семьи первых Романовых: Книга, замкнувшая круг истории династии // URL: <http://www.tzar.ru/science/research/gospel> (Сайт ГМЗ «Царское Село»).

Получалось, что вклад сделан на 34 года раньше, чем появляются наиболее ранние данные о монастыре. Разрешить это противоречие позволяет монастырская опись 1701 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 57. Л. 75–112 об.), в которой приводятся обширные сведения об обители, в том числе о ее архиве, начиная с 1622/23 г. Данное свидетельство удревняет время первого упоминания Ширинского монастыря на четыре десятилетия. В связи с историей Евангелия 1627 г. особый интерес вызывает описание хранившихся в монастыре книг. В Благовещенской церкви на престоле обнаруживается «Евангелие печатное в десть, оклеяно бархатом черным. А на нем Распятие и евангелисты серебряные резные золочены, застешки, и на исподней доске четыре наугольника да средник серебряные белые». Очевидно, что описана та самая книга. Это доказывает, что вкладная запись подлинная, а не сфальсифицирована антикварами с целью увеличить стоимость издания.

Другие книги монастырского собрания под описание не подходят. Еще одно печатное на престольное Евангелие имелось в Воскресенской церкви, однако накладки на нем были выполнены в технике басмы. В третьей же церкви, Василия Кесарийского, отмечено рукописное Евангелие. В монастырской книгохранильнице лежало рукописное Толковое Евангелие.

То, что наиболее ранние документы в монастырском архиве датируются 1622/23 г., позволяет предположить, что обитель или возникла в начале 1620-х гг., или в это время восстанавливалась после Смуты. Царские вложения основных богослужебных книг во вновь открывавшиеся монастыри были нормой. Скорее всего, вклад инокини Марфы имел именно такой характер.

География московских дворов думных и приказных дьяков XVII века

Верхний слой служилой бюрократии принадлежал к той социальной группе, которая активно участвовала в формировании каменной жилой застройки Москвы, прежде всего второй половины XVII века.

Историография вопроса на сегодняшний день остается крайне недостаточной. Самым авторитетным исследователем названной социальной группы является Н.Ф. Демидова, которая после многолетнего ее изучения опубликовала фундаментальный биографический справочник «Служилая бюрократия в России XVII века (1625-1700)», в котором автор включила сведения о московских дворах некоторых представителей приказных людей. Если говорить об изучении московской архитектуры, то можно назвать многотомное исследование «Памятники архитектуры Москвы», где даются очень краткие статьи о палатах XVII в. без атрибуции их владельцев и конкретной датировки. Монография А. А. Тица «Русское каменное жилое зодчество XVII века» 1966 года издания до сих пор остается наиболее специализированным исследованием сохранившихся образцов жилой гражданской архитектуры России, в том числе и Москвы. Автор в числе прочего рассматривает палаты только двух дьяков — Е.И. Украинцева и А.С. Кириллова.

Для раскрытия данной темы автором были привлечены разнообразные источники: переписные книги московских дворов XVII – начала XVIII вв., опубликованные в конце XIX в.; документы делопроизводства XVII – начала XVIII вв. из фондов РГАДА, среди которых можно выделить материалы Разрядного приказа, Преображенского приказа, Московской губернской канцелярии, Московской Юстиц-коллегии. Отдельную группу источников составляют графические планы XVII и XVIII вв.: из Приказа Тайных дел, из Московской полицмейстерской канцелярии.

Схема размещения количества дворов дьяков по различным районам Москвы, составленная на основе переписных книг 1665–1672 гг. дает наглядное представление о географии заселения города представителями служилой бюрократии в указанный период. Наибольшее количество дворов дьяков располагалось на территории Белого города. В структуре города этот район был самым престижным, где на белых землях селились представители служилого дво-

рянства, верхнего слоя бюрократии и членами привилегированных торговых корпораций.

Белый город не был единым равномерно развивающимся регионом Москвы. Этот район города, разделенный на несколько крупных секторов радиусами наиболее значимых улиц, которые сформировались из дорог в различные княжества и торговые города. Каждый из секторов имел свою специфику развития. В соответствии со схемой можно выделить пять таких секторов. Наибольшее число дворов дьяков зафиксировано между ул. Покровкой и ул. Солянкой (30 дворов). Данный район отличается сложным рельефом, обусловленным наличием высокой Ивановской горкой, от которой расходятся криволинейные трассы улиц и переулков на разных уровнях. В XV в. местность была занята великокняжескими садами и загородным двором Ивана III в Подкопаях. Активное заселение началось в XVI в. К этому времени его основной улицей общегородского значения становится Солянка (до середины XVIII в. — ул. Яузская), трасса которой проходила по бывшей Владимирской дороге через Яузские ворота Белого города. Петров чертеж Москвы 1596 г. зафиксировал полное освоение района и формирование улиц и переулков. Помимо представителей высшего слоя служилой аристократии, здесь скупались земли и членами приказной администрации, среди которых, в частности, были дворы думного дьяка Григория Богданова, дьяков Никиты Юдина, Ивана Протопопова, Ивана Калитина, Петра Самойлова и др. (Переписные книги Москвы 1665–76 гг. М., 1886. Стб. 191–202).

Следующим по количеству дворов дьяков (17) районом является сектор между набережной Москвы-реки и ул. Воздвиженкой. Территория района расположена на Ваганьковском холме, ограниченного руслами Москвы-реки и ее притоков — р. Неглинки и ручья Черторья. По бровке высокого левого берега Черторья проходила часть укреплений Белого города (совр. трасса Гоголевского бульвара), который определил юго-западную границу района. Данная территория характеризовалась пересечением древних дорог — Волоцкой из Новгорода в южные княжества, проходившей в XII в. по трассе совр. ул. Знаменки, а в XIII–XIV вв. — по ул. Воздвиженке, и из Киева во Владимир, проходившей по трассе свор. ул. Волхонки. Это определило во многом раннее освоение района. (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004. С. 71, 278). В XIV–XV вв. основные трассы улиц Волхонки, Знаменки, Воздвиженки были уже сформированы. В XVI–XVII вв. здесь селились представители знатных фамилий служилого дворянства: Шуйских, Стрешневых, Прозоровских, Ртищевых и др. Наличие большого ко-

личества белых дворов привлекал сюда и верхний слой приказных людей. По данным переписных книг 1672 г. в этом районе располагались дворы известных думных дьяков Дементия Башкакова, Семена Титова, а также дьяков из дворянских фамилий Афанасия Зыкова и Ивана Чаплыгина (Переписные книги Москвы. Стб.185-190).

Сектор между улицами Воздвиженской и Тверской также был достаточно выгодным для размещения дворов дьяков (12). Рельеф местности определялся двумя возвышенностями Ваганьковской и Тверской от Моховой улицы до границ Белого города. Основными трассами района была улица Никитская и улица Тверская. Первая из них на рубеже XV–XVI вв. выполняла функции Волоцкой дорогой из Москвы до Новгорода. Тверская была дорогой в одноименное княжество. С XVI в. шло активное заселение земель вдоль дорог и к концу века улицы общегородского значения были сформированы. Социальный состав жителей отличался большим разнообразием (служилое дворянство, верхние слои купеческих корпораций, ремесленники дворцовых и черных слобод). В числе них были представители дьячества — думный дьяк Герасим Дохтуров, дьяки Семен Титов, Томила Истомин, Тимофей Бессонов, Матвей Львов и др. (Переписные книги Москвы. Стб.121–128).

На более поздний период составить представление о конкретных домовладениях приказных людей с точки зрения географии и планировки помогают документы XVII–XVIII вв., хранящиеся в РГАДА. Изучение истории формирования исторических территорий в границах Белого города на основе графических и текстовых источников позволило доказать принадлежность дьякам многие, сохранившиеся до сего дня палаты и составить схемы дворов московских дьяков с обозначением уличных трасс и расположением каменной застройки.

А.В. Шеков

*к.и.н., доц., н.с. сектора военной истории
музея-заповедника «Куликово поле» (г. Тула)*

Каким образом бояре Вельяминовы состояли в родстве с московскими великими князьями

В 1844 году Я.И. Бередников отождествил тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, названного в грамоте новоторжцу Евсевке дядей московского великого князя Дмитрия Ивановича, со «своим дядей Васильем» из духовной грамоты великого князя Семена Гор-

дого (1353 г.) (*Кучкин В.А.* Кремлевская находка 1843 г. // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 302, 311. Прим. 1; *Его же.* Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3(33). С. 123). Ученый отметил факт женитьбы сына В.В. Вельяминова Микулы (Николая) и великого князя Дмитрия Ивановича на родных сестрах — дочерях суздальского князя Дмитрия Константиновича (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. 2-ое. 1819. Т. 5. С. 259; Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 189; 1962. Т. 27. С. 104; СПб., 2018. Т. 46. С. 80). Позже С.Б. Веселовский очевидно считал, что такое свойство позволяло Дмитрию Ивановичу называть В.В. Вельяминова своим дядей (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 215. Прим. 17. С. 229). Василий Васильевич был отцом свояка великого князя.

Л.В. Черепнин также полагал, что В.В. Вельяминов находился в родстве с московским княжеским домом. В пользу этого мнения историк отметил, что вдова названного боярина, Мария, крестила в 1389 г. новорожденного сына Дмитрия Донского — Константина (ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. 2-ое изд. Вып. 1. Стб. 155–156; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 27). В 1974 г. В.А. Кучкин предположил, что вторая жена великого князя Ивана Красного, Александра, была сестрой В.В. Вельяминова, поэтому Дмитрий Иванович в грамоте Евсевке назвал этого московского тысяцкого своим дядей (*Кучкин В.А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 365, 381. Прим. 6).

В статье 1988 г., посвященной упоминанию «своего дяди» Василия в завещании Семена Гордого, историк отказался от приведенного более раннего предположения (*Кучкин В.А.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 154–155). Рассмотрев сведения о родственных и брачных связях московских великих князей XIV в., В.А. Кучкин заключил, что родство или свойство В.В. Вельяминова в качестве дяди Дмитрия Ивановича маловероятны. В том числе он считает невозможным супружество В.В. Вельяминова и сестры Ивана Красного. Если бы Василий Васильевич был женат на дочери Ивана Калиты, то его сын Микула и великий князь Дмитрий Иванович были бы двоюродными братьями. В таком случае женитьба двоюродных братьев на родных сестрах, о чем шла речь выше, нарушала бы церковный канон (Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. 2-ое изд. № 14. Стб. 144).

По мнению В.А. Кучкина, В.В. Вельяминов был воспитателем Дмитрия Ивановича в отрочестве и в качестве такового назван «дядей своим» в грамоте великого князя Евсевке. Отец Василия Васильевича — Василий Вельяминович, тоже московский тысяцкий, — был воспитателем двух сыновей Семена Гордого, умерших в детстве, и потому назван «своим дядей» в завещании этого великого князя (*Кучкин В.А.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого. С. 153–158).

Приведенное мнение В.А. Кучкина отвергает К.А. Аверьянов, так как в достоверно известных случаях воспитатели назывались «дядьками», но не «дядями». Историк предлагает считать, что жена Ивана Красного была не родной, а двоюродной сестрой В.В. Вельяминова, дочерью Луки Протасьева. В таком случае В.В. Вельяминов был двоюродным дядей великого князя Дмитрия Ивановича (*Аверьянов К.А.* Сергей Радонежский: Личность и эпоха. М., 2006. С. 147–149).

Однако К.А. Аверьянов не согласовал эту точку зрения с упоминанием «своего дяди» Василия в завещании Семена Гордого. Если дядей последнего здесь назван Василий Вельяминович, то Иван Красный не мог быть женат на своей двоюродной сестре — племяннице Василия Вельяминовича и сестры последнего Елены, матери Семена Гордого и Ивана Красного. А вот если Василий Вельяминович был женат на тетке Семена Гордого, сестре Ивана Калиты, то нет необходимости предполагать, что супруга Ивана Красного была из рода Вельяминовых. В указанном случае Василий Вельяминович был мужем тетки Семена Гордого, то есть дядей этому великому князю (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1983. С. 165). Сын Василия Вельяминовича, Василий, в таком случае был двоюродным братом детей Ивана Калиты и двоюродным дядей великого князя Дмитрия Ивановича.

В.А. Кучкин отрицает возможность брака Василия Вельяминовича и сестры Ивана Калиты, так как в завещании Семена Гордого боярин Василий назван «своим дядей», а не «нашим» перед обращением великого князя к родным братьям, Ивану и Андрею (*Кучкин В.А.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого. С. 153–155). Однако С.Н. Абуков обратил внимание, что великий князь Семен Иванович называет в завещании «своими», а не «нашими» не только дядю Василия, но и явно общих с братьями тетку княгиню Анну и отца — великого князя Ивана Даниловича (*Абуков С.Н.* К вопросу о «дяде Василии» духовной грамоты Семена Гордого // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35(3). С. 7–8). Уточним, что отца Семен Гордый упоминает как «своего» и как «нашего» в обращении к братьям (*Кучкин В.А.* Издание завещаний московских князей XIV в. 2008. № 3 (33). С. 123–125). По мнению С.Н. Абукова, предположи-

тельно Василий Вельяминович был братом матери Семена Гордого — Елены. Как мы объяснили выше, такая ситуация была невозможна.

Поэтому наиболее вероятно, что боярин Василий Вельяминович был женат на родной сестре Ивана Калиты. Версия такого брака соответствует основным сведениям из известных источников и не находит явного противоречия с остальными. Дмитрий Иванович и Микюла Васильевич Вельяминов тогда были троюродными братьями и могли жениться на родных сестрах не нарушая канона.

*И.П. Шеховцова
к.иск., доц. РАМ им. Гнесиных, доц. ПСТГУ*

Об экфонетических знаках в древнерусских богослужебных рукописях

Светлой памяти Б.Л. Фонкича

Изучение экфонетических знаков в древнерусском книжном письме связано, с одной стороны, с практикой литургического (распевного) чтения, введение которой происходило в контексте христианизации Руси и принятия византийского богослужебного обряда, а с другой — со становлением различных систем надстрочных знаков, как в древнерусской просодии, так и в древнерусском невменном (музыкальном) письме. Здесь мы наблюдаем некоторые параллели с южнославянской традицией, соприкосновение с которой происходило в общем ареале воздействия грекоязычной книжной культуры. Отметим также, что в генезисе и развитии самой «образцовой» византийской экфонетики, единственной оформившейся в самостоятельную систему «музыкального» письма в кодексах лекционного типа (напомним, до нас дошло не менее 500 такого рода источников, преимущественно IX–XIV вв.), наблюдаются сходные процессы: экфонетическая графика формируется почти в одно время с византийской диакритикой (на эволюции которой было заострено внимание в последних работах Б.Л. Фонкича), а позднее оказывает несомненное влияние на формирование византийской и типологически близких ей невменных певческих нотаций (в частности, болгарской и древнерусской). Закономерно в этой связи, что интерес к изучению экфонетических знаков прослеживается (начиная с середины XIX в.) не только в трудах палеографов и музыковедов (эллинистов и славистов), но и лингвистов (еп. Порфирий (Успенский), прот. Д.В. Разумовский, И. Тзетзес, К.И. Пападопуло-Керамевс, А.И. Соболевский, Ж.-Б. Тибо, К. Хёг, И.А. Гарднер, С. Энгберг и

др.; из авторов публикаций последних лет выделим работы Т.Ф. Владышевской, Е. Тончевой, В.М. Загребина, Н.В. Рамазановой).

Сфокусировав свое внимание на изучении древнерусских памятников XI–XVI вв., связанных с практикой литургического чтения, мы пришли к выводу, что использование в них экфонетики носило несистемный, спорадический характер, в том числе в наиболее известном и изученном Остромировом евангелии, где фрагментарная простановка некоторых византийских экфонетических знаков осуществлялась, по-видимому, в «подражание» грекам. На «оказиональный» характер их использования указывает также повторная простановка специфического знака «сирматики с подставкой» в пасхальном чтении поверх знака «телеи» (наблюдение В.М. Загребина), что, скорее всего, связано не с «музыкальным» содержанием (впервые отмечено С. Петровым и Х. Кодовым), а с особым порядком чтения этого текста на богослужении (по мнению И.А. Гарднера). Судя по всему, по этой причине сохраняется простановка аналогичных «красных» знаков (чаще всего в виде жирной точки, креста, реже двух «варий» или вертикальных «кендим») в тех же местах в целом ряде русских Евангелий вплоть до XVI в.

Однако интерес к византийской экфонетике возобновляется на Руси в следующую эпоху — на новом этапе возрождения и стремительного развития древнерусской книжной культуры XV–XVI вв. Особенно яркий пример такого рода был обнаружен в рукописи из РНБ (Кир.-Бел. 36/41, кон. XV в.), где переписано несколько чтений с развитой экфонетикой с византийского оригинала в русской транслитерации. Отметим попутно, что в греческой практике использование (равно как и понимание) экфонетики к тому времени было утрачено, однако именно тогда в Московскую Русь попадают некоторые древние византийские образцы этой угасшей, по сути, традиции, как, например, Евангелие-апракос ГИМ Син. греч. 511 (Усп. 1). Предполагаем, что на этом этапе внимание к экфонетике носило двоякий характер. С одной стороны, в ряде попыток возобновления использования знаков наподобие экфонетических (старых и новых) проявляется стремление возродить на более высоком уровне традицию литургического чтения (см., в частности, кодексы РГИА Ф. 834, № 9,24,55; РНБ Солов. 128/128). С другой стороны, экфонетическая графика (наряду с другими старыми и новыми разновидностями знаков) могла служить неким «опытным полем», в котором формировалась новая система древнерусской диакритики. Особый интерес в этой связи вызывают появляющиеся в этот период «азбуки-перечни» просодических знаков, которые, что примечатель-

но, встречаются и в певческих кодексах (как, например, в раннем Обиходе второй четверти XVI в. РНБ Солов. 277/289. Л. 287об.).

В целом на данном этапе исследования можно прийти к следующим выводам. Сформировавшаяся изначально на Руси практика музыкального литургического чтения на протяжении всего средневековья бытовала преимущественно в устной форме; и все же «пробные» попытки ее письменной фиксации возникали на новых исторических этапах, связанных с коренными переменами в русской культуре. Весьма показательны, что уникальные образцы ее максимально точной записи с помощью певческой (крюковой и пятилинейной) нотации (очевидно, с целью исторической сохранности) появляются в более позднее время (см. «Прогласица» в старообрядческой рукописи БАН, Калик. 23; «Метод богослужебных возгласов, положенных на ноты...», составленный и опубликованный иеромон. Геронтием (Кургановским), М.: Син. тип., 1897).

Изучение темы также показало крайне слабую проработку ее источниковедческого аспекта, что возможно преодолеть только с привлечением специалистов разных профилей.

С.Ю. Шокарев
к.и.н., с.н.с. Лаборатория древнерусской культуры
ШАГИ ИОН РАНХиГС

Загадки Анны Васильчиковой

Семейная жизнь Ивана Грозного традиционно привлекала внимание ученых своей экспрессией, уникальной для XVI столетия. Благодаря исследованиям последних лет установлены количество жен царя, последовательность браков и их примерная продолжительность (*Мартин Р.Э.* Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков. М., 2023; *Рыбалка А.А.* Семь невест тирана Ивана (А.И. Сулакадзев и жены Ивана Грозного) // Историческая экспертиза. № 2. 2017. С. 160–180). Однако остается еще много вопросов, особенно о биографиях четвертой, пятой и шестой жен царя — Анны Колтовской, Анны Васильчиковой и Василисы Мелентьевой.

Как известно, пятый брак Ивана с Анной Григорьевной Васильчиковой противоречил церковным правилам. Несмотря на это, обряд венчания и свадебная церемония произошли согласно канонам и традиции (Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковых (7083/1575 г.) / Сообщ. А.А. Ва-

сильчиков // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Отд. III. С. 1–13; *Мартин Р.Э.* Указ. соч. С. 210). Свадьба состоялась, скорее всего, в январе 1575 г. (*Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1980. С. 14; *Мартин Р.Э.* Указ. соч. С. 212). Вероятно, незаконный характер этого брака повлиял на то, что в церемонии участвовали любимцы царя из «дворовых» (Василий Иванович Умный Колычев и другие Колычевы, князья Тулуповы, Годуновы, Бельские), но не было старой земской знати (*Зимин А.А.* Указ. соч. С. 15–20).

По мнению Р.Г. Скрынникова, Анна Васильчикова была родственницей братьев Федора и Василия Умных Колычевых. Ученый писал, что после казни В.И. Умного Колычева (2 августа 1575 г.) царь отправил Анну в монастырь (*Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1983. С. 211). А.А. Зимин также полагал, что царь приказал постричь Анну Васильчикову в монахини. Такое допускает и Р. Мартин, указывая на погребение Анны в суздальском Покровском монастыре (*Зимин А.А.* Указ. соч. С. 85; *Мартин Р.Э.* Указ. соч. С. 223). На этом информация о пятой жене Ивана Грозного заканчивается. Следующий пункт ее биографии — смерть. Ее дата (7 января 1577 г.) уточнена Р. Мартиным по кормовой книге Иосифо-Волоколамского монастыря (*Мартин Р.Э.* Указ. соч. С. 223).

Анна Васильчикова определенно обладала титулом и статусом царицы. Надписи на покровах, датированных 5 марта 1575 г. и 3 мая 1575 г. упоминают «царицу и великую княгиню Анну» (*Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание Боровского Пафнутиева монастыря. М., 1859. С. 85; *Он же.* Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881. С. 32).

В связи с этим, загадочным является отсутствие титула царицы при имени Анны Васильчиковой во вкладных и кормовых книгах, а ее самой в списках цариц в синодиках. А.Л. Юрганов предположил, что вклады были даны царем не по супруге, а по ее тетке, Анне Петровне Васильчиковой. В пользу этого, по мнению ученого, свидетельствуют также их незначительные размеры (*Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 141). Однако Иван Грозный дал вклады по Анне Васильчиковой в пять монастырей, что говорит о его тесной связи с поминаемым человеком. Суммы вкладов вполне соответствуют традиции и ситуации.

В Троице-Сергиев было дано по Анастасии Романовне 1000 руб., по Марии Темрюковне 1500 руб. и «блюдо злато», по Марфе Васильевне 700 руб., по Анне Васильчиковой 600 руб.

В Кирилло-Белозерский по первым трем женам: 500, 500, 200. По Анне — ничего.

Объем вкладов по Анастасии в Марии в Новодевичий неизвестен, по Марфе и Анне 150.

В Иосифо-Волоколамский: 200, 200 и «достокан серебрян», 70 и 100.

В Соловецкий: 100, 100 и «кубок серебряной ложчатой золочен», 70 и 50.

В Симонов: 64,4, 81 и «ковш серебрян», по Марфе ничего, по Анне 50.

В Ростовский Борисоглебский: 70, 70 и «чяру серебряну», 30 и «золотой бербарейский», 50.

(Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 27, 121; *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. С. 162–164; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 173, 184, 202; *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь: Вопросы медиевистики № 2. 2002. С. 98; Летописец Соловецкого монастыря... М., 1790. С. 22, 23; *Алексеев А.И., Маишафаров А.В.* Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 20, 23, 29; *Титов А.А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII ст. Ярославль, 1881. С. 1–3).

Как можно видеть, царь придерживался иерархии, как среди своих жен, так и среди монастырей, выражавшейся в количестве денег.

Единственный раз Анна Васильчикова названа «царицей великой княгиней» в кормовой книге Ростовского Борисоглебского монастыря, но, скорее всего, это поздняя реконструкция. Почему титула царицы нет записях, а Анны Васильчиковой в списках царей в синодиках? Р. Мартин остроумно предположил, что разрыв с Анной Васильчиковой произошел в то время, когда монарх уступил царский трон и титул Симеону Бекбулатовичу. Следовательно, она была женой Ивана Грозного, но не царицей (*Мартин Р.Э.* Указ. соч. С. 240). Но Иван Васильевич в этот период звался «князем московским» и Анну должны были поминать как княгиню. Полагаю, что Иван Грозный после смерти Васильчиковой мог дезавуировать перед Богом ее статус царицы, осознавая незаконность пятого брака. Однако проявил заботу о душе бывшей супруги.

Поминальная документация задает еще одну загадку. Нигде не упоминается о монашестве Анны Васильчиковой и не названо ее монашеское имя. Основания считать ее монахиней — практика пострижения неугодных жен правителей и погребение в суздальском Покровском монастыре. Но последнее документировано только списком высоких особ, похороненных в обители 1630–50-х гг. (Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII в. М., 2019. С. 404). Надгробия Анны Васильчиковой или копии эпитафии нет, атрибуция ее захоронения при археологических раскопках в 1972 г. основана на предположении. Все это позволяет сомневаться в монашестве Анны Васильчиковой. Был ли в таком случае разрыв Ивана Грозного с пятой женой и где ее могила? Наконец, почему Анну поминали 7 января, а корм по ней в Симонов монастырь был дан 6 января 1577 г. (Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Указ. соч. С. 29). Эти загадки ждут решений.

Ю.Э. Шустова
к.и.н., доц. РГГУ, сотрудник РГБ

Неизвестный фрагмент киевского издания Календаря на 1730 г. из коллекции кафедры ВИДиА ИАИ РГГУ

Календари относятся к числу крайне плохо сохраняющихся изданий. В этой связи важен каждый дошедший до наших дней экземпляр. В XVIII в. календари становятся важными изданиями, содержащими актуальную календарно-астрономическую информацию на год, а также дополнительные статьи, которые имели самостоятельное познавательное и просветительское значение.

Первым печатным русским календарем считают «Святцы или календарь», изданные в Амстердаме типографии Яна Тессинга в 1702 г. Регулярный выпуск календарей в России начинается с 1708 г., когда по указу Петра I в Москве был издан «Календарь или месяцеслов христианский по старому штилю или изчислению на лето 1709». Календари печатаются в Москве и Санкт-Петербурге гражданским шрифтом, а в Киеве и Чернигове — кириллическим. Также к этому числу следует отнести календари, предназначенные для читателей в России, напечатанные кириллическим шрифтом в Амстердаме и Кёнигсберге. С учреждением в 1727 г. типографии при Академии наук издание календарей в России (гражданским шрифтом) осуществлялось в этой типографии,

однако печатають календарі (кирилическим шрифтом) продовжали і в типографії Києво-Печерської лаври.

В Києві календарі видавалися по крайній мері з 1713 г. Перше дошедше до наших днів видання — «Календарь, или Месяцослов христианский» на 1714 год. Исследованию киевских изданий календарей посвящены работы Н.П. Бондар, Ю.Э. Шустовой (*Бондар Н. Рідкісні календарні видання першої половини XVIII ст. Києво-Печерського друку з фондів Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського // Українське небо 2. Студії над історією астрономії в Україні: збірник наукових праць. Львів, 2016. С. 648–657; Шустова Ю.Э. Киевские издания Календарей 30-х годов XVIII в. из собрания Российской государственной библиотеки как источники по истории экологических и естественно-научных знаний // Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: Материалы XXX Международной научной конференции (Москва, 25–26 апр. 2017 г.). М., 2017. С. 35–54).*

Сохранились киевские издания календарей на 1717, 1721, 1727, 1728, 1730–1735, 1755, а также имеются сведения о несохранившихся календарях на 1722 и 1729 гг. (*Запаско Я.П., Ісаєвич Я.Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стродруків, виданих на Україні. Львів, 1984. Кн. 2. Ч. 1. № 909, 971, 987, 1054, 1073, 1093, 1115, 1139, 1168, 1197, 1215, 1227, 1909).*

Из всех киевских изданий календарей, пожалуй, наибольшим количеством сохранившихся экземпляров представлен «Календарь или месяцеслов» на 1730 год, которые хранятся в книжных собраниях Москвы (РГБ, ГИМ, ГПИБ, РГАДА), Санкт-Петербурга (РНБ, БАН) и Пловдива (Народна библиотека). Фрагмент этого издания (два листа) хранятся в собрании кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института РГГУ.

Коллекция кафедры содержит многочисленные материалы, необходимые в учебном процессе: копии документов XI–XIX вв., образцы орнаментики рукописных и печатных книг, карты, таблицы, слепки печатей и т.д., но и подлинные предметы и документы, образцы бумаги XVII–XIX вв. В 1942 г. при кафедре под руководством Л.В. Черепнина был организован музей, который пополнился материалами, полученными из Государственного исторического музея, от А.Н. Сперанского и студентов института. Позднее большую коллекцию рукописей и старопечатных книг передал на кафедру профессор И.Ф. Колесников (*Простоволосова Л.Н., Ста-*

ниславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 13). В коллекции кафедры хранятся в основном фрагменты старопечатных книг XVI–XVIII в., а также уникальная книга — гравюры к Киево-Печерскому Патерику, выполненные по гравюрам на меди Леонтия Тарасевича неизвестным мастером в 50–80-х гг. XVIII в. (*Щустова Ю.Э.* Уникальное издание гравюр Леонтия Тарасевича к Киево-Печерскому патерику в коллекции Учебно-методического кабинета Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Междунар. науч. конф. Москва, 9–11 апр. 2015 г. М., 2015. С. 93–99).

Фрагмент календаря на 1730 г. из собрания кафедры — это два листа (2-й и 3-й), на которых размещены условные обозначения, «Прогностик краткий господарем» и календарные страницы на январь, февраль и март. На л. 2 есть карандашная помета «Маз./555», что говорит о принадлежности данного фрагмента собранию московского коллекционера купца Федора Федоровича Мазурина (1845–1898). Его богатейшее собрание поступило в МГАМИД в 1899 г., однако книги и документы его собрания можно встретить и в других архивах и библиотеках. Примечательно, что фрагмент редкой книги XVIII в. из собрания Ф.Ф. Мазурина, одного из ярких представителей коллекционеров XIX в., хранится в собрании кафедры ВИДиА РГГУ.

Календарь на 1730 год имеет заголовок на титульном листе: «Календарь или мѣсѣцесловъ на лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Хрїста 1730, указующїи затмѣнїѧ солнечнаѧ, мѣсячнаѧ рождениѧ, полныи мѣсѣць съ четвертми и прогностїкомъ. теченїе луны въ зодїакахъ. время солнечнаго восхода и захода, долгоденствїе и долгоношїе, и прочаѧ на елевацїю 50 градусовъ учиненныи» и состоит из 11 листов.

В фрагменте календаря на 1730 год имеются условные обозначения знаков, которые используются в календарной части. Это — «Знаки и имена 12 зодїи» где каждый знак зодиака соответствует календарному месяцу. «Знаки аспектовъ» — пять условных обозначений («Coniunctio, или совокупленїе планеты съ планетою; Oppositio, или противостольнїе единой планеты съ другою; Triangulus, или теугольныи планеть взоръ; Quadriangulus – четверугольныи или четверїчныи планеты взор; Sextilis — шестеугольникъ или шестерїчныи планеты взоръ»), представлявших собой особое расположение всех семи планет относительно друг друга, какими

они были для наблюдателя, находящегося на Земле. В астрологии аспекты имели большое значение и наблюдались весьма усердно для различных предсказаний. Раздел «Знаки въ которые дни...», представлявший собой устойчивые для календарно-прогностических источников рекомендации, в какие дни следует пускать кровь, принимать лекарства в разных видах (растворах, порошках, «пѣлюлахъ»), стричь волосы, прищеплять деревья, охотиться, заниматься посевом семян, рубить лес для строительства. Причем аспектам следуют по-разному люди четырех темпераментов.

«Прогностикъ краткѣи господаремъ» содержит сельскохозяйственные рекомендации о благоприятных для тех или иных работ периодах. В частности, говорится о долгом хранении овощей и трав, когда рубить лес, стричь овец, сытить мед и делать прочие напитки, молоть муку.

Собственно календарь содержит месяцеслов, управление днем планетами, знак зодиака, конфигурацию луны, аспекты, благоприятные для разных видов деятельности дни, а также продолжительность дня, время восхода и захода солнца.

Фрагмент редкого издания Календаря на 1730 год, изданного в типографии Киево-Печерской лавры, в собрании кафедры ВИ-ДиА РГГУ представляет собой важный книжный памятник, происходящий из собрания Ф.Ф. Мазурина.

М.А. Шуткина
к.иск., с.н.с. ОН ГИМ

Несколько редких европейских медалей из собрания отдела нумизматики ГИМ

Иностранные медали в отделе нумизматики ГИМ составляют сравнительно небольшую часть коллекции отдела, немногим более двадцати тысяч. Основным ядром этого собрания являются артефакты из коллекции П.В. Зубова, переданной в музей в 1923 году. В дальнейшем к ним присоединялись дары, находки и тому подобные вещи.

При первом знакомстве с этими медалями возникает впечатление, что они были собраны по принципу случайности, бессистемно. Вероятно, так и было. Приобреталось то, что подвернулось под руку, в составе продававшихся на тот момент коллекций. Ни география, ни хронология, не говоря уже о выделении националь-

ных школ, не были приоритетом. Но при более близком общении с собранием обнаруживается, что среди наиболее массовых произведений медальерного искусства той или иной страны в нем можно найти редкие, почти уникальные вещи. Каждая из стран, представленных в описываемой коллекции отдела, может познакомить исследователя с интереснейшими артефактами.

Отчеканены эти медали по самым разным поводам. Связующим моментом для них является, прежде всего, время возникновения, а затем и художественный стиль. И для того, чтобы рассказ о медалях не оказался рваным, разрозненным, на стиль мы и будем ориентироваться. Так как каждая из стран, чье медальерное искусство представлено в собрании отдела нумизматики, обладает редкими экземплярами, то посвященное им исследование будет, достаточно произвольно, разделено на несколько частей.

Для начала мы обратимся к медальерному искусству Англии и Германии XVII века. В обеих странах медали запечатлевали самые различные события — получение титула, награждение орденом или возникновение архитектурного памятника («В честь Люсии, герцогини Портсмутской», 1673 г.; «В память посвящения короля Карла II в рыцари ордена Подвязки» 1678 г.; «Соколиный талер» (дукат) маркграфа Ансбахского Карла Вильгельма Фридриха (1729–1757) и т.д.) И не только это — воинские подвиги и знаменитые сражения, сцены из жизни персонажей, знакомых нам по литературным произведениям, и, даже, ироничное отношение к героям своего времени. Что важно для нас, медали в упомянутых странах иногда отмечали сходные для них обеих события, к примеру награждение того или иного персонажа орденом Подвязки.

Безусловно, раритеты являются престижем для любой коллекции. Естественно, возникает вопрос — почему некоторые памятные медали отмечены категорией редкости? Традиционно, причины редкости медали определяются временем выпуска (возрастом), малым тиражом, погрешностями в изображении или легенде, сохранностью и так далее. Возможно, одной из причин была и технико-технологическая проблематика изготовления. Вполне вероятно, что в отличие от обычного процесса создания штампов для медалей, штампы для многих из упомянутых медалей могли создаваться ускоренно, по запросу. Они плохо переживали испытание временем. Следствием этого процесса стало то, что часть этих медалей имеет категорию RRR. Но об этом мы будем говорить далее.

В нашем случае, ответить на поставленный вопрос пока не представляется возможным, так как прежде всего, не известен,

в связи с разными причинами, размер тиража медалей, о которых идет речь. Поэтому за основу мы брали некоторые аукционные каталоги (к примеру — Fritz Rudolf Künker GmbH & Co. KG; Sincona AG; Auktionen Münzhandlung Sonntag и т. д.). Сведения из них были использованы для определения степени редкости. В нумизматическом сообществе издания хорошо известны и приводимые в них сведения пользуются заслуженным доверием.

Как известно, одним из господствующих художественных стилей для XVII в. было барокко. Это очень явственно демонстрируют медали в обеих странах, о которых идет речь. На каждой из них присутствуют черты, характерные для барокко. Свойственный стилю оттенок «вневременности» позволял на века сохранить сияющее торжество.

А.С. Щавелев
д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

«Закон русский» в договорах ромейских императоров с князьями Олегом и Игорем

В одиннадцати статьях договоров ромейских императоров с русскими князьями Олегом (от 2.09.911) и Игорем Рюриковичем (точно не датирован), помещенных в «Повести временных лет», содержатся эксплицитные указания на некие правовые установления, которые обозначаются лексемами *законъ*, *поконъ*, *оуставъ* и *вѣра*, во всех случаях, кроме одного, даются прямые или недвусмысленные косвенные уточнения, что это — «законъ роуський». Считается, что это была совокупность традиционных относительно фиксированных устных правовых принципов народа русь (*Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2004. С. 5–48; Он же. В ответе за чужой обычай (Византийское право и «закон русский» в русско-византийских договорах X в.) // Historia animata. Сб. ст. памяти О.И. Варьяш. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 8–24).*

Обоснованно предполагается, что часть статей договоров была результатом синтеза правовых норм ромеев и руси (*Никольский С.Л. О дружинном праве...*). Поскольку фронтальная проверка всех статей договоров на (не)соответствие византийской светской и церковной юридической практике до сих пор не проведена, я на данный момент придерживаюсь исходной посылки, что только непосредственные указания на «законъ роуський» марки-

руют внесение в текст договора элементов, присущих культуре руси, а все остальные статьи, более или менее, укладываются в юридические стандарты Ромейской империи.

Из одиннадцати рассматриваемых случаев в шести ссылка на «законъ роуський» сопровождается описанием *процедуры принесения клятвы*: в договоре князя Олега четыре таких случая («по закону русскому», «по вѣрѣ и по закону нашему», «по вѣрѣ своей», «по закону и по покону языка нашего») и в договоре Игоря — два («да на роту идуть наши хръстьяная русь, а нехръстьянии по закону своему», «а опрочии да на роту ходить по своей вѣрѣ») (I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente / A cura di A. Carile e A.N. Sacharov. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2011. P. 28–30, 36, 74, 89). В договорах русь предстает «обществом клятвы» («oath society»), в котором процедура ее принесения была важнейшей социальной практикой (Стефанович П.С. Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. Политические институты Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 383–403).

В обоих договорах есть почти идентичные статьи о том, что «законъ роуський» требует платить штраф за удар или избиение. Однако размер штрафа указан в ромейской «валюте» («да вдасть литръ 5 сьребра по закону / покону роусьскому», «да того дѣля грѣха заплатитъ сьребра литръ 5 сьребра по закону русьскому») (I trattati. P. 30, 79–80). Из этих статей можно сделать вывод, что у руси была только общая идея о том, что можно (нужно) платить компенсацию за побои. Сумма же штрафа в пять серебряных литр («ἡ ἀγυρικῆ λίτρα», 333,333 граммов), была, видимо, определена специально для договора, либо самими ромеями, либо ромеями совместно с русью.

В двух статьях договора Игоря соплагаются законы «русский» и «греческий». В первом речь идет о кражах: «Аще ли ключить ся украсти русину отъ грекъ что или гръчину отъ руси, достоино есть да възвратитъ е не точью едино, но и цѣну его, аще украденое обрящеть ся продаваемо, да вдасть цѣну его сугубу, и тѣ покажнень будетъ по закону гречьскому, по уставу и по закону русьскому {var. по закону гречьскому и по уставу гречьскому, и по закону русьскому}» (Ibid. P. 75). Наказание для вора и торговца краденным (возвращение и выплата рыночной стоимости украденного, а при попытке перепродажи выплата уже двойной стоимости) у ромеев и руси совпадала. Во втором — о мародерстве и пиратстве руси в отношении ромеев на море: «Аще обрящють русь кувару гречьскую вывържену на коемъ любо мѣстѣ да не

преобидять ея, аще ли отъ нея възьметь кто что или чѣловекаа по-работить или оубъеть да будеть (по)винень закону руську и гречьску» (*Ibid.* Р. 77). Предполагаю, что русь заимствовала у ромеев эти правовые нормы в первой половине X века.

Еще одна статья договора князя Олега, где со ссылкой на «законъ» имовитому русину или ромею («христианину») позволяется отдать свое имущество, чтобы откупиться от наказания за убийство, а также указывается, что жена этого убийцы не должна отдавать свою долю имущества («Аще есть имовить да часть его, сирѣчь еже его будеть по закону, да възьметь ближнии убиенаго, а и жена оубившага да имѣеть толицѣмъ же пребудеть по закону»). Из текста нельзя понять, о каком именно «законе», «русском» или «греческом», идет речь (*Ibid.* Р. 29–30). Аналогичная, но не идентичная, статья в договоре Игоря (*Ibid.* Р. 79) такой ссылки не имеет, что, видимо, говорит о том, что в данном случае речь идет о приемлемом для ромеев правовом решении. Если подойти к сравнению статей сугубо формально, то более ранняя отличается от более поздней, во-первых, ссылкой на закон, а, во-вторых, указанием на выделение не подлежащей конфискации доли имущества жены бежавшего убийцы. Получается, что именно этот пункт о доле имущества жены в договоре Олега относится к «закону русскому», ведь ссылка на него пропадает после элиминации данного пункта в договоре Игоря. Характерно, что именно выделение доли жены при конфискации имущества предусмотрено византийским законодательством (*Никольский С. Л. О дружинном праве... С. 20*), что заставляет думать о том, что русь и этот правовой элемент заимствовала у ромеев.

Итак, полагаю, что «законъ роуський» был выработан в первой половине X в. представителями групп руси, находившимися на территории Ромейской империи, совместно с местными чиновниками. Это был не свод фиксированных правовых норм формирующейся политики Рюриковичей, а принципы, регулирующие жизнь русской диаспоры Константинополя и других ромейских городов, полностью совместимые с юридической системой империи. Элементом оригинальной правовой традиции руси в договорах является лишь ритуал принесения клятвы, которая признавалась ромеями, исходя из принципа икономии.

Кальмарская и Кревская унии: сравнение основополагающих документов

Кальмарская уния — союз Дании, Швеции и Норвегии, заключенный в 1397 г., и Кревская уния — союз Польши и Великого княжества Литовского (1385), при множестве существенных различий, имеют между собой и немало общего. Примечательно, что сближение и объединение стран-участниц обеих уний произошло почти одновременно — в эпоху, которую историки часто именуют «эпохой уний». Указанные моменты отмечались многими специалистами, однако долгое время не было фундаментальных компаративистских исследований в упомянутой области. В новейшей польской историографии (*Gaca A., Bak H. Unia kalmarska a unie polsko-litewskie // Rocznik Lituanistyczny. 2020. Vol. 6. S. 135–166; Gaca A., Bak H. The Kalmar Union and the Polish-Lithuanian unions. Part 1: Origins and causes of establishment // Studia Iuridica Toruniensia. 2022. Vol. 30. P. 127–154.*) предпринята попытка восполнить этот пробел. В указанных работах проводится сравнение историческо-событийных аспектов Кальмарской унии и польско-литовских уний. Авторы констатируют определенное сходство предпосылок и обстоятельств заключения уний (присутствовала общность политических интересов; к моменту заключения унии был накоплен опыт политических союзов) и обещают в дальнейших исследованиях дать сравнительный анализ политико-правовых основ и политической истории рассматриваемых уний. Авторы также указывают на необходимость объединения усилий историков разных стран в работе над данной тематикой: «...an attempt at a more comprehensive synthesis requires, in the authors' opinion, the collective efforts of many scholars, and especially the international cooperation of historians specializing in Polish-Lithuanian and Swedish-Danish-Norwegian relations as well as the history of the Teutonic Order and the Hanseatic League».

В моем докладе будет поставлен вопрос несколько иного характера — об историко-источниковедческих аспектах уний, об общих чертах основополагающих документов — акта о Кальмарской унии и акта о Кревской унии, и в этой связи — о сходных тенденциях в историографических и источниковедческих исследованиях и дискуссиях относительно каждого из указанных документов.

Один из наиболее ярких примеров сходства — необычная форма обоих документов, которые к тому же оформлены довольно не-

брежно. Так, использован далеко не лучший писчий материал: в акте о Кревской унии — пергамен среднего качества, в акте о Кальмарской унии — бумага. В текстах обоих документов имеются исправления и ошибки — например, написание дважды (дублирование) одного и того же слова. Имеются и другие общие черты во внешней форме документов. Так, в обоих случаях (хотя и в разное время) были утрачены многие печати: на акте о Кальмарской унии большинство печатей не сохранились; из печатей, привешенных к акту о Кревской унии, на данный момент не сохранилась ни одна. На обороте каждого из документов имеется ряд канцелярских помет; и на том, и на другом документе самая ранняя помета на обороте сделана в XV веке. В обоих случаях в XV веке была изготовлена копия документа; в обоих случаях копия получила известность и сыграла важную роль в переговорах о дальнейшей судьбе союза. Не совсем обычные особенности формы и истории столь важных актов породили дискуссии в среде специалистов. У этих дискуссий в свою очередь имеется немало сходных черт. Как специалистами по Кальмарской унии, так и учеными, изучавшими Кревскую унию, были подвергнуты анализу печати, проанализирован состав участников соглашений, поднят вопрос об уровне этих соглашений. В среде скандинавских историков было высказано предположение, что договор о Кальмарской унии носит предварительный характер. Аналогичное мнение встречается и в исследованиях Кревской унии.

В свою очередь, предметом исторических и историко-источниковедческих дискуссий является содержание актов о Кальмарской и Кревской унии. В обоих документах присутствует как договоренность о союзе, так и соглашения по другим вопросам. Далее, в обоих документах, там, где речь идет о характере политического союза, присутствуют не вполне ясные формулировки. В договоре о Кальмарской унии — это формула, согласно которой Дания, Швеция и Норвегия должны быть «едины, словно одно королевство»; смысл этой формулы не уточняется, не конкретизируется степень и характер взаимной интеграции Скандинавских стран. В акте о Кревской унии неясным является смысл обязательства на вечные времена присоединить (лат. *applicare*) земли Великого княжества Литовского к Польской короне; по этому поводу уже много лет ведутся дискуссии. Часть историков полагают, что в данном случае имеется в виду инкорпорация Великого княжества Литовского в состав Польского королевства. Некоторые специалисты не согласны с указанной точкой зрения, указывают, что здесь употреблен (возможно, намеренно) слишком широкий и довольно расплывчатый термин; присоединение к Польской короне само по себе отнюдь

не подразумевает включение в состав Польши. Возможно, имелось в виду присоединение Великого княжества Литовского на началах автономии; именно такое объединение фактически имело место после 1385 г. В таком случае вновь налицо типологическое сходство с Кальмарской унией: по условиям соглашения Швеция, Дания и Норвегия сохраняли автономию, управлялись по своим законам.

Еще один примечательный общий историко-источниковедческий момент: ни акт о Кальмарской унии, ни акт о Кревской унии не упоминаются в анналах, хрониках и других нарративных памятниках своего времени. Освещение этих документов явилось заслугой позднейших историков — таких, как Олаус Петри и Ян Длугош, в трудах которых, впрочем, присутствуют неточности.

Л.И. Щеголева
к.ф.н., с.н.с. ИВИ РАН

**«Эпистолярный» Евстратий:
неизвестный автограф греческого филолога XVIII в.
в Российской государственной библиотеке**

«Иеродидаскал» Евстратий (ок. 1740/50–1822) — ученый и педагог эпохи греческого Просвещения, родом из Северного Эпира. Он родился в д. Вифкуки (Βυθκούκι) (ныне Виткук, Албания), учился там же в греческой школе, а затем — в знаменитой школе Козмы Баланоса в Янине. Преподавал в Арте, Аргирокастре (ныне Гирокастра, Албания), Янине и Мосхополе (ныне Воскопоя, Албания) (*Τζιβάρια Π. Ο δάσκαλος από τό Βυθκούκι καί ὁ ἱπτότης από τήν Ἄρτα: μιᾶ μικρή ἱστορία γιά ἕνα μεγάλο χειρόγραφο // Ἐλληνισμός καί Βαλκάνια — ἀμφίδρομες σχέσεις: γλώσσα, ἱστορία, λογοτεχνία, πολιτισμός (1453–2019). Πρακτικά 4ου Συνεδρίου τῶν Νεοελληνιστῶν τῶν Βαλκανικῶν Χωρῶν (Κομοτηνή, 22–24 Νοεμβρίου 2019) / Επιμ. Μ. Γ. Βαρβούνης, Θ. Β. Κούγκουλος. Κομοτηνή, 2022. Τόμ. Α΄. Σ. 103–104).*

Сочинения Евстратия из Вифкуки долгое время считались утраченными. «Открытие» этого автора состоялось в нынешнем столетии благодаря исследованиям Панайоты Дзивара. В 2003 г. она опубликовала сведения о двух рукописях: из Национальной библиотеки Греции, № 2729 (далее — ЕВЕ 2729) и из библиотеки Общества Любителей Чтения на о. Корфу (далее — АЕ), написанных в г. Аргирокастро в 1783 г. Писец ЕВЕ 2729 — некий Константин, сын Евфимия (Κωνσταντῖνος Εὐθυμίου), писец АЕ — учитель греческой школы в д. Дровьяна в Северном Эпире (ныне Дровджан, Албания)

Харитон Маргаритис (Χαρίτων Μαργαρίτης / Μαργαρίτου). В первой части обеих рукописей содержится учебный «Толковый словарь» (Περιφρασάριον) с толкованиями греческих слов по алфавиту, во второй — «Эпистолярный» (Επιστολάριον) с инструкциями по составлению писем и примерами писем на разные случаи. Предисловие к «Толковому словарю» (имеется только в АЕ) подписано: Евстратий, (сын) Иоанна (Εὐστράτιος Ἰωάννου). Предисловие к «Эпистолярно», одинаковое в обеих рукописях, в ΕΒΕ 2729 подписано тем же именем Евстратия, (сына) Иоанна, а в АЕ — именем писца Харитона Маргаритиса. Панайота Дзивара установила, что автором обоих сочинений является Евстратий, и высказала предположение о его тождестве с «иеродидаскалом» Евстратием из Вифкуки (*Τζιβάρια Π. Ὁψεις τῆς παιδείας στὴ βόρειο Ἦπειρο τὸν 18ο αἰ. Δύο βορειοπειρωτικὰ χειρόγραφα // Ἠπειρωτικὰ Χρονικὰ 37. 2003. Σ. 351–359*).

В 2018 г. исследовательница обнаружила среди рукописей Британской Библиотеки еще одно сочинение Евстратия из Вифкуки, ранее считавшееся утраченным: «Словарь греческих идиом из прозы и из поэм Гомера» (BL Add. 19058 и 19059). Рукописи принадлежали страстному библиофилу Димитрию Мострасу из Арты (1777–1850), владельцу огромной библиотеки, которая после его смерти была распродана наследниками и, как полагали исследователи, бесследно исчезла. Содержание рукописей и имеющиеся на них пометы Димитрия Мостраса позволили Панайоте Дзивара надежно подкрепить высказанное ранее предположение о принадлежности Евстратию из Вифкуки «Толкового словаря» и «Эпистолярия» и с уверенностью атрибутировать этому автору все три сочинения. Первые два произведения, по ее мнению, были написаны Евстратием еще до принятия монашества, а последний, фундаментальный труд — в более поздний период (*Τζιβάρια Π. Ὁ δάσκαλος ἀπὸ τὸ Βυθκούκι... Σ. 108–110*).

В Российской Государственной библиотеке в собрании рукописей Московской духовной академии «дополнительное» хранится «Эпистолярный» (РГБ. Ф. 173/II, № 204, далее — МДА/II-204), в Предисловии к которому указан автор: Евстратий, сын Иоанна (Εὐστράτιος Ἰωάννου). Рукопись была подарена МДА в 1900 г. епископом Симбирским и Сызранским Никандром (Молчановым) в составе коллекции рукописных книг, которая незадолго до этого была приобретена им у афинского коллекционера Григория Бурниаса. К Григорию Бурниасу рукописи попали, в свою очередь, из собрания «одного недавно умершего иерарха». (*Щеголева Л.И. Рукописи Григория Бурниаса в Российской государственной библиотеке: «дополнительное» собрание Московской духовной академии, коллекция В.А. Десницкого // Каптеревские чтения. Вып. 20. М., 2022. С. 158–*

159). Шесть рукописей в коллекции написаны рукой Серафима (Ксенопулоса), митрополита Арты (1864–1894). Исходя из этого, можно высказать предположение о происхождении всей коллекции из Арты.

«Эпистолярый» МДА/П-204 не датирован, титульный лист с названием отсутствует, водяные знаки бумаги не имеют аналогов в альбомах. *Terminus ante quem* устанавливается благодаря позднейшим записям, таким как «многолетие» Александру Ипсиланти, господарю Валахии (1775–1782), на с. 249 и похвальное слово Николаю Карадже (господарь Валахии с 15 января 1782 по 17 июля 1783 г.) на с. 209. Сравнение Предисловия к «Эпистолярью» в МДА/П-204 с Предисловием в рукописях ЕВЕ 2729 и АЕ, опубликованным Панайотой Дзивара, показало, что обе рукописи греческих хранилищ представляют собой позднейшую редакцию памятника. В МДА/П-204 Предисловие начинается с обращения Евстратия к своему ученику «богобоязненному иеродиакону Исаие», для которого, как следует из текста, и было написано все сочинение (с. 1). Далее автор неоднократно обращается к своему адресату («ты», «тебе» и т.д.) и завершает письмо следующими словами: «в знак вечной дружбы, твой смиренный Евстратий, сын Иоанна» (с. 4). В АЕ и ЕВЕ обращение к Исаие заменено на обращение к «благочестивым читателям», все обращения в единственном числе переделаны на множественное, заключительные слова звучат так: «для воспламенения сильнейшего усердия и в неизгладимый знак постоянной любви. Евстратий, сын Иоанна [в АЕ — Харитон Маргаритис]» (*Τζιβάρια Π. Ὁμοίως τῆς λαίδείας στὴ βόρειο Ἦπειρο... Σ. 395–397*). Очевидно, что МДА/П-204 содержит более раннюю, авторскую версию текста, скорее всего, в автографе Евстратия.

*Ю.М. Эскин
зам. директора РГАДА*

Грамота к «зимнему королю»

«Малый титулярник» — рукописная книга (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Титулярник за 1490–1670 гг.), или «Книга, в которой пишутца государские имянованья и титулы» — справочник по оформлению дипломатических документов, в основном состоящий из образцов титулатуры российских монархов, с изменениями в зависимости от страны, в которую грамота направляется, и титулатуры монархов и правительств этих стран. Название условное, данное для отличия от изданного ранее «Большого», или «Царского Титу-

лярника» (Царский Титулярник. «Большая Государева книга» 1672 г. Факсимильное воспроизведение. Сост., ред., исслед., научн. публ. Ю.М. Эскин, М.П. Лукичев. Т. 1–2. М., 2008). Эта рукопись в настоящее время готовится мною к публикации. Она имеет уникальную особенность — помимо формуляров титулов в ней имеются 17 рисованных твореным золотом образцов оформления грамот (типа «подлинников»).

Помимо образцов оформления грамот к реальным монархам в книге был обнаружен формуляр грамоты «к чешскому королю», которого тогда не существовало. Как ни странно, но этот текст — памятник краткого периода независимости Чехии при Фридрихе V Пфальцском в 1619–1620 гг. «К чешскому королю писано от государя: «Милосердия ради милости Бога нашего в них же посети нас свыше во еже направить ноги наши на путь мирен. Сего убо Бога нашего в Троицы славимаго милостию. Мы великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси самодержец, и титулы все. Фредерику, Божию милостию королю Чешскому, курфистру Ренскому, князю Баварскому, марграфу Муравскому и Шлезскому, Лусатцкому и иных. Печать большая, подпись на загибке» (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Л. 58.). Уже в Титулярнике 1672 г. никакого «чешского короля» нет. Цитируемый текст помещен в книгу, которая составлялась через лет 40 после связанных с ним событий. В начале Тридцатилетней войны Дания и Швеция поддерживали протестантских князей, Россия интересовалась пфальцским курфюрстом, как «чешским королем», воевавшим, в частности, с «лисовчиками». Однако сведений о переписке Москвы с Фридрихом нет (*Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М. 1986. С. 134, 244, 164–165, 174); не прослеживается и контакт русских представителей Ю. Родионова и И. Фомина с богемскими деятелями. Дело об их посольстве сохранилось не полностью; целью миссии был, в частности, сбор политических сведений (а так же о принцессах, возможных невестах Михаила Федоровича). Родионову в наказе писали: «да ему ж разведывати подлинно, за что у цесаря с палс графом Ренским война, чего палс граф хочет, королем ли Чешским в П[раге?], быти или на цесарстве хочет, и кто ему помогает...» (Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. (далее — ПДС) Т. 2. СПб., 1852. Ст. 1363–1364), далее выяснять, коронован ли был император Фердинанд II на Венгерское, Римское и Чешское королевства, и каково европейское мнение, кто сильнее, он или пфальцграф. Известно, что для них была заготовлена проезжая грамота «за большою государевою печатью ко всем государем немецким» (ПДС. Т. 2. Ст. 1367–1368). Теперь мы видим, что была создана

и грамота для прямого обращения к чешскому королю. В Москве знали, что Чешское королевство — особое государство со своим, сходным с русским, языком и правами — в Праге еще в конце XVI в. русские послы вели переговоры с имперскими вельможами — чехами (*Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание. С. 76). В Посольской книге 1594-1595 г. специально отмечено, что встречая посольство М.И. Вельяминова и А. Власьева, «цесарев коморной и воевода города Праского» Хриштоф Попель с Лобковиц «говорил речь по чешски» (ПДС. Т. 2. Ст. 323–324). В России знали, что чешские протестанты помогают своим единоверцам в Силезии против католиков, союзников Польши. 7 марта 1621 г. Родионов в Кенигсберге узнал, что «к нему, курфистру, прибегают многие велеможные люди и с женами и з детьми, из Чехи, из Силежские земли, страшась цесаря. А за ним за курфистром Ческого короля сестра родная» (ПДС. Т. 2. Ст. 1365. Жена Георга Вильгельма Бранденбургского — Елизавета Шарлотта, сестра «зимнего короля» Фридриха Пфальцкого). При саксонском дворе Родионов получил информацию о действиях «воевод Ческого короля» в Силезии и под Эгером (ПДС. Т. 2. Ст. 1374.), и мог сообщить в Москву о том, что Чешское королевство возродилось и воюет с императором. Оно могло рассматриваться в Москве как естественный союзник против Габсбургов и Речи Посполитой, тем более что за ним, на первый взгляд, стояли Нидерланды и Англия — Фридрих Пфальцкий был племянником Морица Оранского и зятем Якова I. И.Т. Грамотин, возглавлявший в это время Посольский приказ, имел представление о чехах, он бывал в Праге в 1595 г. в составе того же посольства М.И. Вельяминова и А. Власьева (*Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание. С. 78). Чешские сословия рассылали грамоты и памфлеты о помощи по разным странам, но относительно России такие данные не сохранились. В Москве явно интересовались этими событиями. В 1624 г. И. Масса в своих донесениях о европейских делах писал из Голландии в Посольский приказ: «Езовиты всегда пророчествовали, да и еще говорили, что королю испанскому быти цысарем или монархом надо всею западною крестьянскою вселенною, и нынешней король тому подлинно верует, и думные ево, и для того де навел нынешнего цесаря Фердинанда, чтоб ему истеснити курфирстов ивангильские веры, а не папезские. И добрую причину вожвался против Пальс графа Ринского стояти, и того Пальс графа от вольные Чешские коруны отогнати, которая ему от чехов вольных силно наложено. А ныне того Пальс графа ис чехов выгнал и одолел вотчиною ево» (РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1624 г. Ст. 2. Л. 14).

Таким образом, в приказе 50 лет сохранялась неотправленная (или отпуск отправленной) грамота в Чехию. Причем далее среди примеров титулования имперских князей указано: «А к Саскому князю писано богословие и государево имянованье и титло против того же, как писано к Ческому королю».

Находящийся рядом рисунок-образец (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Л. 57об.), к сожалению, не относится к этой грамоте. Начало инвокации в грамоте: «Милосердия ради милости Бога...», в то время как на рисунке инициал — «Бога» то есть начало более распространенной формулы «Бога премогущаго и во всех всяческая действующаго...». Видимо, рисунок при очередном переплетении кодекса был переставлен от грамоты к одному из курфюрстов или к датскому королю, поскольку текст о Дании не имеет образца и начинается после обрыва текста об Англии (утрачены по нумерации XVII в. Там же. Л. 155-172). Инвокация, начинающаяся с «Милосердия», то есть буквы «М», встречается только в текстах грамот в Чехию, Англию и Польшу (Там же. Л. 126, 135, 155, 158), а образец-рисунок с буквицей «М» имеется только в «польской» главе, единственной, имеющей два «подлинника», т.е. варианты и с «Милостию» и с «Бога» (Там же. Л. 118об., 119об.).

Таким образом, наличие этой грамоты в Посольском приказе свидетельствует о намерении правительства Михаила Федоровича, поддерживавшего антигабсбургское движение, официально признать Чешское королевство.

*И.Н. Юркин
д.и.н., г.н.с. ИИЕТ РАН*

Ивановский канал? Епифанские шлюзы? К истории названия воднотранспортного пути петровской эпохи

Проходивший через Иван-озеро недостроенный воднотранспортный путь петровского времени, читающей публике преимущественно известный по названию повести Андрея Платонова «Епифанские шлюзы», а историкам под именем «Ивановский канал», на протяжении долгой, в три с лишним века истории менял свое название неоднократно. Поздние элементы цепочки изменений прослежены в наших предыдущих работах. Целью этого исследования является выяснение, как его именовали в тот период, когда велось его строительство.

Объект, о котором идет речь, представлял собой шлюзованные участки естественных русел рек Дона, Шата и Упы, которые дополнили участками русел искусственных, т.е. собственно каналами. В старорусском языке для обозначения последних использовали слова «перекопъ», «перекопъ», «перекопа», «перекопань» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 14). Первые два бытовали и в петровское время (СлРЯ XVIII в. Вып. 19) Слово «перекоп» видим на картах Атласа К.И. Крюйса (1704). На листе «Означение сие карты, откуда начинаются реки Дон и Воронеж и Ока и прочие реки» словом «перекоп» («п» выносная) обозначен канал между реками Хупта — Лесной Воронеж. Это же слово присутствует в названии листа «Новая и предивная карта о Перекопе чтоб из Дон или Танаиса караблям... в Каспукое Море входить». На последней читаем его и в надписях: «Перекопи 2 1/2 верст долиною» и «...от Дону до новой перекопи не быстрая вода тецет». Рядом переводы на голландский, включающие интересующее слово: «de doog graving» и «Nieuwe gegraven Canaal».

В петровскую эпоху, не отказываясь от слова «перекоп», русский язык заимствует слово «канал» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 7, где все примеры относятся именно к этому времени, а также СлРЯ XVIII в. Вып. 9 и Фасмер. Т. 2).

Устойчивого собственного имени у объектов, строительство которых началось у Иван-озера в 1701 г., в документах не находим. А.И. Миловидов (1892) утверждал, что «дело перекопа» «в канцелярских бумагах известно под именем “Его великаго государя Епифановскаго слюзнаго дела и перекопной работы”» (*Миловидов А.И. Ивановский канал, начатый Петром Великим... // ЧОИДР. 1892. Кн. 1. С. 10*). Полагаем, что к этой формуле не следует относиться, как к названию — устойчивых ее повторений мы в документах не обнаружили, это, скорее, его функциональный заменитель. Вместо названия в них указывали, где и что предстояло делать или делалось. Примеры из числа ранних. О назначении М.П. Гагарина руководителем работ в грамоте от 11 июля 1701 г.: «А велено ему в Епифанском уезде у Ивановского озера и в ыных местех быть у перекопного дела и у хоромного строенья» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 790. Л. 18). То же в указе от 14 июля (Там же. Л. 28). Формула «В Епифанском уезде у Ивановского озера у перекопного дела» остается в преамбуле документов первых лет строительства и после того, как была завершена постройка хором.

Петр I, избегавший многословия, подобные этому длинные обороты не употреблял. Письмо царя к Ф.А. Головину, отправленное

с Иван-озера 2 февраля 1703 г., помечено «С слюзоф» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. № 488).

Самое раннее известное нам упоминание о работах у озера, в котором можно усмотреть их название, содержит сенатский приговор об отправке персонала к «слюзному» делу на р. Мсте, данный 31 марта 1713 г. В нем приказано прислать 20 плотников «ис тех, которые бывали на Ивановской перекопи по наряду из Ратуши» (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате. Т.3. Ч. 1. С. 180). Однако считать словосочетание «Ивановская перекоп» закрепившимся топонимом без выявления других случаев его употребления считаем преждевременным.

В детальном страноведческом описании России И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1727) собственное имя «великой работы» на Иван-озере, Дону, Шате и Упе отсутствует. Наряду с термином «канал» (без индивидуализирующего дополнения) автор использовал словосочетание «коммуникация водою», еще менее определенное.

Не реализовав шанс получить название в годы строительства, приобрести его в годы, когда о нем стали забывать, канал уже не мог. Насколько позволяют судить источники, до конца XVIII в. он оставался безымянным. Показателен заголовок плана 1763 г.: «План, сочиненной... зачатым каналом и шлюзам при жизни... государя императора Петра Великого по рекам Упе, Шату и Дону, состоящих в уездах...» (следует перечисление) (РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 24367. Л. 1). Автором этого текста использован тот же, что и в петровских документах, способ идентификации объекта: к слову «канал» прибавлены слова, ориентирующие объект в пространстве и по отношению к конкретной персоне.

Сходная картина (отсутствие названия) выявляется при просмотре справочно-энциклопедических трудов (В.Н. Татищев, Ф.А. Полуниин, Г.Ф. Миллер, Л.М. Максимович, А.М. Щекатов), а также историко-статистических описаний (Л.И. Бакмейстер, Ф.Г. Дильтей, В.А. Левшин, И.П. Сахаров) конца XVIII – начала XIX вв.

Как видим, интересующий нас воднотранспортный путь в первое столетие своей истории не только не имел имени собственного, но и каналом назывался не всегда. Примечательно, что И.К. Кирилов, говоря о нем, использовал множественное число («каналы»), указывающее, возможно, не на всю трассу пути, а лишь на вставленные в нее участки искусственного русла.

Не исключено, что причиной длительной безымянности объекта являлось то, что собственно канал, то есть заполненные водой искусственные русла, был лишь сравнительно короткой частью

трассы, по которой налаживали «водоходство». Тем, что существовало вдоль всей длины воднотранспортного пути, являлись шлюзы. Это слово (варианты: слюзы, слейзы) в текстах XVIII в. в связи с данным проектом употребляется чаще слова канал. Впрочем, эти шлюзы общего названия в XVIII в. тоже не имеют.

Название «Ивановский канал» (по Иван-озеру) воднотранспортный путь получает в начале XIX в. в делопроизводстве возобновившего его строительство Департамента водяных коммуникаций. Позже в сочинение по истории российских каналов (1841) его приводит И.Ф. Штукенберг, первым из известных нам авторов там же упомянувший название «Епифанские шлюзы».

Таким образом, оба используемые в настоящее время названия канала являются поздними. В петровское время воднотранспортный путь через Иван-озеро устоявшегося собственного имени не получил и долго не имел его впоследствии. Интересно проследить, насколько эта картина типична для каналов той эпохи.

А.А. Локтева
к.и.н., преподаватель ИАИ РГГУ

Кошки в русской живописи XVIII – начала XX века. Особенности изображения с точки зрения исторической зоантропологии

В Российской империи кошки были в каждом доме в населенных пунктах любого типа. Подавляющее большинство кошек в Москве и Санкт-Петербурге были «рабочими» домашними животными, так как они могли эффективно бороться с вездесущими грызунами. Повсеместность и обыденность делала их почти невидимыми для художников. Кроме того, изображение животных считалось Академией художеств низким жанром, следовательно, не все живописцы ему обучались. Однако кошки смогли проникнуть на многие полотна, и отнюдь не только на натюрморты; их можно обнаружить в бытовых сценках и даже на портретах.

При работе с изобразительными источниками нужно обращать внимание не только на возможные причины появления в них персонажей-животных, но и на особенности их репрезентации. Также необходимо учитывать возможную аллегоричность и условность подобных изображений. В натюрмортах и охотничьих сценках, модных во второй половине XVIII в., кошки — частые персонажи, причем выглядят они весьма реалистично, в то время как кошачьи, до-

полняющие портреты представителей благородного сословия, чаще всего изображены весьма условно, а значит, со множеством фактических ошибок.

При дворе Елизаветы Петровны работали живописцы братья Гроот. Георг Христоф был портретистом, а Иоганн Фридрих — зверописцем. Государыня поручила Иоганну Фридриху написание картин «всякого звания и всех родов птиц и зверей» для павильона Монбизу Царского Села. На полотнах очень натуралистично выписанные кошки крадут убитую дичь или дерутся за нее с другими животными. С исчезновением моды на сентиментализм спрос на подобные сюжеты в живописи уменьшился, соответствующий класс в Академии художеств был закрыт, а сын И.Ф. Гроота уже не получал необходимого количества заказов. В результате кошки, которые оказывались на полотнах художников в XIX в., выглядели куда менее достоверно. Важно отметить, что кошки на картинах И.Ф. Гроота всегда изображались в крайне условной позе, терзающими дичь, обороняющими ее от собак или крадущими что-либо со стола. Причем эта поза была точно такой же и у гепардов или других крупных кошачьих хищников, изображенных немецким мастером или его учениками.

Появление домашних животных на портретах свидетельствует о сильной эмоциональной связи между этими животными и их владельцами, а также о значимости этих животных для семейного статуса. Например, на портрете княжны Клеопатры Шаховской, выполненном крепостным художником Ф. Туловым в 1814 году, маленькая девочка держит в руках кошку. Это белое животное с черной отметиной напоминает мягкую игрушку, и его морда представлена будто в народном лубочном стиле. Скорее всего, художник не учился нигде специально рисовать животных. Самая бросающаяся в глаза анатомическая неточность заключается в том, что тело кошки кажется обрывающимся там, где рука княжны проходит над ним, как будто задняя часть тела животного отсутствует. Таким образом, художник осознавал важность включения животного на портрет как средства передачи характера заказчика, но не умел его изобразить. Тем не менее, в веках осталось изображения ребенка именно с кошкой, она не была заменена на другой предмет. Хотя научный подход к детству, когда о детях и их ментальном состоянии стали тщательнее заботиться, установится только к 1880-м гг., очевидно, что идея о том, что у ребенка может быть животное-компаньон, была распространена далеко не только в столицах или при царском дворе.

Именно эта близость между человеком и животным позволяет нам, используя визуальные источники, делать выводы о внешнем

виде этой узкой категории домашних животных, а именно — домашних питомцев. Эти животные, играя важную роль в жизни людей, находили свое отражение на портретах и фотографиях. Портреты женщин с котами в живописи XIX–XX вв., разумеется, более многочисленны и изображают обычных домашних питомцев, а не символы. К ним можно отнести картину Ярошенко Н.А. «Портрет Е.П. Ярошенко (Дама с кошкой)», 1880-е гг.), Калужский музей изобразительных искусств; изображена Елизавета Платоновна Ярошенко, жена брата художника, ученый, дама в возрасте; белая кошка на ее коленях, на которую она отвлеклась от раскрытой книги, символизирует, скорее, домашний уют. Другое направление — намек на сладострастие, например, весьма игривая картина Н.К. Бодаревского 1905 г. «Любимчик», где молодая полуодетая женщина лежит на постели и держит над собой черного кота с шелковым бантиком на шее. На обоих полотнах кошки повернуты лицом к своим хозяйкам, но в целом изображены достаточно достоверно.

В качестве маркера домашнего уюта или просто неизбежного элемента интерьера, тщательно выписанные, кошки попадают на многие знаменитые полотна, где они не являются важными героями: «Сватовство майора» и «Свежий кавалер» П. Федотова, «Разговоры по хозяйству» К. Маковского, «Старый друг» А. Наумова. В классической композиции Б.М. Кустодиева «Купчиха за чаем» (1918 г., Русский музей) дородный кот, бесстрашно трущийся о плечо хозяйки, явно рассчитывает получить угощение. Вместе с богатой снедью на столе он будто символизирует ушедший быт и уют царской России.

Важно отметить, что подавляющее большинство кошек в русской живописи обозреваемого периода не имеют признаков какой-либо породы. Это связано с тем, что в российском обществе разведение породистых кошек имело куда меньшую популярность, чем, например, в Англии, откуда перенимались в основном практики разведения животных и спорта. Несмотря на всеобщее увлечение всем английским, в России не было проведено ни одной выставки кошек. Визуально кошки были просто кошками, такой расцветки и размера, какая получалась естественным образом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии	3
ПАМЯТИ Р.А. СИМОНОВА	
<i>Самарин А.Ю.</i> Рэм Александрович Симонов (1929–2023): штрихи к творческой биографии.....	5
ДОКЛАДЫ	
<i>Абрамян Р.М.</i> О родовой геральдике в Грузии XVIII в. (гербовые дипломы, пожалованные царем Карталино- Кахетии Ираклием II).....	12
<i>Авдеев А.Г., Зубатенко А.В.</i> Настенный синодик Андрея Ивановича Чирикова из церкви Троицы в селе Аристове- Чирикове Ярославского уезда (С1R4116).....	14
<i>Авдеев А.Г., Энгватова А.В.</i> К вопросу о мастерах серебряного дела в Троице-Сергиевом монастыре в 40-е гг. XVI в.	16
<i>Авчухов А.Ю.</i> Товарищество товаро-пассажирского пароходства по реке Оке И.И. Фанталова в городе Муроме.....	18
<i>Агафонов И.С.</i> Городские пожары в памятниках местного летописания XVI в.	20
<i>Акимова Л.И.</i> Мяч в ритуальной системе расписных ваз Южной Италии IV в. до н.э.	22
<i>Александрийский Г.А.</i> Топонимия Москвы на рубеже XX– XXI вв.: основные тенденции в наименовании новых улиц	25
<i>Алексеев А.И.</i> Майор А.И. Ушаков – куратор строительства кораблей для Балтийского флота.....	27
<i>Алексеев Н.А.</i> Пестрота и толерантность крымского денежного рынка в эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени.....	29
<i>Алмазов А.С.</i> Метафоры и образы, отсылающие к геральдической символике в панегирике П. Баранецкого «Труbit iasnewielmożnemu panu Ianowi Samoułowiczowi»...	32
<i>Андреева О.В.</i> Художественная школа при типолитографии И.Д. Сытина (по опубликованным и неопубликованным источникам).....	35

<i>Антонец Е.В.</i> Рукопись № 4589 (ОРРК Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского КФУ): атрибуция текста и палеографическое описание.....	37
<i>Арзаканян М.Ц., Герцен А.А.</i> Потомки романизованного населения Европы влады и их расселение в Юго-Восточной Европе в средние века.....	40
<i>Ауров О.В.</i> Педагогический трактат Псевдо-Исидора Севильского в рукописи Clm 6284 Баварской государственной библиотеки.....	42
<i>Афиани В.Ю.</i> Проблемы публикации исторических документов в Интернете.....	44
<i>Бакалов С.</i> Аланское наследие Молдавского княжества.....	46
<i>Баранов А.Г.</i> Боны Трудокурорта Лебяжье. Неизвестная эмиссия Алтая в 1919 г.....	48
<i>Бащин Н.В., Резникова Т.В.</i> К вопросу о стоимости ефимков в середине XVII в.....	51
<i>Белов Н.В.</i> Когда началось летописание в Архангельске?.....	53
<i>Белова А.Б.</i> «О составлении чернил...» для благоискуснейшего каллиграфа: наиболее часто переписываемый комплекс статей о книжном деле в русских сборниках XV–XVII вв.....	56
<i>Белуосов М.Р.</i> Биографические сведения о служивых людях в росписи стольников, стряпчих и дворян московских больших мая 7163/1655 г.....	59
<i>Беляев Л.А., Баранова С.И., Топычканов А.В.</i> Дом Кошкина в Коломенском: П.Д. Барановский и П.Н. Максимов в борьбе за сохранение остатков деревянного дворца XVII века.....	61
<i>Беляков А.В.</i> От государева перстня до государевой печати.....	64
<i>Белякова Е.В.</i> Неисследованный источник по исторической метрологии (из истории русско-афонских связей).....	66
<i>Бирюкова Е.А.</i> Традиция лицевого «Физиолога» Дамаскина Студита в русской рукописной книге XVII–XVIII вв.: к вопросу о соотношении списков увар. 577-4° и унд. 688.....	69
<i>Богомазова А.А.</i> К вопросу о мерах длины и объема в документах северных монастырей XVII в.....	70
<i>Болдырева Н.А.</i> "Яко явствуется от сего надписания ветхаго на не всецелым мрамору": сведения о латинской эпиграфике в России XVI–XVII вв.....	73
<i>Борисов М.Ю.</i> Евфимий Чудовский – владелец, читатель и редактор московского печатного Пролога 1659/1660 г.....	75

<i>Буздалина Е.А.</i> Хронология Римской истории в «Бревиарии» Феста.....	78
<i>Валеева Н.Т.</i> Практика употребления прописных букв в русском письме: теория и история вопроса.....	80
<i>Валькова О.А.</i> Советские женщины-физики 1920-х – 1930-х гг. как социальная группа: просопографическое исследование	82
<i>Василенко Н.А.</i> Некоторые замечания о редакторском методе Сервата Лупа.....	85
<i>Введенский А.М.</i> К вопросу о времени внесения годовой сетки в летописный текст.....	87
<i>Вепрецкий С.В.</i> Символика древних майя на банкнотах национальных валют Гватемалы и Белиза.....	89
<i>Вин Ю.Я.</i> Антропонимика южномакедонских крестьян XIII–XV вв.: основные направления анализа по материалам византийских актов.....	91
<i>Вознесенская И.А.</i> Морские уставы в составе библиотеки Петра I	94
<i>Волкова У.М.</i> Образ смерти в композициях медалей Российской империи (по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина).....	96
<i>Володин Е.О., Дедук А.В, Шебанин Г.А.</i> К методике локализации местоположения уничтоженного памятника археологии (на примере городища Мышега)	99
<i>Гаврилов П.В.</i> Микрорегионы Бежецкой пятины Новгородской земли в конце XV века.....	101
<i>Гвоздева Т.Б., Гвоздева А.И.</i> Состязание кавалерии на Панафинях по данным эпиграфики.....	104
<i>Глазьев В.Н.</i> Грамотные люди российской провинции в XVII в. (по материалам Воронежского уезда).....	106
<i>Голованова О.И.</i> Тюменская деловая письменность периода правления Екатерины II (1762-1796 гг.): палеографические и графические наблюдения.....	109
<i>Гордова Ю.Ю.</i> Существовал ли город Дядьков в Рязанской земле? Топонимическое окружение и этимология названий как косвенные лингвистические признаки.....	111
<i>Грязнов А.Л.</i> Письмо княжеских и частных актов XV в.....	114
<i>Гуляева А.О.</i> Где находился «Жукоповский стан» («государева дворцовая Жукопская волость») Ржевского уезда?.....	117
<i>Гуслистова А.Н.</i> Ретроспективные упоминания вологжан второй половины XVI-нач. XVII в. в переписной книге Вологды 1711–1712 гг.	119

<i>Гуськов А.Г.</i> Служилые чины местной администрации в 1692 г. (по материалам выписки Посольского приказа)	121
<i>Джаксон Т.Н.</i> Описание Исландии в «Саге о епископе Гудмунде Арасоне» Арнгрима Брандссона	124
<i>Джиоева А.Р.</i> Сложный вензель на бумаге карты казацких городов из Собрания Петра I БАН	126
<i>Евдокимова А.А.</i> Системы акцентуации в надписях на изображениях в иллюминированных византийских рукописях XIV-XV вв. собрания Национальной библиотеки Франции	129
<i>Евдокимова Е.С.</i> Некоторые наблюдения над ономастическим миром вкладных книг Иосифо-Волоцкого монастыря	132
<i>Емелин И.Б.</i> Проект печати Херсонского Депутатского собрания и печати дворянских собраний.....	134
<i>Ермолаев А.И.</i> Исторические условия и предпосылки летнего и декретного времени.....	137
<i>Ермолова И.Е.</i> Причерноморские оронимы в позднеримских источниках.....	140
<i>Захарчук П.А.</i> История публикации документальных сборников «Крепостная мануфактура в России».....	142
<i>Звездина Ю.Н.</i> О Икона Никиты Павловца «Вертоград заключенный» и гравюра Михила Снейдерса.....	144
<i>Зверев С.В.</i> М Документы конца XVII в. о строительстве Красного денежного двора в Москве.....	147
<i>Зверкина Г.А.</i> Влияние развития технологий на развитие математического знания.....	149
<i>Иванов К.В.</i> Античные географические инструменты. Метеороскоп и его применение.....	152
<i>Казбекова Е.В., Моругина К.С.</i> Изображения св. Панкратия Тавроменийского в России до начала XX в.: к постановке проблемы.....	155
<i>Казимова Г.А.</i> Славянские переводы Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и на Евангелие от Иоанна в составе Воскресенского собрания отдела рукописей ГИМ.....	157
<i>Калинина Т.М.</i> Статья об ас-сакалиба в «Словаре стран» Якута	159
<i>Каретников А.Л.</i> О датировке и назначении чертежа «План местности вокруг города Ростова от села Красного до Ярославля с планом солеварниц у речки Ишни».....	164
<i>Кириллова Д.А.</i> Предметы униформы в рисунках императора Александра II (по материалам экспозиции Музея Русского Зарубежья).....	166

<i>Киселев А.Л.</i> Особенности использования бумажных денежных знаков в качестве вещественных источников в научных исследованиях.....	168
<i>Клейтман А.Л.</i> Планы населенных мест Юга России, составленные П.Б. Иноходцевым, в собрании рукописных карт Библиотеки Академии наук.....	170
<i>Козлова А.Ю.</i> Апокриф «Галеново на Гиппократата» в составе Толковой Палеи.....	172
<i>Колызин А.М.</i> Начало чеканки монет в Москве в 80-е гг. XIV в. Историография вопроса.....	175
<i>Комочев Н.А., Медведева Т.В.</i> Князь Н.А. Орлов на перекрестке мнений современников: просопографический аспект.....	179
<i>Коновалова И.Г.</i> Андалузская Т-О карта с арабскими легендами	182
<i>Коняевская Е.Л.</i> Духовные и нравственные ценности в княжеских завещаниях XV века.....	184
<i>Корзинин А.Л.</i> К вопросу о датировке свадьбы Ивана Грозного и А.Г. Васильчиковой в 1574/1575 г.....	187
<i>Кручинин А.С.</i> К истории нагрудного значка Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Францисколаг, герб или игра фантазии?.....	190
<i>Крылова Ю.П.</i> Гербы на празднике встречи французской принцессы в Венеции: загадка рукописи bnf. ms. fr. 90.....	193
<i>Кузьмин А.В.</i> Социальная мобильность и генеалогия рода брянских и любутских бояр Жиневых в XV – середине XVI в.	195
<i>Кузьмин А.В.</i> Об одном из следствий особенностей университетского образования в Европе XVI в. (К истории утверждения гелиоцентризма)	198
<i>Курьшева М.А.</i> Гербы братьев дю Белле.....	201
<i>Куценко Е.А.</i> Археографическое наследие А.Н. Сперанского: сопоставляя архивное с опубликованным.....	203
<i>Лавренченко М.Л.</i> Диалог Святослава Ольговича с киевлянами в статье 1146 г. Киевского и Московского летописных сводов: сравнительный аспект.....	205
<i>Лагунов А.К.</i> Интерпретации символики Комуча в воспоминаниях	207
<i>Лисейцев Д.М.</i> Сметные списки Печатного приказа 1630–1650-х гг.	210
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> Когда же родился Владимир Андреевич Старицкий?.....	212
<i>Литвинов А.С.</i> Дамские печати и печати аббатис средневековой Вестфалии (XIII–XV вв.).....	215

<i>Литовских Е.В.</i> Кельтские имена в древнеисландских генеалогиях.....	218
<i>Лифшиц А.Л., Святохина Е.В.</i> Русские глоссы в немецком Маттиоли.....	220
<i>Лобанов Д.В.</i> Голицынские часовни в некрополе Донского монастыря.....	222
<i>Марей А.В.</i> Libellum scripsit de constitutione politica: «Наставление Траяну» и его рецепция в «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого.....	224
<i>Матисон А.В.</i> Синодальный обер-секретарь и государственный преступник Михаил Дудин: его предки и потомки в XVII–XVIII вв.....	225
<i>Мельник А.Г.</i> Богомольные грамоты времени царя Ивана Грозного как источник по истории русской религиозности XVI в.	227
<i>Мироненко М.П.</i> Генеалогия и геральдика в письмах к В.С. Арсеньеву в послереволюционные годы в ОПИ ГИМ.....	229
<i>Митрофанов А.А.</i> Визуализация закона во Франции конца XVIII века: образ скрижалей в революционной эмблематике.....	232
<i>Михеев М.В.</i> К вопросу историко-экономического районирования СССР в период сталинизма: опыт анализа межрегиональных перевозок каменного угля в 1940-х – 1950-х годах.....	235
<i>Моисеев М.В.</i> Отписки дипломатов как источник по хронологии посольских миссий (на примере турецкой посольской книги № 1 из собрания РГАДА).....	237
<i>Мурзин-Гундоров В.В.</i> Б подмосковного Нового Иерусалима и его поэтические строки о посещении обители.....	239
<i>Незговорова В.В.</i> Об атрибуции картины А.И. Ладюрнера «Лагерь Лейб-гвардии Сапёрного Батальона у деревни Тентелево», 1844 г.	242
<i>Опарина Т.А.</i> Сын чеуша в России: «греченин» Фома Константинов.....	244
<i>Паскаль А.Д.</i> Неизвестная переделка фрагмента книги второй Еноха в славяно-молдавском Часослове с дополнениями первой четверти XVI в. (Овч. 201).....	247
<i>Пашков А.М.</i> Метаморфозы герба города Сортавала.....	249

<i>Переходенко К.В.</i> К вопросу о функциях значков ремесленных цеховых управ в Российской империи.....	251
<i>Петрова М.С.</i> К вопросу о реконструкции типа аттического (афинского) гражданина.....	254
<i>Пешихонов С.А.</i> Австро-венгерская топонимия Земли Франца-Иосифа	255
<i>Подвальный Е.Д.</i> Идеология в древнерусской словесности: «адресат» и формы (ре)презентации эпохи Ярослава Мудрого	257
<i>Полоцкая О.В.</i> Книги из церковных библиотек в фондах Тотемского музейного объединения.....	260
<i>Пономарева И.Г.</i> О количестве браков и времени рождения Ивана Калиты.....	262
<i>Попов С.А.</i> Топонимический мартиролог как исторический источник.....	265
<i>Попова Е.М.</i> Топонимы Московского государства начала XVII века в письмах Якоба Делагарди к Акселю Оксеншерне... ..	267
<i>Пушков В.П.</i> Связь Новгородской земли с Московским Печатным двором в XVII в. (по архиву Приказа книгопечатного дела... ..	270
<i>Пчелов Е.В.</i> В.А. Жуковский и герб Александрии.....	272
<i>Пчелов Е.В., Худин К.С.</i> Ода и герб М.М. Хераскова.....	275
<i>Расказов С.В.</i> «Каменной брод, речка Чиганама, Тныркуль озеро и камень частохолм...»: посольство Фёдора Скибина и его сведения на картах Семёна Ремезова — ещё раз о характере ремезовских чертежей и их источниках.....	277
<i>Рыгалова М.В., Брюханова Е.А., Иванова Н.В.</i> База данных по материалам адрес-календарей сибирских губерний 1897-1917 гг. как источник для генеалогических исследований	280
<i>Савченко Е.В.</i> Картографическое определение южных границ Новороссийской губернии в 1760–1770-х годах.....	282
<i>Самарин А.Ю.</i> Эксилибрис Д.В. Ульянинского: распространение среди современников.....	284
<i>Сахаров И.В.</i> Генеалог В.Г. Сенютович-Бережный (1902–1992).....	287
<i>Свиридонова А.А.</i> Проблема корректуры старообрядческих богослужебных певческих книг на Освященных Соборах старообрядческой Церкви в начале XX в.....	292
<i>Сень Д.В.</i> Мировщики османского Азова и Войска Донского: «ненужные люди» XVIII века?.....	294
<i>Сергеев А.В.</i> Новые сведения о Стародубских Рюриковичах в родословных книгах XVI–XVII вв.....	297
<i>Серебрякова Е.И.</i> Из истории рукописей Пафнутиева-Боровского монастыря: вклады митрополита Макария	

с «возвратными» записями времен Смуты.....	299
<i>Синчук И.И.</i> Изразцы с геометрическим орнаментом: от реальной глубины к глубине «оптической»	302
<i>Соколова Н.В.</i> О датировке описания церковно-монастырских владений и имуществ начала XVIII в.	305
<i>Солодкин Я.Г.</i> Почему вдову «освятованного» Федора Ивановича «мнихоцарицу» Александру называли «равноангельной»? (К интерпретации некоторых документов избирательной кампании 1598 г.)	307
<i>Староскольская Д.С.</i> Головной убор как атрибут свободы.....	310
<i>Степанова Ю.В.</i> Источники по исторической географии Бельского княжества (уезда) XV–XVII веков.....	312
<i>Столярова Л.В.</i> Инвокация как компонент формуляра древнерусских выходных записей.....	314
<i>Суриков И.Е.</i> К просопографии афинских демагогов времени Пелопоннесской войны.....	317
<i>Тогоева О.И.</i> Противоречивая космография Джона Мандевила	320
<i>Усачев А.С.</i> «Типичный» соборный старец XVI века – Измаил (Сназин).....	322
<i>Устинова И.А.</i> Делопроизводственные документы Патриаршего казенного приказа о смерти и погребении патриархов XVII в.	324
<i>Уханова Е.В.</i> О роли заказчика Доментиана и писца Феодора Граммати-ка в создании Шестоднева Иоанна экзарха 1263 г. (ГИМ, Син. 345) и значении этого списка	327
<i>Ушаков А.В.</i> «Ревельские гости» Любека в документах Таллиннского городского архива последней трети XV века	329
<i>Хазанова С.И.</i> «Казни» царя Давида за Вирсавию в двух рукописях XVI в.	332
<i>Харьков Р.Е.</i> Г Германские посмертные щиты (Totenschild). Особенности, проблемы, перспективы	333
<i>Хотимский Д.А.</i> О толмаче Димитрии, что был послом в Риме	335
<i>Худин К.С.</i> Изображение «зверя» на новгородской берестяной грамоте XIII в. (№ 199): попытка интерпретации	338
<i>Черевко В.В.</i> Природно-географические предпосылки специфики территориального распределения позднесредневековых некрополей Белорусского Подвинья.....	341
<i>Черкасова М.С.</i> О материалах для письма на севере в XVII – начале XVIII в.	343
<i>Черных А.П.</i> Герб притязания испанских Габсбургов в 1640–1668 гг.	345

<i>Чечулин П.Н.</i> Две масонские печати из коллекции Ивановского историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурлыгина.....	348
<i>Чиж И.С.</i> К истории создания книги издательства «Искусство» (из переписки Л.Я. Гуревич и Н.Г. Зограф).	350
<i>Чиркова А.В.</i> Особенности использования личных нотариальных знаков в нотариальной традиции Ареццо середины XII в.	353
<i>Шамина И.Н., Шамин С.М.</i> Евангелие 1627 г. великой старицы иноки Марфы Ивановны из книжного собрания Благовещенского Ширинского (Шеренского) монастыря Кашинского уезда: по переписной книге 1701 г.	355
<i>Шахова А.Д.</i> География московских дворов думных и приказных дьяков XVII в.	358
<i>Шеков А.В.</i> Каким образом бояре Вельяминовы состояли в родстве с московскими великими князьями.	360
<i>Шеховцова И.П.</i> Об экфонетических знаках в древнерусских богослужебных рукописях.	363
<i>Шокарев С.Ю.</i> Загадки Анны Васильчиковой.	365
<i>Шустова Ю.Э.</i> Неизвестный фрагмент киевского издания Календаря на 1730 г. из коллекции кафедры ВИДиА ИАИ РГГУ.	368
<i>Шуткина М.А.</i> М Несколько редких европейских медалей из собрания отдела нумизматики ГИМ.	371
<i>Щавелев А.С.</i> «Закон русский» в договорах ромейских императоров с князьями Олегом и Игорем.	373
<i>Щеглов А.Д.</i> Кальмарская и Кревская унии: сравнение основополагающих документов.	376
<i>Щеголева Л.И.</i> «Эпистолярый» Евстратия: неизвестный автограф греческого филолога XVIII в. в Российской государственной библиотеке.	378
<i>Эскин Ю.М.</i> Грамота к «зимнему королю».	380
<i>Юркин И.Н.</i> Ивановский канал? Епифанские шлюзы? К истории названия воднотранспортного пути петровской эпохи.	383
<i>Локтева А.А.</i> Кошки в русской живописи XVIII – начала XX века. Особенности изображения с точки зрения исторической зооантропологии.	386

Научное издание

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXVI Всероссийской научной конференции
с международным участием
Москва, 4–5 апреля 2024 года

Отв. редакторы:
И.Г. Коновалова
Е.В. Пчелов

Оригинал-макет
К.С. Худин

Подписано к печати 20.03.2024
Формат 60x84¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 25. Тираж 300 экз.

ИВИ РАН, Ленинский пр-т, 32а

